2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA. SERIIA: POLITICHESKIE, SOTSIOLOGICHESKIE I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 7 № 4
2022

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

том 7 № 4
2022

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376. Выдано Роскомнадзором.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; оф. 4109 +7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирования (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: https://vestnik-pses.kemsu.ru

Founder ang publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Editorial Office Address: off. 4109, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: https://vestnik-pses.kemsu.ru

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
morea@inbox.ru

Максимлюк Ирина Алексеевна, ответственный секретарь
Irina A. Maksimlyuk, Executive Secretary
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

BULLETIN
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
volume 7 No 4
2022

Морозова Елена Алексеевна
главный редактор, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Баранова Инна Владимировна
д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Бычкова Светлана Михайловна
д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).

Глушакова Ольга Владимировна
д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Капогузов Евгений Алексеевич
д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

Кисляков Михаил Михайлович
д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management branch of RANEPA (Novosibirsk, Russia).

Кравченко Сергей Александрович
д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).

Кремер Раймунд
Dr. Hab., проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).
Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Курбатова Маргарита Владимировна
д-р экон. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Margarita V. Kurbatova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Мекуш Галина Егоровна
д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немировский Валентин Геннадьевич
д-р социол. наук, проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).
Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Нехода Евгения Владимировна
д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Озерникова Татьяна Георгиевна
д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Резник Семён Давыдович
д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Силин Анатолий Николаевич
д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).
Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).

Слинкова Ольга Константиновна
д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

Солодова Галина Сергеевна
д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Суслов Виктор Иванович
д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Удальцова Мария Васильевна
д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

Чирун Сергей Николаевич
д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Шашкова Ярослава Юрьевна
д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).
Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).

Литературный редактор, корректор – И. А. Максимлюк.
Литературный редактор (английский язык) – Н. В. Рабкина.
Верстка и дизайн – Н. В. Митько.

Literary editor, Proof-readers – I. A. Maksimlyuk.
Literary editor (Eng.) – N. V. Rabkina.
Layout and design – N. V. Mitko.

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2022 том 7 № 4

Социокультурное и политическое развитие общества
Этические аспекты рекламы: проблемы восприятия, оценки и регулирования
Дмитриева Н. В., Завьялова Е. А. 403

Эволюция структур насилия в спорте: от колониализма к капитализму с азиатским лицом
Дудник Е. М. 412

Этнический ресурс в конструировании региональной идентичности президентом Республики Татарстан в социальных сетях
Михалева А. В. 425

Социология управления
Оценка эффективности обучения персонала в условиях цифровизации
Казакова М. И., Селиванова Т. В. 435

Экономика управления: теория и практика
Интеллектуальные транспортные системы в разрезе национальных интересов РФ: новые вызовы и угрозы
Гребенкина С. А., Гребенкина И. А. 444

Социально-экономические эффекты от деятельности агрохолдингов на сельских территориях Новосибирской области: индикаторы и прогнозирование выраженности
Кондратьев М. В. 451

Оценка цифровой зрелости процесса управления персоналом для организации цифрового перехода компании
Лапиков А. В. 461

Крупномасштабные транспортные проекты и экономический рост регионов
Пятаев М. В. 472

Региональная экономика
Потенциал индустриального туризма в старопромышленном регионе
Апарина Н. Ф., Кавкаева Н. В. 481

Региональные проблемы развития цифровой экономики
Бельчик Т. А., Фролов Н. Е. 492

Промышленный туризм – новый тренд развития сибирских моногородов
Иванова М. В., Матюнин В. М. 501

Трансформация индустрии туризма как следствие пандемии и санкций
Шабанова Л. Б., Юсупова Г. Р., Кабиров И. С. 511

Финансы
Развитие финансового контроля рисков инвестиционных проектов в кластерах
Выжитович А. М. 521

Оценка экономической эффективности работы нефтедобывающей компании в условиях перехода на режим с налогом на добавленный доход
Камдина Л. В., Симченко О. Л. 529

Инвестиционная деятельность российских негосударственных пенсионных фондов: тенденции, возможности и перспективы
Сидоров И. Ю., Калачева Е. А. 536

Указатель статей, изданных за 2022 г. в журнале «Вестник КемГУ. Серия: политические, социологические и экономические науки» 549

Society: Cultural and Political Development
Ethical Aspects of Advertising: Perception, Evaluation, and Regulation
Dmitrieva N. V., Zavyalova E. A. 403

The Evolution of Violence Structures in Sports: From Colonialism to Asian-Oriented Capitalism
Dudnik E. M. 412

Ethnic Resource in the Construction of Regional Identity by the President of the Republic of Tatarstan in Social Networks
Mikhaleva A. V. 425

Sociology of Management
Evaluating the Effectiveness of Staff Training in a Digital Environment
Kazakova M. I., Selivanova T. V. 435

Management Economics: Theory and Practice
Intelligent Transportation Systems as Part of the National Interests of the Russian Federation
Grebenkina S. A., Grebenkina I. A. 444

Socio-Economic Effects of Agricultural Holdings in Rural Areas of Novosibirsk Region: Indicators and Projection of Their Expression
Kondratyev M. V. 451

Assessing the Digital Maturity of HR Management as Part of Digital Transition
Lapikov A. V. 461

Large-Scale Transport Projects and Regional Economic Growth
Pyataev M. V. 472

Regional Economy
Industrial Tourism Potential of an Old Industrial Region
Aparina N. F., Kavkaeva N. V. 481

Regional Problems of Digital Economic Development
Belchik T. A., Frolov N. E. 492

Industrial Tourism as a New Trend in the Development of Siberian Single-Industry Towns
Ivanova M. V., Matyunin V. M. 501

Transformation of the Tourism Industry after COVID-19 Pandemic and Sanctions
Shabanova L. B., Yusupova G. R., Kabirov I. S. 511

Finance
Financial Management of Risks: Multi-Agency Investment Projects
Vyzhitovich A. M. 521

Economic Efficiency Assessment of Oil Producers during the Transition to Added Income Tax
Kamdina L. V., Simchenko O. L. 529

Investment Activity of Russian Non-State Pension Funds: Trends, Opportunities, and Prospects
Sidorov I. Y., Kalacheva E. A. 536

Index of articles published in 2022 in the journal
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences 554

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4

оригинальная статья

Этические аспекты рекламы: проблемы восприятия, оценки и регулирования

Дмитриева Наталья Владимировна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово

Завьялова Екатерина Андреевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
E_zavyalova@mail.ru

Поступила в редакцию 31.05.2022. Принята после рецензирования 04.07.2022. Принята в печать 04.07.2022.

Аннотация: Проблемы этичности в рекламе возникли одновременно с появлением рекламной деятельности и, несмотря на многовековую историю рекламы, развитие и совершенствование ее регулирования по-прежнему остается острой проблемой во всем мире. В РФ эти проблемы проявляются сильнее из-за активного развития рекламной деятельности в постсоветсткий период. Цель – сопоставить оценки степени этичности спорных рекламных сообщений с точки зрения потребителей и с точки зрения экспертов, представляющих органы саморегулирования рекламной деятельности. Проанализирована динамика российского рынка рекламы и данные о нарушениях ФЗ «О рекламе», выявленных Федеральной антимонопольной службой; конкретизировано понятие неэтичной рекламы и ее признаки; охарактеризованы процессы и инструменты оценки спорной рекламы в РФ. Путем опроса потребителей проведена оценка степени этичности ряда спорных рекламных сообщений, широко распространяемых на территории РФ. Результаты потребительской оценки сопоставлены с оценкой экспертов Комитета по рассмотрению жалоб потребителей, обращений государственных органов, общественных организаций, служб мониторинга СРО «Ассоциация маркетинговой индустрии "Рекламный Совет"». Предложены перспективные направления саморегулирования этических аспектов рекламы: организация общественного контроля, просветительские и образовательные мероприятия, профессиональная экспертиза рекламы до начала ее распространения.

Ключевые слова: реклама, этика рекламы, неэтичная реклама, саморегулирование рекламной деятельности, экспертиза рекламы

Цитирование: Дмитриева Н. В., Завьялова Е. А. Этические аспекты рекламы: проблемы восприятия, оценки и регулирования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 403–411. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-403-411

full article

Ethical Aspects of Advertising: Perception, Evaluation, and Regulation

Natalya V. Dmitrieva
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Ekaterina A. Zavyalova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
E_zavyalova@mail.ru

Received 31 May 2022. Accepted after peer review 4 Jul 2022. Accepted for publication 4 Jul 2022.

Abstract: The advertising ethics appeared together with advertising itself. The legislative and public regulation of advertising is centuries old, but the ethical issues still remain acute all over the world. In the Russian Federation, these problems are more pronounced than elsewhere because domestic advertising started to develop only after the collapse of the Soviet Union. In thirty years, Russian advertising had to cover the distance which developed countries needed a century to cover. The research featured controversial advertising messages that caused indignation of both Russian citizens and public or commercial organizations. The article introduces a comparative analysis of the ethical assessments of controversial advertising messages made by consumers and experts from self-regulatory organizations in advertising. It also describes the history of the Russian advertising market, various violations of the Advertising Law, the concept of unethical advertising, and the procedures for controversial advertising in the Russian Federation. The authors proposed some self-regulation measures, e.g., public control, education activities, pre-publication expert examination, etc.

Keywords: advertising, advertising ethics, unethical advertising, advertising self-regulation, advertising expertise

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Citation: Dmitrieva N. V., Zavyalova E. A. Ethical Aspects of Advertising: Perception, Evaluation, and Regulation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 403–411. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-403-411

Введение

Реклама выполняет важнейшую роль в развитии экономики, обеспечивая формирование спроса на товары и услуги; установление и развитие связей как между поставщиками и производителями, так и между производителями и потребителями. Активизируя торговлю и производство, реклама способствует росту деловой активности и количества рабочих мест, повышению объемов инвестиций. Важнейшим следствием этого является поступательное развитие общественного производства. Именно реклама в большой степени создает и усиливает конкуренцию, расширяя выбор для потребителей.

Стремление производителей и продавцов сделать свою рекламу более яркой и заметной объяснимо. Однако зачастую такое стремление приводит к появлению рекламы на грани фола, использованию провокационных, иногда непристойных образов, слов и выражений, т. е. к появлению неэтичной рекламы. Подобная реклама в большинстве случаев влияет на потребителей сильнее, т. к. она способна запускать бессознательные процессы. Как справедливо отмечают В. Г. Шадрин, О. В. Коновалова и М. А. Шемчук, «наибольшее влияние на человека оказывают те бессознательные процессы, которые происходили раньше всего: сначала самые сильные, которые заложены в детстве, в утробе матери и даже до рождения на генетическом уровне, в том числе на основе повадок животных» [1, с. 2290].

Проблемы соответствия современной рекламы этическим и моральным нормам, принятым в сегодняшнем обществе, рассматриваются как на уровне государства, так и на уровне общественных организаций, обладающих функцией саморегулирования. Вопросам этики рекламы посвящен ряд работ отечественных и зарубежных авторов, представляющих разные направления науки и практики – от юриспруденции и экономики до психологии и лингвистики. Одни исследователи связывают вопросы этичности рекламы с проблемами социальной безопасности и причинения вреда психическому и ментальному здоровью человека [2–7]. Другие рассматривают неэтичную рекламу как способ манипулирования сознанием потребителей [8–11]. С. А. Руткевич полагает, что реклама отражает уровень психологической культуры, этические характеристики рекламодателей и изготовителей рекламы [12].

Причины появления неэтичных рекламных сообщений и виды этических нарушений (сознательное шокирование, дурновкусие и пр.) рассматриваются в работах У. Уэллса и др. [13–15]. Интересным представляется взгляд на неэтичную рекламу с позиций новой этики, отраженный в работах Л. С. Московчук [16; 17]. Критериям и проблемам оценки этичности рекламы посвящены работы [18–24]. Однако подавляющее большинство трудов носит теоретический характер, а приведенные в них утверждения редко подкреплены данными масштабных количественных исследований, которые позволили бы понять восприятие рекламы потребителем.

Исследование проведено с использованием методов анализа нормативной базы, научных источников, статистических данных и метода онлайн-опроса потребителей. Использование указанных методов позволило:

- оценить развитие российского рынка рекламы и динамику нарушений закона «О рекламе», в том числе нарушений, связанных с недобросовестной и неэтичной рекламой;
- определить понятие неэтичной рекламы, ее признаки, проблемы выявления неэтичной рекламы;
- охарактеризовать процессы оценки спорной с точки зрения этичности рекламы и используемые инструменты оценки;
- сопоставить восприятие определенных спорных рекламных сообщений потребителями с оценкой, данной экспертами Комитета по рассмотрению жалоб потребителей, обращений государственных органов, общественных организаций, служб мониторинга СРО «Ассоциация маркетинговой индустрии "Рекламный Совет"» (далее – Комитет);
- предложить ряд мер и мероприятий, способствующих уменьшению числа неэтичных рекламных сообщений, следствием чего будет являться не только общее повышение качественного уровня рекламы, но и снижение репутационных и финансовых потерь компаний-рекламодателей.

Результаты

По данным Ассоциации коммуникационных агентств России, в 2021 г. суммарный объем рекламы в средствах ее распространения за вычетом НДС составил более 578 млрд руб., что на 22 % больше, чем в 2020 г. Это самый большой объем рынка за всю историю РФ и наивысшая динамика рынка с 2008 г. При этом рынок не только значительно вырос к кризисному в связи с пандемией 2020 г., но и увеличился на 17 % по отношению к докризисному 2019 г. (табл. 1[1]).

[1] Объем рекламы в средствах ее распространения в 2021 году. *Ассоциация Коммуникационных Агентств России.* URL: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id10015 (дата обращения: 10.05.2022).

Табл. 1. Объем и динамика российского рынка рекламы в средствах ее распространения
Tab. 1. Volume and dynamics of the Russian advertising market

Сегменты	2021, млрд руб.	Динамика к 2020, %	Динамика к 2019, %
Телевидение	197,3	17	13
Радио	14,0	25	–12
Пресса	8,2	2	–46
Наружная	45,0	40	3
Интернет	313,8	24	29
Прочее	142,9	18	25
Итого	721,2	22	17

Основным нормативным актом, регулирующим содержание и распространение рекламы на территории РФ, является ФЗ «О рекламе», принятый в 1995 г., переизданный в 2006 г. и постоянно подвергающийся изменениям и дополнениям. Согласно ст. 35.1, федеральный государственный контроль (надзор) в сфере рекламы осуществляется антимонопольным органом – Федеральной антимонопольной службой (ФАС)[2].

В 2021 г. антимонопольные органы рассмотрели 17607 заявлений о несоответствии рекламы требованиям законодательства. Было возбуждено 3763 дела по фактам нарушений законодательства, в ходе рассмотрения которых пресечено 4597 нарушений. В табл. 2[3] приведены данные, характеризующие динамику нарушений ФЗ «О рекламе».

Снижение общего числа нарушений в 2020 г. связано с влиянием пандемии и таких факторов, как значительное сокращение бюджетов и объемов выпускаемой рекламы; уменьшенный охват наружной рекламы и рекламы в транспорте, лидировавших по числу правонарушений ранее. Повышенное внимание к телевидению и Интернету привело как к росту объемов рекламы, распространяемой по сетям электросвязи, так и к росту числа нарушений в данной сфере. Доля неэтичной рекламы существенно выросла в 2020 г. Резкому снижению доли неэтичной рекламы в общей массе правонарушений в 2021 г., вероятно, способствовало развитие саморегулирования и профессиональной экспертизы.

Согласно ч. 6 ст. 5 ФЗ «О рекламе», неэтичной является реклама, в которой используются бранные слова; непристойные и оскорбительные образы; сравнения и выражения, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия

Табл. 2. Нарушения ФЗ «О рекламе» в РФ, 2019–2021.
Tab. 2. Violations of the Advertising Law in the Russian Federation, 2019–2021

Показатель	2019	2020	2021
Заявления о несоответствии рекламы требованиям законодательства, единиц	18179	16278	17607
Возбужденные дела по фактам нарушений, единиц	4068	3330	3763
Пресеченных нарушения, единиц	7056	4929	4597
Доля отдельных видов нарушений законодательства в общей структуре, %			
Недостоверная реклама	22,40	12,48	8,64
Реклама, вводящая в заблуждение	14,45	6,47	6,37
Ненадлежащая реклама финансовых услуг	22,10	18,77	17,08
Ненадлежащая реклама по сетям электросвязи	12,86	21,46	38,02
Ненадлежащая реклама алкоголя	9,12	7,68	4,42
Ненадлежащая реклама на транспорте	–	3,12	3,55
Ненадлежащая реклама медицинских средств, медицинских товаров, БАД и пр.	4,42	–	–
Реклама товаров, запрещенных к рекламированию	2,99	–	5,07
Недобросовестная реклама	1,96	3,27	2,61
Неэтичная реклама	2,42	6,43	1,04
Прочие нарушения	7,28	20,32	13,20

[2] О рекламе. ФЗ № 38-ФЗ от 13.03.2006. *СПС КонсультантПлюс.*

[3] Итоги осуществления государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства РФ о рекламе. *Федеральная Антимонопольная Служба.* URL: http://fas.gov.ru/pages/rezultati_raboti_v_reklame (дата обращения: 10.05.2022).

(памятников истории и культуры) народов РФ и объектов культурного наследия, включенных в список всемирного наследия[4]. Недопустимость подобной рекламы также отражена в ст. 2 и 3 документа, отражающего мировые рекламные стандарты – Кодексе практики рекламных и маркетинговых коммуникаций Международной торговой палаты[5].

Реклама, в которой непристойные образы и слова являются явными и однозначными, в короткие сроки пресекается ФАС, во многом благодаря системе обращений потребителей. Но помимо подобной рекламы в публичное поле ежегодно выпускается множество спорных рекламных сообщений. В частности, речь идет о проблемах объективации, когда реклама фокусирует внимание потребителя исключительно на теле или отдельных частях тела модели, особенно в том случае, если объект рекламы никак с ними не связан. Помимо объективации существует сексуализация, когда модель выглядит чрезмерно сексуально. Отдельной проблемой является использование детских сексуальных образов – реклама не должна использовать образы юных моделей с чрезмерным макияжем, непристойными позами и пр. Еще один спорный момент – юмор и намеки, которые могут вызвать оскорбительные ассоциации [25].

С целью оценки спорных рекламных сообщений, по своей форме и содержанию не нарушающих закон напрямую, но толкуемых потребителями по-разному, при региональных управлениях ФАС с начала 2000-х гг. начали создаваться экспертные советы. Их решения носят рекомендательный характер, но обязательно учитываются антимонопольной службой при вынесении окончательных вердиктов. Такие советы учреждены при 59 территориальных управлениях ФАС. Исключением является Санкт-Петербург, где функции экспертного совета при территориальном управлении ФАС выполняет Общественный Совет по рекламе, взявший на себя кроме экспертных функций задачи по просвещению, профилактике и предотвращению нарушений в сфере рекламного законодательства. По оценкам Общественного Совета по рекламе, из 59 советов реально функционируют только 25, проводя 1–2 заседания в год. Тематика вопросов, обсуждаемых на региональных экспертных советах по рекламе в 2021 г., представлена в табл. 3[6].

Вопросы, связанные с определением степени этичности рекламы, являются ключевыми в деятельности региональных экспертных советов по рекламе. В том случае, если эксперты региональных советов не приходят к единому мнению или такой совет отсутствует в определенных

Табл. 3. Вопросы, обсуждаемые на региональных экспертных советах по рекламе при территориальных управлениях ФАС
Tab. 3. Issues discussed at the regional expert councils on advertising at the territorial departments of the Federal Antimonopoly Service

Тема	Количество
Нераспознаваемая реклама в печатных и электронных СМИ	14
Недобросовестная конкуренция в рекламе	12
Непристойные, оскорбительные образы, бранные слова, иная неэтичная реклама	22
Финансовая реклама	8
Обман и введение потребителя в заблуждение, в т. ч. при рекламе акций	6
Реклама алкоголя	6
Реклама табака	6
Общая тематика и иное: запрещенные товары и услуги (оружие, дипломные работы, эротический массаж, наркотики, побуждения к совершению противоправных действий), культура	14

территориальных управлениях ФАС, запросы на оценку спорной рекламы отправляются в Общественный Совет по рекламе.

Общественный Совет по рекламе – первый в России орган рекламного саморегулирования, официальное название организации – Саморегулируемая организация «Ассоциация маркетинговой индустрии "Рекламный Совет" (СРО «АМИ "РС"»). Эта организация создана в 2018 г. при участии ФАС России, Правительства Санкт-Петербурга и Европейского альянса по рекламным стандартам (EASA). Одним из рабочих органов СРО «АМИ "РС"» является Комитет, сформированный в мае 2019 г. В комитет входят 33 эксперта из разных регионов РФ, в т. ч. 5 докторов и 7 кандидатов наук, 5 членов различных академий. Более 35 территориальных управлений ФАС подписали с Комитетом соглашение об информационном и экспертном взаимодействии.

За весь период работы (май 2019 – 1 декабря 2021 г.) Комитет получил около 330 жалоб на рекламную продукцию. Из них 134 обращения поступило в 2021 г. Подавляющее большинство запросов на экспертизу рекламы касаются нарушений п. 6 ст. 5 ФЗ «О рекламе», т. е. неэтичной рекламы (табл. 4[7]).

Далеко не в каждом случае члены Комитета квалифицируют рекламные сообщения, на которые поступили

[4] О рекламе…

[5] Кодекс рекламы и маркетинговых коммуникаций МТП. *Рекламный Совет.* URL: https://sovetreklama.org/organ-reklamnogo-samoregulirovaniya/kodeks-reklamy-i-marketingovyx-kommunikacij-mtp/ (дата обращения: 10.05.2022).

[6] Деятельность экспертных советов по рекламе при УФАС России. *Обзор материалов сетевого информационного издания «Рекламный Совет»*. URL: https://sovetreklama.ru/assets/images/docs/obzory/expert-ufas-21p.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

[7] Там же.

Табл. 4. Запросы в Комитет СРО «АМИ "РС"», 2020
Tab. 4. Complaints to the Advertising Council Marketing Industry Association, 2020

Тема	Количество
Непристойные образы	47
Оскорбительная реклама	26
Использование исторической символики	4
Использование госсимволики	2
Нераспознаваемая реклама	2
Недостоверная реклама	19
Реклама медицинских услуг и фармацевтических препаратов	7
Использование образов несовершеннолетних	6
Пропаганда алкоголя и табака	13
Скрытая пропаганда наркотиков	3

жалобы, как оскорбительные или непристойные. В качестве примера можно привести рекламный видеоролик препарата «Ловелас», транслируемый на телеканале «Звезда». По мнению заявителя, данная реклама является непристойной, содержит неприличные слова, выражения и намеки, призывает вести распущенный образ жизни. Абсолютным большинством голосов эксперты решили, что в данной рекламе не содержатся непристойные или оскорбительные образы, слова и выражения.

В то же время достаточно большое число жалоб на спорную рекламу признается обоснованным. Неэтичными признаны рекламный баннер бургерной «А где ты?»; плакаты на наружных рекламных конструкциях службы доставки «Имбирь»; рекламный плакат «Американской Медицинской Клиники» в фитнес-центре «Fitness House» и др.[8]

Помимо экспертной оценки спорной рекламы, в 2018–2019 гг. специалисты ФАС провели 36 опросов[9], результаты которых носили рекомендательный характер и не могли применяться в качестве единственного доказательства по делу, поскольку одна и та же реклама может оцениваться неоднозначно с точки зрения ее этичности различными категориями населения. При этом, по мнению ФАС, для признания рекламы неэтичной не требуется получение единогласного мнения или мнения абсолютного большинства потребителей рекламы, достаточно установить наличие значимого количества людей, воспринимающих рекламу как неэтичную. Большая часть опросов была связана с использованием непристойных образов в рекламе[10].

В ходе мониторинга деятельности экспертных советов по применению рекламного законодательства, проведенного СРО «АМИ "РС"» и представленного на расширенном заседании коллегии ФАС РФ в апреле 2019 г., были выявлены следующие проблемы организации и проведения данных опросов:

1. Возможность множественного голосования одним лицом с разных IP-адресов.
2. Некорректная формулировка вопросов из-за того, что сотрудники ФАС не являются специалистами социологических и маркетинговых исследований.
3. Несоблюдение достаточности и репрезентативности выборки. Наличие опросов, в которых приняли участие 35, 28, 15 человек[11].

Указанные проблемы ставят под сомнение репрезентативность проводившихся опросов. Вероятно, по данным причинам практика подобных опросов в настоящее время приостановлена. Однако мнение экспертов не может точно отражать общественное мнение и восприятие рекламы потребителями во всех случаях. Это может быть связано с различиями в уровнях образования, доходов, жизненного опыта, с профессиональной деформацией. Для подтверждения или опровержения гипотезы было отобрано 10 спорных рекламных сообщений, на которые поступили жалобы в Комитет в 2019–2020 гг. По каждому были вынесены коллективные решения экспертов о степени этичности и допустимости такой рекламы[12]. Описания оцениваемых рекламных сообщений приведены в табл. 5.

Для оценки степени этичности рекламных сообщений с точки зрения потребителей в феврале-марте 2022 г. был организован онлайн-опрос. В качестве генеральной совокупности рассматривалось население г. Кемерово в возрасте 16–64 лет, составляющее 396218 человек (по данным территориального органа федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области на 01.01.2019[13]) Требуемый размер выборки – 350 человек. С учетом данных о структуре численности населения по районам города, полу и возрасту были рассчитаны квоты, размеры которых представлены (табл. 6).

[8] Решения экспертов. *Комитет по рассмотрению жалоб потребителей и обращений государственных органов, общественных организаций, служб мониторинга*. URL: https://sovetreklama.ru/ob-assocziaczii/resheniya/ (дата обращения: 10.05.2022).

[9] О проведении опросов на сайтах территориальных органов ФАС России. Письмо ФАС России № АК/21504/18 от 29.03.2018. *СПС Гарант.*

[10] Опросы: требуются профессионализм и репрезентативность. Их может дать СРО. *Рекламный Совет.* URL: https://sovetreklama.org/2019/05/oprosy-trebuyutsya-professionalizm-i-reprezentativnost-ix-mozhet-dat-sro/ (дата обращения: 10.05.2022).

[11] Там же.

[12] Решения экспертов...

[13] Структура численности постоянного населения на 1 января по полу и возрастным группам. *ЕМИСС*. URL: https://fedstat.ru/indicator/43219 (дата обращения: 10.05.2022).

Табл. 5. Описание спорных рекламных сообщений
Tab. 5. Controversial advertisements: description

Объект	Способ распространения	Содержание
Передача «Беременна в 16» на телеканале «Ю»	Баннеры на улицах	Изображение юной беременной девушки с оголенным животом, лежащей на диване и выдувающей пузырь из жевательной резинки, сопровождаемое текстом «Новый сезон БЕРЕМЕННА В 16, премьера реалити с 1 марта 17.30 на телеканале Ю, 16+»
Косметика сети магазинов «Магнит-Косметик»	Печатный каталог, распространяемый в магазинах сети	Изображение девушки с ярким макияжем, юноши с кольцом в носу с ярко накрашенными глазами и предметов косметики, сопровождаемое текстом «BEAUTY BOMB GEV_MUA Новая коллекция! Все для вкусного макияжа В ШКОЛУ! Геворг научит! Училка не заругает!»
Мебель компании «Good-mebell»	Баннер на борту грузового автомобиля	Изображение офисной мебели и обнаженной девушки, лежащей на столе, сопровождаемое текстом «18+ Рабочее место ждет тебя»
Эклеры пекарни «Цех 85»	Рисунок и надпись на окне	Изображение рожицы в виде детского рисунка, сопровождаемое текстом «Хо-Хо. Эклеры наше все. Без сырного шара с утра как лошара»
Магазин одежды «Befree»	Баннеры в торговых центрах	Изображение целующихся юноши и девушки, сопровождаемое текстом «love means diversity – любовь значит разнообразие»
Нижнее белье магазина «Славяночка»	Штендер на улице	Изображение орехов в надетых на них женских трусиках, сопровождаемое текстом «Порадуй свой орех от 49 руб.»
Услуги студии дизайна взгляда «Vlasova Lab»	Плакат в лифте	Изображение головы девушки, лежащей на поверхности с растекающимся макияжем, вызывающее впечатление того, что это изображение трупа, сопровождаемое текстом «Все течет, но РЕСНИЦЫ И БРОВИ ОТ VLASOVA LAB – останутся»
Услуги вакцинации (организация не указана)	Баннеры на улицах	Текст «Сколько должно умереть, чтобы ты привился? ВАКЦИНИРУЙТЕСЬ»
Чай компании «PIMS»	Пост в социальной сети	Изображение стаканов с чаем и женского тела без головы с обнаженной грудью, частично закрытой надписью «PIMS»
Ресторан «Twenty»	Баннер на улице	Изображение лица бородатого мужчины, сопровождаемое текстом «Похмельное меню. Я не дам тебе сдохнуть весь январь»

Табл. 6. Структура выборки для опроса населения г. Кемерово
Tab. 6. Sampling structure for consumer survey: population of the city of Kemerovo

Возраст	Пол	
	Мужской	Женский
16–24	30	38
25–34	44	41
35–44	39	37
45–54	29	37
55 и выше	22	33
Итого	**164**	**186**

В ходе опроса респондентам поочередно демонстрировались рекламные сообщения, каждое из которых сопровождалось дихотомическим вопросом *Считаете ли Вы данную рекламу неэтичной?* В конце анкеты был предусмотрен открытый вопрос *Какие рекламные сообщения показались Вам наиболее неэтичными и почему? Будем признательны за Ваши пояснения*. Результаты опроса представлены в табл. 7.

Оценки потребителей оказались более категоричными, чем оценки экспертов. Эксперты сочли неэтичными 2 сообщения из 10, в то время как более половины опрошенных оценили как неэтичные 8 сообщений. Самыми неэтичными признаны сообщения компаний «Good-mebell», «Славяночка» и «PIMS». Все они связаны с сексуализацией тел, что позволяет сделать вывод об остроте данной проблемы в современном обществе. Относительно этичными (оценку «неэтично» дали менее половины отпрошенных) признаны сообщения компаний «Цех 85», «Vlasova Lab» и «Twenty»: сомнительный юмор в рекламе общество считает более-менее допустимым, он вызывает гораздо менее отрицательную реакцию, чем любые проявления обнаженного тела.

ФЗ «О рекламе» часто нарушается непреднамеренно, но такие нарушения имеют серьезные финансовые последствия – диапазон штрафов за нарушение данного закона 100–500 тыс. руб. Недостоверная, неэтичная реклама вредит как потребителям, так и рекламодателям. Уменьшить вероятность подобных случаев поможет не только внешнее наблюдение со стороны государственных органов и общественных организаций, но и внутренний контроль самих компаний.

Табл. 7. Результаты опроса
Tab. 7. Consumer survey results

Рекламное сообщение	Оценка респондентов, %		Оценка экспертов
	Этично	Неэтично	
Передача «Беременна в 16» на телеканале «Ю»	49,7	50,3	Этично
Косметика сети магазинов «Магнит-Косметик»	43,9	56,1	Этично
Мебель компании «Good-mebell»	15,3	84,7	Неэтично
Эклеры пекарни «Цех 85»	54,1	45,9	Этично
Магазин одежды «Befree»	36,9	63,1	Этично
Нижнее белье магазина «Славяночка»	31,2	68,8	Этично
Услуги студии дизайна взгляда «Vlasova Lab»	63,1	36,9	Этично
Услуги вакцинации (организация не указана)	51,4	48,6	Этично
Чай компании «PIMS»	35,0	65,0	Неэтично
Ресторан «Twenty»	58,0	42,0	Этично

Одним из вариантов решения проблемы может стать создание студенческого волонтерского движения, в рамках которого студенты, изучающие дисциплину *Рекламная деятельность*, под руководством преподавателей могли бы реализовывать:

- мониторинг размещенной рекламы на предмет выявления сообщений, нарушающих законодательство; информирование рекламодателей о нарушениях, позволяющее предотвратить возбуждение дел со стороны ФАС и избежать штрафов;
- организацию и проведение репрезентативных опросов для оценки спорных рекламных сообщений потребителями;
- экспертизу макетов рекламных сообщений до их размещения на предмет соответствия нормам законодательства;
- просветительскую и образовательную деятельность, направленную на повышение качества создаваемой рекламы путем организации лекций, семинаров, вебинаров, размещения информации, направленной на ознакомление с нормами законодательства и рассмотрение существующей экспертной и судебной практики в социальных сетях и СМИ в целях минимизации возникновения неэтичной, недобросовестной и недостоверной рекламы.

Заключение

Российский рынок рекламы демонстрирует рост в большинстве сегментов, негативное влияние пандемии можно считать преодоленным. В 2021 г. объемы рынка в денежном выражении достигли максимума с 2008 г. Активное развитие рынка рекламы сопряжено, в том числе и с появлением рекламы, нарушающей законодательство. Доля неэтичной рекламы в общей структуре всех правонарушений невелика, но именно эта реклама является наиболее трудно оцениваемой и составляет основной предмет деятельности экспертных советов по рекламе при территориальных управлениях ФАС.

Признание спорных рекламных сообщений неэтичными является сложным процессом, для реализации которого контролирующие органы часто прибегают к сотрудничеству с общественными организациями сферы рекламного саморегулирования, в частности Комитета. Для оценки степени этичности спорной рекламы в течение некоторого времени была реализована практика опросов потребителей на сайтах и в социальных сетях территориальных управлений ФАС, но в настоящее время она приостановлена в связи с проблемами обеспечения научного подхода и репрезентативности таких опросов.

Результаты опроса потребителей, в ходе которого была оценена степень этичности 10 спорных рекламных сообщений, свидетельствуют о том, что оценка потребителей является более категоричной по сравнению с оценкой экспертов. Самые большие проблемы в сфере этики рекламы связаны с объективизацией и сексуализацией женского тела. Одним из действенных способов борьбы с неэтичной, недобросовестной и недостоверной рекламой может стать организация студенческого волонтерского движения, выполняющего исследовательские, просветительские, образовательные и экспертные функции и способствующего как снижению необоснованных затрат рекламодателей, так и повышению общего уровня культуры через соблюдение норм морали и этики.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Шадрин В. Г., Коновалова О. В., Шемчук М. А. Использование бессознательного в маркетинговых коммуникациях потребителя с брендом. *Креативная экономика.* 2019. Т. 13. № 11. С. 2289–2300. [Shadrin V. G., Konovalova O. V., Shemchuk M. A. The implementation of the unconscious acts in marketing communications of the consumer with the brand. *Kreativnaya ekonomika*, 2019, 13(11): 2289–2300. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/ce.13.11.41352
2. Аниськина Н. В. Ценностная картина мира потребителя современной рекламы. *Медиаскоп*. 2015. № 1. [Aniskina N. V. Axiological world view of a modern advertising consumer. *Mediascope*, 2015, (1). (In Russ.)] EDN: TNIBOT
3. Ковалева А. В. Экспертиза рекламного продукта как средство обеспечения социальной безопасности. *Society and Security Insights*. 2018. Т. 1. № 1. С. 65–72. [Kovaleva A. V. Expertise of the advertising product as a means of social security. *Society and Security Insights*, 2018, 1(1): 65–72. (In Russ.)] https://doi.org/10.14258/ssi(2018)1-05
4. Кошетарова Л. Н. Проблемы этики в Российской рекламе. *Никоновские чтения*: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. культурологического форума в память о заслуженном работнике образования ЧР Г. Л. Никоновой (Чебоксары, 22 апреля 2016 г.) Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2016. Т. 1. Актуальные вопросы культурологии и искусствоведения. С. 143–148. [Koshetarova L. N. Issues of ethics in Russian advertising. *Nikonova Readings*: Proc. Internat/ cultural forum in memory of G. L. Nikonova, the honored education worker of the Chuvash Republic, Cheboksary, 22 Apr 2016. Cheboksary: ChSPU named after I. Ya. Yakovlev, 2016, vol. 1. Topical issues of cultural studies and art criticism, 143–148. (In Russ.)] EDN: WIVVRZ
5. Кошетарова Л. Н. Рекламное воздействие в контексте современной морали. *Культура и антикультура: проблемы философской антропологии. Мудрость и глупость. Добродетели и пороки*: колл. мон. по мат-лам междунар. науч.-методолог. конф. «Селивановские чтения» (Тюмень, 27 июня 2019 г.) Тюмень: ТИУ, 2019. С. 161–169. [Koshetarova L. N. Advertising impact in the context of modern morality. *Culture and anti-culture: problems of philosophical anthropology. Wisdom and stupidity. Virtues and vices*: Proc. Internat. Sci.-Methodol. Conf. "Selivanov Readings", Tyumen, 27 Jun 2019. Tyumen: TIU, 2019, 161–169. (In Russ.)] EDN: UZQKLU
6. Вольнова А. К., Зайцева Е. А. Этический аспект влияния рекламы на детей и подростков. *Мир коммуникаций: тенденции и перспективы.* Нижний Новгород: НГТУ им. Р. Е. Алексеева, 2019. С. 15–19. [Volnova A. K., Zaitseva E. A. Ethical aspect of the influence of advertising on children and adolescents. *World of communications: trends and prospects*. Nizhny Novgorod: NNSTU named after R. E. Alekseev, 2019, 15–19. (In Russ.)] EDN: WAAXDF
7. Родионова Н. В., Карелина Т. А. Неэтичная реклама как угроза духовно-нравственной безопасности. *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки*. 2021. № 3. С. 122–140. [Rodionova N. V., Karelina T. A. Unethical advertising as a threat to spiritual and moral safety. *Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletov. Series: Economics*, 2021, (3): 122–140. (In Russ.)] EDN: MUTFFX
8. Ивлева М. И. Этика и рынок: этический аспект рекламы. *Социально-гуманитарные знания*. 2010. № 3. С. 186–197. [Ivleva M. I. Ethics and the market: the ethical aspect of advertising. *Social and humanitarian knowledge*, 2010, (3): 186–197. (In Russ.)] EDN: MPXDBP
9. Ипатьева И. А. Социально-этическая основа рекламного манипулирования общественным мнением. *Живая психология*. 2017. Т. 4. № 1. С. 43–48. [Ipateva I. A. Socio-ethical basis of advertising manipulation of public opinion. *Zhivaya psikhologiya*, 2017, 4(1): 43–48. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/lp.4.1.37892
10. Холодилов А. А. Реклама в России и ее соответствие нормам этики. *Научно-практические исследования*. 2018. № 4. С. 148–149. [Kholodilov A. A. Advertising in Russia and its compliance with ethical standards. *Nauchno-prakticheskie issledovaniia*, 2018, (4): 148–149. (In Russ.)] EDN: YATUZF
11. Татаринов К. А., Музыка С. М. Психологическое манипулирование в рекламе. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 3. С. 179–182. [Tatarinov K. A., Muzyka S. M. Psychological manipulation in advertising. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology,* 2020, 9(3): 179–182. (In Russ.)] https://doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0040
12. Руткевич С. А. Этика, психологическая культура рекламы: образцы для неподражания. *Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы*: сб. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф. (Пинск, 26–27 апреля 2012 г.) Пинск: ПолесГУ, 2012. С. 248–250. [Rutkevich S. A. Ethics, psychological culture of advertising: exemplars. *Sustainable development of the economy: state, problems, and prospects*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Pinsk, 26–27 Apr 2012, Pinsk: PolesSU, 2012, 248–250. (In Russ.)] EDN: CNSNTF
13. Уэллс У., Мориарти С., Бернетт Дж. Реклама: принципы и практика. СПб.: Питер, 2008. 738 с. [Wells W., Moriarty S., Burnett J. *Advertising. Principles & Practice*. St. Petersburg: Piter, 2008, 738. (In Russ.)] EDN: SDRHCH
14. Акопьянц А. С. Этическая культура рекламы. *Идеи и идеалы.* 2012. Т. 1. № 1. С. 122–130. [Akopyants A. S. Ethical culture of advertising. *Ideas & ideals*, 2012, 1(1): 122–130. (In Russ.)] EDN: OWYFXV

15. Чаплыгина А. Ю., Чаплыгин А. С. Неэтичная реклама как вид ненадлежащей рекламы. *Фундаментальные и прикладные разработки естественных и гуманитарных наук: современные концепции, последние тенденции развития*: Мат-лы XV Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 24 сентября 2018 г.) Ростов н/Д: Южный университет (ИУБиП), 2018. С. 20–25. [Chaplygina A. Yu., Chaplygin A. S. Unethical advertising as a form of improper advertising. *Fundamental and applied developments in the natural and human sciences: modern concepts, recent development trends*: Proc. XV All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, 24 Sep 2018. Rostov-on-Don: Southern University (IUBiP), 2018, 20–25. (In Russ.)] EDN: YODDYT
16. Московчук Л. С. Этические проблемы рекламных коммуникаций. *Парадигма: философско-культурологический альманах.* 2021. № 35. С. 144–154. [Moskovchuk L. S. Ethical problems of advertising communications. *Paradigma: filosofsko-kulturologicheskii almanakh*, 2021, (35): 144–154. (In Russ.)] EDN: UGYQEC
17. Московчук Л. С. Перспективы этики в цифровой цивилизации. *Информация–Коммуникация–Общество*. 2019. Т. 1. С. 214–218. [Moskovchuk L. S. Prospects for ethics in digital civilization. *Information–Communication–Society*, 2019, 1: 214–218. (In Russ.)] EDN: YVODSX
18. Дорский А. Ю. Этические проблемы рекламы в практике АМИ «Рекламный совет». *Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения*: сб. мат-лов 60 Междунар. науч. форума. (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2021 г.) СПб.: Медиапапир, 2021. С. 148–150. [Dorsky A. Yu. Ethical problems of advertising in the practice of the Advertising Council Marketing Industry Association. *Media in the modern world. 60th St. Petersburg Readings*: Proc. 60th Internat. Sci. Forum, St. Petersburg, 30 Jun – 2 Feb 2021. St. Petersburg: Mediapapir, 2021, 148–150. (In Russ.)] EDN: FFASIC
19. Бостанджян Э. К., Пальчик С. С. Этика профессиональной деятельности: реклама и связи с общественностью. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2019. 104 с. [Bostandzhian E. K., Palchik S. S. *Professional Ethics: advertising and public relations.* Rostov-on-Don: RSUPS, 2019, 104. (In Russ.)] EDN: UKMVDY
20. Григорьев Д. А. Законы рекламы. Право для маркетинга. Правовые основы рекламы в России и СНГ. М.: Инфотропик, 2017. 284 с. [Grigorev D. A. *Advertising laws. Right for marketing. Legal bases of advertising in Russia and the Commonwealth of Independent States*. M.: Infotropik, 2017, 284. (In Russ.)]
21. Захаров А. В., Шишкин С. И. Организационно-правовые проблемы деятельности органов ФАС по оценке этичности рекламы. *Правотворчество, правоприменение и правосознание: состояние и перспективы развития*: сб. докл. VII Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 28–29 мая 2021 г.) Хабаровск: ДвГУПС, 2021. С. 118–122. [Zakharov A. V., Shishkin S. I. Organizational and legal problems of the FAS bodies activity in assessing the ethics of advertising. *Lawmaking, law enforcement, and legal awareness: state and development prospects*: Proc. VII All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Khabarovsk, 28–29 May 2021. Khabarovsk: DvSUPS, 2021, 118–122. (In Russ.)] EDN: IQRPXJ
22. Грицюта Н. Н. Формирование этики рекламы: национальный и международный опыт. *Universum: общественные науки*. 2015. № 5. С. 2–11. [Gricjuta N. N. Forming of advertising ethics: national and international experience. *Universum: obshchestvennye nauki*, 2015, (5): 2–11. (In Russ.)] EDN: TTTWTB
23. Грицюта Н. Н. Профессиональная этика PR-деятельности: сущность понятия, принципы. *European Research.* 2015. № 3. С. 67–71. [Gricjuta N. N. Professional ethics of PR-activities: concept & principles. *European Research,* 2015, (3): 67–71. (In Russ.)] EDN: TTCCXJ
24. Костромина Е. А. Нарушение этических норм в рекламном дискурсе. *Центральный научный вестник*. 2019. Т. 4. № 6. С. 39–41. [Kostromina E. A. Violation of ethical norms in advertising discourse. *Central Science Bulletin*, 2019, 4(6): 39–41. (In Russ.)] EDN: ZAKFZB
25. Дмитриева Н. В. Неэтичная реклама как инструмент недобросовестной конкуренции: вопросы экспертной оценки. *Конкуренция и монополия*: сб. мат-лов IV Всерос. науч.-практ. конф. студентов, магистров, аспирантов, науч.-пед. работников и специалистов в области антимонопольного регулирования. (Кемерово, 20–21 октября 2021 г.) Кемерово: КузГТУ имени Т. Ф. Горбачева, 2021. С. 51–54. [Dmitrieva N. V. Unethical advertising as a tool of unfair competition: issues of peer review. *Competition and monopoly*: Proc. IV All-Russ. Sci.-Prac. Conf. of Students, Undergraduates, Graduate Students, Academics, and Specialists in the Field of Antimonopoly Regulation, Kemerovo, 20–21 Oct 2021. Kemerovo: T. F. Gorbachev KuzSTU, 2021, 51–54. (In Russ.)] EDN: YCLXTW

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

оригинальная статья

Эволюция структур насилия в спорте: от колониализма к капитализму с азиатским лицом

Дудник Елизавета Максимовна
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0001-6883-0818
liza_dudnik@mail.ru

Поступила в редакцию 29.07.2022. Принята после рецензирования 15.09.2022. Принята в печать 19.09.2022.

Аннотация: Через призму постколониальных исследований анализируется влияние спорта на разрушение структур насилия, эмансипацию и голос субалтерна с деколонизации по настоящий момент. Цель – определить, может ли спорт дать субалтерну голос, способствовать его эмансипации и ликвидации структур насилия. Анализируются основные тренды, наблюдавшиеся в спорте после деколонизации: национализация с использованием кейс-стади бадминтона в Индонезии, футбола в Марокко и петанка в Пондишери; интеграция – через историю участия бывших колоний в Олимпийском движении, континентальном и мировом футболе, статистику Международного олимпийского комитета; коммерциализация прослеживается в росте влияния новых акторов (нетрадиционные государства, неправительственные организации, транснациональные компании), миграции футболистов из Африки, бадминтонистов из Индонезии, регбистов – с островов Океаниии; усиление роли азиатских стран изучается путем анализа рейтингов самых высокооплачиваемых спортсменок и ведущих спортивных производителей, статистики LPGA Tour по происхождению игроков и географии турниров, оценки эмансипации субалтерна-спортсмена П. В. Синдху. Сделан вывод об увеличении числа и трансформации структур насилия и, как следствие, сохранении зависимого и уязвимого положения спортсмена-субалтерна, который вынужден по политическим и экономическим причинам играть по правилам и старых, и новых центров силы.
Ключевые слова: спорт, капитализм, субалтерн, постколониальное состояние, эмансипация, голос, зависимость

Цитирование: Дудник Е. М. Эволюция структур насилия в спорте: от колониализма к капитализму с азиатским лицом. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2022. Т. 7. № 4. С. 412–424. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-412-424

full article

The Evolution of Violence Structures in Sports: From Colonialism to Asian-Oriented Capitalism

Elizaveta M. Dudnik
Moscow State Institute of International Relations, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0001-6883-0818
liza_dudnik@mail.ru

Received 29 Jul 2022. Accepted after peer review 15 Sep 2022. Accepted for publication 19 Sep 2022.

Abstract: The author adopted the postcolonial perspective to analyze how sport has affected the destruction of violence structures, the emancipation, and the voice of subalterns since the decolonization. Having summarized the imperial sports policy, the article introduces 4 major trends in sports after decolonization. Nationalization is described through the prism of Indonesian badminton, Moroccan football, and petanque in Pondicherry. Integration is illustrated by the participation of former colonies in the Olympic Movement, world football, and IOC statistics. Commercialization is exemplified by the growing influence of new actors, i.e., non-traditional states, non-governmental organizations, multinational companies and by the migration of African footballers, Indonesian badminton players and rugby players from Oceania. The rise of Asian countries is revealed by means of the analysis of rankings of the highest-paid female athletes and leading sports manufacturers, LPGA Tour statistics on players' origins, the geography of international tournaments, and the case of subaltern athlete P. V. Sindhu. The researcher concludes that the growing number and the changing nature of violence structures keeps subaltern athletes in a dependent and vulnerable position, forcing them to follow the rules set by longstanding and emerging centers of power, both politically and economically.
Keywords: sports, capitalism, subaltern, postcolonial condition, emancipation, voice, dependence

© 2022. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Citation: Dudnik E. M. The Evolution of Violence Structures in Sports: From Colonialism to Asian-Oriented apitalism. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki, 2022, 7(4): 412–424. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-412-424

Введение

Российский дискурс о международных отношениях, как правило, практически не выходит за рамки дебатов между реалистами и неолибералами. Однако в мире, пришедшем к постпозитивизму, уже не первое десятилетие развиваются другие направления, среди которых – постколониальные исследования.

Кратко опишем основные концепты этой школы, использующиеся в нашей работе. *Субалтерн* – представитель самых угнетенных слоев населения, трудящихся в небольших городах и сельской местности, испытывающий на себе давление как колонизаторов, так и местных элит в эпоху колониализма. Считается, что он был лишен права на голос – его представляли авторы дискурса, европейцы. Дискурс сообщался не-Западу и служил основой *культурной гегемонии*.

Эта концепция А. Грамши показывает критическую важность неэкономического аспекта, формирующего согласие угнетенных, для господства доминирующих классов. Здесь же говорится о *мимикрии* – внешнем и показном, неискреннем принятии культуры колонизатора и *гибридности* – новом состоянии культуры, не равном ни одному из изначальных компонентов [1, p. 209–211].

Поясним, почему спорт попадает в поле зрения постколониальных исследований. Во-первых, он связан с самим колониальным дискурсом через концепт *тела*, который красной нитью проходит через обоснование превосходства белого человека (расизм возник именно на колониальной почве). Не культура, а *тело примитивного* было основой его представления, главной отличительной чертой, якобы доказывающей самоочевидное различие рас. С его описания начинались рассказы путешественников, а фотографии (особенно полураздетых африканских женщин) активно распространялись в «образовательных» целях *The National Geographic* [2, p. 2].

Во-вторых, уже с 1970-х гг. начинает прослеживаться доминирование небелых спортсменов в таких видах спорта, как легкая атлетика, в частности различных беговых дисциплинах [3, p. 117]. В нынешнем же столетии обращает на себя внимание их преобладание в европейских футбольных чемпионатах, массовое присутствие в баскетболе. Стоит также отметить, что спортивная миграция из колоний в метрополии началась более 100 лет назад, как и пополнение национальных команд за счет выходцев из колоний [4, p. 952–953].

В-третьих, спорт получил признание и в классических теориях международных отношений (МО), и в политике различных государств. В неолиберальной традиции его относят к инструментам «мягкой силы», неоднократно доказавшим свою эффективность. Например, считается, что проведение летних Олимпийских игр 2008 г. помогло Китаю конвертировать свою экономическую мощь в политическое влияние. Благодаря *пинг-понговой дипломатии* были налажены отношения между КНР и США, снижался градус напряженности в отношениях между КНДР и Республикой Кореей. *Дипломатия крикета* способствовала деэскалации Индо-пакистанского конфликта, а к *дипломатии дзюдо* прибегал даже президент РФ В. В. Путин [5]. О важности спорта для бывших колоний можно судить по попыткам Нигерии и Восточного Тимора запомниться необычными костюмами на церемонии открытия зимних Олимпийских игр 2022 г.[1]

Наконец, многие виды спорта не требуют серьезных финансовых вложений, инвентаря и инфраструктуры, имеют незамысловатые правила. Поэтому их смело можно отнести к массовой культуре, предположительно доступной субалтерну. Кроме того, они обладают потенциалом для формирования общей идентичности и подогревания протестной активности.

В связи с вышесказанным, цель данного исследования можно обозначить как рассмотрение спорта через нормативный компонент постколониальных исследований или же ответ на вопрос *может ли спорт дать субалтерну голос*, способствовать его эмансипации и ликвидации структур насилия.

Хотя представители политических наук (преимущественно зарубежные) неоднократно затрагивали этот вопрос в своих работах, как правило, в их фокусе оказывалась отдельно взятая страна или регион[2] [4–8] и / или один вид спорта [3; 9–11]. Попытки же обобщения зачастую слишком далеки от конкретики [12] либо призваны служить неким указателем на другие работы [1; 2]. Кроме того, в значительной части материала основное внимание исследователей сосредоточено на начальном этапе постколониального состояния [13; 14] или на миграционных процессах [15; 16].

Мы постарались дать как можно более четкий ответ, обобщив имеющиеся данные по развитию различных видов спорта с ярко выраженным постколониальным компонентом в различных постколониальных государствах

[1] #Beijing2022 Opening Ceremony! Full Replay. *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NUs0iL5QOVI (accessed 1 Nov 2022).

[2] Schler L., Dubinsky I. Sports pages in Nigeria's postcolonial press reveal political unity and discord. Africa at LSE, 2020. URL: https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2020/05/26/sports-pages-nigeria-postcolonial-press-media-reveal-political-unity-and-discord/ (accessed 7 Jan 2022).

и на международном уровне. Рассмотренные виды спорта перспективны с точки зрения эмансипации субалтерна вследствие популярности среди болельщиков[3] и самих игроков, включая любителей[4], регулярного присутствия их представителей в рядах наиболее высокооплачиваемых спортсменов [17].

Помимо вторичных источников, автор обращается к данным о составе *Исполнительного комитета Международного олимпийского комитета* (МОК), рейтингу наиболее высокооплачиваемых спортсменок журнала *Forbes*, рейтингу ведущих компаний спортивной индустрии по рыночной капитализации, статистике иностранных игроков во французской *League 1*, доле ВВП островных государств Океании, приходящейся на перечисления эмигрантов, а также статистике *LPGA Tour* по происхождению игроков и географии турниров. В работе использованы такие методы, как логико-интуитивный, кейс-стади (бадминтон в Индонезии, футбол в Марокко, петанк в Пондишери), описание, сравнение, анализ статистических данных и текстов, синтез. По возможности мы придерживались хронологического порядка.

Статья структурирована тематически – исходя из рассматриваемых процессов, которые мы назвали национализацией спорта, интеграцией, коммерциализацией и подъемом азиатских стран, в их отношении к эмансипации субалтерна и разрушению структур насилия.

Спорт в эпоху колониализма

Было бы ошибочно утверждать, что до прихода европейцев коренное население колоний не занималось спортом. Напротив, местные жители осознавали его потенциал в выработке у детей когнитивных, социальных и физических навыков, нужных для жизни в общине, в их социализации и конструировании определенной культурной идентичности. У юных африканцев Кении выносливость и координация развивались в ходе занятий борьбой, а охотиться и защищать общину молодежь готовилась, бросая спортивные снаряды в выбранные цели [6, p. 302–303]. Различные боевые искусства были популярны в Сенегале, Нигере, Алжире, ЮАР. Марокканские кочевники изобрели «хоккей бедуинов», в Конго придумали нзанго (командная танцевальная игра, в которой нужно имитировать движения соперников), на Мадагаскаре – савику (цель – голыми руками укротить зебу, не нанеся ему увечий)[5]. Это лишь некоторые примеры.

Изначально колонизаторы привозили с собой элитные виды спорта, т. к. организовать все необходимое для занятий ими в колониях было даже дешевле. В Британской империи к ним относились гольф, плавание, регби, теннис, сквош, хоккей на траве, поло и крикет. Футбол же и атлетику англичане считали подходящими занятиями для коренного населения, передавая через них представления о своем превосходстве, дисциплинируя африканцев и поддерживая общественный порядок. Местные виды спорта вытеснялись на второй план [12, p. 513].

В Кении такая сегрегация нашла четкое отражение в школьном образовании: элитные виды спорта могли осваивать лишь дети представителей высших слоев европейского, редко – азиатского происхождения, но не субалтерны, у учебных заведений для которых не было необходимых ресурсов. Расовую природу имели и ассоциации, создававшиеся для управления элитными видами спорта: *Гольф-союз Кении* (1928), *Регби-союз* (1923), *Ассоциация крикета* (1896), тогда как *Любительская ассоциация легкой атлетики* (1951) или *Олимпийская ассоциация* (1954) были инклюзивными. Пик активности организаций такого рода пришелся на 1950-е гг., когда колониалистам стало нужно сдерживать национально-освободительное движение, отвлекая и контролируя население [6, p. 304–305]. Несмотря на эти усилия, в 1963 г. Кения получила независимость.

В колониях Французской империи местному населению не давали заниматься спортом до начала XX в. Лишь после Первой мировой войны французы стали считать спорт полезным с точки зрения массовой подготовки знаменитых сенегальских стрелков, которых к 1940 г. насчитывалось 180 тыс. При этом французы начинают вдохновляться физической формой местных и верить в их превосходство в этом аспекте. Колонизаторы даже приходят к выводу о критической роли физической подготовки для выживания и, ориентируясь на местное население, разрабатывают новые методы физического воспитания. В частности, французский офицер и инструктор Ж. Эбер участвовал в ликвидации последствий извержения вулкана Монтань-Пеле (Мартиника) 1902 г., после чего создал свой «естественный метод» [3, p. 114].

В 1921 г. в Алжире основывают первый футбольный клуб для мусульман *Mouloudia Club d'Alger*, годом позже в Париже боксер из Сенегала Б. Сики одерживает громкую победу над любимцем французской публики и чемпионом мира Ж. Карпантье. В 1928 г. выходец из Алжира Б. Эль-Уафи приносит Франции золотую олимпийскую медаль в марафоне. В это время под действием «мифа о черном атлете» начинает складываться традиция привлечения жителей колоний к выступлениям за метрополию. После триумфа афроамериканца Д. Оуэнса

[3] В частности, футбол (абсолютный лидер), регби и гольф входят в десятку самых популярных видов спорта в мире: Top 10 Most Popular Sports In The World August 2022. *SportsBrowser.* URL: https://sportsbrowser.net/most-popular-sports/ (accessed 15 Aug 2022).

[4] Футбол и бадминтон лидируют в рейтинге видов спорта по количеству занимающихся: Top 10 Most Popular Participation Sports In The World. *Realbuzz Group.* URL: https://www.realbuzz.com/articles-interests/sports-activities/article/top-10-most-popular-participation-sports-in-the-world/ (accessed 15 Aug 2022).

[5] Africa. Traditional sports. URL: http://www.traditionalsports.org/traditional-sports/africa.html?start=30 (accessed 25 Feb 2022).

на Олимпиаде в Берлине 1936 г., который, завоевав 4 золота, нанес мощный удар по гитлеровскому расизму, французские власти даже организуют специальные дни выявления талантов в Западной Африке [3, p. 115].

Одним словом, при колониализме спорт экспортировался из метрополий, вытесняя местные альтернативы, служил интересам белого человека и как инструмент социального контроля способствовал поддержанию имперских структур насилия, подчинению и эксплуатации субалтерна.

Национализация спорта

Деколонизация подстегивает процесс, который мы можем назвать *национализацией* спорта. Один из наиболее любопытных кейсов – история бадминтона, 2 по популярности вида спорта и практически религии местного населения в Индонезии. Этот спорт, возможно, имеет иные корни, но фаза его активного развития началась в Англии в последней четверти XIX в., а название произошло от названия поместья человека, придавшего непосредственный импульс этому процессу. В Индонезию его завезли колонизаторы-голландцы в начале XX в.[6] Некоторые исследователи [9, p. 73] считают, что игра распространилась скорее благодаря контактам с малазийскими китайцами и Сингапуром, хотя в эти государства бадминтон был также экспортирован белым человеком – британцами[7].

К середине 1930-х гг. бадминтон распространился по всему острову Ява во многом благодаря своей развлекательной функции на ночных рынках. Центром же оставалась Джакарта, где в это время были образованы 2 соперничавшие ассоциации. Примерно в 1940 г. они объединились в *Bataviasche Badminton Unie* (BBU). Стоит отметить, что во всех этих организациях и игроки, и руководители были в основном китайского происхождения [9, p. 74].

Тогда спорт в целом был связан с индонезийским национально-освободительным движением и вносил свой вклад в сближение различных этнических групп. В начале 1930-х гг. были образованы первые независимые от колонизаторов союзы: корфбольный, футбольный и теннисный, а в 1938 г. появилась *Спортивная лига Индонезии* (ISI), призванная стать основным противовесом голландским спортивным организациям. Бадминтонного аналога «отраслевым» союзам не было и в национально-освободительном движении он играл намного менее важную роль, чем футбол, вероятно, по той причине, что был менее распространен среди голландцев и играли в него индивидуально, а не командами и чаще с представителями других колоний [9, p. 76–77].

Впрочем, в ISI, которая так или иначе существовала во время японской оккупации (1942–1945), был бадминтонный отдел. В 1942 г. его начальнику было дано задание национализировать бадминтон на уровне дискурса. Так появилось слово *bulutangkis*. После провозглашения независимости в 1945 г. на смену ISI пришел Спортивный союз Индонезии (PORI), уполномоченный президентом Сукарно развивать весь спорт в стране. Одним из условий членства в организации было наличие гражданства Индонезии, и поэтому объединение с наследником джакартского BBU завершилось лишь в 1950 г., а через год это подразделение перешло под контроль появившейся Федерации бадминтона (PBSI), в названии которой было закреплено изобретенное слово. Китайцы сохранили в нем ведущую роль, о чем свидетельствует тот факт, что до 1961 г. PBSI Jakarta располагалась в здании китайской социально-образовательной ассоциации [9, p. 78-79].

Вскоре Индонезия стала доминировать в мировом бадминтоне. Индонезийцы побеждали в мужском одиночном разряде на старейшем бадминтонном турнире *All England*, неофициально заменявшем Чемпионат мира (ЧМ) до 1977 г., 11 раз в 1968–1981 гг., 10 раз – в мужском парном в 1972–1984 гг.[8] Ирония заключается в том, что своими успехами, источником подлинной национальной гордости, страна была обязана в большей степени игрокам китайского происхождения во главе с Р. Хартоно, единоличным рекордсменом по количеству выигранных *All England* с 8 титулами.

Как это соотносится с возможной эмансипацией субалтерна? Во-первых, преобладание этнических китайцев объясняется не только историческим фактором, но и экономическим: чтобы добиться выдающихся результатов, нужно тренироваться исключительно в помещении, что дороже и доступно не всем субалтернам-индонезийцам. Китайцы же зачастую могли рассчитывать на крупных спонсоров. Во-вторых, даже игроки международного класса китайского происхождения испытывали проблемы с гражданством, а значит, и правом выступать за рубежом. Например, И. Лай ждала решения по этому вопросу 4 года и получила сертификат о гражданстве лишь благодаря личному обращению к президенту, у Хендравана аналогичный документ утратил силу после выхода в финал Олимпийских Игр (ОИ) 2000 г. [9, p. 88, 84–85].

В-третьих, во времена авторитарного правительства «нового порядка» все эти игроки, по выражению К. Брауна, были «политически невидимыми». Лишь 2 случая более позднего периода можно назвать проявлением их голоса: письмо президенту Мегавати, подписанное

[6] Badminton in Indonesia – History – Achievements. *Factsofindonesia*. URL: https://factsofindonesia.com/badminton-in-indonesia (accessed 12 Mar 2022).

[7] Looking at the history of badminton in the world and Indonesia, the sport that unites the nation. 25.03.2021. URL: https://voi.id/en/memori/40627/looking-at-the-history-of-badminton-in-the-world-and-indonesia-the-sport-that-unites-the-nation (accessed 11 Feb 2022).

[8] Past winners of the all England open badminton championships. *National Badminton Museum*. URL: https://www.nationalbadmintonmuseum.com/past-winners/ (accessed 12 Feb 2022).

в 2002 г. 36 действующими спортсменами и ветеранами, с требованием отмены сертификата о гражданстве (соответствующее решение было принято через 2 года) и обращение в *Legal Aid Foundation* в знак протеста против антикитайских беспорядков 1998 г. В-четвертых, бадминтон был не просто национализирован, а использован для консолидации политической власти. Еще президент Сукарно начал встречать бадминтонистов по возвращении на родину, вручать им медали и позировать с ними на фотографиях, а Сухарто уделял этому еще больше внимания, при этом постепенно внедряя военных на руководящие посты PBSI [9, p. 86, 89, 91, 92]. Опираясь на приведенные факты, мы предпочитаем рассматривать национализацию индонезийского бадминтона как пример перехода структур насилия в руки местного недемократического правительства и инструментализации спорта в целях консолидации государственной власти, пусть и способствовавший этнической интеграции и формированию национальной идентичности.

Рассмотрим кейс национализации футбола в Марокко, отличный от предыдущего с географической, политической и исторической точек зрения. Это североафриканское государство с монархической формой правления в прошлом было колонией Франции. Футбол был завезен в Марокко европейскими колонизаторами в конце XIX в., а особая роль в его национализации принадлежит Хасану II, правившему в 1961–1999 гг.

Будучи наследным принцем, Хасан II следил за профессиональным чемпионатом, болея за *Wydad Casablanca*, единственную команду, состоявшую только из марокканцев в эпоху колониализма. Он поддерживал связь с игроками, постоянно напоминая им об ответственности перед монархией. За период 1945–1970 гг. клуб 8 раз становился чемпионом страны[9]. В условиях запрета на политическую деятельность, *Wydad Casablanca* олицетворял сопротивление французам [13, p. 553].

После обретения независимости в 1956 г. Хасан II добился членства Марокко в *Конфедерации африканского футбола* (КАФ) и *Международной федерации футбола* (ФИФА), а также руководил комитетами, проектировавшими спортивные ассоциации, которые затем получили статус королевских учреждений (*Марокканская королевская федерация футбола*, FRMF). Это была мера по укреплению позиций монархии на фоне роста популярности левых сил. В 1959 г. монарх основал собственный клуб *Forces Armées Royales de Rabat* (FAR), находившийся в особом положении: он попал в профессиональный чемпионат, минуя низшие лиги, пользовался лояльностью судей. Другие клубы были вынуждены продавать FAR лучших игроков, а болельщики безнаказанно нападали на фанатов противников, если игра заканчивалась хотя бы вничью. Король принимал непосредственное участие в управлении командой [13, p. 554].

Важно отметить, что Хасан II следовал принципу «разделяй и властвуй», раздавая клубы своим приближенным, особенно из числа военных, и поддерживая некую конкуренцию между ними. На национальном уровне у руля оказывались они же. Яркий пример – генерал Х. Бенслиман, назначенный командиром Королевской жандармерии после неудавшегося госпереворота 1972 г. Этот военный возглавлял FRMF в 1994–2009 гг., с 1993 г. руководил *Олимпийским комитетом Марокко*, параллельно занимая пост президента FAR (в молодости он даже был вратарем в королевском клубе), и оставил службу лишь в 2017 г.[10]

Дриссу «Мяснику» Басри, бессменному министру внутренних дел (1979–1999), безжалостно преследовавшему врагов монарха, с которым он мог сравниться по влиятельности[11], был отдан клуб *Nahdat Settat*, а *Kawkab Marrakesh* вместе с *Королевской ассоциацией легкой атлетики* возглавлял М. Медиури, начальник личной охраны Хасана II, спасший ему жизнь во время госпереворота 1972 г. Известен случай, когда главу FMRF полковника Д. Бамуса, поместили под домашний арест по решению короля, узнавшего от Д. Басри, что его команде засчитали техническое поражение из-за неявки на матч, которым он пожертвовал ради встречи королевской процессии [13, p. 553].

Подчеркнем, что футбольная политика Хасана II была ориентирована на основные внутри- и внешнеполитические проблемы. Если в первом случае многочисленной молодежи давали «выпустить пар» на трибунах (фанатов не трогали, даже когда выкрикивалось что-то антиправительственное), переключая ее внимание с тяжелого экономического положения на спорт, то во втором в фокусе оказывались Западная Сахара и Алжир, поддерживавший фронт ПОЛИСАРИО и дольше других государств региона (Мавритании, Мали) вовлеченный в территориальный спор с западным соседом [13, p. 555, 557, 559].

Помимо того, что в Западную Сахару был перебазирован отдельный футбольный клуб, аффилированный с вооруженными силами, король всерьез занялся сборной Марокко, превратив матчи с командой Алжира в главный инструмент формирования идентичности марокканцев и сведения счетов с соседом. Например, в декабре 1979 г. перед отборочным матчем на ОИ против Алжира Хасан II вызвал тренера в свой дворец и так долго давал ему указания, что тот едва не опоздал на игру. Под гнетом ответственности сборная потерпела разгромное поражение (1:5), а фанаты кричали: «Западная Сахара

[9] Видад Касабланка. *Transfermarkt*. URL: https://www.transfermarkt.ru/Видад-Касабланка/erfolge/verein/6603 (дата обращения: 13.02.2022).

[10] Hosni Benslimane. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Hosni_Benslimane (accessed 14 Feb 2022).

[11] Driss Basri. *The Times*. 29.08.2007. URL: https://www.thetimes.co.uk/article/driss-basri-g28mt7bmmj5 (accessed 15 Feb 2022).

наша, но где наша команда?». При этом Алжир оставался врагом (значимым Другим) и после матчей, а остальное отходило на второй план: за счет пробуждения сильных коллективных эмоций футбол оказывает на болельщиков практически то же влияние, что исполнение религиозного культа на верующих [13, p. 555, 557]. Констатируем, что эмансипации субалтерна в Марокко он не способствовал – скорее старые колониальные практики были использованы в своих интересах новым правительством во главе с королем; если субалтерн и подавал голос, то в четко заданных рамках.

Национализация спорта может проходить и иначе. Этот путь иллюстрирует, например, пусть и частный, но любопытный кейс петанка в Пондишери. Этот индийский регион был колонизирован в 1672 г. и оставался единственным французским владением после прихода британцев вплоть до 1956 г. (а официально – до 1962 г.) Уходя из региона, Франция предоставила местным жителям право на гражданство. Им воспользовались несколько тысяч тамилов, в основном из числа представителей низших каст или неприкасаемых, намеревавшихся служить в армии экс-метрополии. Возвращаясь в родные места после выхода на пенсию, они привозили с собой правила и инвентарь для игры в петанк [8, p. 2–3].

Игроки в петанк (практически 100 % – мужского пола) стали делиться на 2 основные группы: обеспеченные пожилые французы тамильского происхождения и бедные молодые индийцы (субалтерны). Вторые адаптировали игру под свои нужды: количество игроков в командах выросло с традиционных 3 до 5–6; стали использоваться разные мячи вместо стандартных; количество очков, которое нужно набрать для победы, не изменилось (в отличие от международного стандарта). Они выработали свой стиль игры, неправильный по мнению французов тамильского происхождения. Во время игры принято общаться на тамильском, но сохранились и некоторые французские термины: *bouchon* – маленький мячик, как можно ближе к которому нужно попадать большими, *мсье* – обращение к французам. Можно сказать, произошла гибридизация спортивной практики [8, p. 6–7].

В то же время с помощью петанка французы пытаются реинтегрироваться в общество, от членства в котором (и его кастовой системы) в свое время отказались, и занять при этом особое положение. Делают они это тремя путями. Самые богатые часто демонстративно дистанцируются от местных игроков, осуждая их игру, ругань (заодно и свое давнее прошлое), не отрицая, что могут играть с друзьями, и входят в круги местных элит, для которых они символизируют западную культуру. Другие, достаточно обеспеченные и мастеровитые, тоже смотрят на бедных индийцев свысока и никогда не берут денег (спорт ради спорта), хотя могут участвовать в таких партиях, отдавая выигрыш товарищам по команде. Третьи, чье финансовое положение скромнее, чем у первых двух групп, но все же лучше, чем у субалтернов, вынуждены играть только на деньги, причем на приличные суммы, платить за участие смешанных команд в турнирах [8, p. 7–9]. Сохраняются старые колониальные отношения, где субалтерну отведена роль пассивного субъекта.

Таким образом, в обретших независимость колониях ключевые виды спорта, зачастую способствовавшие национально-освободительному движению, инструментализировались новым руководством в целях консолидации власти путем создания позитивной ассоциации с успехами национальных сборных и укрепления общенациональной идентичности (Индонезия, Марокко)[12]. При этом постепенно устанавливался жесткий контроль над спортом в его внутристрановом измерении, в первую очередь посредством назначения военных на руководящие посты в федерациях. Суть структур насилия оставалась неизменной. Когда национализация происходит на ограниченном пространстве и без вовлечения власти (Пондишери), могут возникать любопытные модели взаимоотношений представителей бывших колонии и метрополии, однако даже при гибридизации спортивной практики не происходит эмансипации субалтерна, который может лишь получить экономическую выгоду в обмен на признание превосходства Другого.

Интеграция в спорте

Наиболее впечатляющими с точки зрения эмансипации субалтерна и подрыва структур насилия выглядят процессы, которые можно охарактеризовать как *интеграционные*. Они стали развиваться параллельно с национализацией после обретения колониями независимости и вначале имели огромное символическое значение.

Распространилась практика проведения небольших футбольных турниров с участием команды страны, получившей свободу. В 1964 г. такое состязание было организовано Малави. К участию были приглашены сборные Танзании и Замбии, и, несмотря на сокрушительное поражение от последней в финале (со счетом 0:5), именно день его проведения стал Днем независимости Малави – 6 июля. В этом же году Замбия отметила обретение независимости подобным турниром. Хозяева соревновались с Кенией, Угандой и Ганой, которая в финале обыграла принимающую страну со счетом 4:3. Западноафриканские государства (Того, Нигерия) тоже взяли эту практику на вооружение [14, p. 1264–1265].

Чтобы добиться признания развития футбола на континенте и влиять на глобальное управление, в центре которого находилась ФИФА с европейским и латиноамериканским руководством, в 1957 г. независимыми Суданом, Египтом, ЮАР и Эфиопией была основана КАФ.

[12] Помимо рассмотренных кейсов, такая политика особенно активно проводится в Камеруне, стране с тройным колониальным прошлым и с рекордными для Африки 7 выходами в финальную часть ЧМ [7].

Возглавил ее египтянин А. А. Салем, первый член Исполнительного комитета ФИФА из Африки[13]. В том же году новая организация провела первый *Кубок африканских наций*, не допустив к участию южноафриканскую команду, состоявшую в разгар апартеида из одних белых игроков. Такое решение – серьезный шаг вперед с точки зрения эмансипации субалтерна, которого отныне представлял не белый человек, а собственный орган.

Другим успехом КАФ можно считать предоставление сначала одной (1970 г.), а затем двум странам (1982 г.) возможности защищать честь континента на ЧМ. Первой путевки для материка КАФ добилась коллективным бойкотом ЧМ 1966 г., на который могла поехать только одна сборная из Африки, Азии и Океании, вместе взятых[14]. Вторая досталась проще: в 1982 г. число участников заключительной стадии ЧМ увеличили с 16 до 24, а африканские команды показывали неплохую игру. По этим причинам квота для африканских стран постепенно выросла до 5.

Еще более громких побед в борьбе за эмансипацию чернокожего субалтерна африканские страны добились на мировом уровне. Несмотря на симпатии части спортивной бюрократии, в основном западной, к правительству апартеида, в 1964 г. под давлением КАФ и главного спортивного органа континента *Supreme Council for Sport in Africa* (SCSA) ЮАР была наконец отстранена ФИФА, куда смогла вернуться лишь в 1992 г., начав ликвидацию сегрегации. Затем ЮАР запретили участвовать в международных турнирах по крикету и теннисном *Кубке Дэвиса*[15].

Однако, главный результат солидарного давления организаций, защищавших интересы субалтерна, – недопуск Южной Африки на ОИ 1964 г. в Токио. Когда 4 года спустя стране позволили вернуться в Олимпийское движение, все 32 государства откликнулись на призыв SCSA бойкотировать игры 1968 г. в случае участия ЮАР. Их поддержали и в коммунистическом блоке, и в арабском мире, и в Карибском бассейне. Приглашение ЮАР было отозвано. В ответ, в том числе пытаясь успокоить своих спортсменов, правительство апартеида решило организовать *Южноафриканские игры* с участие белых команд, но большинство приглашенных стран участвовать отказалось опять же благодаря консолидированной позиции африканцев, угрожавших бойкотом ОИ в Мюнхене и Игр Содружества. В 1970 г. решением МОК ЮАР исключили из Олимпийского движения [14, p. 1270–1271].

Бывшие колонии сосредотачивались не только на ЮАР, последовательно придерживаясь своих принципов. Когда в 1965 г. белое правительство Родезии в одностороннем порядке провозгласило независимость от Великобритании, не выполнив условие NIBMAR (*No Independence Before Majority Rule*), а де-факто (хоть и не де-юре) права чернокожего населения ущемлялись, 53 африканских страны были возмущены и согласились участвовать в ОИ 1972 г. в Мюнхене только после отзыва приглашения Родезии. Вариант МОК, по которому родезийцы выступили бы с британскими паспортами, был решительно отвергнут [14, p. 1271]. Страна вернулась в Олимпийское движение лишь в 1980 г., сменив правительство и став Зимбабве.

И все же самому масштабному бойкоту ОИ было суждено состояться. На игры 1976 г. в Монреале не приехали 30 африканских стран: МОК не прислушался к ним и допустил Новую Зеландию, регбийная сборная которой в том же году провела серию матчей с южноафриканскими командами. Таким образом, выступая единым фронтом, освободившиеся африканские страны получили возможность доносить голос субалтерна до мирового сообщества, эффективно отстаивать его права и подрывать монополию бывших метрополий на глобальные структуры насилия.

Середина 1960-х гг. была ознаменована попыткой бывших колоний противопоставить западно-центричному МОК свои крупномасштабные соревнования. Когда членство Индонезии в МОК было приостановлено за невыдачу виз израильским и тайваньским спортсменам, планировавшим участвовать в Азиатских играх, президент Сукарно предложил провести «антиимпериалистические» игры, известные как *Games of the New Emerging Forces* (GANEFO). Они прошли в ноябре 1963 г. в Джакарте при мощной финансовой поддержке КНР. Несмотря на угрозы МОК не допустить участников *GANEFO* на ОИ, на первые приехало порядка 2400 атлетов из 51 страны Африки, Азии, Латинской Америки и Европы, включая СССР. В странах первого и третьего мира в основном это были члены рабочих спортивных организаций, второго – представители неолимпийских видов спорта или спортсмены, не проходящие в олимпийскую команду. В программу включили 20 видов спорта, различная символика напоминала ОИ[16]. Но вторым *GANEFO* состояться было не суждено по разным причинам, среди которых – оппозиция Запада, разногласия между участниками, снижение интереса основного

[13] CAF History. *CAF*. URL: https://www.cafonline.com/about-us/caf-history/ (accessed 6 Mar 2022).

[14] Pourquoi l'Afrique est sous-représentée à la Coupe du monde de football. *Franceinfo: Afrique*. 13.06.2018. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/societe-africaine/pourquoi-l-afrique-est-sous-representee-a-la-coupe-du-monde-de-football_3054325.html (accessed 6 Mar 2022).

[15] Defining Moment: South Africa is suspended from world football, Sep 1961. *Financial Times*. 22.08.2009. URL: https://www.ft.com/content/bfdc8150-8c57-11de-b14f-00144feabdc0 (accessed 7 Mar 2022).

[16] What were the games of the new emerging forces (GANEFO)? *WorldAtlas*. URL: https://www.worldatlas.com/articles/what-were-the-games-of-the-new-emerging-forces-ganefo.html (accessed 13 Mar 2022).

донора и возвращение Индонезии в МОК. Этот кейс иллюстрирует, что государства, обладая практически монополией на представление интересов местных субалтернов, все же ставят на первое место не их интересы, а свои; не готовы вести реальную борьбу за установление не-Западных правил, воспринимая спорт в инструментальном ключе.

Что же происходит на интеграционном направлении сейчас? Недавно КАФ объявила о создании своей *Суперлиги*, которая, как ожидается, заменит африканские аналоги *Лиги чемпионов УЕФА* и *Лиги Европы*. Суть проекта такова: континент разделят на 3 зоны (северная, западно-центральная, юго-восточная), в каждой из которой 8 сильнейших команд проведут по 2 встречи друг с другом по круговой системе, затем 5 лучших из каждой зоны и одна 6-я разыграют титул по олимпийской системе. За участие все клубы получат по 1 млн долларов, победитель – 10 млн, что, по замыслу организаторов, поправит дела команд из Тропической Африки, все сильнее страдающих от утечки игроков в Европу (сильнейшие же лиги на 2022 г. – марокканская, египетская, тунисская и алжирская)[17]. ФИФА поддержала КАФ, пообещав помочь с поиском спонсоров[18]. На наш взгляд, этот вектор развития свидетельствует о сохранении зависимости африканского футбола от центров силы мирового футбола, по-прежнему ориентированных на Европу, а также о перспективе закабаления беднейших команд новыми спонсорами.

На глобальном уровне по-прежнему нет альтернативы МОК, владеющему правами на ОИ. Если среди членов этой организации (а они выступают в личном качестве, не делегируются государствами) наблюдается достаточное разнообразие, то ее президентом с момента создания в 1894 г. лишь однажды был неевропеец Э. Брендедж родом из США (1952–1972). Состав Исполнительного комитета, который управляет делами МОК на регулярной основе, на 2022 г.[19] тоже выглядит неуравновешенным: из 15 человек 6 – европейцы, 1 из Арубы (остров, входящий в состав Королевства Нидерландов), 1 с Фиджи (о зависимом положении этого государства говорится ниже), 1 австралиец. Африку представляет только 1 человек.

Хотя Сессия, проводящаяся не реже 1 раза в год – высший орган МОК и ее решения окончательны, к важным функциям Исполнительного комитета относится подготовка повестки дня для Сессии, нормативное регулирование организации ОИ, управление финансами МОК, организация процедуры отбора кандидатов на проведение ОИ, проработка возможных изменений Олимпийской хартии. Официальными языками МОК остаются английский и французский. Приведенные выше факты коррелируют с тем, что ОИ еще ни разу не проходили в бывших колониях в Африке и Азии[20] (за исключением с некоторыми оговорками Кореи).

МОК – некоммерческая организация, 73 % бюджета которой поступают с продажи прав на трансляцию ОИ. 90 % своего дохода она возвращает в спорт. Часть средств идет на организацию ОИ, другая – международным федерациям и Всемирному антидопинговому агентству, еще одна – особо нуждающимся национальным олимпийским комитетам и спортсменам по программам «Олимпийской солидарности». В Рио в 2016 г. выступили 815 стипендиатов от 171 комитета и завоевали 101 медаль[21]. На наш взгляд, налицо зависимое положение субалтерна, которому нужно играть по правилам, установленным западноцентричной структурой насилия, чтобы рассчитывать на какие-либо успехи на международном уровне. Не говоря о национальных комитетах.

В разгар деколонизации на интеграционном направлении наблюдались существенные успехи, в особенности в самом популярном виде спорта в Африке – футболе: символические международные турниры в честь обретения независимости (Малави, Замбия, Нигерия) переросли в независимую африканскую организацию (КАФ), которая смогла взять на себя проведение континентального первенства со своими «правилами игры» (недопуск ЮАР) и лоббировать интересы субалтерна на мировом уровне (отстранение ЮАР ФИФА, выделение первых путевок на ЧМ африканским сборным). Однако на данный момент можно констатировать экономическую зависимость КАФ от западноцентричных структур при попытке избавиться от культурной гегемонии (новый формат соревнований сильнейших клубов континента). На олимпийском треке важными вехами с точки зрения эмансипации субалтерна стало отстранение ЮАР и Родезии благодаря угрозе коллективных бойкотов, проведение альтернативных игр – GANEFO. Если анализ состава Исполнительного комитета МОК подтверждает его ориентацию на Запад, то статистика стипендиатов МОК свидетельствует о зависимом положении субалтерна. Таким образом, он зависит и от своего государства (национальные комитеты, воля к установлению альтернативных правил), и от мировых центров силы (МОК, ФИФА).

[17] Super League CAF: quels clubs prendront part à la compétition? *Foot Africa*. 13.02.2022. URL: https://foot-africa.com/super-league-caf/ (accessed 19 Feb 2022).

[18] Comment fonctionnera la future Super League africaine? *Foot Mercato*. 14.02.2022. URL: https://www.footmercato.net/a3095735378905787937-comment-fonctionnera-la-future-super-league-africaine (accessed 19 Feb 2022).

[19] IOC Executive Board. *International Olympic Committee*. URL: https://olympics.com/ioc/executive-board (accessed 5 Mar 2022).

[20] Столицы олимпийских игр. Архивы Санкт-Петербурга. URL: https://spbarchives.ru/2014_2_7/-/asset_publisher/V5LucsrSvTYX/content/id/431301 (accessed 5 Mar 2022).

[21] Funding. *International Olympic Committee*. URL: https://olympics.com/ioc/funding (accessed 5 Mar 2022).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-412-424

Коммерциализация спорта

Другие процессы, протекающие в постколониальном спорте, мы можем обобщить термином *коммерциализация*, имея в виду растущую роль финансовой составляющей, основы новых структур насилия. После обретения независимости Кения стала получать значительные суммы от ФРГ по программе *Sport and Development Aid*, вместе с ними в страну поставлялись тренеры и советники. На средства КНР там был выстроен, а позже отремонтирован *Moi International Sports Centre*, принявший Всеафриканские игры 1987 г. Руководящий орган легкой атлетики (АК) спонсируется *Nike* (1,6 млн долларов ежегодно), а *Федерации футбола* (KFF) было выделено $400 тыс. на постройку спортивного объекта в Найроби в рамках *FIFA Goal Project*, причем по правилам ФИФА, правительство страны не должно вмешиваться в ее отношения с федерациями, из-за чего к делу был привлечен *Court of Arbitration for Sport* [6, p. 308, 305–306].

На рубеже 1980–1990-х гг. во многих африканских странах наблюдался экономический кризис и им на помощь пришли международные финансово-экономические организации. Их реформы и меры жесткой экономии не исправили ситуацию, зато в сфере спорта открыли дорогу неправительственным организациям (НПО): правительствам было не до него. В центре деятельности этих НПО был спорт как инструмент обеспечения мира и развития (SDP), но, главное, они финансировались из западных источников и доноры активно влияли на их повестку дня, решения и реализацию программ. Поэтому некоторые исследователи видят в SDP тенденции колониализма [14, p. 1275–1276], упрекают в претензии на универсальность и нормативность, ориентации на западную аудиторию и сохранении иерархий [1, p. 212]. Даже если эти оценки не полностью справедливы, очевидно, что эмансипации субалтерна с помощью этих программ не происходит и его голос не учитывается авторами проектов – сохраняется неоколониальный дискурс развития-отсталости.

Сложно не упомянуть спортивную миграцию. Силу ей придают сразу несколько факторов. Во-первых, это безработица и проблемы с обеспечением семьи во многих бывших колониях, пострадавших от внедрения рыночной экономики, либерализации и выхода женщин на рынок труда. Основной удар приняли на себя мужчины, в том числе из-за традиционных представлений о маскулинности и соответствующих ожиданий. Во-вторых, в массовой культуре, экспортируемой экс-метрополиями, спорт представляется как нечто гипермаскулинное и предоставляющее возможность самовыражения и вовлечения в мировое сообщество при своего рода исключении из местного, шанс добиться успеха [15, p. 850–851].

Показательный пример – островные государства Океании, экспортирующие регбистов в сильные, прибыльные лиги: новозеландскую, австралийскую, американскую, французскую. Необходимость спортивной эмиграции в этом регионе закрепилась как на уровне массового сознания, так и официальной политики. В Тонга и Самоа работа в индустриальных странах считается практически обязательной (*de rigueur*) для молодых мужчин, особенно если они хотят добиться более высокого социального статуса и позаботиться о семье: говоря о переезде, люди используют культурный концепт, означающий *любовь, сочувствие, жалость*. Экономика этих государств крайне зависима от перечислений эмигрантов: на 2020 г. Тонга занимает 1 место в мире по их доле в ВВП с 39 %, Самоа – 14 с 19 %[22], что в 3,6 раза больше среднемирового показателя.

Разумеется, трудоустройство в спорте воспринимается как более удачный вариант, чем работа на низкооплачиваемых позициях, не требующих специальных знаний и образования. В Корпоративном плане министерства обучения, занятости, молодежи и спорта Тонга на 2007–2012 гг. есть такая формулировка: «Ясно, что жители Тонга – хорошие спортсмены и спортсменки и при правильном подходе тренеров могут преуспеть в выбранном виде спорта. Талантливые спортсмены могут экспортироваться при помощи агентов в зарубежные страны»[23] [15, p. 854–855].

Поистине масштабной стала миграция футболистов из африканских стран, особенно северных и западных, во Францию. В сезоне 2021–2022 в топ-9 экспортеров игроков в *League 1* попало 6 из них (все – бывшие французские колонии): Сенегал (30 человек), Мали (21), Алжир и Кот-д`Ивуар (по 15), Камерун (14), Марокко (12). Для сравнения: оставшиеся 3 лидера – Бразилия (27), Португалия (15) и Нидерланды (14)[24]. О торжестве капитализма говорит тот факт, что даже изначально взявшие футбол под жесткий контроль государства санкционировали эту миграцию (в Алжире в 1962–1991 гг. выезд игроков был сопряжен с массой трудностей, а иногда и невозможен [4, p. 957–958]), постепенно передавая руководство им в частные руки (Марокко при Мухаммеде VI [13, p. 549]).

Экс-метрополии при этом нельзя назвать пассивными реципиентами футболистов. Например, в Гане новые академии европейских клубов, призванные отыскивать местные таланты, открываются едва ли не каждый день. Они не испытывают недостатка в желающих заниматься. Конечно, ганских мальчиков вдохновляет А. Гьян и ему подобные, но нельзя не учитывать и подтолкнувшее

[22] Remittances, percent of GDP. Country rankings. *The Global Economy*. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/remittances_percent_gdp/#Samoa (accessed 20 Feb 2022).

[23] Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

[24] 2021-2022 Ligue 1 Nationalities. *FBref*. URL: https://fbref.com/en/comps/13/nations/Ligue-1-Nationalities (accessed 13 Mar 2022).

их к такому выбору разочарование в системе образования и рынке труда страны. Реформы, навязанные западноцентричными Всемирным банком и Международным валютным фондом, подорвали бюрократию, пополнить ряды которой для них было бы лучшим вариантом [15, p. 853–854].

Капиталистическая логика эксплуатации подтверждается и отрывом местного капитала от субалтерна. К примеру, в Камеруне действует академия *Kadji Sport Academy*, основанная сыном владельца одной из крупнейших пивоварен. За первые 10 лет работы в Европу было отправлено 40 ее игроков, включая знаменитого С. Это'о. В Гвинее местный профессионал музыкального бизнеса А. Диаби зарегистрировал агентство *Football Afric Management* и занялся постройкой своей академии. В Гане африканский подрядчик создал агентство *Global Soccer Management*, ведущее дела ряда игроков со всего континента [16, p. 6–8].

Миграция не обошла стороной и индонезийских бадминтонистов. Основными местами назначения для них стали Китай, Сингапур и Гонконг. Хотя к причинам переезда можно отнести и проблемы с гражданством и правами китайского меньшинства в Индонезии, и личные соображения (М. А. Тжиптаван перебралась в Нидерланды, выйдя замуж за голландца; Т. Гунаван уехал в США учиться), в 1990-е гг. на первый план вышли высокие зарплаты. Причем можно сказать, что Сингапур в большей степени пытался «купить» спортсменов для крупных командных состязаний, чем они – «продать» себя [9, p. 82–84]. В результате позиции Индонезии как лидера мирового бадминтона пошатнулись, субалтерн же не стал свободнее – лишь стал в большей степени зависеть от «ядра» капиталистической мир-системы[25], чем от своего государства.

Зависимость выражается, например, в том, что на глобальном уровне спорт субалтерна не представлен и он бывает вынужден заниматься тем, что противоречит его культуре, или подстраивать ее под прихоти «хозяев спорта». В первом случае приходит на ум западноафриканский народ фульбе, кодекс чести которого не позволяет мужчинам (не говоря о женщинах) носить шорты, а бег воспринимается как детское развлечение или спасение бегством (негативная коннотация). В результате легкоатлеты-профессионалы могут закончить карьеру, женившись, т. к. их занятие становится совершенно недостойным, а женщины-спортсменки практически лишены возможности прославиться [3, p. 115, 118]. Очевидно одно: приемлемый для фульбе спорт не интересует «ядро», тем более что кенийцы или эфиопы таких предрассудков лишены и готовы принять его правила.

Во втором случае в пример можно привести регбистов с островов Океании. В деревнях мальчиков с детства приобщают к гипермаскулинной культуре регби во время игр со старшими в деревнях и через просмотр матчей, которые проводят выходцы из их родных стран за рубежом. Затем регбисты, выступающие за сборные Фиджи, Самоа и Тонга, начинают исполнять традиционные устрашающие боевые танцы перед матчами. Они призваны не только произвести впечатление на соперника, но и «продать» игроков в зарубежные команды, болельщики которых это ценят. Таким образом, спортсмены оказываются вынуждены поддерживать колониальный дискурс о воинственном дикаре-островитянине и апеллировать к «правильной» части своей культуры [15, p. 855–857].

В результате коммерциализации спорта в бывших колониях стала доминировать экономическая логика, зачастую приводящая к ослаблению государственного регулирования спорта (Алжир, Марокко), принятию (Индонезия) и даже открытому стимулированию спортивной эмиграции (островные государства Океании). Эта же логика в совокупности с обретенной независимостью привлекла в экс-колонии как новые государства, обладающие достаточными ресурсами (ФРГ, КНР), так и представителей частного сектора (Nike), международные НПО (ФИФА, авторы программ SDP). Деятельность этих акторов поддерживает культурную гегемонию Запада и вынуждает субалтерна встраиваться в прежний дискурс и соблюдать «правила игры» (миграция) либо оставаться за пределами спорта (народ фульбе) – реальной эмансипации не происходит. Местные экономические элиты (Западная Африка) встраиваются в мировую капиталистическую систему и используют спортсменов-субалтернов как источник прибыли.

Подъем азиатских стран

В последние годы все больше внимания привлекают «цветные» спортсмены. Красноречивее всего об их успехах свидетельствует рейтинг самых высокооплачиваемых спортсменок 2021 г., составленный журналом *Forbes*[26]. Лишь 3 девушек из 10 можно отнести к белым: гольфистку Н. Корду из США, австралийскую теннисистку Э. Барти и ее коллегу из Испании Г. Мугурусу. При этом еще четверо из них афроамериканки: гимнастка С. Байлз, экс-звезды тенниса сестры Уильямс и баскетболистка К. Паркер. Оставшиеся 3 – бадминтонистка П. В. Синдху, гольфистка Д. Я. Ко и теннисистка Н. Осака – выходцы из Индии, Кореи и Японии.

Виды спорта последних троих имеют западные корни, а национальность игроков подчеркивается во время трансляций. Если Япония сама была империей, а колониальное прошлое Кореи сводится к 35 годам японского господства

[25] Капиталистическая мир-система – термин, характерный для неомарксистского анализа современных международных отношений и связанный в первую очередь с именем И. Валлерстайна. Подход емко и содержательно освещен в работе профессора Г. А. Дробот [18].

[26] Forbes назвал 10 самых высокооплачиваемых спортсменок мира. *Forbes*. 13.02.2022. URL: https://www.forbes.ru/biznes/452421-forbes-nazval-10-samyh-vysokooplacivaemyh-sportsmenok-mira (дата обращения: 09.02.2022).

(1910–1945), то Индия – классический центр интересов исследователей-постколониалистов. Можно ли отнести П. В. Синдху к субалтернам? Насколько об этом позволяют судить англоязычные источники[27] – скорее да, чем нет. Она родилась в семье волейболистов, выступавших за сборные Индии, про отца также известно, что он работал на железной дороге. Не говоря об огромном объеме работы на тренировках, в подростковом возрасте она проходила 56 км в день от дома до тренировочного центра.

В оценке эмансипации серебряного призера Рио и бронзового призера Токио нужно быть осторожными. По подсчетам *Forbes*, в 2021 г. на корте П. В. Синдху заработала всего 2,8 % своих доходов ($0,2 млн). Остальные $7 млн она получила от различных спонсоров. Среди последних выделяется китайский спортивный гигант *Li-Ning*, с которым П. В. Синдху связывает 4-летний контракт приблизительно на $6,7 млн[28]. Кроме того, у бадминтонистки есть соглашения с *Bank of Baroda, Bridgestone Tyres, Visa India, Google, Pooja Developers, Stayfree, PNB Metlife, Sharechat* и *Vizag Steel*[29]. Вышесказанное свидетельствует если не о прямой эксплуатации спортсменки-субалтерна меняющимся «ядром» мирового капитализма, то о сдерживании ее голоса и сохранении зависимого положения. Ведь крупные корпорации с легкостью разрывают отношения и с более именитыми спортсменами[30], а 3,1 млн подписчиков в *Instagram*[31] в большей степени служат плацдармом для выполнения обязательств по рекламе партнеров.

Расцвет азиатского спорта можно наблюдать, например, в женском гольфе. Если в 2000 г. в список 50 лучших гольфисток сильнейшего в мире LPGA Tour по среднему количеству ударов за раунд[32] входили всего 3 кореянки, то по итогам 2021 г. в нем находится 17 азиаток: 10 кореянок, 4 тайки, 2 японки и 1 китаянка. Отметим, во-первых, что не стоит объяснять изначальную недопредставленность не-Запада закрытостью организации с американской пропиской: еще в 1968 г. к туру присоединилась первая иностранка; во-вторых – что колониального прошлого у этих стран практически нет. Параллельно стремительно растет и число турниров, которые проводятся в Азии. В 2000 г. гольфистки могли лишь однажды посетить Японию[33], в то время как 22 года спустя азиатские страны принимают 6 соревнований[34] (общее число турниров тура при этом даже сократилось с 36 до 34).

Другое измерение, в котором прослеживается подъем азиатских стран – рост спортивных производителей. В частности, в 2019 г. китайская компания *Anta Sports Products Limited* заняла 3 место в списке ведущих корпораций индустрии по рыночной капитализации[35] после *Nike* и *Adidas*. Эта фирма, основанная в 1991 г., владеет такими марками, как *Fila*, *Wilson*, *Suunto*, *Salomon*, *Descente* (всего порядка 25). Ее успешность лучше всего резюмирует фраза специалистов из *GMT Consulting*: «Либо этой компании нет равных в мире по уровню управления, либо это обман»[36].

На 5 месте в том же рейтинге расположилась китайская корпорация *Li-Ning*, созданная в 1990 г. гимнастом мирового уровня Л. Нином. Компания спонсирует целый ряд профессиональных спортсменов, в том числе в США. Самым громким контрактом стало соглашение, подписанное в 2006 г. с Ш. О'Нилом. Кроме того, корпорация – спонсор *Олимпийского комитета Индонезии* и *Мексики*, ранее сотрудничала с испанскими *Севильей* и *Эспаньолом*, *NBA* и *ATP*[37]. Вне всякого сомнения, *Li-Ning* принадлежит к числу лидеров индустрии бадминтона.

Топ-6 замыкает тайваньская компания *Feng Tay Enterprises Co., Ltd*. Ее история более богатая: она появилась в 1971 г. и занималась производством обуви. Затем начали использоваться передовые европейские технологии и зародилось стратегическое партнерство с *Nike*. В конце 1980-х гг. были открыты фабрики в других азиатских странах, с 2006 г. компания выпускает высокотехнологичные мячи для гольфа и футбола, хоккейную экипировку[38].

[27] Who is P. V. Sindhu? India's badminton star who made history with silver at Rio Olympics. *Independent*. URL: https://www.independent.co.uk/sport/olympics/pv-sindhu-tokyo-olympics-badminton-b1891940.html; P. V. Sindhu biography: age, family, education, badminton career, awards, Tokyo 2020 Olympics and more. *Jagran Josh*. 02.08.2021. URL: https://www.jagranjosh.com/general-knowledge/pv-sindhu-biography-1594009223-1 (accessed 9 Feb 2022).

[28] P. V. Sindhu net worth, endorsements, salary (Updated 2019). *KreedOn*. URL: https://www.kreedon.com/pv-sindhu-net-worth/ (accessed 9 Feb 2022).

[29] P. V. Sindhu's brand value set to soar post Olympic medal win. *Mint*. URL: https://www.livemint.com/industry/media/pv-sindhu-s-brand-value-set-to-soar-post-olympic-medal-win-11627929703387.html (accessed 9 Feb 2022).

[30] См. кейс легендарного гольфиста Тайгера Вудса после семейного скандала, напр.: Тайгер Вудс остался без часов. *Коммерсантъ*. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1686077 (дата обращения: 27.02.2022).

[31] Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

[32] Scoring Average. *LPGA*. URL: https://www.lpga.com/statistics/scoring/scoring-average?year=2021 (accessed 27 Feb 2022).

[33] 2000 LPGA Tour. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2000_LPGA_Tour (accessed 27 Feb 2022).

[34] 2022 Tournament Schedule. *LPGA*. URL: https://www.lpga.com/tournaments (accessed 27 Feb 2022).

[35] World top 25 sports goods companies list by market cap as on 7 Nov 2019. *Value.Today*. URL: https://www.value.today/company-products/sports-goods (accessed 27 Feb 2022).

[36] Anta everywhere. *PANDA!YOO*. URL: https://pandayoo.com/2020/03/25/anta-everywhere/ (accessed 07 Mar 2022).

[37] Li-Ning. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Li-Ning#cite_note-20 (accessed 07 Mar 2022).

[38] Our History. *Feng Tay Group*. URL: https://www.fengtay.com/en (accessed 07 Mar 2022).

Отметим, что кроме этих транснациональных корпораций (ТНК) существуют компании с меньшей капитализацией, задающие тон в отдельных видах спорта. Например *Yonex*, японская компания, созданная в 1946 г. – бренд, ракетку которого еще 5 лет назад предпочли бы 80 % профессиональных бадминтонистов[39] (теннисисты ему тоже доверяют, но не настолько массово). Компания спонсирует *All England* и входит в число партнеров *Всемирной федерации бадминтона*. Многие гольфисты отдают предпочтение японской *Honma*, открывшейся в 1959 г. – единственной компании полного цикла производства, делающей ставку на премиальные высокотехнологичные товары «с ноткой искусства»[40]. Нельзя не упомянуть японскую компанию *Sumitomo Rubber Industries*, основанную в 1909 г. Корпорация владеет марками *Srixon* (выбор многих игроков *PGA Tour*), *XXIO*, *Cleveland Golf*, *Dunlop*, рассчитанными на гольфистов разного уровня подготовки и с разным бюджетом. Список можно продолжить.

Итак, о росте влияния Азии в мировом спорте можно судить по появлению 3 представительниц этого региона в десятке самых высокооплачиваемых спортсменок журнала *Forbes*, увеличению числа гольфисток азиатского происхождения в топ-50 сильнейшего тура мира по среднему количеству ударов за раунд за 21 г. практически в 6 раз и увеличению количества турниров *LPGA*, проводимых в Азии в 6 раз. Также на это указывает завоевание азиатскими ТНК половины топ-6 рейтинга ведущих корпораций спортивной индустрии по рыночной капитализации. Эти успехи коррелируют с высокими темпами экономического роста в регионе, однако для установления однозначной причинно-следственной связи необходимо проведение дальнейших исследований с использованием статистических методов. Важно, что прогресс наблюдается в положении стран без традиционного колониального прошлого. При этом, как показывает анализ доходов индийской бадминтонистки номер 1, попадающей в категорию субалтернов, П. В. Синдху, нет оснований полагать, что этот сдвиг приводит к эмансипации последних. Положение субалтерна может улучшаться вследствие конкуренции между западными и незападными брендами (право выбора), но общий принцип действия капиталистической системы остается неизменным.

Заключение

Современный спорт мирового уровня в основном плод колониализма: он экспортировался белым человеком и использовался в своих целях, т. е. субалтерн выступал в качестве пассивного субъекта-реципиента. Во время борьбы за независимость спорт мог способствовать освобождению колоний, однако либо сразу (Марокко), либо постепенно (Индонезия) над ним устанавливался все более жесткий контроль. При этом новые власти стремились как укрепить свои позиции, так и сплотить население, отвлекая его от насущных проблем – новая инструментализация и структуры насилия по образцу старых при сохранении пассивной роли субалтерна.

В то же время новые правительства использовали спорт для отстаивания интересов субалтерна (борьба с расизмом в масштабах Африканского континента и Олимпийских игр; отстаивание права на справедливое представительство на ЧМ), хотя эта политика не была самоцелью, о чем свидетельствует быстрый закат GANEFO. Постоянно росло количество структур, от которых зависел субалтерн: правительства страны происхождения, страны выступлений (миграция), страны-спонсора (ФРГ, КНР), международные организации (западноцентричный МОК, оказывающий финансовую поддержку и владеющий правами на ОИ), ТНК (Nike, Li-Ning). Импульс этому процессу придала растущая коммерциализация спорта и экономические кризисы во многих бывших колониях, которые, естественно, не способствовали ликвидации дискурса развития-отсталости и сопутствующих структур насилия. Сохранилась и культурная гегемония «ядра», что вынуждало субалтернов либо подстраивать свою культуру под ожидания Другого (регбисты Океании), либо отказываться от самого спорта (народ фульбе).

Последним трендом можно назвать расширение «ядра» за счет азиатских стран, что выражается в завоевании азиатскими ТНК половины топ-6 рейтинга ведущих корпораций спортивной индустрии по рыночной капитализации. Азиатские игроки начинают добиваться успеха в сильнейших турах (LPGA) и рейтинге самых высокооплачиваемых спортсменок *Forbes*, что, впрочем, не эквивалентно эмансипации азиатского спортсмена-субалтерна (П. В. Синдху). Корреляция между экономическим и спортивным сдвигом показательна, но нуждается в более точной количественной оценке.

Эмансипация субалтерна через спорт в постколониальных государствах выглядит маловероятной. Хотя наибольшим потенциалом обладает интеграционное направление, оснований полагать, что он будет реализован в ближайшее время, нет, о чем говорит и неизменное положение и состав Исполнительного комитета МОК, и новый проект турнира между сильнейшими футбольными клубами Африки при поддержке ФИФА, и постоянная воля правительств инструментализировать спорт в своих интересах.

Результат анализа можно сформулировать так: при всем потенциале спорта в эмансипации субалтерна и разрушении структур насилия, максимальный прогресс наблюдался на заре независимости экс-колоний, на данный же момент он не вносит существенного вклада ни в то, ни в другое.

[39] Why Yonex is number 1 when it comes to badminton rackets. *Badminton Warehouse*. 05.07.2017. URL: https://www.badmintonwarehouse.com/blogs/news/why-the-japanese-manufacturer-is-number-1-when-it-comes-to-badminton-rackets (accessed 07 Mar 2022).

[40] Honma Stories. *Honma*. URL: https://www.honmagolf.com/int/stories (accessed 07 Mar 2022).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор выражает искреннюю благодарность канд. полит. наук, доценту кафедры мировых политических процессов МГИМО М. В. Харкевичу за 2 самых полезных и занимательных курса бакалаврской и магистерской программы, открытость новым нестандартным исследованиям, вдохновение, помощь и поддержку.
Acknowledgements: The author expresses her sincere gratitude to M. V. Kharkevich, Cand.Sci.(Polit.), Associate Professor of the Department of World Politics at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) for his useful and entertaining courses, openness to non-standard research, inspiration, help, and support.

Литература / References

1. Saavedra M. SDP and postcolonial theory. Collison H., Darnell S. C., Giulianotti R., Howe P. D. *Routledge Handbook of Sport for Development and Peace*. L.: Routledge, 2018. https://doi.org/10.4324/9781315455174
2. Bale J., Cronin M. Introduction: sport and postcolonialism. *Sport and Postcolonialism*, eds. Bale J., Cronin M. Routledge, 2003. https://doi.org/10.4324/9781003086772
3. Kone Y. Postcolonial and post-racial runners: the rise of African and African-American athletes in society. *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Sciences*, 2018, 3(1): 114–118. https://doi.org/10.15406/jhaas.2018.03.00072
4. Frenkiel S. Migratory networks used by Algerian professional footballers in France: from colonial times to the postcolonial era, 1932–1991. *The International Journal of the History of Sport,* 2015, 32(7): 952–964. https://doi.org/10.1080/09523367.2015.1045357
5. Рустамова Л. Р. Мягкая сила и публичная дипломатия. М.: КноРус, 2021. 252 с. [Rustamova L. R. *Soft power and public diplomacy*. Moscow: KnoRus, 2021, 252. (In Russ.)] EDN: SZBWAJ
6. Byron K., Chepyator-Thomson J. R. Sports policy in Kenya: deconstruction of colonial and post-colonial conditions. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 2015, 7(2): 301–313. https://doi.org/10.1080/19406940.2015.1023823
7. Clarke J., Ojo J. S. Sport policy in Cameroon. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 2017, 9(1): 189–200. https://doi.org/10.1080/19406940.2015.1102757
8. Sébastien R., Ferez S., Marcellini A. La pétanque à Pondichéry: négociation postcoloniale des identités nationales et culturelles en contexte mondialisé. *Géographie et cultures*, 2012, 82: 77–95. https://doi.org/10.4000/gc.1362
9. Brown C. Playing the game: ethnicity and politics in Indonesian badminton. *Indonesia*, 2006, (81): 71–93.
10. Jones C. Kourat el Kadem: soccer culture and fandom in postcolonial Francophone Algerian texts. *The Journal of North African Studies,* 2022, 27(1): 143–159. https://doi.org/10.1080/13629387.2020.1789459
11. Kilcline C. Playing out the postcolonial: football and commemoration. *France's Colonial Legacies: Memory, Identity and Narrative*, ed. Barclay F. University of Wales Press, 2015, 207–226.
12. Chepyator-Thomson J. R. Public policy, physical education and sport in English-speaking Africa. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 2014, 19(5): 512–521. https://doi.org/10.1080/17408989.2014.891579
13. Boum A. Shoot-outs for the nation: football and politics in post-colonial Moroccan–Algerian relations. *Soccer & Society*, 2013, 14(4): 548–564. https://doi.org/10.1080/14660970.2012.753536
14. Chipande H. D., Banda D. Sports and politics in postcolonial Africa. *The palgrave handbook of African colonial and postcolonial history*, eds. Shanguhyia M. S., Falola T. NY: Palgrave Macmillan, 2018, 1263–1283. https://doi.org/10.1057/978-1-137-59426-6_50
15. Besnier N. Sports mobilities across borders: postcolonial perspectives. *The International Journal of the History of Sport*, 2015, 32(7): 849–861. https://doi.org/10.1080/09523367.2015.1023713
16. Poli R. Explaining the "muscle drain" of African football players: world-system theory and beyond. *BAB Working Paper*, 2008, (1).
17. Андреев А. В., Дудник Е. М., Корольков А. Н. Доходы ведущих спортсменов как индикатор развития современного профессионального спорта. Спорт: экономика, право, управление. 2019. № 3. С. 9–13. [Andreev A. V., Dudnik E. M., Korolkov A. N. Incomes of leading athletes as an indicator of the development of modern professional sports. *Sport: economy, law, management*, 2019, (3): 9–13. (In Russ.)] EDN: NHSOFI
18. Дробот Г. А. Марксизм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы. *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 6. 61–83. [Drobot G. A. Marxism in international relations theory: history, foreign and domestic schools. *Sotsialno-gumanitarnye znaniia*, 2014, (6): 61–83. (In Russ.)] EDN: TBGBQL

оригинальная статья

Этнический ресурс в конструировании региональной идентичности президентом Республики Татарстан в социальных сетях

Михалева Альбина Викторовна
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской Академии наук, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской Академии наук, Россия, Пермь
https://orcid.org/0000-0003-0075-9714
mialba@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.06.2022. Принята после рецензирования 11.07.2022. Принята в печать 11.07.2022.

Аннотация: Социальные сети стали важнейшей частью современных политических процессов. Они помогают выстраивать ментальные модели и контролировать официальный публичный дискурс. В статье раскрывается роль этнического ресурса в конструировании региональной идентичности президентом Республики Татарстан Рустамом Миннихановым в социальной сети Instagram с учетом субъектной и региональной презентации. Представлен результат анализа публикаций личной страницы в социальной сети Instagram за период с 1 января 2020 г. по 13 марта 2022 г. и публикации СМИ по проблематике этнокультурного позиционирования. С помощью качественного и количественного контент-анализа, статистических и сравнительных методов проанализированы визуальные и содержательные контексты презентаций. Социальные сети президента Республики Татарстан являются информативным источником выявления приоритетных установок этнокультурной проблематики региона в официальном дискурсе. Этнокультурный ресурс играет определяющую роль в процессе личной самопрезентации главы региона. В региональном позиционировании предпочтение отдается поддержанию полиэтничной татарстанской идентичности, в которой важную роль играет этнический ресурс. При этом речь не идет о реальном паритете представленных этнокультурных традиций. В ближайшие годы этнокультурный ресурс будет по-прежнему определять социополитический климат в регионе.

Ключевые слова: этническая идентичность, институционализация, политика идентичности, полиэтничный регион, социальные сети, Инстаграм, Р. Миннихановъ

Цитирование: Михалева А. В. Этнический ресурс в конструировании региональной идентичности президентом Республики Татарстан в социальных сетях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 425–434. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-425-434

full article

Ethnic Resource in the Construction of Regional Identity by the President of the Republic of Tatarstan in Social Networks

Albina V. Mikhaleva
Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Science, Russia, Perm
https://orcid.org/0000-0003-0075-9714
mialba@yandex.ru

Received 2 Jun 2022. Accepted after peer review 11 Jul 2022. Accepted for publication 11 Jul 2022.

Abstract: Social networks are an essential part of various political processes. They help to build mental models and control official public discourse. The article features the ethnic resource as part of the regional identity constructed by the President of the Republic of Tatarstan on his Instagram. The analysis relied on both the subjective and regional presentation, as well as visual and content contexts. The author analyzed Instagram posts published in 2020-2022, as well as media publications on the issue of ethno-cultural positioning. The analysis included qualitative and quantitative content analyses, as well as static and comparative methods. Rustam Minnikhanov's Instagram proved to be an informative source that made it possible to identify the priority attitudes to the local ethno-cultural issues in the official discourse. The ethno-cultural resource

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

was especially important for the personal self-presentation. The regional positioning maintained a multi-ethnic Tatarstan identity, where the ethnic resource played an important role, which does not mean the real parity of the corresponding ethno-cultural traditions. The author believes that the ethno-cultural resource will continue to determine the socio-political climate in the region.
Keywords: ethnic identity, institutionalization, identity politics, polyethnic region, social networks, Instagram, R. Minnikhanov

Citation: Mikhaleva A. V. Ethnic Resource in the Construction of Regional Identity by the President of the Republic of Tatarstan in Social Networks. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 425–434. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-425-434

Введение

Социальные сети стали важнейшей частью современных политических процессов. Они помогают выстраивать ментальные модели и контролировать «публичный дискурс во всех его семиотических измерениях» [1, с. 32]. Это уникальная возможность не только для осуществления коммуникативной интеракции, но и для самопрезентации в индивидуальном и региональном контексте с целью формирования доминирующего дискурса и нейтрализации неблагоприятных тенденций развития.

Республика Татарстан (РТ) – один из ярких примеров устойчивого и успешного развития российских регионов, в т. ч. с точки зрения межнационального взаимодействия и согласования интересов титульной нации и многонационального народа РТ. Поддержание межнационального согласия и консолидация регионального сообщества остаются одними из главных задач внутренней политики республиканской власти.

Этнические аспекты презентации на личных страницах президента РТ в соцсетях пока не стали предметом самостоятельного политического анализа. В мировой науке имя Р. Минниханова вызывает интерес в контексте взаимоотношений центр-регионы [2–5], террористических атак и радикального ислама[1] [6], тюркской солидарности [7], языковой политики и вопросов идентичности [8]. Крайне редко кейс Р. Минниханова рассматривается в общем контексте диджитализации политической коммуникации в России [9–10]. Наибольший интерес к фигуре Р. Минниханова проявляют татарстанские социологи [11–15]. В предметном отношении они сосредоточены на вопросах официального дискурса, анализа политической коммуникации республиканской элиты, реже – этнокультурного брендирования РТ. Отдельным блоком можно выделить работы по политике идентичности РТ, в которых рассматривается влияние региональной элиты на общественно-политические процессы в республике [16–22]. Между тем проблематика этнокультурного брендирования РТ требует более глубокой проработки сюжетов этнического характера, с выделением структурных компонентов этого дискурса, расширением базы источников и обновлением темпоральных рамок исследования для фиксации актуальных процессов современности.

Методологические рамки исследования обусловлены логикой *новой социальной морфологии пространства* М. Кастельса [23], пониманием политической коммуникации в духе Т. ван Дейка [1], теорией социального конструктивизма с представлением о «предопределенности человека к конструированию мира», в том числе касательно идентичности и этничности [24, с. 86]. С помощью качественного и количественного контент-анализа, статических и сравнительных методов проанализированы визуальные и содержательные контексты презентаций. В качестве объекта анализа использованы публикации с личной страницы президента РТ Р. Минниханова в социальной сети Instagram[2] за 1 января 2020 г. – 13 марта 2022 г. включительно. В качестве дополнительных источников привлекались статьи и интервью в СМИ по проблематике этнокультурного позиционирования. Как показал предварительный анализ личных страниц Р. Минниханова (число публикаций, число подписчиков, ежедневная публикационная активность), глава республики регулярно посещал страницы в Instagram и ВКонтакте. Поскольку содержание и даты опубликования материалов в этих сетях чаще всего дублируют друг друга, для анализа была выбрана страница Р. Минниханова в Instagram, т. к. на этой странице число подписчиков больше (на 12.01.2022 почти в 3 раза: 571 тыс. в Instagram и около 207 тыс. ВКонтакте). В результате многоступенчатой выборки в общей сложности было выбрано и проанализировано 2880 единиц: 1339 сообщений, сопровождавших 316 видеороликов и 1225 фотоматериалов.

Этнокультурный контекст презентации на странице президента республики анализировался по следующим направлениям: этническая самопрезентация лидера; его представление о татарской идентичности; этнокультурные аспекты позиционирования региона.

[1] Devlet N. The tension at Russia's center: radical Islam in Tatarstan. *German Marshall Fund of the United States*, 2012. URL: http://www.jstor.org/stable/resrep18653 (accessed 23 Feb 2022).

[2] Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

Результаты

Статистические характеристики проанализированного объема данных

Статистический анализ данных фиксирует равномерное распределение публикаций президента РТ, а также ежедневную и ежемесячную публикационную активность на его странице Instagram: 2020 г. – 633 публикации за год, около 52,75 в месяц, 1,7 в день; 2021 г. – 619; 51,58 и 1,7 соответственно.

С помощью статистических методов проанализирована тематическая направленность Instagram-страницы Р. Минниханова за указанный период. Приоритетными темами стали сообщения приветственного характера, вопросы культуры, личного и поздравительного контекста (2020 г. – 285, 98, 34, 34 публикаций; 2021 г. – 249, 93, 54, 35).

Ежегодно по количеству лидируют приветственные публикации. Приветственный блок президента РТ имеет свою этнокультурную специфику и коррелирует с политической повесткой дня. Привычную фразу «Доброе утро! Хәерле иртә!», произносимую им почти ежедневно на протяжении многих лет, Р. Минниханов последний раз использовал 24.02.2022. После многочисленных замечаний читателей насчет доброты в ситуации спецоперации на Украине и беспрецедентного молчания в сети он заменил свое привычное обращение на «Исәнмесез! / Здравствуйте!»[3].

Второй блок тематических вопросов формируют отдельные сюжеты из спортивной жизни, сферы промышленности, информационных технологий и образования (2020 г. – 27, 22, 17, 11 публикаций; 2021 г. – 36, 26, 11, 18). Этнокультурная тематика на странице Р. Минниханова, как правило, реализуется в сообщениях культурной и образовательной направленности, реже – общественной сферы и информационных технологий. В публикациях очень часто присутствуют этнические символы и коды. В 2020 г. их можно увидеть в 67,6 % сообщений, в 2021 г. – в 67,2 % всех сообщений на его странице. К этнической символике можно отнести фразы на национальном языке, элементы национальной одежды, и национальные блюда и т. д. Эти символы и образы фиксируются как в текстовом, так и в визуальном контенте и могут носить осознанный и неосознанный характер. На странице Р. Минниханова чаще всего этническая символика соотносится с наследием татарской культуры. Но в его постах присутствуют ссылки и на иные этнокультурные традиции: русские, удмуртские, чувашские и т. д.

В подавляющем большинстве сообщений с этнической символикой преобладает полиэтнический контекст (татарская и русская символика одновременно). В 2020 г. доля таких сообщений составила 89,5 % всех сообщений с этнической символикой. В 2020 г. было опубликовано 7,7 % сообщений с исключительно татарскими символами и 2,8 % с русским контекстом, что может свидетельствовать о том, что Р. Минниханову удалось сохранить паритет в презентации полиэтничного контекста на своей странице в Instagram.

Этническая самопрезентация лидера

О своей этнической идентичности Р. Минниханов охотнее говорит в СМИ, используя косвенные формулировки или прием допущения. Например, в 2014 г. на пленарном заседании всемирного форума «Деловые партнеры Татарстана» в Казани во время встречи татарских бизнесменов из российских регионов он в своей речи подчеркнул: «Сегодня мы вторая титульная нация в России. Сегодня не стыдно сказать, что ты татарин»[4]. Тезис «не стыдно, что ты татарин» он неоднократно использовал и позже[5]. В 2015 г., рассуждая о настроениях крымских татар после вхождения в Россию, Р. Минниханов затронул тему собственной этнической идентичности в категории допущения: «Допустим, вот вы татарин, я татарин, мы полноценные граждане российского государства»[6]. Примеры прямой этнической самопрезентации в его случае встречаются реже: «Я татарин, кто-то мариец, кто-то чуваш, и знать русский язык – это твоя конкурентность»[7].

Однако в ходе дискуссий о двойной идентичности и по мере приближения Всероссийской переписи населения Р. Минниханов был вынужден четче озвучить свою позицию по этому вопросу на заседании медиаклуба при полномочном представительстве РТ в РФ в Москве: «Я так считаю и с гордостью запишу себя татарином»[8]. Подобную откровенность и убежденность в высказывании можно объяснить реакцией на внешние обстоятельства, связанные с возрастающим трендом на унификацию статусов и прав этнических групп, а также угрозой сокращения прежнего количественного состава татарского сообщества в РФ.

[3] Минниханов Р. Н. Исәнмесез! *Instagram*. 07.03.2022. URL: https://www.instagram.com/p/CayYzwLoK7f/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 07.03.2022).

[4] Камалова Л. Рустам Минниханов: Сегодня не стыдно сказать, что ты татарин. *Татар-информ*. 06.12.2014. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/rustam-minnihanov-segodnya-ne-stydno-skazat-chto-ty-tatarin-433545 (дата обращения: 13.01.2022).

[5] Гарифуллина Г. Рустам Минниханов: Сегодня никто уже не стыдится называть себя татарином. *Татар-информ*. 02.04.2021. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/rustam-minnihanov-segodnya-nikto-uzhe-ne-styditsya-nazyvat-sebya-tatarinom (дата обращения: 17.01.2022).

[6] РИА Новости. Рустам Минниханов: буду работать, пока полезен, а должность – не главное. *Ислам Сегодня*. 27.05.2015. URL: https://islam-today.ru/islam_v_rossii/tatarstan/rustam-minnihanov-budu-rabotat-poka-polezen-a-dolznost-ne-glavnoe/ (дата обращения: 17.01.2022).

[7] Самигуллина Э. Я татарин, кто-то мариец, кто-то чуваш, и знать русский язык – это твоя конкурентность. *ДУСЛЫК*. 08.06.2015. URL: https://tatar-duslyk.ru/ya-tatarin-kto-to-mariec-kto-to-chuvash-i-znat-russkij-yazyk-eto-tvoya-konkurentnost/ (дата обращения: 17.01.2022).

[8] Петрова П. Рустам Минниханов: Татарстан не намерен «ссориться» с Башкирией в связи переписью населения. *Коммерсантъ*. 17.02.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4694238 (дата обращения: 12.01.2022).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-425-434

В большинстве случаев этническая самопрезентация Р. Минниханова в СМИ осуществлялась через групповую форму позиционирования: «Мы, татары, должны сохранить единство»[9]; «Мы с гордостью запишем себя татарами»[10]; «Мы – патриоты своей нации, поэтому каждый татарин должен записаться как татарин!»[11]. Своеобразной квинтэссенцией презентации татарской проблематики в СМИ можно считать распространенную в СМИ предвыборную публикацию Р. Минниханова 2020 г. о прошлом, настоящем и будущем татарского народа, которую региональные эксперты восприняли в качестве программного документа дальнейшего развития нации[12].

В Instagram Р. Минниханов придерживается тех же тактических приемов, что и на страницах СМИ. Комментируя совместную фотографию с боксером Н. Валуевым, он написал: «Наш! тоже татарин!»[13]. Рассуждая о своей субъектной этнической идентичности, он прибегает к опосредованным формулировкам без Я-откровений. Совсем иначе обстоят дела с этническим позиционированием в групповом Мы-измерении. Комментируя победу татарского вяленого гуся в номинации *вкусное рядом* на конкурсе «Вкусы России» 2020 г., Р. Минниханов пошутил: «Есть у нас, татар, традиция с гусем в гости ходить. А тут он еще и с призом вернулся!»[14]. Еще более откровенно он высказался на татарском в день празднования родного языка 21 февраля 2021 г.: «Где бы мы ни жили и ни работали, давайте не забывать, что мы татары, и сохранять родной язык»[15].

Представления о татарской идентичности

Детализация, структурирование и наполнение конструкта татарской идентичности в трактовке Р. Минниханова позволит понять значимые для него маркеры и стратегии конструирования этнической идентичности. Показательными можно считать дебаты накануне последней Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., когда особенно остро встал вопрос об этнической идентичности и ее двойном проявлении. Татарское сообщество было обеспокоено технологией переписи и дроблением целостной группы на региональные подгруппы, что грозило потерей их численного ресурса. Президент республики не разделил идею о двойной идентичности, а высказался в пользу необходимого выбора[16] и активно продавливал идею этнического самоопределения в пользу одной из этнических групп. Рассуждая о принадлежности к татарскому сообществу, он подчеркивал: «Важно то, кем себя человек считает – башкиром или татарином. Наверное, те татары, кто уехал, уже язык не знают. Но это не значит, что ты стал другой национальности: есть твои предки, корни»[17].

Последнее высказывание свидетельствует о номинальном понимании идентичности (кем себя называют / считают) и в то же время подчеркивании его историко-генетических особенностей. Однако по мере приближения Всероссийской переписи населения он более четко формулирует свою позицию в СМИ и актуализирует дополнительные маркеры идентичности: «Если мы потеряем язык, веру, у нашей нации не будет будущего. Эти ценности не нужны никому, кроме нас, у нации не будет будущего! Поэтому надо донести нашу историю до будущих поколений»[18]. В результате номинальная трактовка идентичности редуцируется, а более значимыми оказываются этнические традиции семьи и примордиалистский контекст, семейная преемственность даже в случае утраты отдельных ее компонентов. Разницу приведенных трактовок можно объяснить ситуативными контекстами высказывания. В первом случае президент использовал инструменталистский подход и настаивал на расширении численного преимущества сообщества за счет отдельных технических моментов. Второе высказывание скорее отражает стратегическое видение вопроса.

Итак, понимание этничности у Р. Минниханова строится в примордиалистском контексте на таких маркерах как язык, вера, история, корни, предки. Сюда же можно добавить «обычаи и культурные жемчужины нашего

[9] Мухетдинов Д. Где стоят мечети и медресе, там живут мусульмане. *Медина. Ал-Ислам*. 2010. № 10. С. 3. URL: http://idmedina.ru/medina/files/medina109.pdf (дата обращения: 13.01.2022).

[10] Колебакина-Усманова Е., Сабиров Р. Рустам Минниханов: «Наполовину татарин, наполовину башкир – быть не может!». *Бизнес Online*. 17.12.2019. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/450395 (дата обращения: 13.01.2022).

[11] Серова И. Минтимер Шаймиев – делегатам форума: «В истории мы оставили глубокий след». *Реальное время*. 04.06.2021. URL: https://realnoevremya.ru/news/214869-rustam-minnihanov-prizval-zapisatsya-tatarami (дата обращения: 17.01.2022).

[12] Минниханов Р. Рустам Минниханов: «Кем мы себя точно не видим, так это "сувенирным народом". *Бизнес Online*. 25.07.2020. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/475894 (дата обращения: 14.01.2022).

[13] Минниханов Р. Безнеке! Тоже татарин! *Instagram*. 08.09.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CTjcW6kMne9/?utm_source=ig_web_copy_link (13.01.2022); здесь и далее по тексту все публикации Р. Минниханова на татарском языке в переводе автора.

[14] Минниханов Р. Есть у нас, татар, традиция с гусем в гости ходить. *Instagram*. 10.12.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CInMnTvlZeM/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 13.01.2022).

[15] Минниханов Р. Туган тел. Сегодня международный день родного языка, важный праздник для многонациональной России! *Instagram*. 21.02.2021. URL: https://www.instagram.com/tv/CLixMB-qrKa/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 14.01.2022).

[16] Колебакина-Усманова Е., Сабиров Р. Рустам Минниханов: «Наполовину татарин, наполовину башкир – быть не может!». *Бизнес Online*. 17.12.2019. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/450395 (дата обращения: 13.01.2022).

[17] Там же.

[18] Серова И. Минтимер Шаймиев…

народа», о которых он упоминает на своей странице, освещая сюжет о публикации новой книги о татарском народе – «Татар дөньясы» («Татарский мир»)[19].

Р. Минниханов в публичном пространстве активно использует татарский язык не только в качестве языка деловой коммуникации, но и в личном поле для передачи наиболее ярких эмоциональных моментов своей жизни. Пост об отце и фотографию с ним он сопровождает комментарием на татарском «Я мечтал быть таким как он!»[20]. Восторженный отклик после экскурсии по новой Национальной библиотеке он писал на татарском[21]. На родном языке Р. Минниханов публикует сюжеты и цитаты национальных героев. В мае 2021 г. в сообщении он процитировал жителя башкирского села И. Минникеева: «Не знал, что лошадь так будет бежать»[22]. И. Минникеев прославился после того, как на вопрос журналиста, заданный на русском, ответил на родном татарском языке[23]. В соцсетях он прослыл героем и настоящим татарином, примером для тех, кто стесняется говорить на родном языке.

В деловой сфере Р. Минниханов часто адресует послания главам других субъектов РФ на татарском языке (например, главе Республики Тыва[24]), поздравляет с днем рождения президента РФ[25], размещает анонсы предстоящих этнокультурных и образовательных мероприятий, в том числе проведение всеобщего диктанта на татарском языке[26]. По поводу владения родным языком он высказывается предельно категорично: «Если человек плохо знает свой язык, он не сможет понять другой язык!»[27]. К сообщению от 21.02.2022 он прикрепляет видео, в котором подчеркивается: «Но те самые слова, исходящие из души, мы всегда произносим на родном языке»[28].

Важный для Р. Минниханова маркер татарской идентичности – вера (ислам): «Принятие ислама в качестве официальной религии на добровольной основе стало одним из важных факторов формирования национальной идентичности татар и ряда других народов России. Для нас это не просто юбилейная дата, а дань уважения нашим предкам, определившим жизненный путь народа. Ислам в России стал одной из важных составных частей уникальной поликонфессиональной и многонациональной культуры»[29].

Также, по мнению Р. Минниханова, татарина определяет *татарская душа*: «У татар есть пословица "Если не говоришь по-татарски – ты не татарин", но я уверен, что главное в другом – душа должна быть татарской!»[30]. На встрече с татарской диаспорой во Франции он подметил еще одну особенность татарского народа – высокую адаптивность к внешним условиям: «татары, приезжая в любую страну, показали, что могут адаптироваться, оказаться полезными на той земле, в той стране, куда приехали»[31].

Следующим маркером, по мнению главы республики, являются гастрономические предпочтения – татарские национальные блюда и чай. О татарских блюдах он отзывается очень эмоционально: «Татарская кухня. Если бабушки еще и приготовят – язык проглотит!»[32].

---

[19] Минниханов Р. Вышла уникальная книга о татарском народе – «Татар дөньясы». *Instagram*. 15.07.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CCqZ-Y7Fz9x/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 12.02.2022).

[20] Минниханов Р. Әти белән. *Instagram*. 29.04.2020. URL: https://www.instagram.com/p/B_jc7hRFeA5/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 10.02.2022).

[21] Минниханов Р. Яңарган милли китапханәгә экскурсиягә язылыгыз! *Instagram*. 04.09.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CEtYUSLIpMO/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 14.02.2022).

[22] Минниханов Р. «Атны белмәгән идем болай чабыр диеп». *Instagram*. 31.05.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CPi6VM_l9OO/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 14.02.2022).

[23] Каюмов Р. Минниханов в Instagram процитировал жителя Башкирии, который прославился вирусным видео. *Татар-информ*. 01.06.2021. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/minnixanov-v-instagram-procitiroval-zitelya-baskirii-kotoryi-proslavilsya-virusnym-video-5824669 (дата обращения: 13.02.2022).

[24] Минниханов Р. Сине туган көнең белән тәбрик итәм, Шолбан Валерьевич, с Днём рождения! *Instagram*. 18.07.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CCxkY1ml2Ez/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 09.02.2022).

[25] Минниханов Р. От себя лично, от всех жителей многонационального Татарстана поздравляю нашего лидера – Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина с днем рождения! *Instagram*. 07.10.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CUtz3X6oZo4/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 10.02.2022).

[26] Минниханов Р. Татарча диктант яз! *Instagram*. 24.09.2020. URL: https://www.instagram.com/tv/CFhQHa3q1D6/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 11.02.2022).

[27] Минниханов Р. Кеше үзенең телен яхшы белмәсә, башка телгә төшенә алмас! *Instagram*. 21.02.2020. URL: https://www.instagram.com/p/B80F2TQoFRo/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 21.02.2022).

[28] Минниханов Р. Язык – наше достояние и наше богатство. С Международным днем родного языка! *Instagram*. 21.02.2022. URL: https://www.instagram.com/tv/CaOneGOD4jK/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 23.02.2022).

[29] Угаров А. Рустам Минниханов: Ислам стал одной из важных частей поликонфессиональной культуры России. *Татар-информ*. 26.07.2021. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/rustam-minnixanov-islam-stal-odnoi-iz-vaznyx-castei-polikonfessionalnoi-kultury-rossii-5830861 (дата обращения: 19.02.2022).

[30] Минниханов встретился с живущими во Франции татарами. *Inkazan.ru*. 30.11.2016. URL: https://inkazan.ru/news/society/30-11-2016/minnihanov-vstretilsya-s-zhivuschimi-vo-frantsii-tatarami; Бритвина Е. Рустам Минниханов встретился в Париже с представителями татарской общины Франции. *Правительство Республики Татарстан*. 29.11.2016. URL: //https://prav.tatarstan.ru/index.htm/news/789691.htm (дата обращения: 17.01.2022).

[31] Бритвина Е. Рустам Минниханов встретился в Париже с представителями татарской общины Франции...

[32] Минниханов Р. Татарская кухня. *Instagram*. 01.08.2021. URL: https://www.instagram.com/tv/CSCS5MYo6k5/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 20.02.2022).

А любовь к чаю в его интерпретации становится одним из ключевых признаков татарина: «Кто не любит чай, татары его не понимают! Если пьешь чай – лето в душе»[33].

Не менее важную роль для этнического самоопределения играет музыкальная составляющая – национальная музыка и татарская эстрада. Певца, народного артиста РТ С. Фатхутдинова он называет «мой друг Салават»[34] и очень эмоционально откликается на его творчество, сопровождая сообщение эмодзи с поднятым большим пальцем[35]. Как показывает анализ контекста личной страницы главы республики, эмодзи он использует в исключительных случаях при сильном эмоциональном отклике и определенной степени восторга или одобрения. Р. Минниханов является поклонником молодой певицы С. Мухаметзяновой, исполнительницы народных песен и мунаджатов – исламских песнопений на татарском языке. Ее пение вызывает у него восхищение, о чем он открыто пишет на своей странице[36]. Достаточно часто он обращается к произведениям татарских поэтов-классиков. Так, его публикацию о зиме сопровождает видео со стихами татарского поэта Х. Такташа «Ак Чэчэклэр»[37].

Представления о традициях татарского народа Р. Минниханов транслирует через национальные праздники[38] и укоренившиеся в сообществе нормы социального поведения (уважение родителей и старших, ценность семьи и детей). Примером постоянной потребности маркирования своего этнического пространства в случае Р. Минниханова является упомянутый сюжет с фотографией Н. Валуева[39], когда устанавливаются границы этнического сообщества и демонстрируется этническая солидарность.

Этнический ресурс регионального позиционирования

Президент республики эмоционально и с большой любовью высказывается о своей родине Татарстане и прекрасной Казани[40]. Он охотно использует термин *татарстанцы* применительно к региональному сообществу[41]. Однако такой термин обычно используется в контексте темы ВОВ или террористической угрозы, т. е. в специфических условиях угрозы общественной стабильности и безопасности. Заметно чаще встречается отсылка групповой принадлежности Татарстану: жители многонационального Татарстана, молодежь Татарстана, предприниматели Татарстана, мужчины Татарстана, дети Татарстана и т. д. Наиболее ярким примером такой формы региональной принадлежности становится выражение «команда Татарстана», использованное Р. Минниховым в видеопоздравлении с Днем республики. Неотъемлемыми качествами этой команды были провозглашены профессионализм, труд, самодостаточность, многообразие, мечтательность, целеустремленность, память, забота о близких, верность родной земле, уважение традиций и поиск нового[42].

В этнокультурном измерении для характеристики регионального сообщества и позиционирования региона в целом Р. Минниханов обычно использует модель межнационального и межконфессионального согласия. При этом он отмечает, что это не просто исторически сложившаяся традиция, а «предмет постоянной работы государственных органов власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества, академического и экспертного сообществ»[43].

---

[33] Минниханов Р. С Днём чая! *Instagram.* 15.12.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CI0pNBNFcZf/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 20.02.2022).

[34] Минниханов Р. Дустым Салават. *Instagram.* 29.04.2020. URL: https://www.instagram.com/p/B_kN4yKIy-n/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 19.02.2022).

[35] Минниханов Р. Шэп булган бу. *Instagram.* 25.03.2020. URL: https://www.instagram.com/p/B-JxdIVlLkv/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 19.02.2022).

[36] Минниханов Р. «Татарстан». *Instagram.* 03.05.2020. URL: https://www.instagram.com/tv/B_uGuunlrAr/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 21.02.2022).

[37] Минниханов Р. Зима прекрасна! *Instagram.* 19.12.2021. URL: https://www.instagram.com/tv/CXqrjs6oe8E/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 23.02.2022).

[38] Минниханов Р. Авыл Сабантуйлары күңелле утə! *Instagram.* 13.06.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CQDddF_lvAg/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 15.02.2022).

[39] Минниханов Р. Безнеке! Тоже татарин! *Instagram.* 08.09.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CTjcW6kMne9/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 15.02.2022).

[40] Минниханов Р. Мин яратам сине, Татарстан! Алга, «Ак Барс»! *Instagram.* 31.08.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CEjc5Y7F1QT/?utm_source=ig_web_copy_link; Минниханов Р. Прекрасный Татарстан. *Instagram.* 02.09.2021. URL: https://www.instagram.com/tv/CTUn61DBSR5/?utm_source=ig_web_copy_link; Минниханов Р. Иң матур республика! *Instagram.* 03.08.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CSGuZe2j_5p/?utm_source=ig_web_copy_link; Минниханов Р. Туган җирем – Татарстан, торган җирем – гүзəл Казан. *Instagram.* 23.12.2020. URL: https://www.instagram.com/tv/CJI_231K1eQ/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 22.02.2022).

[41] Минниханов Р. Президент России В. В. Путин присвоил столице нашей республики почетное звание «Город трудовой доблести». *Instagram.* 02.07.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CCJSoqUlbBk/?utm_source=ig_web_copy_link; Минниханов Р. Никита Фадеевич Кайманов. *Instagram.* 23.06.2020. URL: https://www.instagram.com/tv/CByMydbqA0m/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 17.01.2022).

[42] Минниханов Р. День Республики! Республика көне белəн! *Instagram.* 30.08.2021. URL: https://www.instagram.com/tv/CTL51Juovie/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 22.02.2022).

[43] Низамеев Б. Рустам Минниханов: Татарстан реализует совместные гуманитарные и экономические проекты с государствами Центральной Азии. *Официальный Татарстан.* 20.05.2021. URL: https://tatarstan.ru/index.htm/news/1977112.htm; Никитин Е. Интеграция и развитие: клуб «Валдай» обсудил в Казани партнерство РФ и Центральной Азии. *Татар-информ.* 20.05.2021. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/integraciya-dlya-razvitiya-klub-valdai-v-kazani-obsudil-partnerstvo-rf-i-centralnoi-azii-5823352 (дата обращения: 15.01.2022).

Установка на межэтничность и гармонию прослеживается и в поздравительном дискурсе общероссийских праздников. Поздравляя с Днем народного единства, глава республики добавил на татарском языке: «Давайте дружить, давайте быть красивыми!»[44]. В следующем году он подчеркнул: «Сегодня в России отмечается День народного единства – важный праздник укрепления мира между нациями и религиями!»[45]. Особую роль в декларируемой полиэтничной модели региональной идентичности играет татарский ресурс. Поздравляя первого президента РТ и своего *остаза* – учителя и наставника[46] – М. Шаймиева, Р. Минниханов написал на татарском языке: «Сегодня день рождения Минтимера Шариповича, друзья! Его вклад в развитие Татарстана и татарского народа неоценим»[47].

Другим критерием региональной идентичности в РТ является история развития региональной государственности. С особым размахом развернулась подготовка к празднованию 100-летия Татарской АССР, что инициировало ряд региональных проектов по брендированию местной продукции, таких как «100 легендарных брендов РТ». По задумке Министерства строительства, архитектуры и ЖКХ РТ, прошлое республики может успешно работать на ее будущее: «Это замечательный повод связать прошлое, современно и будущее Республики»[48]. За 2020 г. президент республики оставил 8 публикаций на тему юбилея. Они были связаны с туристическими, культурными мероприятиями (разработкой видеогида по Татарстану, выставкой картин по истории Татарстана); награждением медалью «100-лет образования ТАССР» фигур, внесших «существенный вклад в развитие государственности Республики Татарстан, укрепление ее социально-экономического потенциала, межнационального и межконфессионального мира и согласия, сохранение и преумножение культурно-духовного наследия»[49]. Первым награду получил государственный советник РТ М. Шаймиев[50]. Позже ею были награждены ветераны ВОВ и работники тыла, главы российских регионов, министр иностранных дел РФ С. Лавров, руководители федеральных медицинских учреждений, духовные лидеры республики и др.

Празднование юбилея образования ТАССР неизбежно акцентировало внимание на татарской составляющей и достигнутом «расцвете национальной культуры»[51]. Публикуя на своей странице очередной пост под лозунгом «Год 100-летия ТАССР – время создавать новые традиции!», Р. Минниханов предлагает казанцам в День Республики Татарстан ежегодно воссоздавать на набережной озера Кабан атмосферу столетней давности и прогуливаться по набережной в национальной татарской одежде[52].

Позиционируя Татарстан как межэтнический регион с крепкими мирными традициями сосуществования разных народов, Р. Минниханов уделяет пристальное внимание праздничному календарю этнических сообществ. В этом контексте особенно сильно звучит лингвистическая тематика. Ежегодно Р. Минниханов поздравляет своих читателей как с днем русского языка, так и с днем родного языка, в том числе и татарского[53].

Еще один акцент регионального позиционирования – поздравления с народными праздниками[54]. Русский народный праздник Каравон, ранее известный как престольный праздник – День святителя и чудотворца Николая, с 2003 г. проводится на общереспубликанском

[44] Минниханов Р. С Днем народного единства! *Instagram*. 04.11.2020. URL: https://www.instagram.com/tv/CHJ2QMgKDrg/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 18.01.2022).

[45] Минниханов Р. Сегодня в России отмечается День народного единства – важный праздник укрепления мира между нациями и религиями! *Instagram*. 04.11.2021. URL: https://www.instagram.com/tv/CV19dEWI136/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 19.01.2022).

[46] Минниханов Р. Укытучылар көнендә остазым Минтимер Шәймиев белән Адымнар мәктәбендә! *Instagram*. 05.10.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CF9HlFolr85/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 22.01.2022).

[47] Минниханов Р. Буген Минтимер Шариповичның туган коне, дуслар! *Instagram*. 20.01.2020. URL: https://www.instagram.com/p/B7h9ntMo0Dr/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 18.01.2022).

[48] 100-летие образования ТАССР. О реализации проекта народного интернет-голосования «100 легендарных брендов Республики Татарстан» за 100 лет. *Министерство строительства, архитектуры и ЖКХ Республики Татарстан*. URL: https://minstroy.tatarstan.ru/100-letie-obrazovaniya-tassr.htm (дата обращения: 26.02.2022); орфография оригинала сохранена.

[49] О государственных наградах Республики Татарстан. Закон Республики Татарстан от 10.10. 2011 № 74-ЗРТ, ст. 11.1 п. 1 (с изм. на 27.12.2021). URL: https://docs.cntd.ru/document/917046312 (дата обращения: 26.02.2022).

[50] Стал известен первый лауреат медали «100 лет образования ТАССР» – новой госнаграды Татарстана. *Бизнес Online*. 19.12.2019 г. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/450870 (дата обращения: 27.02.2022).

[51] Минниханов Р. 100 лет ТАССР. *Instagram*. 27.05.2020. URL: https://www.instagram.com/tv/CArnWu8ICVv/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 19.02.2022).

[52] Минниханов Р. Год 100-летия ТАССР – время создавать новые традиции! *Instagram*. 20.08.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CEGvzOQINq0/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 19.02.2022).

[53] Минниханов Р. С днем русского языка! *Instagram*. 06.06.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CBFTCmPICgD/?utm_source=ig_web_copy_link; Минниханов Р. Кеше үзенең телен яхшы белмәсә, башка телгә төшенә алмас! *Instagram*. 21.02.2020. URL: https://www.instagram.com/p/B80F2TQoFRo/?utm_source=ig_web_copy_link; Минниханов Р. Дуслар, барыгызны да Габдулла Тукайның туган көне һәм Туган тел көне белән! *Instagram*. 26.04.2020. URL: https://www.instagram.com/p/B_bnx08FZNJ/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 20.02.2022).

[54] Минниханов Р. Все краски русской культуры объединяет Каравон. С праздником! *Instagram*. 23.05.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CAhIgqQoED6/?utm_source=ig_web_copy_link; Минниханов Р. Күңелле уза да соң безнең Сабан туйлары! *Instagram*. 04.07.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CCNWAYnoTHT/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 19.02.2022).

уровне и считается одним из государственных праздников республики. Таким же статусом пользуется и татарский народный праздник Сабантуй. Р. Минниханов охотно принимает участие в культурных мероприятиях разных национальных общин республики. 10 июля 2021 г. глава республики выложил видеоролик с праздника чувашской культуры «Уяв» в с. Аксубаево, на котором он в чувашском костюме принимает участие в круговом обрядовом танце[55]. Последние 9 лет в День народного единства проводится республиканский этнокультурный фестиваль «Наш дом – Татарстан», в котором принимают участие десятки народных коллективов Татарстана[56].

Еще одно направление регионального позиционирования – тема региональных и национальных героев и известных людей. Сообщения подобного рода присутствуют на странице президента РТ, например посты в день рождения татарского «патриотического и героического поэта» М. Джалиля[57] с призывом повторять его стихи в память о его подвиге. Пантеон региональных героев формируют национальные поэты, композиторы (авторы национального гимна РТ Р. Яхин[58] и С. Сайдашев), деятели искусства, герои ВОВ («сын татарского народа» Г. К. Загитов[59]) и др.

Еще одной темой, которая поднималась на странице Р. Минниханова в исследуемый период, стал проект нового здания национального театра им. Г. Камала. В видеоролике новый проект театра презентуется следующим образом: «он выстоял, стал символом татар и центром, куда ежегодно съезжаются все тюркские театры мира. Многие спектакли стали частью нашей идентичности, культурным кодом нации.... Театр – это сердце татарского народа. И то, в каком теле оно будет биться, решается прямо сейчас»[60].

Позиционирование республики проявляется также в продвижении этнокультурных традиций в официальном дресс-коде региональной элиты. По утверждению региональных СМИ, в декабре 2019 г. президент республики впервые появился на публике во френче, т. н. «татарском деловом костюме»[61]. По словам дизайнера и соучредителя фирмы «BURO BANU» Э. Шайхи, идея пошива национальных костюмов для татарстанских делегаций, представляющих республику за рубежом, возникла после встречи с президентом РТ в здании казанского ателье, восстановленном в 2016 г.

Свой выбор костюма Р. Минниханов объясняет так: «Это очень удобно. Галстуки настолько надоедают. А это традиционный наш татарский стиль, какой он был. Мы должны поддерживать свои традиции»[62]. В зарубежных поездках он презентует свой костюм как «современное исполнение национального стиля»[63] и призывает руководителей республики и всех желающих по возможности переходить на такую форму одежды (рис.[64]). Эксперты моды и региональное сообщество достаточно скептически смотрят на форму его исполнения и видят в презентуемом френче элементы китайского костюма мандарин[65], татарские традиции казакина[66] и вольные интерпретации на эту тему.

По мнению экспертов, традиционный татарский костюм отличают некоторые особенности планки, которая закрывает пуговицы, длина изделия ниже колена и запáх справа налево, что воспроизводит положение рук молящегося мусульманина. По словам руководителя пресс-службы президента Л. Галимовой, Р. Минниханов надевает френч по субботам и на культурные мероприятия. Как показал анализ, сфера применения национального костюма в 2020–2021 гг. постепенно расширяется,

[55] Минниханов Р. На празднике чувашской культуры «Уяв» в Аксубаево. *Instagram*. 10.07.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CRJIIhXIizP/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 19.02.2022).

[56] Минниханов Р. На гала-концерте этнокультурного фестиваля «Наш дом – Татарстан»! *Instagram*. 04.11.2020. URL: https://www.instagram.com/p/CHLE3skleW7/?utm_source=ig_web_copy_link; Минниханов Р. Безнең Татарстан әбиләре Халыклар бердәмлеге көненә гыйбрәтле видео яздырган. *Instagram*. 04.11.2021. URL: https://www.instagram.com/tv/CV2ffLwItQn/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 19.02.2022).

[57] Минниханов Р. Бүген патриот һәм герой шагыйрь Муса Җәлилнең туган көне! *Instagram*. 15.02.2020. URL: https://www.instagram.com/p/B8k6IhuIsxA/?utm_source=ig_web_copy_link; Минниханов Р. Муса Җәлил. *Instagram*. 15.02.2021. URL: https://www.instagram.com/tv/CLTUghq18R/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 24.02.2022).

[58] Минниханов Р. Бүген танылган композитор, республика гимны авторы Рәстәм Яхинның тууына 100 ел. *Instagram*. 16.08.2021. URL: https://www.instagram.com/p/B8k6IhuIsxA/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 24.02.2022).

[59] Минниханов Р. Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения Знаменосца Победы, сына татарского народа – Гази Казыхановича Загитова. *Instagram*. 20.08.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CSyGrECo0ff/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 23.02.2022).

[60] Минниханов Р. Сегодня жюри выберет проект нового здания театра им. Г. Камала! 16.02.2022. URL: https://www.instagram.com/tv/CaCQSS0j8h0/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 24.02.2022).

[61] Как глава Башкирии перенял дореволюционный костюм Минниханова. *ТНВ-Татарстан*. 01.04.2020. URL: https://tnv.ru/news/policy/92001-kak-glava-bashkirii-perenyal-dorevolyutsionnyy-kostyum-minnikhanova-/ (дата обращения: 25.03.2022).

[62] Там же.

[63] У Минниханова в Турции спросили о его костюме в национальном стиле. *Бизнес Online*. 24.06.2021. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/513707 (дата обращения: 25.03.2022).

[64] Рабочий визит Президента Республики Татарстан Р. Н. Минниханова в Турецкую Республику (г. Анкара), 24.06.2021. URL: https://president.tatarstan.ru/pressa/photoreports/photoreport/7430959.htm (дата обращения: 25.03.2022).

[65] Фархутдинов Л., Самигуллина Э. Между френчем Мао и сюртуком Тукая: что возрождают как «татарский» костюм? *Бизнес Online*. 18.07.2021. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/516175 (дата обращения: 25.03.2022).

[66] Как глава Башкирии перенял дореволюционный костюм Минниханова. *ТНВ-Татарстан*. 01.04.2020. URL: https://tnv.ru/news/policy/92001-kak-glava-bashkirii-perenyal-dorevolyutsionnyy-kostyum-minnikhanova-/ (дата обращения: 25.03.2022).

Президент появляется в нем регулярно не только на этнокультурных мероприятиях, но и на открытии медицинских учреждений, во время зарубежных визитов, на мероприятиях для многодетных семей, в т. ч. и в рабочие дни.

Сегодня в Казани работает 5–6 ателье по пошиву национальной мужской одежды (BURO BANU, Sheffield и др.), которые одевают политическую элиту республики и представителей хоккейного клуба «Ак Барс». По словам директора компании Sheffield Р. Риянова, спрос на национальный френч «сейчас очень большой, так как данный костюм набирает тренд и президент лично показывает пример[67].

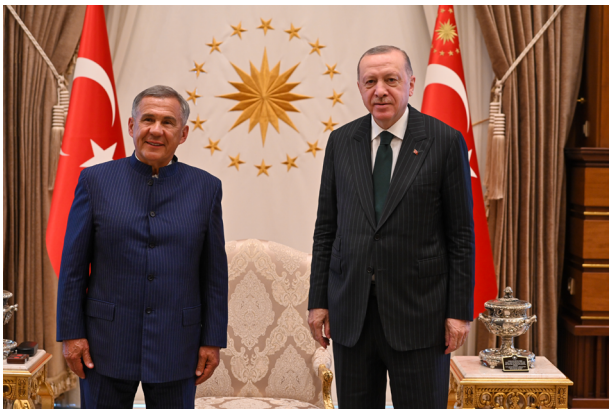

Рис. Президент Республики Татарстан Р. Н. Минниханов (слева), Президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган (справа)
Fig. President of the Republic of Tatarstan Minnikhanov R. N. (left), President of the Republic of Turkey Erdogan R. T. (right)

Заключение

Анализ медиа-активности лидеров регионов в социальных сетях дополняет картину дискурсивного конструирования идентичности на элитном уровне. Как показали результаты исследования, социальные сети президента РТ являются информативным источником для выявления приоритетных установок этнокультурной проблематики региона в официальном дискурсе.

Этнокультурный ресурс играет очень важную роль в процессе личной самопрезентации главы региона, что подтверждают частота обращения к этнической проблематике, эмоциональная включенность в тему и пристрастные суждения по этническим вопросам. Р. Минниханов является ярким представителем своего культурного поля.

Глава республики демонстрирует сформировавшиеся убеждения о своем этническом сообществе. Эти взгляды формулируются им в примордиалистском ключе. Он активно позиционирует себя в групповом этнокультурном измерении, демонстрирует высокую озабоченность перспективами развития татарского сообщества в мировом масштабе и сохранением традиционных ценностей.

В региональном позиционировании предпочтение отдается поддержанию межкультурной / татарстанской идентичности. Важную роль играет этнический ресурс, при этом речь не идет о реальном паритете представленных этнокультурных традиций. Перспективы маргинализации этнокультурного ресурса представляются весьма сомнительными, поэтому в ближайшие годы он по-прежнему будет определять социо-политический климат в регионе.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с. [Van Dijk T. A. *Discourse and power*. Moscow: LIBROKOM, 2013, 344. (In Russ.)]
2. Blakkisrud H. Medvedev's new governors. *Europe-Asia Studies*, 2011, 63(3): 367–395. https://doi.org/10.1080/09668136.2011.557531
3. Sharafutdinova G. Gestalt switch in Russian federalism: the decline in regional power under Putin. *Comparative Politics*, 2013, 45(3): 357–376. https://doi.org/10.5129/001041512X13815255435013
4. Orttung R. Center-periphery relations. *Russia in 2020: scenarios for the future,* eds. Lipman M., Petrov N. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2011, 329–348. https://doi.org/10.2307/j.ctt6wpj1s.21
5. Hartley J. M. Non-Russians on the Volga: autonomy and identity. *The Volga: A history of Russia's greatest river.* Yale University Press, 2021, 286–305. https://doi.org/10.2307/j.ctv1b0fw6v.25
6. Keenan R. Tatarstan: the battle over Islam in Russia's heartland. *World Policy Journal*, 2013, 30(2): 70–79. https://doi.org/10.1177/0740277513494068
7. Bassin M. The patron of the Turkic peoples. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia.* Cornell University Press, 2016, 273–305. https://doi.org/10.7591/9781501703393-013
8. Braun A., Wingender M. Kazakhstan and Tatarstan – building identities in Russian-Turkic speech communities. *Kazakh in Post-Soviet Kazakhstan*: Proc. Internat. Symposium on Kazakh, 30 Nov – 2 Dec 2011, ed. Muhamedowa R. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2015, 69–94. https://doi.org/10.2307/j.ctvc2rkbb.8

[67] Фархутдинов Л., Самигуллина Э. Между френчем...

9. Renz B., Sullivan J. Electronic resources and the study of political elites in Russia. *Europe-Asia Studies*, 2013, 65(10): 1898–1911. https://doi.org/10.1080/09668136.2013.848646
10. Renz B., Sullivan J. Making a connection in the provinces? Russia's tweeting governors. *East European Politics*, 2013, 29(2): 135–151. https://doi.org/10.1080/21599165.2013.779258
11. Akhmetshina I. F., Akhmetshina E. G. The culture of political communication in social networks in the Republic of Tatarstan. *Revista San Gregorio*, 2017, (20): 162–169.
12. Иликова Л. Э. Межкультурный диалог и межконфессиональное согласие как основная ценность в официальном дискурсе власти Республики Татарстан. *Российские исследования*. 2020. Т. 1. № 1. С. 7–17. [Ilikova L. E. Intercultural dialogue and interconfessional consent as a basic value in the official government discourse of the Republic of Tatarstan. *Journal of Russian Studies*, 2020, 1(1): 7–17. (In Russ.)] EDN: ZDKMQN
13. Иликова Л. Э. Репрезентация имиджа межконфессионального согласия в официальном дискурсе власти (на примере Республики Татарстан). *Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации*: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 6–7 сентября 2018 г.) Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 41–46. [Ilikova L. E. Representation of the image of interfaith harmony in the official discourse of the authorities in the Republic of Tatarstan. *Positive experience in regulating ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation*: Proc. III All-Rus. Sci.-Prac. Conf., Kazan, 6–7 Sep 2018. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, 2018, 41–46. (In Russ.)] EDN: YLUNYD
14. Габдрахманова Г. Ф. Дискурсивное конструирование идентичности в посланиях региональному парламенту. Кейс Республики Татарстан. *Полис. Политические исследования*. 2021. № 5. С. 146–160. [Gabdrakhmanova G. F. Discursive identity construction in messages to the regional parliament. Case of the Republic of Tatarstan. *Polis. Political Studies*, 2021, (5): 146–160.] (In Russ.)] https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.10
15. Иванова Т. К., Аржанцева Н. В., Шигин Л. Б. Лица Татарстана на просторах Интернета. *Российские исследования*. 2021. Т. 2. № 4. С. 52–64. [Ivanova T. K., Arzhantseva N. V., Shigin L. B. Blogs of civil servants of the Republic on the Internet web-sites. *Journal of Russian Studies*, 2021, 2(4): 52–64. (In Russ.)] EDN: FHHOAD
16. Дробижева Л. М., Рыжова С. В., Титова Т. А. Российская, республиканская, этническая идентичность в Татарстане. *Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте*, ред. Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 33–41. [Drobizheva L. M., Ryzhova S. V., Titova T. A. Russian, Republican, ethnic identity in Tatarstan. *Positive interethnic relations and prevention of intolerance: Tatarstan's experience in the All-Russian context*, eds. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 33–41. (In Russ.)] EDN: YIICJX
17. Сагитова Л. В. Политика идентичности и ее акторы. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 359 с. [Sagitova L. V. *Identity politics and its actors*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, 2018, 359. (In Russ.)] EDN: OXMFSH
18. Сагитова Л. В. Динамика этнического фактора в политике идентичности современного Татарстана. *Вестник российской нации*. 2018. № 4. С. 59–70. [Sagitova L. V. Dynamics of the ethnic factor in the identity policy of modern Tatarstan. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 2018, (4): 59–70. (In Russ.)] EDN: YPCZZR
19. Ямалнеев И. М. Этнорегиональная идентичность как политический проект (на примере республики Татарстан). дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2005. 190 с. [Yamalneev I. M. *Ethnoregional identity as a political project in the Republic of Tatarstan*. Cand. Pol. Sci. Diss. Kazan, 2005, 190. (In Russ.)]
20. Ильина О. В., Каблуков Е. В. Практики конструирования региональной идентичности в медиадискурсе Татарстана. *Научный диалог*. 2020. № 3. С. 52–66. [Ilyina O. V., Kablukov E. V. Practices of constructing regional identity in the media discourse of Tatarstan. *Nauchnyi dialog*, 2020, (3): 52–66. (In Russ.)] https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-52-66
21. Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Зарипов А. Я. К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан. *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 743–757. [Psyanchin A. V., Migranova E. V., Zaripov A. Ya. The issue of ethnic and all-Russian identity in the Republics of Bashkortostan and Tatarstan revisited. *Oriental Studies*, 2021, 14(4): 743–757. (In Russ.)] https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757
22. Макарова Г. И. Этнокультурные политики федерального центра и регионов России (на примере Республики Татарстан): стратегии формирования идентичностей. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2009. № 2. С. 195–203. [Makarova G. I. Ethnocultural policies of the federal center and regions of Russia (on the example of the Republic of Tatarstan): identity formation strategies. *Etnosotsium and international culture*, 2009, (2): 195–203. (In Russ.)]
23. Кастельс М. Становление общества сетевых структур. *Новая постиндустриальная волна на Западе*, ред. В. Л. Иноземцев. М.: Academia, 1999. С. 492–505. [Castells M. The formation of a society of network structures. *A new post-industrial wave in the West*, ed. Inozemtsev V. L. Moscow: Academia, 1999, 492–505. (In Russ.)]
24. Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. *Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 1995. 323 с. [Berger P. L., Luckmann T. The social construction of reality. *A treatise on sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 1995, 323. (In Russ.)]

оригинальная статья

Оценка эффективности обучения персонала в условиях цифровизации

Казакова Марина Ильинична
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

Селиванова Татьяна Владимировна
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург
t.s.v16@mail.ru.

Поступила в редакцию 12.08.2022. Принята после рецензирования 23.09.2022. Принята в печать 15.10.2022.

Аннотация: В условиях цифровизации экономики, когда на уровне государства отражена важность внедрения цифровых технологий в деятельность организаций разных сфер деятельности, неизбежно возникает вопрос эффективности применения цифровых технологий. В настоящее время активную цифровизацию переживает сфера обучения персонала, что отражается на процессах оценки эффективности обучения. Цель – установить, насколько применимы известные модели оценки эффективности обучения персонала в условиях цифровизации. Задачи – обозначить теоретическую основу темы исследования; оценить применимость существующих моделей оценки эффективности обучения персонала в условиях цифровизации. Сформирован теоретический аппарат для осмысления темы исследования, описаны существующие модели по оценке эффективности обучения персонала и приведены результаты научных трудов, раскрывающих способы их применения в деятельности современных организаций. Проведен анализ практики оценки эффективности обучения, осуществленного с помощью цифровых технологий. Предложен авторский взгляд на возможность применения существующих моделей оценки эффективности обучения персонала в условиях цифровизации с приведением конкретных примеров. Обоснована значимость и описаны возможности применения существующих моделей по оценке эффективности обучения персонала современными организациями.
Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, обучение персонала, модель оценки эффективности, оценка эффективности обучения

Цитирование: Казакова М. И., Селиванова Т. В. Оценка эффективности обучения персонала в условиях цифровизации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 435–443. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-435-443

full article

Evaluating the Effectiveness of Staff Training in a Digital Environment

Marina I. Kazakova
B. N. Yeltsin Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

Tatiana V. Selivanova
B. N. Yeltsin Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg
t.s.v16@mail.ru

Received 12 Aug 2022. Accepted after peer review 23 Sep 2022. Accepted for publication 15 Oct 2022.

Abstract: Economic digitalization means that digital technologies are gradually becoming an inherent part of corporative activities in all fields of human life. These technologies should be regularly tested for effectiveness. The area of personnel training is currently undergoing active digitalization, which raises the matter of its assessment. The authors tested several models for assessing the effectiveness of staff training in the context of digitalization, as well as reviewed available scientific publications on the matter. As a result, they built a theoretical apparatus for understanding the research topic and described the existing models for evaluating the effectiveness of staff training. The analysis of the best practices was illustrated by specific examples. The article also introduces some recommendations on how to apply a particular assessment method to a particular corporative environment.
Keywords: digitalization, digital technology, staff training, performance evaluation model, evaluation of training effectiveness

Citation: Kazakova M. I., Selivanova T. V. Evaluating the Effectiveness of Staff Training in a Digital Environment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 435–443. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-435-443

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Введение

Персонал любой организации необходимо обучать с помощью современных методов, отвечающих требованиям времени и существующей экономической ситуации. В рамках реализации Указов Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.» и № 474 от 21.07.2020 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г.» создана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[1]. Одним из федеральных проектов, входящих в состав этой национальной программы, является проект «Кадры для цифровой экономики». Путем его реализации будет обеспечена подготовка высококвалифицированных кадров для цифровой экономики[2]. При обучении песонала с помощью цифровых технологий становится актуальным вопрос о методах оценки эффективности обучения в условиях цифровизации.

В современной рыночной экономике персонал организации является стратегически важной силой, определяющей вектор развития организации. В исследовании О. Л. Чулановой и Я. А. Тимченко определено, что одной из характерных черт 21 в. является переход к экономике знаний и превращение информации в источник экономического роста и сверхприбыли [1]. Следовательно, подготовка специалистов, которые после обучения выйдут на рынок труда, должна своевременно адаптироваться под требования экономических и социальных условий.

Как утверждает С. В. Веселова, корпоративное обучение является более гибким в сравнении с академическим, т. к. может быть оперативно адаптировано под цели развития организации и под ее корпоративную культуру [2].

Обучение персонала несет выгоды как для сотрудников организации, так и для ее руководства. По мнению А. В. Прокопьева и Т. Н. Чернышовой, обучение в организации позволяет сотруднику повысить свой человеческий потенциал и конкурентоспособность на рынке труда, расширить возможности профессионального и карьерного роста. Организация также достигает своих целей за счет повышения эффективности деятельности и роста конкурентоспособности на рынке [3]. Более подробно на этот счет пишет А. В. Попова, выделяя функции системы обучения персонала: преодоление разрыва между текущими и необходимыми в соответствии с квалификацией навыками сотрудников; создание корпоративной культуры; решение целей и задач предприятия; мотивация производственной деятельности персонала [4].

В обучении персонала важно также уделять внимание разнообразию форматов представляемой для изучения информации, т. к. это гарантирует, что образовательный курс будет более интересным и большее число сотрудников пройдет его до конца. Подобного мнения придерживаются Ю. В. Лазич и И. Н. Попова: «формирование необходимых компетенций достигается посредством применения разнообразных методов развития и обучения персонала, под которыми подразумеваются инструменты, способы передачи знаний, формирования компетенций, умений и навыков» [5, с. 109].

На основе вышеизложенного, некоторые авторы определяют значение термина *обучение персонала* как «ориентированный на результат процесс овладения компетенциями, направленный на повышение эффективности работы обучаемого и предприятия в целом» [6, с. 160]. Схожее по смыслу определение можно найти в работе В. В. Савицкой и Е. В. Повориной, где обучение персонала понимается как процессы по приобретению новых знаний, умений и навыков, необходимых персоналу организации для повышения качества выполняемой работы [7].

Любому работодателю важно, чтобы его обучение рано или поздно принесло свои плоды, т. е. любое обучение персонала должно быть эффективным. Согласно исследованию Т. В. Шендель и С. А. Ярковой, обучение эффективно, если результаты превосходят затраты на его проведение [8]. В статье А. В. Щербаковой и О. Ю. Сериковой обозначено понятие эффективности, которое включает в себя два компонента – результат и ресурсы. Эффективность определяется соотношением величины достигнутого результата и использованных ресурсов [9].

В работе А. П. Нихайчик и Т. В. Шендель представлены методы, с помощью которых можно определить, какие критерии будут важны для организации в ходе проведения оценки эффективности. К ним авторы относят контент-анализ, метод наблюдения и анализ количественных показателей [10].

На наш взгляд, модель оценки представляет собой совокупность условий и параметров, которые необходимо изучить или измерить, а также критериев идентификации результатов измерения и изучения. Это означает, что модели, предназначенные для оценки эффективности обучения персонала, призваны дать информацию о качестве реализации ключевых условий обучения персонала.

А. В. Михайлова считает основной стратегической целью оценки эффективности управления персоналом «определение и устранение факторов, снижающих отдачу от использования человеческих ресурсов организации» [11, с. 1681]. А. П. Семина описывает несколько целей, на выполнение которых направлено проведение оценки эффективности обучения персонала: *административная* – по результатам оценки руководители организации могут принимать

[1] Цифровая экономика РФ. *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ*. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 31.10.2021).

[2] Кадры для цифровой экономики. *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ*. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/ (дата обращения: 31.10.2021).

управленческие решения; *информационная* – позволяет сотрудникам разобраться в своей деятельности и улучшить свою работу; получение обратной связи позволяет координировать работу субъекта и объекта оценки; *мотивирующая* – предоставляет сотрудникам возможность демонстрации в работе своих лучших качеств, за что они могут получить вознаграждение и признание [12].

За время изучения практики управления персоналом учеными и экспертами было разработано множество моделей оценки эффективности обучения персонала. Характеристика наиболее известных моделей:

- Таксономия Б. Блума – обучение является последовательным процессом, состоящим из 6 уровней: *запоминание, понимание, применение, анализ, синтез* и *оценка*[3].
- Оценочная модель Д. Киркпатрика – оценка 4 критериев обучения: *реакция, обученность, применение, результаты* [13].
- Пятиуровневая модель Дж. Филипса (дополненная модель Д. Киркпатрика) – Оценка 5 критериев обучения: *реакция, научение, поведение, результаты, уровень возврата инвестиций в обучение* (ROI)[4].
- Системная модель Д. Стаффлбима (CIPP) – оценка обучения через ответы на вопросы:
  - *Context Evaluation* – оценка контекста развития. Кого, чему и зачем обучать?
  - *Input Evaluation* – оценка на входе. Как обучать? Что планируется получить по итогам обучения?
  - *Process Evaluation* – оценка процесса обучения. Как проходит обучение? Каковы промежуточные итоги?
  - *Product Evaluation* – оценка конечного итога обучения. Как прошел процесс обучения? Достигнуты ли цели обучения[5]?
- Оценочная модель М. Берна (CIRO, видоизмененная модель Д. Стаффлбима) – оцениваются следующие критерии обучения персонала:
  - *Context Evaluation* – оценка содержания;
  - *Input Evaluation* – оценка возможностей и предварительных результатов;
  - *Reaction Evaluation* – оценка реакции на обучение;
  - *Outcome Evaluation* – оценка полученных результатов [14].
- Целевой подход Р. Тайлера – модель, в основе которой лежит грамотная постановка целей обучения.

Процесс оценки:

- постановка обширных целей и задач;
- классификация этих целей и задач;
- определение целей и задач в терминах поведения;
- поиск ситуаций, в которых можно проверить, насколько цели достигнуты;
- разработка или отбор техник оценивания;
- сбор данных, касающихся эффективности обучения;
- сравнение данных об эффективности обучения с данными об эффективности достижения желаемых моделей поведения[6].
- Нецелевая модель М. Скривена – конечные результаты обучения являются главным ориентиром, который нужно соотнести с изначальной потребностью организации, в которой проводится обучение. Данные собираются различными методами (тесты, наблюдение и пр.) Затем полученные данные систематизируются и оцениваются экспертом со стороны для получения объективной оценки[7].

Характеристика моделей и их применение в современных организациях представлены в работах многих авторов. По мнению А. А. Голубь, модель Д. Киркпатрика может использоваться многими организациями как теоретическая база, которую можно дополнять в соответствии с их нуждами и этапом развития организации [13, с. 96]. В работе М. Ф. Ворониной и Е. А. Карповой установлено, что модель Д. Киркпатрика дает наглядное представление об эффективности обучающих мероприятий. Модель Б. Блума предоставляет возможность выбора определенной стратегии обучения сотрудников и проведения системной оценки эффективности обучения. Модель Дж. Филипса позволяет оценить эффективность финансовых вложений в обучение персонала [15].

В работе И. А. Кульковой определено, что модели Д. Стаффлбима и М. Берна «предполагают процессный подход к оценке эффективности обучения персонала, однако отличаются нечеткостью и (или) сложностью проведения процедуры оценки и могут быть использованы только в определенных обстоятельствах» [16, с. 137].

В работе [17] установлено, что модель Р. Тайлера не предусматривает оценку окупаемости обучения персонала и не показывает, как обучение влияет на изменение производительности и трудового поведения сотрудников. Это делает модель Р. Тайлера малопригодной для комплексной оценки результатов обучения и развития сотрудников.

[3] Как проверить знания сотрудников: создаем тест по таксономии Блума. *iSpring*. URL: https://www.ispring.ru/elearning-insights/blooms-taxonomy (дата обращения: 12.11.2021).

[4] 5 методов и 5 шагов оценки обучения персонала. *Yva.ai*. URL: https://www.yva.ai/ru/blog/ocenka-effektivnosti-obucheniya-personala (дата обращения: 12.11.2021).

[5] Садись, эффективен: 6 моделей оценки эффективности обучения. *Teachbase*. URL: https://teachbase.ru/learning/obuchenie/sadis-effektiven-6-modelej-ocenki-effektivnosti-obucheniya/ (дата обращения: 12.11.2021).

[6] Оценка эффективности обучения. Дайджест по девяти основным моделям оценки. *HR-Portal*. URL: https://hr-portal.ru/article/ocenka-effektivnosti-obucheniya-daydzhest-po-devyati-osnovnym-modelyam-ocenki (дата обращения: 12.11.2021).

[7] Система оценки эффективности тренингов. *Мудрый экономист*. URL: https://wiseeconomist.ru/poleznoe/91539-sistema-ocenki-effektivnosti-treningov (дата обращения: 12.11.2021).

Модель или подход М. Скривена заключается в том, что эффективная оценка продуктивности обучения персонала – непредвзятая. Она возможна лишь со стороны, т. е. эксперт по оценке не должен быть связан с организацией, в которой он оценивает обучение персонала [18].

Цифровизация – это внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни. Цифровизация в обучении персонала проявляется через использование цифровых технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальностей, искусственного интеллекта, геймификации и т. д. в процессы обучения персонала. Для организации, планирующей провести цифровизацию обучения, важно помнить, что в первую очередь персонал должен качественно учиться. Под качественным обучением персонала подразумевается то, что персонал, прошедший обучение, сможет грамотно применить полученные в ходе обучения знания и навыки в своей работе. Цифровые технологии – лишь помощники в обучении. Они не должны препятствовать обучению, усложнять его или искажать информацию, получаемую в процессе обучения.

Согласно Е. С. Березиной, Е. Р. Грязновой, Ю. А. Борщевой, одним из этапов обучения персонала является выбор технологии обучения. Современные технологии обучения, как правило, разделяют на 2 основных типа: поддерживающее и инновационное обучение. Инновационное обучение подразумевает внесение определенных изменений в социальную среду и существующую культуру в ответ на возникающие проблемные ситуации. В настоящее время именно инновационный тип обучения получает широкое распространение. Также инновационность является главным признаком социально значимых результатов процесса обучения. К инновационным образовательным технологиям относятся информационные технологии и дистанционное образование [19].

В контексте статьи будет рассмотрено дистанционное обучение персонала с помощью цифровых технологий. Например, в работе П. А. Передельского указано, что под дистанционным обучением сегодня понимают обучение, при котором все или большая часть учебных процедур осуществляется удаленно с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий при территориальной разобщенности преподавателя и обучаемых [20].

Более подробно цифровизация в обучении персонала с помощью дистанционного обучения или *e-learning* раскрыта в статье Е. О. Гаспарович и Е. М. Дуяр. Авторами определена сущность понятия *дистанционное обучение*. Это процесс овладения обучающимся знаниями, умениями и навыками, осуществляемый посредством информационных и цифровых технологий при удаленном взаимодействии обучающегося и преподавателя. Также обозначены возможности средств дистанционного обучения, описаны его преимущества и недостатки по сравнению с традиционной формой обучения, как для организации, так и для самого обучающегося [21].

С точки зрения обучающегося, преимущества технологии *e-learning* заключаются в возможности удаленного доступа к обучению, гибкости выстраивания плана обучения и графика выполнения заданий. С точки зрения организации, технология способна снизить затраты на обучение персонала, повысить скорость обучения персонала и улучшить процессы по отслеживанию эффективности обучения. При этом у дистанционного обучения есть и недостатки: необходимость найма специалистов по поддержке и обслуживанию системы дистанционного обучения, невозможность коррекции обучающего курса под индивидуальные запросы обучающихся и отсутствие моментальной обратной связи обучающихся с преподавателем [21].

В информационной среде существуют свои взгляды на способы оценки эффективности обучения. Например, в материале от информационного агентства *Интерфакс*, вышедшего в апреле 2020 г., т. е. в разгар перехода на дистанционные методы обучения и работы во многих организациях на фоне пандемии COVID-19, обозначено положение о несостоятельности сравнения результатов, полученных обучающимися в ВУЗах при применении дистанционных технологий, с результатами обучения в традиционной модели очного обучения как метода оценки эффективности обучения с помощью дистанционных технологий. Такой сравнительный анализ не дает обоснованных статистически значимых выводов, потому что его проведение сопряжено с множеством требований: наличие одинаковых контрольно-измерительных материалов и условий проведения итоговой аттестации, необходимость достаточно большой выборки, сформированной случайным образом для каждой технологии обучения. Оценка эффективности онлайн-обучения или использования дистанционных образовательных технологий может осуществляться через совокупность этих показателей, но такая оценка уместна только в условиях планомерного перехода на новые модели образовательного процесса. При резком переходе на технологии дистанционного обучения эффективность обучения можно определить как соотношение результатов и затраченных ресурсов с учетом срочности поставленных задач[8]. В контексте настоящего исследования рассмотрена практика запланированного постепенного внедрения цифровых технологий в обучение персонала с тем условием, что после проведения обучения будет оценена его эффективность.

Встречаются также работы, в которых предложена авторская модель оценки эффективности обучения персонала, выведенная без опоры на существующие модели оценки и с учетом индивидуальных условий проведения обучения.

[8] Дистанционное обучение в экстремальных условиях. *Интерфакс*. URL: https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/ (дата обращения: 26.11.2021).

Ю. А. Токарева, Д. А. Акулова, Е. О. Ивонина описывают методику оценки эффективности обучения, которая была использована при оценке обучения в Екатеринбургском Медицинском Центре. Методика была составлена, исходя из следующих условий: невозможность одновременного обучения всей целевой аудитории, потребность в срезе знаний после проведения обучения, ограниченность бюджета на обучение, небольшое количество обучаемых. Методика составлена с учетом следующих критериев: востребованность учебного курса дистанционного обучения среди обучающихся; оценка курса обучающимися; результаты проверки уровня знаний, полученные через срезы знаний обучающихся; соотношение затрат на обучение к его результату [22].

А. А. Коник и др. в качестве методов оценки эффективности занятий по физической подготовке с помощью средств дистанционного обучения предлагают: педагогический эксперимент в естественных условиях и опрос профессорско-преподавательского состава института с целью выявления положительных и отрицательных аспектов использования методов дистанционного обучения [23]. Проведение педагогического эксперимента предложено исходя из изучаемой дисциплины. Оценка эффективности занятий по физической культуре возможна только за счет проверки отработанных навыков на практике. В качестве методов исследования применялись опрос в виде анкетирования и тестирование физических качеств.

Еще одно исследование было проведено Т. В. Шендель и С. А. Ярковой. Авторы самостоятельно выделили показатели, по которым можно оценить эффективность обучения персонала. В ходе исследования процессов обучения, проведенном в структурном подразделении ОАО «Российские железные дороги», были выявлены проблемы в системе подготовки персонала, связанные с формальностью подхода к оценке эффективности обучения персонала; отсутствием показателей и критериев измерения полученного результата обучения; отсутствием целеполагания в обучении. Авторы разработали систему оценки эффективности обучения персонала, основанную на следующих показателях: «выполнение плана обучения, затраты на обучение персонала, индекс лояльности работника, удовлетворенность руководителя обучением персонала, использование полученных знаний в профессиональной деятельности, повышение производительности труда, процент возврата аппаратуры в гарантийный период, отказы технических средств» [24, с. 106].

В работе А. П. Семиной был изучен способ оценки эффективности обучения персонала посредством метода *360 градусов*. В соответствии с этим методом, работник оценивается разными участниками его трудовой деятельности (коллеги, подчиненные, клиенты и др.). Сам оцениваемый также дает свою характеристику. В этом исследовании установлено, что метод оценки *360 градусов* является одним из самых часто используемых компаниями методов оценки. Поскольку метод позволяет определить сильные и слабые стороны сотрудника, то он используется для составления обучающих программ, а значит и для развития персонала организации [25].

В процессе поиска информации по теме исследования не было обнаружено материалов и научных работ, посвященных или касающихся использования существующих моделей оценки эффективности обучения персонала в условиях цифровизации. Исходя из этого, была проведена самостоятельная оценка применимости существующих моделей оценки эффективности обучения персонала к обучению в условиях цифровизации.

Применимость существующих моделей оценки эффективности обучения персонала к обучению в условиях цифровизации

После изучения существующих моделей оценки необходимо соотнести возможность их применения с условием цифровизации обучения. Оценка с помощью таксономии Б. Блума позволяет понять, на каком уровне сотрудники усвоили знания и навыки, полученные во время обучения. Например, оценку эффективности обучения с помощью технологий VR и AR стоит оценивать с точки зрения того, в какой мере они могут обеспечить качественное усвоение знаний на уровне применения, поскольку обычно эти технологии используют с целью создания максимально реалистичных условий для отработки действий в определенных ситуациях. Технологии VR и AR активно используются для отработки взлета и посадки самолетов определенных моделей в гражданской и военной авиации. Другие цифровые технологии, в зависимости от их технического наполнения, могут обеспечить другой уровень усвоения информации, приобретенной сотрудником в ходе обучения.

Для проведения оценки эффективности обучения по модели Блума можно предложить персоналу выполнить по очереди 6 видов заданий, каждое из которых будет отражать определенный вид уровня усвоения знаний по таксономии Блума (запоминание, понимание, применение, анализ, синтез, оценка). Эти задания стоит разработать в самой организации, исходя из специфики изучаемой дисциплины. Чем больше заданий сможет выполнить сотрудник, тем выше его уровень усвоения знаний и навыков, полученных в ходе обучения, следовательно – тем эффективнее прошло его обучение. Результаты выполнения этих заданий смогут предоставить руководству организации информацию о том, смогли ли внедренные цифровые технологии обеспечить усвоение информации на более высоком уровне, чем обучение в традиционном формате.

Оценочная модель Д. Киркпатрика является одной из наиболее популярных моделей оценки эффективности обучения персонала. В случае с обучением в условиях цифровизации, оценка по четырем критериям этой модели позволит ответить на вопросы:

1. Уровень *реакция* – как сотрудники отреагировали на обучение с использованием цифровых технологий?

2. Уровень *обученность* – смогли ли сотрудники с помощью цифровых технологий, помимо знаний по курсу, приобрести навыки по работе с техникой, повысить свою компьютерную грамотность?
3. Уровень *применение* – стоит ли после обучения внедрить цифровые технологии в обучение всего персонала организации?
4. Уровень *результат* – как применение цифровых технологий в обучении персонала отразилось на показателях эффективности работы персонала?

Информацию по первым трем уровням модели Д. Киркпатрика можно получить при помощи опроса сотрудников, прошедших обучение, но для оценки последнего критерия стоит провести эксперимент. Например, сотрудники отдела продаж прошли обучение по курсу, который был построен на технологиях искусственного интеллекта. Система с помощью этих технологий индивидуально подбирала для каждого сотрудника курс. По итогам обучения было получено заключение, что Сотрудник А лучше справляется с продажами при работе с определенной категорией клиентов (банки, обучающие центры и т. д.). Необходимо оценить эффективность обучения этого сотрудника.

Лучше всего это сделать с помощью внедрения в работу сотрудника новых условий, в которых он должен наиболее эффективно выполнять свою работу по результатам обучения с помощью искусственного интеллекта. Следовательно, Сотрудника А необходимо перевести на работу именно с этой категорией клиентов. Эффективность обучения в этом случае повлияет на существующие в организации показатели продаж Сотрудника А. Если они возрастут, то обучение этого сотрудника можно считать эффективным.

Если после проведения оценки обучения по модели Д. Киркпатрика организация решает оценить окупаемость обучения, то для этого будет использоваться модель Дж. Филипса. Он предложил оценивать степень возврата инвестиций в обучение (ROI) после оценки обучения по модели Д. Киркпатрика. Формула по расчету выглядит следующим образом:

ROI = ((доход от обучения – затраты)/затраты) x 100%[9].

К доходу от обучения можно отнести разницу прибыли, которую сотрудник организации приносит после обучения, и прибыли от этого сотрудника до обучения. К затратам относятся: внедрение конкретного программного продукта на основе цифровых технологий, техническая поддержка этого программного продукта, оценка обучения. Соответственно, чем дороже обошлось обучение с помощью цифровых технологий, тем дольше по времени оно будет окупаться, и наоборот.

Применение моделей Д. Стаффлбима и М. Берна возможно одновременно в силу схожести первых двух этапов оценки эффективности обучения: *Context Evaluation* (оценка контекста развития) и *Input Evaluation* (оценка на входе). Совокупность первых двух критериев этих моделей является классической моделью плана обучения персонала. Поэтому перед обучением в условиях цифровизации организации необходимо решить следующие вопросы:

- Каковы цели и задачи обучения с помощью цифровых технологий? (для поиска ответа на этот вопрос подоходит целевая модель Р. Тайлера).
- Есть ли у организации возможности для реализации обучения с помощью цифровых технологий?
- С помощью каких цифровых технологий проводить обучение?
- Как внедрить цифровые технологии для обучения персонала с наименьшими рисками и убытками?
- Как персонал относится к предстоящему обучению с помощью цифровых технологий?

Итогом решения этих вопросов должно стать составление плана обучения персонала с помощью цифровых технологий.

Дальнейшая оценка эффективности обучения персонала будет состоять из 3 и 4 этапов модели Д. Стаффлбима: *Process Evaluation* (оценка процесса обучения) и *Product Evaluation* (оценка конечного итога обучения). Оценить процесс осуществления обучения и его итоги возможно через его сравнение с планом, составленным перед проведением обучения. Невыполнение плана не всегда будет означать, что обучение не дало хороших результатов – оно может показать, как лучше организовать обучение в дальнейшем, или привести к лучшим результатам, чем было запланировано.

После оценки процесса обучения необходимо оценить, как обучающиеся проходили запланированное обучение. В этом случае оценка обучения будет проводиться по 3 и 4 критериям модели М. Берна: *Reaction Evaluation* (оценка реакции на обучение) и O*utcome Evaluation* (оценка полученных результатов). Реакцию на обучение в условиях цифровизации можно оценить с помощью опроса или анкетирования сотрудников. Анкету можно выстроить по схеме:

- Социально-демографическая характеристика респондентов (3–4 вопроса по типу *Ваш пол, Ваш возраст* и пр.);
- Реакция персонала на обучение (3–4 вопроса по типу *Что Вам понравилось в обучении с помощью цифровых технологий, Что Вам не понравилось в обучении с помощью цифровых технологий?* и пр.);
- Оценка полученных результатов (3–4 вопроса по типу *Как Вы считаете, насколько актуальны для Вашей деятельности полученные знания, Какова применимость полученных знаний в Вашей работе?* и пр.).

[9] Что такое методика Филипса (ROI)? *HR-Portal*. URL: https://hr-portal.ru/article/chto-takoe-metodika-filipsa-roi (дата обращения: 13.11.2021).

Модель Р. Тайлера в условиях цифровизации можно использовать не только в рамках оценки обучения, но и в рамках создания программы цифровизации обучения на предприятии как документа, поскольку эта модель достаточно подробно раскрывает этапы целеполагания оцениваемого процесса. Поскольку внедрение чего-то нового в организацию требует грамотного обоснования, то для успешной цифровизации процессов обучения необходимо подробно описать цели программы внедрения цифровизации и методы их достижения. Предлагается оценка эффективности по модели Р. Тайлера через сравнение целеполагаемых и полученных результатов. Обозначение целей, методов их достижения и оценки результатов является неотъемлемой частью программы внедрения цифровизации обучения. Грамотное выполнение этих действий с помощью модели Р. Тайлера позволит создать грамотный документ, исполнение которого будет проходить без сложностей, следовательно, цифровизация обучения персонала пройдет успешно для организации.

В программе обучения также может быть зафиксировано положение о том, кто и как будет проводить оценку. В соответствии с моделью М. Скривена, получить объективную оценку эффективности обучения возможно лишь при условии оценки со стороны. В случае, если обучение проводится с помощью цифровых технологий, то экспертом может стать специалист из организации-разработчика программного продукта на основе цифровых технологий, который использовался при обучении персонала.

Заключение

Все существующие модели в той или иной степени могут быть применены в ходе обучения персонала с помощью цифровых технологий. Причем совместное применение моделей поможет расширить их потенциал и откроет для организаций новые возможности оценки обучения своего персонала.

Например, модели Р. Тайлера и М. Скривена могут помочь организации заложить фундамент в виде соответствующего документа, на котором будет основано проведение обучения персонала с помощью цифровых технологий. Эти модели позволяют сформулировать базовые принципы любого качественного обучения: целеполагание и объективность.

Модели Б. Блума и Дж. Филипса предлагают разные критерии качества проведения обучения персонала: уровень владения знаниями, полученными в ходе обучения; финансовая окупаемость обучения. Совместное применение этих двух моделей позволит организации определить зависимость между уровнем обученности персонала, достигнутым с помощью обучения после цифровизации, и тем уровнем расходов, которые организация в состоянии понести при цифровизации обучения своего персонала.

Модели Д. Стаффлбима и М. Берна могут применяться совместно в силу их схожести. Первоначальная оценка самого процесса обучения и затем его результатов также может быть эффективной стратегией оценки эффективности обучения, проведенного с помощью цифровых технологий.

Модель Д. Киркпатрика – наиболее популярна и известна во многом за счет своей простоты и понятности. В своих принципах модель олицетворяет все этапы, через которые проходит обучающийся во время и после своего обучения: обучается, испытывает реакцию на обучение, его поведение постепенно меняется, что проявляется в определенном результате. После внедрения цифровых технологий в обучение персонала неизбежно изменяется процесс обучения и модель Киркпатрика поможет организации быстро определить, каких целей она хочет добиться от цифровизации обучения своего персонала в простых критериях.

В реальности во многих организациях наиболее популярным методом оценки прошедшего обучения персонала стало анкетирование персонала, поскольку оно является наиболее быстрой и простой формой обратной связи между руководством и рядовым персоналом организации. При этом если организация решится использовать одну или несколько существующих моделей оценки эффективности обучения персонала, то это даст организации новый опыт, который она сможет использовать для совершенствования обучения своего персонала.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. И. Казакова – концептуализация, проверка исследования, написание замечаний, руководство. Т. В. Селиванова – концептуализация, проведение исследования, написание оригинального черновика, редактирование.
Contribution: M. I. Kazakova – conceptualization, validation, writing (comments), supervision. T. V. Selivanova – conceptualization, investigation, writing (original draft), writing (editing).

Литература / References

1. Чуланова О. Л., Тимченко Я. А. Корпоративное обучение персонала и методы его оценки: подходы, инструментарий, проблемы и пути их преодоления. *Вестник Евразийской науки*. 2016. Т. 8. № 1. [Chulanova O. L., Timchenko Y. A. Corporate training and methods of evaluation: approaches, tools, challenges and ways to overcome them. *The Eurasian Scientific Journal,* 2016, 8(1). (In Russ.)] https://doi.org/10.15862/13EVN116

2. Веселова С. В. Роль обучения персонала в развитии организации. *Новые импульсы развития: вопросы научных исследований*: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 10 октября 2020 г.) Саратов: Цифровая наука, 2020. С. 57–60. [Veselova S. V. The role of staff training in organizational development. *New impulses of development: issues of scientific research*: Proc. IV Internat. Sci.-Prac. Conf., Saratov, 10 Oct 2020. Saratov: Tsifrovaia nauka, 2020, 57–60. (In Russ.)]
3. Прокопьев А. В., Чернышова Т. Н. Современные методы профессионального обучения персонала. *Oeconomia et Jus*. 2022. № 1. С. 45–51. [Prokopiev A. V., Chernysheva T. N. Modern methods of personnel professional training. *Oeconomia et Jus*, 2022, (1): 45–51. (In Russ.)] https://doi.org/10.47026/2499-9636-2022-1-45-51
4. Попова А. В. Система обучения персонала в организации. *Инновации в науке*. 2018. № 4. С. 26–30. [Popova A. V. Staff training system in the organization. *Innovatsii v nauke*, 2018, (4): 26–30. (In Russ.)] EDN: YVPWDQ
5. Лазич Ю. В., Попова И. Н. Развитие персонала как важный элемент современной системы управления человеческими ресурсами. *Beneficium*. 2021. № 4. С. 105–111. [Lazich Yu. V., Popova I. N. Personnel development as an important element of a modern human resource management system. *Beneficium*, 2021, (4): 105–111. (In Russ.)] https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.4(41).105-111
6. Русакова Е. В., Русакова Е. В. Результативность и эффективность обучения персонала: критерии и модели оценивания, российский и зарубежный опыт. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2020. Т. 14. № 2. С. 160–163. [Rusakova E. V., Rusakova E. V. Employee training effectiveness: assessment criterions and models, Russian and foreign experience. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, 2020, 14(2): 160–163. (In Russ.)] https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.27
7. Савицкая В. В., Поворина Е. В. Теоретические аспекты системы обучения персонала. *Материалы Афанасьевских чтений*. 2016. № 3. С. 84–92. [Savitskaya V. V., Povorina E. V. Theoretical aspects of the personnel training system. *Materialy Afanasevskikh chtenii*, 2016, (3): 84–92. (In Russ.)] EDN: WXGSWD
8. Шендель Т. В., Яркова С. А. Обучение персонала: формирование инструментов оценки эффективности. *Креативная экономика*. 2021. Т. 15. № 3. С. 761–782. [Shendel T. V., Yarkova S. A. Staff training: development of performance assessment tools. *Kreativnaya ekonomika*, 2021, 15(3): 761–782. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/ce.15.3.111873
9. Щербакова А. В., Серикова О. Ю. К вопросу об оценке эффективности обучения персонала. *Современная экономика и общество глазами молодых исследователей*: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. V Уральского вернисажа науки и бизнеса в 3 т. (Челябинск, 16 марта 2018 г.) Челябинск: ЧелГУ, 2018. С. 305–309. [Shcherbakov A. V., Serikova O. Yu. To the question of evaluating the effectiveness of staff training. *Modern economy and society in the perspective of young researchers*: Proc. Internat. Sci.-Prac. Conf. V Ural Vernissage of Science and Business in 3 vol., Chelyabinsk, 16 Mar 2018. Chelyabinsk: CSU, 2018, 305–309. (In Russ.)] EDN: XULSPJ
10. Нихайчик А. П., Шендель Т. В. Совершенствование обучения производственного персонала промышленного предприятия энергетической отрасли. *Вестник современных исследований*. 2018. № 5.4. С. 277–280. [Nikhaichik A. P., Shendel T. V. Improvement of training of production personnel of an industrial enterprise of the energy sector. *Vestnik sovremennykh issledovanii*, 2018, (5.4): 277–280. (In Russ.)] EDN: LWWZGX
11. Михайлова А. В. Методические подходы к оценке деятельности службы управления персоналом. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 12-9. С. 1681–1685. [Mihajlova A. V. Methodological approaches to the evaluation of the human resources department. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2015, (12-9): 1681–1685. (In Russ.)] EDN: VJFWMP
12. Семина А. П. Роль оценки персонала в системе управления персоналом. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 1. С. 80–85. [Semina A. P. Personnel assessment in the personnel management system. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2020, (1): 80–85. (In Russ.)] https://doi.org/10.17513/vaael.942
13. Голубь А. А. Актуальность модели Д. Киркпатрика как инструмента оценки эффективности обучения персонала. *Символ науки*. 2019. № 5. С. 93–96. [Golub A. A. Relevance of D. Kirkpatrick's model as a tool for assessing the effectiveness of staff training. *Simvol nauki*, 2019, (5): 93–96. (In Russ.)]
14. Удовидченко Р. С., Киреев В. С. Сравнительный анализ моделей оценки эффективности обучения персонала. *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. [Udovidchenko R. S., Kireev V. S. Comparative analysis of models of the evaluation of learning efficiency of the personnel. *Modern Problems of Science and Education*, 2014, (6). (In Russ.)] EDN: TGQNNH
15. Воронина М. Ф., Карпова Е. А. Модели оценки эффективности обучения в контексте компетентностного подхода. *Социология и право*. 2016. № 1. С. 27–37. [Voronina M. F., Karpova E. A. Assessment of efficiency models of educational process in the context of the competence approach. *Sociology and Law*, 2016, (1): 27–37. (In Russ.)] EDN: VVFKPR
16. Кулькова И. А. Критерии оценки эффективности управления системой внутрифирменного обучения. *Современные управленческие технологии: от теории и методологии к практическим решениям*, науч. ред. И. Н. Ткаченко. Екатеринбург: УрГЭУ, 2016. С. 116–137. [Kulkova I. A. Criteria for assessing the effectiveness of intra-company

training management. *Modern management techniques: from theory and methodology to practical solutions*, sci. ed. Tkachenko I. N. Ekaterinburg: USUE, 2016, 116–137. (In Russ.)] EDN: QJYCBS

17. Пеша А. В., Коропец О. А. Анализ релевантности существующих моделей оценки эффективности корпоративного обучения и развития персонала. *Современное образование*. 2017. № 3. С. 83–95. [Pesha A. V., Koropets O. A. Analysis of the relevancy of existing models of assessing the effectiveness of corporate learning and development of personnel. *Modern Education*, 2017, (3): 83–95. (In Russ.)] https://doi.org/10.25136/2409-8736.2017.3.24000
18. Оценка программ: методология и практика, ред. А. И. Кузьмин, Р. О'Салливан, Н. А. Кошелева. М.: Престо-РК, 2009. [*Program evaluation: methodology and practice*, eds. Kuzmin A. I., O'Sullivan R., Kosheleva N. A. Moscow: Presto-RK, 2009. (In Russ.)]
19. Березина Е. С., Грязнова Е. Р., Борщева Ю. А. Формирование и развитие системы обучения персонала предприятий в современных экономических условиях. *Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика*, ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 113–126. [Berezina E. S., Gryaznova E. R., Borshchev Yu. A. The formation and development of the system of training personnel of the enterprises in modern economic conditions. *Management of socio-economic systems: theory, methodology, practice*, ed. Gulyaev G. Yu. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2017, 113–126. (In Russ.)] EDN: YLRUMZ
20. Передельский П. А. Дистанционные технологии в обучении персонала. *Профессиональная ориентация*. 2017. № 1. С. 301–308. [Peredelskii P. A. Remote technologies in staff training. *Professionalnaia orientatsiia*, 2017, (1): 301–308. (In Russ.)] EDN: YTYOZX
21. Гаспарович Е. О., Дуяр Е. М. E-learning как направление цифровизации обучения персонала. *Цифровая трансформация общества, экономики, менеджмента и образования:* мат-лы III Междунар. конф. (Екатеринбург, 11–12 ноября 2020 г.) Sedlčany: Ústav personalistiky, 2020. С. 36–41. [Gasparovich E. O., Duyar E. M. E-learning as a way to digitalize staff training. *Digitalization of Society, Economics, Management and Education*: Proc. III Internat. Conf., Ekaterinburg, 11–12 Nov 2020. Sedlčany: Ústav personalistiky, 2020, 36–41. (In Russ.)] EDN: GGNKYO
22. Токарева Ю. А., Акулова Д. А., Ивонина Е. О. Внедрение цифровых технологий в управление системой обучения персонала. *Цифровая трансформация общества, экономики, менеджмента и образования*: мат-лы II Междунар. конф. (Екатеринбург, 05–06 декабря 2019 г.) Т. 2. Sedlčany: Ústav personalistiky, 2020. С. 125–132. [Tokareva Y. A., Akulova D. A., Ivonina E. O. Introduction of digital technology in the management of the personnel training system. *Digitalization of Society, Economics, Management and Education*: Proc. II Internat. Conf., Ekaterinburg, 5–6 Dec 2019. Sedlčany: Ústav personalistiky, 2020, 125–132. (In Russ.)]
23. Коник А. А., Дыбов В. Е., Муханов Ю. В., Горбатенко А. В. Анализ эффективности обучения с применением дистанционных образовательных технологий. *Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт.* 2021. № 4. С. 34–41. [Konik A. A., Dybov V. E., Mukhanov Yu. V., Gorbatenko A. V. Analysis of the effectiveness of education using remote educational technologies. *Bulletin of TulSU. Physical culture. Sport*, 2021, (4): 34–41. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2305-8404-2021-4-34-41
24. Шендель Т. В., Яркова С. А. Оценка эффективности обучения персонала: методологический аспект. *Наука Красноярья*. 2021. Т. 10. № 1. С. 106–123. [Shendel T. V., Yarkova S. A. Evaluating the effectiveness of staff training: a methodological aspect. *Krasnoyarsk Science*, 2021, 10(1): 106–123. (In Russ.)] https://doi.org/10.12731/2070-7568-2021-10-1-106-123
25. Семина А. П. Оценка персонала методом «360 градусов». *Фундаментальные исследования*. 2020. № 2. С. 65–69. [Semina A. P. The personnel assessment method "360 degrees". *Fundamental Research*, 2020, (2): 65–69. (In Russ.)] https://doi.org/10.17513/fr.42687

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

оригинальная статья

Интеллектуальные транспортные системы в разрезе национальных интересов РФ: новые вызовы и угрозы

Гребенкина Светлана Александровна
Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-4376-9026
sagrebenkina@fa.ru

Гребенкина Ирина Александровна
Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-5177-6103

Поступила в редакцию 05.08.2022. Принята после рецензирования 13.10.2022. Принята в печать 17.10.2022.

Аннотация: Статья посвящена значимости интеллектуальных транспортных систем в реализации национальных интересов РФ. Актуальность обусловлена преимуществами развития транспортных технологий для всех сфер жизнедеятельности. Текущие условия санкционной политики привели к появлению новых барьеров для технологической модернизации, что обуславливает необходимость поиска путей их нивелирования. Цель – выявить вызовы и угрозы развитию интеллектуальных транспортных систем, актуальных современным реалиям, сформировать основные направления их преодоления. Методы: статистический, логический, системный и общенаучный анализ. Раскрыта и систематизирована ключевая роль интеллектуальных транспортных систем в разрезе различных аспектов реализации национальных интересов в областях социальной экономики, экологии, безопасности. Выявлены и проанализированы внешние и внутренние факторы, препятствующие высокотехнологичному развитию транспортного комплекса. С учетом текущих условий функционирования рассмотрены основные направления нивелирования существующих ограничений, предложены меры ускоренного развития передовых транспортных технологий. Выводы подкреплены результатами анализа нормативно-правовой базы, регламентирующей вопросы цифровизации транспортного комплекса, материалов органов исполнительной власти, трудов отечественных авторов. Результаты могут быть использованы для разработки или возможной корректировки ключевых путей развития интеллектуальных транспортных систем в условиях санкционной политики, реализуемой в отношении РФ.

Ключевые слова: интеллектуальные транспортные средства, беспилотные транспортные средства, национальные интересы, цифровизация, транспортный комплекс, транспортная стратегия

Цитирование: Гребенкина С. А., Гребенкина И. А. Интеллектуальные транспортные системы в разрезе национальных интересов РФ: новые вызовы и угрозы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2022. Т. 7. № 4. С. 444–450. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-444-450

full article

Intelligent Transportation Systems as Part of the National Interests of the Russian Federation

Svetlana A. Grebenkina
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-4376-9026
sagrebenkina@fa.ru

Irina A. Grebenkina
Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-5177-6103

Received 5 Aug 2022. Accepted after peer review 13 Oct 2022. Accepted for publication 17 Oct 2022.

Abstract: Hi-tech transport technologies are important for all spheres of life. Intelligent transportation systems implement the national interests of the Russian Federation, but the current sanctions prevent technological modernization. This article features the challenges and threats to the development of intelligent transportation systems, as well as their solutions and various means that would make it possible to introduce advanced transport technologies. The research relied on the methods of statistical, logical, systemic, and general scientific analyses. The authors described the key role of intelligent transportation systems in the national socio-economic, environmental, and security policies. They also identified the external and internal factors that hinder the high-tech development of the domestic transport complex. The article also contains a review of regulatory documents and scientific publications. The obtained results may be used to facilitate the development of intelligent transportation systems in the context of the sanctions.

© 2022. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Keywords: intelligent transportation systems, unmanned vehicles, national interests, digitalization, transport complex, transport strategy

Citation: Grebenkina S. A., Grebenkina I. A. Intelligent Transportation Systems as Part of the National Interests of the Russian Federation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, (7)4: 444–450. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-444-450

Введение

Трансформационные процессы мирового пространства, характеризующиеся возрастающими полицентрическими тенденциями и изменением структуры мирового порядка, обуславливают необходимость обеспечения и защиты национальных интересов РФ. Под *национальными интересами* понимаются «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии»[1].

Приоритет отдается усилению конкурентных преимуществ технологической базы и повышению эффективности использования имеющегося потенциала, что предопределяет роль и место нашей страны на мировой арене в долгосрочной перспективе. Внедрение и развитие высоких технологий оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности человека, способствуя повышению конкурентоспособности и безопасному функционированию экономики в целом, обеспечивая реализацию национальных целей [1; 2].

На современном этапе развития РФ в составе ключевых интересов отмечены: устойчивый рост экономики, повышение качества жизни и благосостояния граждан, поддержание стратегической стабильности. Достижение этих целей невозможно без укрепления научно-технологической базы. Среди перспективных направлений отмечается развитие интеллектуальных транспортных систем (ИТС), направленное на ускоренную модернизацию транспортного комплекса [3]. Современные реалии санкционных ограничений способны существенно затруднить намеченные целевые ориентиры, что обуславливает необходимость выявления приоритетных внешних и внутренних угроз для поиска путей их минимизации.

Вопросу развития интеллектуальных транспортных систем посвящены труды как зарубежных, так и отечественных авторов. Теоретические основы функционирования и совершенствования транспортных технологий рассматриваются в работах [4–8]. Среди отечественных авторов особого внимания заслуживают исследования, раскрывающие основы формирования и развития интеллектуальных транспортных систем в России [9–12]. Однако для оперативного реагирования на возникающие вызовы и угрозы в быстро меняющихся условиях необходимы дополнительные исследования с учетом текущей внешнеполитической ситуации.

Информационной базой работы послужили материалы органов исполнительной власти и нормативно-правовые документы, регламентирующие основные вопросы развития интеллектуальных транспортных систем: Стратегия национальной безопасности РФ, Концепция внедрения интеллектуальных транспортных систем в городских агломерациях, национальный проект «Безопасные и качественные дороги», Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 г.

Результаты

На сегодняшний день цифровизация выступает одним из факторов ускоренного социально-экономического развития страны[2]. Внедрение передовых технологий в транспортном комплексе активизирует предпринимательский потенциал; снижает транзакционные издержки; усиливает роль и долю государства в торгово-экономической сфере и международных производственных цепочках, укрепляя межгосударственное взаимодействие и увеличивая поток товаров и инвестиций. Все это способствует устойчивому развитию экономики, ее безопасному функционированию [13–15]. Развитие *умных систем* влечет усиление защищенности субъектов [10; 16]. К примеру, системы IP-наблюдения обеспечивают интеграцию ИТС и системы безопасности, повышая эффективность деятельности правоохранительных органов и реализуя такой аспект национальных интересов, как государственная и общественная безопасность.

Транспортно-логистические узлы пропускают огромное количество людей, массовое скопление которых повышает угрозу террористической активности. Соответственно, контроль над передвижением населения и транспортными системами становится одним из приоритетных направлений. Находясь на периферии автотранспортной отрасли и информационных технологий, ИТС обеспечивают регулирование транспортных потоков, предоставляя пользователям, с одной стороны, комфорт и качество, с другой – безопасность и усиление взаимодействия участников движения.

Улучшение качества и доступности транспортных услуг, логистических условий для ведения бизнеса выступают одними из факторов сохранения и развития человеческого потенциала [17]. Контроль транспортного трафика,

[1] Стратегия национальной безопасности РФ. *СПС КонсультантПлюс.*

[2] Транспортная стратегия РФ до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. *СПС КонсультантПлюс.*

снижение заторов и аварийных ситуаций на дорогах реализуют еще один аспект национальных интересов – обеспечение экологической безопасности. Также модернизация транспортной системы способствует ускорению научно-технического прогресса в целом, переходу экономики на новую технологическую базу; появлению новых профессий благоприятствует повышению уровня квалификации сотрудников [18], что отвечает заявленным национальным интересам в сфере научно-технологического развития. Однако для системного развития ИТС на территории РФ имеется ряд внутренних и внешних ограничений, усиливающихся на фоне сложившейся внешнеполитической ситуации.

Анализ статистических данных и нормативно-правовой базы (рис.[3]) показывает высокую территориальную дифференциацию в уровне развития.

Только порядка 40 % регионов имеют системы автоматической фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения. Почти в четверти субъектов внедрены инструменты мониторинга транспортного трафика. Технологией весогабаритного контроля и метеомониторинга оснащены чуть более 9 % субъектов, только в 5 % регионов созданы подсистемы автоматического светофорного регулирования. Субъекты демонстрируют недостаточный уровень развития ИТС и разный состав реализованных подсистем.

В настоящее время активное развитие ИТС получили преимущественно на территориях отдельных мегаполисов, а также на скоростных и некоторых платных автомобильных дорогах [9]. С учетом имеющихся различий комплексное развитие на территории РФ затруднено, что обусловлено рядом причин. В первую очередь это разный уровень инфраструктурного развития и финансовых возможностей субъектов, соответственно, и разные целевые индикаторы в рамках инновационного развития территории. Передовыми по уровню развития ИТС выступают обеспеченные субъекты: Москва, Санкт-Петербург; Московская и Тюменская области; Краснодарский и Пермский край, Республика Татарстан [19; 20].

Постановлением Правительства РФ № 309 от 09.03.2022 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» на территориях г. Москвы и Республики Татарстан установлен специальный правовой режим для проведения тестовых испытаний высокоавтоматизированных транспортных средств. Это позволяет систематизировать правила использования беспилотных транспортных средств и упростить процедуры тестирования для ускорения их вывода на дороги[4]. Постановлением Правительства РФ № 1415 от 26.11.2018 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» утверждено проведение испытаний до 10.07.2022[5] на отдельных территориях, среди которых Ленинградская, Нижегородская, Владимирская, Московская обл. и др., что способствует усилению отрыва технологически оснащенных субъектов от отстающих.

Для выравнивания диспропорций и автоматизации дорожного управления субъектам ежегодно выделяется финансирование из федерального бюджета. В 2020 г. поддержку получили 27 агломераций с населением свыше 300 тыс. человек и 22 субъекта РФ. Однако, как правило, ИТС развиваются автономно, без учета специфики сопредельных территорий в рамках отдельных агломераций,

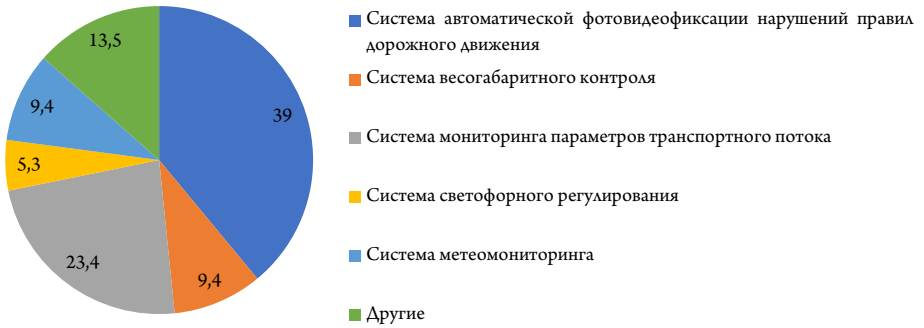

Рис. Доля субъектов РФ в разрезе внедрения основных подсистем ИТС, %
Fig. Intelligent transportation systems in various regions of the Russian Federation, %

[3] Сост. по: Концепции внедрения интеллектуальных транспортных систем в городских агломерациях. *Росавтодор*. URL: https://rosavtodor.gov.ru/storage/app/uploads/public/5e0/1e9/708/5e01e9708cf8e517182017.pdf?ysclid=l5vagir34l901173143 (дата обращения: 22.07.2022).

[4] Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств. Постановление Правительства РФ № 309 от 09.03.2022. *СПС КонсультантПлюс.*

[5] О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств. Постановление Правительства РФ № 1415 от 26.11.2018. *СПС КонсультантПлюс.*

субъектов, скоростных трасс [12; 21]. Отсутствие единого подхода к внедрению и реализации технологических транспортных решений обуславливает слабую пространственную связность сопредельных территорий, что может приводить к нерациональному использованию ресурсов, росту дополнительных затрат и снижению качества транспортных услуг.

Разрешить данную проблему призвана *Концепция создания и функционирования Национальной сети ИТС на автомобильных дорогах общего пользования* за счет внедрения единой федеральной платформы, связывающей ИТС отдельных субъектов РФ и ИТС автомобильных дорог общего пользования федерального значения в единую сеть с оптимизированной топологией и единым планом развития, сохраняя при этом их организационно-технологическую независимость[6]. Помимо связанности территорий, Концепция должна решить задачи роста качества транспортных услуг в совокупности со снижением влияния на окружающую среду; реализации транспортного потенциала; усиления роли государства в мировых логистических цепочках; развития интегрированных цифровых сервисов для участников транспортного движения.

На модернизацию транспортной отрасли направлен также национальный проект «Безопасные и качественные дороги». Проектом предусмотрена автоматизация процессов управления дорожным движением в городских агломерациях населением свыше 300 тыс. человек[7]. Финансирование осуществляется путем отбора заявок от территорий. Из 56 поданных заявок в 2020 г. было отобрано 22 заявки для пилотного внедрения ИТС. В первую очередь это обусловлено отсутствием единых стандартов ИТС, что порождает недопонимание регионами основной цели реализации проекта – создание типизированных интегрированных информационных решений, а не развитие отдельных элементов (камер фото- и видеонаблюдения, рамки весогабаритного контроля и пр.).

В реализации проектов также отмечается ряд сложностей. В заявке заложено техническое проектирование ИТС, однако денежные средства были освоены без выделения ресурсов на данный пункт, преимущественно на периферийное оборудование фиксации нарушений и светофоры [11]. Беспокойство вызывает и кадровая составляющая, т. е. наличие у исполнителей компетенций в области цифровых технологий.

Как показывает анализ нормативно-правовой базы, в настоящий момент разработан целый ряд документов, призванных ускорить темпы развития и введения высокоинтеллектуальных транспортных систем для реализации национальных интересов РФ.

Вместе с тем оценка последних событий позволяет сделать вывод о происходящем пересмотре инфраструктурных задач. Если еще совсем недавно ключевым барьером выступало нормативно-правовое регулирование высокоавтоматизированных транспортных средств [22], то в условиях введенных санкций добавились запреты поставок новых технологий в РФ, нарушения логистических цепочек, рост цен на комплектующие и сервисное обслуживание на фоне ослабления рубля. Все это несет угрозу национальным интересам в области цифровизации посредством замедления темпов развития ИТС, что обусловлено высокой долей использования иностранного программного обеспечения. Исключением выступает только система фотовидеофиксации, разработанная преимущественно на основе отечественных технологий.

Как отмечают специалисты, сложности могут возникнуть, в частности, с компонентной базой (чипсеты, микропроцессоры для вычислений и пр.), необходимой для распознавания окружающей среды беспилотными средствами [23; 24]. Также находится под угрозой одна из целей создания национальной системы ИТС и значимого национального интереса – формирование единого международного инфраструктурного пространства, призванного обеспечить связанность территорий и транспортную доступность рынков сбыта; усиление интеграции нашей страны в международные транспортно-логистические цепочки; повышение скорости, надежности и предсказуемости транспортных перевозок за счет развития интегрированных цифровых серверов для всех участников движения. С 2014 г. реализуется совместный инфраструктурный проект РФ и Финляндии, дорожное сообщение между которыми стало первым международным полигоном для проведения испытаний отечественной системы по оказанию экстренной помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях *ЭРА-ГЛОНАСС* и европейского аналога, *eCall*. В том же году страны заключили соглашение об информационном обмене данными для работы сервисов ИТС на дорожном коридоре Санкт-Петербург – Хельсинки. В 2020 г., российская и финская стороны подписали Меморандум о взаимодействии в вопросах развития интеллектуальных транспортных систем, направленый на ускорение вывода беспилотных транспортных средств на дороги[8].

Однако в современных реалиях при фактическом ограничении российских автотранспортных компаний по европейским направлениям формирование единого международного пространства ИТС затруднено. Более того, это может вызвать дополнительные угрозы национальной безопасности при умышленном взломе

[6] Транспортная стратегия РФ до 2030 г....

[7] Безопасные и качественные дороги. Национальный проект. *СПС КонсультантПлюс.*

[8] Меморандум о сотрудничестве в области развития интеллектуального транспорта и информационных технологий. *Росавтодор*. URL: https // rosavtodor.gov.ru/press-center/news/221591 (дата обращения: 22.07.2022).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-444-450

систем [25]. Стоит упомянуть расследование столкновения управляемого автопилотом электромобиля *Tesla* с эвакуатором в Москве, проводившееся в 2019 г. Неизвестными остались и истинные причины аварии беспилотника в апреле 2021 г., когда электромобиль на высокой скорости не вписался в поворот и врезался в дерево. По одной из версий, программное обеспечение автомобиля *Tesla* могло быть взломано и скорректировано.

На фоне последних событий также появилась угроза дефицита технологического обеспечения. О своем уходе с российского рынка заявили многие иностранные компании-разработчики ПО. Например, о приостановке своей деятельности сообщила белорусская компания *Gurtam*, занимавшая почти половину рынка транспортной телематики в России.

Заключение

Решением проблем развития национальной ИТС в субъектах могло бы стать усиление методической поддержки, развитие образовательной базы в области формирования и реализации ИТС, техническая поддержка и мониторинг на всех этапах реализации проекта, усиленный контроль за рациональным расходованием ресурсов, формирование реестра проверенных поставщиков программно-аппаратных комплексов и технологических решений.

В настоящее время большую обеспокоенность вызывают внешние факторы обеспечения национальных интересов в области цифровизации транспортного комплекса. Как справедливо отмечают специалисты, говоря о новых вызовах формированию единого международного инфраструктурного пространства, текущие ограничения можно использовать для активизации развития беспилотных транспортных средств за счет изменения схемы международных поставок, одновременно нивелируя угрозы национальной безопасности перегрузкой или перецепкой грузов при пересечении российской границы на беспилотные автомобили по заданным направлениям.

После ухода с российского рынка крупных зарубежных игроков многие компании, безусловно, почувствовали острую необходимость перехода на новые системы мониторинга. Однако не стоит забывать про отечественные разработки, в частности *ЭРА-ГЛОНАСС*. Данный период может стать катализатором для активизации потенциала местных производителей.

В условиях запрета на поставки передовых технологий в Россию и нарушения логистических поставок решением видится 3 возможных варианта:

1. Переориентация зоны импортных поставок с западных стран на азиатские, т. е. замена компонентной базы аналогами, к примеру, от китайских производителей. Однако это может привести к небольшим временным затратам для внесения корректировок в логистические цепочки;
2. Постепенная разработка и развитие отечественных заменителей. Говоря об отечественном импортозамещении в отношении объектов критической информационной инфраструктуры, к которой относится ИТС, стоит отметить отсутствие в настоящий момент на территории РФ производств процессоров для обработки сложных задач беспилотных транспортных средств. Среди минусов также временной фактор, т. е. существенное замедление развития ИТС.
3. Ускоренное развитие существующей базы. Это повлечет необходимость дополнительных ресурсов, как финансовых, так и кадровых. При этом слишком быстрые темпы могут сказаться на качестве опытно-экспериментальных процедур и, соответственно, на конечном результате.

Предполагается, что основным направлением в ближайшей перспективе должен стать поиск каналов поставок аналогов компонентной базы, что незначительно повлияет на реализацию проекта развития ИТС. Вместе с тем, во избежание зависимости от сбоя поставок, санкционной политики и прочих рисков, в среднесрочной и долгосрочной перспективе целесообразно налаживание производства собственного ПО и необходимых комплектующих. Данному вопросу следует уделить особое внимание при проектировании, внедрении и модернизации действующих ИТС для обеспечения их бесперебойного функционирования в долгосрочной перспективе.

Систематизирована значимость ИТС в рамках реализации национальных интересов РФ, выявлены и проанализированы факторы, блокирующие ускоренные темпы цифровизации транспортного комплекса. Отмечено, что помимо внутренних сложностей развития национальной сети ИТС, в современных условиях на первый план выдвигаются внешние угрозы: изменение логистических цепочек, уход с российского рынка крупных зарубежных игроков, ограничение российских транспортных компаний по европейским направлениям, рост стоимости комплектующих на фоне нестабильности рубля и пр. Наряду с этим данный период может стать катализатором для наращивания потенциала отечественных разработчиков и ускорения решения вопросов, которые ранее откладывались в силу различных причин. Авторами предложены основные направления нивелирования угроз реализации национальных интересов в сфере цифровизации транспортного комплекса. Результаты могут быть использованы для разработки или возможной корректировки ключевых путей развития ИТС в условиях санкционных ограничений, реализуемых в отношении РФ.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicts of Interest: The authors have declared no potential conflicts of interest regarding the research, authorship and/or publication of this article.

Критерии авторства: С. А. Гребенкина – формулирование идей и целей исследования, сбор информации, формальный анализ, подготовка, создание и презентация начальной версии исследования, подготовка окончательного текста статьи.
И. А. Гребенкина – формулирование идей и целей исследования, критический обзор начальной версии исследования, написание комментариев и редактирование, подготовка окончательного текста статьи.

Contribution: S. A. Grebenkina developed the research concept, gathered information, performed the formal analysis, drafted the manuscript, and proofread the final version of the text. I. A. Grebenkina developed the research concept, edited the draft, and wrote the final version of the manuscript.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по договору № 19-29-06069\21.
Funding: The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, contract No. 19-29-06069\21.

Литература / References

1. Гребенкина С. А., Гребенкина И. А., Благодир А. Л. Интеллектуальные транспортные системы как фактор социально-экономического развития. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2020. № 2. С. 317–329. [Grebenkina S. A., Grebenkina I. A., Blagodir A. L. Intellectual transport systems as a factor of social and economic development. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2020, (2): 317–329. (In Russ.)] https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.2.23
2. Иванова Н. А. Цифровизация транспортного комплекса как важнейшее условие формирования современной транспортной инфраструктуры. *Транспортное дело России*. 2020. № 1. С. 71–75. [Ivanova N. A. Digitalization of the transport complex as the most important condition of forming modern transport infrastructure. *Transport business of Russia*, 2020, (1): 71–75. (In Russ.)] EDN: AQAJCS
3. Рудакова Е. Н., Паньшин А. И., Власов А. В. Цифровизация как одна из тенденций развития транспорта и логистики в современных условиях. *Путеводитель предпринимателя*. 2021. Т. 14. № 1. С. 51–61. [Rudakova E. N., Panshin A. I., Vlasov A. V. Digitalization as one of trends of transport and logistics development in modern conditions. *Putevoditel' predprinimatelya*, 2021, 14(1): 51–61. (In Russ.)] https://doi.org/10.24182/2073-9885-2021-14-1-51-61
4. Gipps P. G. A behavioural car-following model for computer simulation. *Transportation Research Part B: Methodological,* 1981, 15(2): 105–111. https://doi.org/10.1016/0191-2615(81)90037-0
5. Liang Z., Wakahara Y. City traffic prediction based on real-time traffic information for intelligent transportation systems. *13th International Conference on ITS Telecommunications (ITST)*: Coll. Sci. Papers, Tampere, 5–7 Nov 2013. IEEE, 2013, 378–383. https://doi.org/10.1109/ITST.2013.6685576
6. Algers S., Eliasson J., Mattsson L.-G. Is it time to use activity-based urban transport models? A discussion of planning needs and modelling possibilities. *The Annals of Regional Science*, 2005, 39(4): 767–789. https://doi.org/10.1007/s00168-005-0016-8
7. Yonghong Y. A traffic-flow parameters evaluation approach based on urban road video. *International Journal of Intelligent Engineering and Systems*, 2009, 2(1): 33–39. https://doi.org/10.22266/ijies2009.0331.04
8. Ezell S. Intelligent Transportation Systems. *The Information Technology & Innovation Foundation*, 2010, 58.
9. Борейко А. Е., Иванов М. А. Применение высокоавтоматизированных транспортных средств при осуществлении грузовых перевозок. *Мир дорог*. 2021. № 142. С. 92–93. [Boreiko A. E., Ivanov M. A. Highly automated vehicles in cargo transportation. *Mir dorog*, 2021, (142): 92–93. (In Russ.)] EDN: QSMRCD
10. Воробьев А. И., Гаврилюк М. В., Плетнев М. Г. Использование интеллектуальных транспортных систем как инструмента аудита безопасности дорожного движения. *Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)*. 2021. № 2. С. 81–87. [Vorobyev A. I., Gavriluk M. V., Pletnev M. G. Using intelligent transport systems as a road safety audit tool. *Vestnik Moskovskogo avtomobilno-dorozhnogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta (MADI)*, 2021, (2): 81–87. (In Russ.)] EDN: VTNCSB
11. Жанказиев С. В., Воробьев А. И., Гаврилюк М. В. Принципы формирования государственной системы сертификации элементов ИТС в Российской Федерации. *Транспорт Российской Федерации.* 2021. № 1-2. С. 3–6. [Zhankaziev S. V., Vorobyev A. I., Gavrilyuk M. V. Principles of forming a state certification system for intelligent transport system elements in the Russian Federation. *Transport Rossiiskoi Federatsii*, 2021, (1-2): 3–6. (In Russ.)] EDN: TMFCOL
12. Меренков А. О. Основные этапы процесса реализации интеллектуальных транспортных систем. *Вестник Университета*. 2015. № 9. С. 92–97. [Merenkov A. O. International experience in the emplementation of the intelligent transportation system. *Vestnik Universiteta*, 2015, (9): 92–97. (In Russ.)] EDN: XHNSHB
13. Жанказиев С. В. Возможности использования беспилотных автомобильных систем в решении задач транспортной логистики. *Наука и бизнес: пути развития*. 2020. № 12. С. 26–33. [Zhankaziev S. V. The possibility of using unmanned vehicle systems in solving problems of transport logistics. *Nauka i biznes: puti razvitiya*, 2020, (12): 26–33. (In Russ.)] EDN: CVZXTY

14. Ларин А. Н., Ларина И. В. Цифровизация автотранспортной и железнодорожной отраслей как ключевой элемент цифровизации экономики. *Известия Транссиба*. 2021. № 4. С. 109–129. [Larin A. N., Larina I. V. Digitalization of the road transport and railway industries as a key element of the digital economy. *Izvestiia Transsiba*, 2021, (4): 109–129. (In Russ.)] EDN: VWRXTL
15. Дащенко Ю. Ю. Цифровая экономика как экономика будущего. *Тенденции развития науки и образования.* 2018. № 35-1. С. 18–19. [Dashchenko Iu. Iu. Digital economy as the economy of the future. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2018, (35-1): 18–19. (In Russ.)] https://doi.org/10.18411/lj-28-02-2018-04
16. Kravchenko P., Zhankaziev S., Oleshchenko E. Multi-faceted approach to solving issue of ensuring «zero mortality» on Russian roads. *Transportation Research Procedia*: Proc. 14th Internat. Conf. on Organization and Traffic Safety Management in Large Cities, St. Petersburg, 21–24 Oct 2020. Elsevier B. V., 2020, 310–320. https://doi.org/10.1016/j.trpro.2020.10.037
17. Плотников А. М., Жанказиев С. В., Гурин Д. О. О текущих результатах деятельности по достижению целевого уровня безопасности дорожного движения в регионах России. *Транспорт Российской Федерации*. 2019. № 5. С. 45–49. [Plotnikov A. M., Zhankaziev S. V., Gurin D. O. On the current results of activities for reaching the target level of traffic safety in Russia's territorial subjects. *Transport Rossiiskoi Federatsii*, 2019, (5): 45–49.] EDN: OTTRYJ
18. Янченко Е. В. Риски безработицы в условиях цифровизации экономики. *Экономика труда*. 2020. Т. 7. № 8. С. 677–692. [Yanchenko E. V. Unemployment risks in the context of digitalization of the economy. *Ekonomika truda*, 2020, 7(8): 677–692. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/et.7.8.110729
19. Гребенкина С. А., Гребенкина И. А. Потенциальные риски внедрения цифровых технологий на транспорте в социальной и экономической сферах РФ. *Вестник НГИЭИ*. 2021. № 6. С. 68–79. [Grebenkina S. A., Grebenkina I. A. Potential risks of introducing digital technologies in transport in the social and economic spheres of the Russian Federation. *Bulletin NGIEI*, 2021, (6): 68–79. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2227-9407-2021-6-68-79
20. Мокрова Н. В. Концептуальный подход к проблематике умных городов. *Промышленное и гражданское строительство.* 2020. № 7. С. 32–40. [Mokrova N. V. Conceptual approach to smart cities problems. *Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo*, 2020, (7): 32–40. (In Russ.)] https://doi.org/10.33622/0869-7019.2020.07.32-40
21. Соколов И. А., Мишарин А. С., Куприяновский В. П., Покусаев О. Н., Куприяновская Ю. В. Роботы, автономные робототехнические системы, искусственный интеллект и вопросы трансформации рынка транспортно-логистических услуг в условиях цифровизации экономики. *International Journal of Open Information Technologies.* 2018. Т. 6. № 4. С. 92–108. [Sokolov I. A., Misharin A. S., Kupriyanovsky V. P., Pokusaev O. N., Kupriyanovskaia Yu. V. Robots, autonomous robotic systems, artificial intelligence and the transformation of the market of transport and logistics services in the digitalization of the economy. *International Journal of Open Information Technologies*, 2018, 6(4): 92–108. (In Russ.)] EDN: LBBOEX
22. Кочои С. М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств. *Актуальные проблемы российского права.* 2021. Т. 16. № 7. С. 125–135. [Kochoi S. M. Criminal law risks when using unmanned vehicles. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2021, 16(7): 125–135. (In Russ.)] https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.125-135
23. Покровская О. Д. Логистические транспортные системы России в условиях новых санкций. *Бюллетень результатов научных исследований*. 2022. № 1. С. 80–94. [Pokrovskaya O. D. Russia's logistics transport systems under new sanctions. *Bulletin of scientific research results*, 2022, (1): 80–94. (In Russ.)] EDN: YINMKX
24. Борейко А. Е., Бураго С. В., Мамулат С. Л. Актуальные «цифровые» задачи развития международных транспортных коридоров. *Мир дорог*. 2020. № 131. С. 43–50. [Boreiko A. E., Burago S. V., Mamulat S. L. Relevant digital tasks of the development of international transport corridors. *Mir dorog*, 2020, (131): 43–50. (In Russ.)] EDN: MZJIWM
25. Писарева О. М., Алексеев В. А., Медников Д. Н., Стариковский А. В. Характеристика зон уязвимости и источников угроз информационной безопасности эксплуатации беспилотных автомобилей в интеллектуальной транспортной системе. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2021. Т. 14. № 4. С. 20–36. [Pisareva O. M., Alexeev V. A., Mednikov D. N., Starikovsky A. V. Characteristics of vulnerability zones and threats sources for information security by the operation of unmanned vehicles in an intelligent transport system. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2021, 14(4): 20–36. (In Russ.)] https://doi.org/10.18721/JE.14402

оригинальная статья

Социально-экономические эффекты от деятельности агрохолдингов на сельских территориях Новосибирской области: индикаторы и прогнозирование выраженности

Кондратьев Михаил Викторович
Новосибирский государственный аграрный университет, Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0003-3606-532
kondratevmvnsk@outlook.com

Поступила в редакцию 11.05.2022. Принята после рецензирования 23.06.2022. Принята в печать 23.06.2022.

Аннотация: Социально-экономические трансформации значительно влияют на глобальную продовольственную безопасность и привлекают внимание к проблеме доступности качественных продуктов питания для различных групп населения. С целью интенсификации производства продовольствия государственным институтам предстоит активизировать политику в области поддержки крупных инфраструктурных проектов в аграрном секторе; стимулировать дальнейшую экспансию крупных вертикально-интегрированных формирований на сельские территории, в том числе и в регионах с невысоким базовым уровнем развития сельского хозяйства. Внимание уделено не только позитивным, но и негативным факторам деятельности агрохолдингов. Цель – разработать системный методический подход к оценке социально-экономических эффектов от деятельности агрохолдингов с апробацией на примере Маслянинского муниципального района Новосибирской области. Описаны этапы оценки, приведена матрица потенциальных социально-экономических эффектов от деятельности агрохолдингов и перечень индикаторов для оценки их выраженности. Методы: описание и классификация, экономико-математическое моделирование, трендовый анализ, анализ финансовых коэффициентов, факторный анализ, адаптивное краткосрочное прогнозирование, формализация. Разработан методический подход, который может применяться для формирования сценариев развития сельских территорий региона под влиянием агрохолдингов и обоснования перспективных направлений формирования позитивных социально-экономических эффектов от деятельности агрохолдингов на сельских территориях силами органов публичной власти.
Ключевые слова: сельские территории, комплексное развитие, социально-экономические эффекты, вертикально-интегрированные структуры, сельское хозяйство, агропромышленный комплекс

Цитирование: Кондратьев М. В. Социально-экономические эффекты от деятельности агрохолдингов на сельских территориях новосибирской области: индикаторы и прогнозирование выраженности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 451–460. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-451-460

full article

Socio-Economic Effects of Agricultural Holdings in Rural Areas of Novosibirsk Region: Indicators and Projection of Their Expression

Mikhail V. Kondratyev
Novosibirsk State Agrarian University, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0003-3606-5327
kondratevmvnsk@outlook.com

Received 11 May 2022. Accepted after peer review 23 Jun 2022. Accepted for publication 23 Jun 2022.

Abstract: The ongoing socio-economic transformations have a significant impact on global food security and expose the problem of access to quality food for different population groups. In order to intensify food production, public institutions support large infrastructure projects in the agricultural sector and expand large vertically-integrated entities into rural areas, including regions with low agricultural development. A thorough analysis of negative experience in agricultural holdings could prevent the implicit degradation of the rural territories which they strive to support. The author developed a systematic

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

multistage methodological approach to assessing the socio-economic effects of agricultural holdings. The method was tested in the Maslyanino municipal district of the Novosibirsk Region. The article introduces a matrix of potential socio-economic effects from the activities of agricultural holdings and a list of indicators to assess their expression. The study used such methods as description, classification, economic-mathematical modeling, trend analysis, analysis of financial coefficients, factor analysis, adaptive short-term forecasting, and formalization. The new methodological approach can be used to design scenarios of rural development by agricultural holdings, as well as to promote their positive socio-economic effects.
Keywords: rural areas, integrated development, socio-economic effects, vertically integrated structures, agriculture, agribusiness

Citation: Kondratyev M. V. Socio-Economic Effects of Agricultural Holdings in Rural Areas of Novosibirsk Region: Indicators and Projection of Their Expression. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 451–460 (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-451-460

Введение

Изучение социально-экономических эффектов является одним из перспективных направлений исследования влияния крупных предприятий на территорию своего присутствия. В данный момент в научной литературе разворачивается широкая дискуссия относительно понятия и содержания социально-экономических эффектов.

В статье представлены результаты первого этапа комплексного исследования влияния вертикально-интегрированных структур на развитие сельских территорий. Обеспечение эффективного и комплексного развития как агропромышленного комплекса, так и сельских территорий в РФ остается одной из первоочередных задач государственной аграрной политики. В то же время осложняется ситуация с глобальной продовольственной безопасностью. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в макрорегионах с наибольшей численностью и плотностью населения сохраняется умеренный или высокий уровни отсутствия продовольственной безопасности[1]. Наиболее очевидным решением является внедрение политики благоприятствования развитию крупных агропромышленных операторов или вертикально-интегрированных формирований, распространенных на постсоветском пространстве, особенно в Украине, Казахстане и России. Интенсификация развития агрохолдингов на южных территориях, наиболее пригодных для ведения аграрного бизнеса, определила формирование как позитивных, так и негативных трендов развития территорий присутствия, т. е. тех сельских поселений, на базе которых размещаются производительные силы [1].

В литературе встречается указание на такие побочные социально-экономические эффекты от деятельности агрохолдингов, как сокращение занятости в сельском хозяйстве, вымывание малого и среднего бизнеса. Э. А. Калафатов, основываясь на обзоре крупнейших сделок M&A в аграрном секторе и собственном обзоре ситуации, складывающейся на юге нашей страны, утверждает, что «отечественные агрохолдинги всячески пытаются зачистить сельские территории от фермерских или личных подсобных хозяйств, что у них достаточно неплохо получается» [2, с. 274]. О. П. Фадеева отмечает, что агрохолдинги являются ключевыми получателями государственной поддержки, направленной на развитие сельскохозяйственной отрасли, причем в некоторых регионах России таких получателей не более 3–5 [3].

Парадоксальное сочетание развития агрохолдингов и деградации территории присутствия, приводящее к упадку сельских территорий и привычного уклада организации сельского хозяйства, отмечает Е. В. Андрианова и др. [4]. Практически все авторы отмечают отрицательные эффекты от деятельности агрохолдингов, избегая позитивных оценок развития такого формата хозяйствования на сельских территориях [1–8]. Отдельным дискуссионным вопросом остается практически неконтролируемое наращивание земельного банка, в т. ч. за счет земельных ресурсов, находившихся в собственности более мелких предпринимателей; высокая зависимость хозяйствующих субъектов от обслуживания предоставленных кредитных линий; преимущественное использование технологических решений, ориентированных на сокращение занятого персонала.

Отдельными учеными отмечается положительный потенциал использования инновационных технологий в сельском хозяйстве при условии рациональной политики в области человеческого капитала на селе [10–14]. За последние 5 лет вертикально-интегрированные структуры стали активным игроком и на рынке сельскохозяйственной продукции Новосибирской области, что вызывает неоднозначную реакцию со стороны органов представительной власти и профессионального сообщества (преимущественно представителей малого и среднего бизнеса). На наш взгляд, это требует особого внимания со стороны исследовательского сообщества в части выявления путей преодоления негативных явлений, возникающих в процессе активной экономической деятельности.

[1] Prevalence of moderate or severe food insecurity. *The Food and Agriculture Organization of the United Nations*. URL: https://www.fao.org/sustainable-development-goals/indicators/212/ru/ (accessed 10 May 2022).

С этой целью предлагается разработать системный методический подход для оценки социально-экономических эффектов от деятельности агрохолдингов, возникающих на сельских поселениях, относящихся к территории присутствия. Предполагается, что создание и апробация такого методического подхода позволит сформировать сценарии развития сельских территорий под влиянием агрохолдингов и позволит создать инструменты стимулирования позитивных социально-экономических эффектов, которые будут способны поддерживать развитие поселений, в т. ч. в условиях преобразования системы местного самоуправления.

Методы и материалы

Источниками информационной базы исследования стала совокупность статистической и аналитической информации, находящейся в открытом доступе: данные, размещенные в Инфраструктуре научно-исследовательских данных, Единой межведомственной информационно-статистической системе, финансовая отчетность вертикально-интегрированных структур Государственного информационного ресурса публичной бухгалтерской отчетности, материалы аналитических центров[2]. Методы:

- методы описания и классификации (для анализа особенностей хозяйственной деятельности агрохолдингов в России и мире);
- экономико-математическое моделирование (для разработки методики оценки социально-экономических эффектов от деятельности агрохолдингов);
- трендовый анализ, анализ коэффициентов, факторный анализ (для описания динамики развития сельских территорий и агрохолдингов);
- ценарное прогнозирование, формализация (для формирования сценариев развития сельских территорий Новосибирской области под влиянием деятельности агрохолдингов и определения перспективных направлений формирования позитивных социально-экономических эффектов).

Обработка статистических данных произведена с использованием программного комплекса Stata (17 версия).

Результаты

В настоящее время отсутствует единый системный подход к комплексному анализу социально-экономических эффектов. Как исследовательским сообществом, так и регуляторными институтами предлагаются различные трактовки этой теоретической категории, избегающие классического отождествления *затраты – результаты*. В руководстве по оценке социального возврата на инвестиции[3] социально-экономический эффект определяется как соотношение социальных результатов / эффектов (степени воздействия на общество), которые в текущих условиях могут быть непосредственно измерены и выражены количественно. При этом особенностью оценки социально-экономических эффектов является то, что она предполагает выявление главным образом тех результатов, которые в текущих условиях относительно доступны для выражения в стоимостных единицах [15–17]. В частности, в 2019 г. Правительством РФ были выработаны методические рекомендации к оцениванию результатов крупных инфраструктурных проектов, в рамках которых предлагается рассчитывать значения таких количественных показателей, как прирост ВВП и бюджетный эффект[4]. Анализ теоретических концепций и регуляторных документов показывает важность оценки последствий деятельности, которые могут иметь отдаленные результаты.

Под социально-экономическим эффектом предлагается понимать устойчивый количественный результат деятельности хозяйствующего субъекта (агрохолдинга), имеющий определяющее значение для различных аспектов социально-экономического развития соответствующей территории присутствия. В основу разрабатываемого метода оценки включена самостоятельно разработанная аналитическая процедура на основе адаптации механизма SROI (Social Return on Investments, социальный возврат на инвестиции), включающего в себя 6 последовательных этапов:

1. *Выбор объектов анализа и определение стейкхолдеров, формирование информационной базы.* Как объекты выделяются хозяйствующие субъекты, отвечающие критериям отнесения к агрохолдингам, и соответствующие сельские поселения – территории присутствия. Стейкхолдеры – местные население, сообщество и формальный институт самоуправления.
2. *Составление карты социально-экономических эффектов от деятельности агрохолдинга.* Совместно со стейкхолдерами разрабатывается карта результатов, показывающая связи между вкладами агрохолдингов и конечными результатами в виде достижения целей социально-экономического развития.
3. *Подтверждение наличия конечных результатов и их количественная оценка.* Сбор данных для подтверждения или опровержения достижения результатов, подбор количественных эквивалентов результатов.

[2] Государственный информационный ресурс публичной бухгалтерской отчетности. URL: https://bo.nalog.ru/; Официальные статистические показатели. *ЕМИСС*. URL: https://www.fedstat.ru; База данных показателей муниципальных образований: объединенные и обработанные данные за 2006–2020 гг. Росстат. Обработка: М. В. Веденьков, М. О. Комин, М. В. Цыганков. *АНО «ЦПУР»*, 2022. URL: http://data-in.ru/data-catalog/datasets/115/ (дата обращения: 10.05.2022).

[3] Руководство по оценке социального возврата на инвестиции (SROI). URL: http://impact.ngo.ru›attachments/download/27 (дата обращения 11.05.2022).

[4] Установлен порядок оценки социально-экономических эффектов от реализации инфраструктурных проектов в транспортной сфере с государственной поддержкой. URL: http://government.ru/docs/38488/ (дата обращения: 11.05.2022).

4. *Оценка воздействия и протяженности во времени выявленных социально-экономических эффектов.* Из анализа исключаются изменения, не являющиеся следствием анализируемого воздействия вертикально-интегрированных структур, формируются прогностические модели для наблюдаемых эффектов.
5. *Расчет интегрального значения в рамках модели оценки влияния агрохолдингов на развитие сельских территорий.* Все положительные результаты деятельности в денежном выражении суммируются, из них вычитаются все выявленные в процессе анализа отрицательные результаты. Итог сопоставляется с общей суммой инвестиций вертикально-интегрированных формирований в свою деятельность.
6. *Подготовка отчета.* Отчет, обсуждение и использование результатов, в т. ч. для долгосрочного прогнозирования развития сельских территорий под влиянием вертикально-интегрированных структур.

Агропромышленный комплекс в регионах Сибирского федерального округа отличается высокодифференцированным уровнем развития, преимущественно связанным с природно-климатическими и логистическими особенностями отдельных субъектов. По состоянию на 2021 г. в сибирских регионах действует 1818 крупных и средних предприятий, чьи виды деятельности относятся к собирательной классификационной группировке видов экономической деятельности «Агропромышленный комплекс» на основе «Общероссийского классификатора видов экономической деятельности»[5]. Распределение предприятий по субъектам Сибирского федерального округа представлено на рис. 1[6].

Новосибирская область – лидер по количеству средних и крупных агропромышленных предприятий, поэтому данный регион выбран в качестве объекта исследования. Критериями отбора объектов наблюдения стало соответствие признакам вертикально-интегрированной структуры, ведение активной хозяйственной деятельности на территории Новосибирской области, реализация крупных инфраструктурных проектов при государственной поддержке органов публичной власти региона и регистрация юридического лица (материнской либо дочерней компании) в одном из сельских районов региона. Для апробации методики было отобрано агропромышленное предприятие ООО «Сибирская Нива», занимающееся разведением молочного крупного рогатого скота и производством сырого молока. Стейкхолдерами является население соответствующих сельских территорий Маслянинского района Новосибирской области; формальный институт местного самоуправления, представленный администрацией муниципального образования.

Для формирования оценки потенциала агропромышленного предприятия к продуцированию позитивных социально-экономических эффектов необходимо провести анализ значений расчетных параметров, характеризующих текущее состояние хозяйствующего субъекта. Информационной базой для оценки стали данные бухгалтерской и налоговой отчетности анализируемых агрохолдингов; статистические показатели, предоставляемые государственными статистическими службами и центрами специализированной аналитики, прошедшие через вторичную обработку автором. Значения финансовых коэффициентов, характеризующих текущее состояние ООО «Сибирская Нива», приведены в табл. 1[7].

Можно сделать вывод об удовлетворительном финансовом состоянии компании, однако высокая зависимость операционной деятельности от заемного капитала может привести к ухудшению показателей. «Сибирская Нива» постоянно наращивает объем привлекаемых средств в рамках кредитных линий, в т. ч. открываемых под залог. Основными кредиторами являются АО «Россельхозбанк» и ПАО «Сбербанк». Высокорискованная

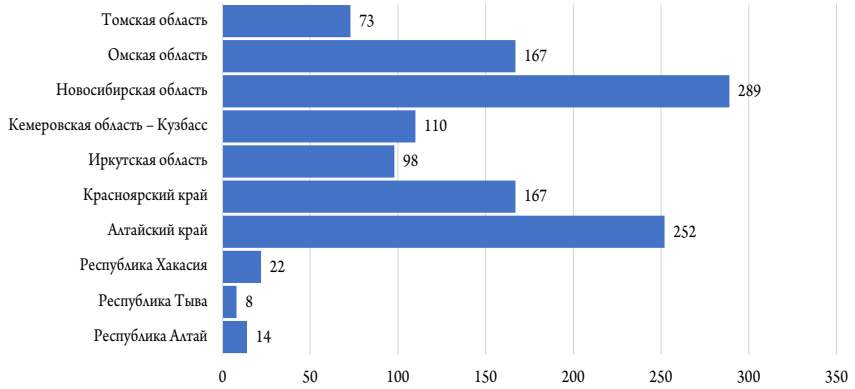

Рис. 1. Распределение численности крупных и средних агропромышленных предприятий по регионам СФО, 2021, единиц
Fig. 1. Large and medium-sized agro-industrial enterprises in the Siberian Federal District, 2021, units

[5] Справочник компаний по коду ОКВЭД. *РБК-Компании.* URL: https://companies.rbc.ru/okved/01/ (дата обращения: 10.05.2022).

[6] Сост. по: Официальные статистические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-VSHP201611 (дата обращения: 10.05.2022).

[7] Сост. по: Информационно-аналитическая система *СПАРК.* URL: https://spark-interfax.ru/novosibirskaya-oblast-maslyaninski-raion/ooo-sibirskaya-niva-inn-5431207898-ogrn-1065462012604 (дата обращения: 10.05.2022).

заемная политика привела к серьезному корпоративному конфликту, поставившему под угрозу реализацию крупного инфраструктурного проекта и деятельность предприятия в целом.

Выдвинуто предположение, что в рамках предлагаемого методического подхода потенциальные социально-экономические эффекты от деятельности вертикально-интегрированных структур для сельских территорий можно классифицировать по 4 группам. Матрица потенциальных социально-экономических эффектов с описанием индикаторов оценки выраженности приведена в табл. 2.

На основе анализа конкретных кейсов методами экономико-математического моделирования производится формирование карты социально-экономических эффектов от деятельности агрохолдинга с учетом характера их направленности и степени выраженности на территориях. Для этого на основе статистических данных происходит сбор значений индикаторов оценки выраженности и проводится их количественная оценка относительно трехлетней динамики. Значения индикаторов приведены в табл. 3[8].

Табл. 1. Расчетные параметры оценки потенциала продуцирования позитивных социально-экономических эффектов на территории присутствия крупного агропромышленного предприятия, 2020
Tab. 1. Estimated parameters describing the potential for positive socio-economic effects, 2020

Наименование	Значение
Доля внеоборотных активов	46,34
Коэффициент концентрации собственного капитала (автономии), %	3,58
Коэффициент концентрации заемного капитала, %	96,94
Коэффициент быстрой ликвидности	1,31
Рентабельность активов (по балансовой прибыли)	0,44
Рентабельность всех операций (по балансовой прибыли)	1,81
Среднеотраслевой уровень собственного оборотного капитала, % к выручке	95,51
Выручка от продажи, руб.	4566798
Дебиторская задолженность, руб.	3949526
Денежные средства, руб.	9060
Займы и кредиты (долгосрочные), руб.	13760373
Займы и кредиты (краткосрочные), руб.	5481550
Капитал и резервы, тыс. руб.	685102
Кредиторская задолженность, руб.	733715
Оборотные активы, тыс. руб.	12022399
Прибыль до налогообложения, руб.	82699
Прибыль от продажи, руб.	531186
Себестоимость проданных товаров и услуг, руб.	4030076
Экспертная оценка экономического положения предприятия	Удовлетворительное с рисками ухудшения в связи с высокой зависимостью от заемного капитала

Табл. 2. Матрица потенциальных социально-экономических эффектов от деятельности вертикально-интегрированных структур
Tab. 2. Matrix of potential socio-economic effects of vertically-integrated structures

Наименование	Индикаторы выраженности
Обеспечение занятости населения территории присутствия (в т. ч. в сфере сельского хозяйства)	1. Численность занятого населения на территории присутствия
	2. Численность занятого в сельском хозяйстве населения на территории присутствия
	3. Численность работников предприятия
	4. Фонд заработной платы всех работников сельскохозяйственных организаций
	5. Уровень оценочной заработной платы на предприятии
	6. Количество открытых вакантных мест на предприятии в течение 1 года
Состояние сельскохозяйственного малого и среднего бизнеса на территории присутствия	1. Численность субъектов малого и среднего предпринимательства, ведущих деятельность в сфере сельского хозяйства
	2. Сумма среднесписочной численности сотрудников
Участие в формировании доходной части местного бюджета и развитии территории присутствия	1. Объем уплаченных налогов и сборов в местный бюджет территории присутствия
	2. Количество реализованных инфраструктурных проектов, в т. ч. объектов инфраструктуры, построенных при непосредственном участии агрохолдинга
	3. Объем оказываемой поддержки местным сообществам
Изменение показателей продуктивности деятельности отрасли сельского хозяйства на территории присутствия	1. Индекс производства продукции сельского хозяйства (в процентах к предыдущему году)
	2. Реализация продукции сельскохозяйственными организациями

[8] Сост. по: База данных показателей муниципальных образований 2006–2020 гг. *ИНИД*. URL: https://data-in.ru/data-catalog/datasets/115/ (дата обращения: 10.05.2022).

На 2021 г. в Маслянинском муниципальном районе в сельском хозяйстве занято 1252 человека, что сопоставимо с численностью занятых сотрудников ООО «Сибирская Нива». В компании заняты жители сопредельных муниципальных образований и граждане, не имеющие постоянной регистрации в Маслянинском муниципальном районе Новосибирской области. Среди местных жителей широко распространены маятниковые трудовые миграции, вызванные широкой дифференциацией по уровню возможного дохода территорий проживания и места осуществления трудовой деятельности.

По открытым данным Общероссийской базы вакансий и резюме Федеральной службы по труду и занятости, для неквалифицированных специалистов и специалистов с низкой квалификацией компания предлагает уровень дохода 18–25 тыс. руб., для специалистов высокой квалификации – 50–70 тыс. руб. Средний уровень заработной платы в Новосибирской области – 41534 руб. Наиболее распространенный диапазон размера заработной платы – 11–30 тыс. руб.

Компания постоянно наращивает объем фонда оплаты труда, что выражается в положительной динамике обязательных отчислений в государственные внебюджетные фонды. Уровень оценочной заработной платы на предприятии выше среднеотраслевых и среднерегиональных значений и составляет 47967,36 руб. В целом можно говорить о позитивной направленности и явной выраженности социально-экономического эффекта обеспечение занятости населения территории присутствия (в т. ч. занятость в сфере сельского хозяйства). Однако следует принять во внимание широкую дифференциацию в размере заработной платы работников различной квалификации. Политика компании свидетельствует о заинтересованности в привлечении кадров, обладающих компетенциями в новых технологических процессах и областях сельского хозяйства.

Табл. 3. Индикаторы оценки выраженности социально-экономических эффектов от деятельности агрохолдинга ООО «Сибирская Нива», 2018–2020.
Tab. 3. Indicators for assessing the expression of socio-economic effects of agricultural holdings, Sibirskaya Niva LLC, 2018–2020

Социально-экономические эффекты	Значение индикатора выраженности		
	2018	2019	2020
Обеспечение занятости населения территории присутствия (в т. ч. занятость в сфере сельского хозяйства)			
Численность занятого населения на территории присутствия, человек	3634,00	4080,00	4250,00
Численность занятого населения на территории присутствия в сельском хозяйстве, человек	787,00	1079,00	1252,00
Численность работников предприятия, человек	789,00	1079,00	1265,00
Фонд заработной платы всех работников сельскохозяйственных организаций, руб.	333104,00	497585,80	633282,30
Среднемесячная заработная плата работников сельскохозяйственных организаций, руб.	30246,50	34031,80	38197,80
Уровень оценочной заработной платы на предприятии, руб.	–	–	47 967,36
Количество открытых вакантных мест на предприятии в течение 1 года	–	–	–
Состояние сельскохозяйственного малого и среднего бизнеса на территории присутствия			
Численность субъектов малого и среднего предпринимательства, ведущих деятельность в сфере сельского хозяйства, единиц	67	62	64
Количество регистрационных действий по созданию нового юридического лица в сфере сельского хозяйства	26	12	8
Количество регистрационных действий по ликвидации юридического лица в сфере сельского хозяйства	11	10	14
Количество высокорентабельных сельскохозяйственных предприятий (рентабельность > 20 %)	1	1	2
Формирование доходной части местного бюджета и развитие территории присутствия			
Совокупный объем уплаченных налогов и сборов в местный бюджет территории присутствия, руб.	118783830,00	221829734,00	210696747,00
Изменение показателей продуктивности деятельности отрасли сельского хозяйства на территории присутствия			
Индекс производства продукции сельского хозяйства на территории присутствия (в сопоставимых ценах; в % к предыдущему году)	169,30	177,20	87,10
Реализация продукции сельскохозяйственными организациями на территории присутствия, основной вид производимой продукции – молоко, ц	624561,00	1055561,00	999638,00

В состоянии малого и среднего сельскохозяйственного бизнеса на территории присутствия наблюдается выраженная отрицательная динамика количества субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере сельского и лесного хозяйства, в т. ч. ориентированных и на органическое земледелие (рис. 2[9]). Если в 2017 г. в Маслянинском муниципальном районе осуществляли свою деятельность 40 индивидуальных предпринимателей и 18 глав крестьянских фермерских хозяйств, то в 2021 г. в сельском хозяйстве было занято 23 индивидуальных предпринимателя (меньше на 53,49 %) и 16 глав крестьянско-фермерских хозяйств (меньше на 11,11 %).

Сокращается и количество регистрационных действий, связанных с открытием нового сельскохозяйственного малого и среднего бизнеса на территории присутствия агрохолдинга. В Маслянинском районе за 2021 г. было открыто лишь 2 юридических лица при ликвидации за этот же отчетный период 10 организаций. Наибольшее количество открытых компаний в сфере сельского хозяйства в Маслянинском районе было зафиксировано в 2017 г. – 16 предприятий. По данным публичной финансовой отчетности, снижается количество высокорентабельных организаций, наиболее распространенный уровень рентабельности среди сельскохозяйственных предприятий находится в диапазоне 3–8 %. В целом по Новосибирской области отмечается увеличение численности малых и микропредприятий, в 2020 г. по отношению к 2016 г. рост составил 13,32 %. В связи с этим можно говорить о негативной направленности влияния крупной вертикально-интегрированной структуры на состояние сельскохозяйственного малого и среднего бизнеса на территории присутствия.

Налоговая нагрузка ООО «Сибирская Нива» по отдельным видам налогов и сборов, направляемых в бюджеты, демонстрирует положительную динамику (табл. 4[10]). В то же время компания активно использует возможности по сокращению налоговой нагрузки, применению льготных налоговых режимов и других мер избегания излишних издержек в части обязательных платежей в бюджеты всех уровней. Это может приводить к недостаточному участию в формировании доходной части местного бюджета как одного из основных источников пропорционального распределенного финансирования развития всего муниципального района и отдельных поселений.

Отмечено снижение объема поступлений от налога на имущество организаций и транспортного налога. Несмотря на активное наращивание земельного банка, объем платежей по земельному налогу – основному источнику доходов для сельского поселения, сокращается. За счет активного вовлечения в льготные механизмы развития аграрного сектора, предлагаемые на федеральном и региональном уровне, компания значительно сокращает объем участия в формировании доходной части муниципального бюджета. Основной объем налогов и сборов, уплачиваемых компанией, поступает в бюджет региона и федеральный бюджет. В долгосрочной перспективе подобная политика отрицательно сказывается на комплексном развитии территории присутствия, несмотря на возможные краткосрочные и единичные эффекты.

Рассматривая изменение показателей продуктивности отрасли сельского хозяйства на территории присутствия, можно отметить серьезный вклад ООО «Сибирская Нива» в улучшение показателей производства продукции сельского хозяйства не только Маслянинского района, но и Новосибирской области в целом. Компания производит наибольший объем сырого молока в регионах Сибири, самостоятельно обеспечивает сырьем производство продукции с высокой добавленной стоимостью и сбыт сырого молока крупнейшим производителям

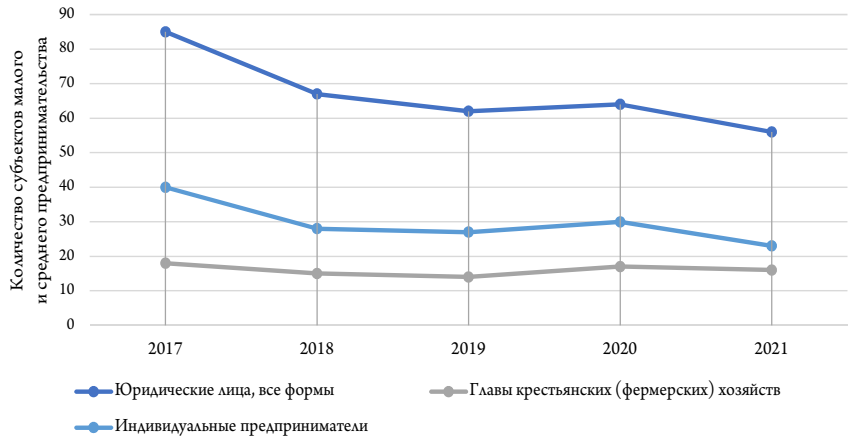

Рис. 2. Динамика количества субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере сельского и лесного хозяйства в Маслянинском районе Новосибирской области, 2017–2021, единиц
Fig. 2. Small and medium businesses in agriculture and forestry in the Maslyanino District, Novosibirsk Region, 2017–2021, units

[9] Сост. по: Официальные статистические показатели. *ЕМИСС*. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58600; Информационно-аналитическая система СПАРК. URL: https://spark-interfax.ru/statistics/selskoe-lesnoe-rybnoe-hozjajstvo?culture=ru (дата обращения: 10.05.2022).

[10] Сост. по: Информационно-аналитическая система СПАРК. URL: https://spark-interfax.ru/novosibirskaya-oblast-maslyaninski-raion/ooo-sibirskaya-niva-inn-5431207898-ogrn-1065462012604 (дата обращения: 10.05.2022).

Табл. 4. Объем средств, перечисленных ООО «Сибирская Нива» в бюджеты всех уровней в виде уплаты обязательных налогов, взносов и сборов, 2017–2020, руб.
Tab. 4. Funds transferred to the local budget by Sibirskaya Niva LLC as mandatory taxes and contributions, 2017–2020, rubles

Наименование платежа	2017	2018	2019	2020
Страховые взносы на обязательное пенсионное страхование в ПФ РФ	44189800	62878434	103104041	143122402
Страховые взносы на обязательное медицинское страхование в фонд ОМС	10377491	14693152	21752577	36407224
Страховые взносы на обязательное социальное страхование	5573562	8071131	11911317	19229513
Налог на имущество организаций	25225189	25477895	80436683	9306082
Земельный налог	3073671	1979123	2450851	2407001
Транспортный налог	104726	55740	111672	100884
Водный налог	90	3878	11697	89342
Налог на прибыль организаций (НПО)	1235196	5624477	870700	34299
Налог на добавленную стоимость (НДС)	9122993	–	1180196	–
Уплачено налогов, взносов и сборов, всего	98902718	118783830	221829734	210696747

региона, оказывая серьезное влияние на внутреннее ценообразование и эффективность регионального агропромышленного комплекса.

По оценкам самой компании, увеличение производства приведет к необходимости дальнейшего наращивания земельного банка. ООО «Сибирская Нива» не заинтересована в субподряде на выращивание кормовой базы и других культур, поскольку находится в замкнутом производственном контуре, демонстрируя относительно высокие значения показателей прибыли до вычета процентов и налогов (EBIT) (1835149 руб. в 2021 г. против 1083050 руб. в 2020 г.) и рентабельности продаж (17,6 % в 2021 г. против 11,6 % в 2020 г.). В то же время устойчивость финансового положения целиком зависит от крупных кредиторов компании.

После распределения социально-экономических эффектов по типу и выраженности влияния необходимо оценить выраженность в сочетании с протяженностью каждого из эффектов во времени. В связи с высокой зависимостью от изменчивых условий внешней среды использована краткосрочная прогностическая модель. Особое значение для планирования имеет прогнозирование негативных эффектов.

Рассмотрим пример построения прогностической модели эффекта, связанного с состоянием малого и среднего сельскохозяйственного бизнеса на территории присутствия. Для построения модели прогноза численности субъектов малого и среднего предпринимательства в Маслянинском муниципальном районе до 2025 г. использован *Метод Брауна*, применяемый для краткосрочного прогнозирования[11]. Значения (доверительный интервал = 95 %, стационарный R^2 = 0,829, нормализованный BIC = 4,516, MASE = 0,55, MAE = 4,57) свидетельствуют о хорошем качестве построенной модели (рис. 3[12]).

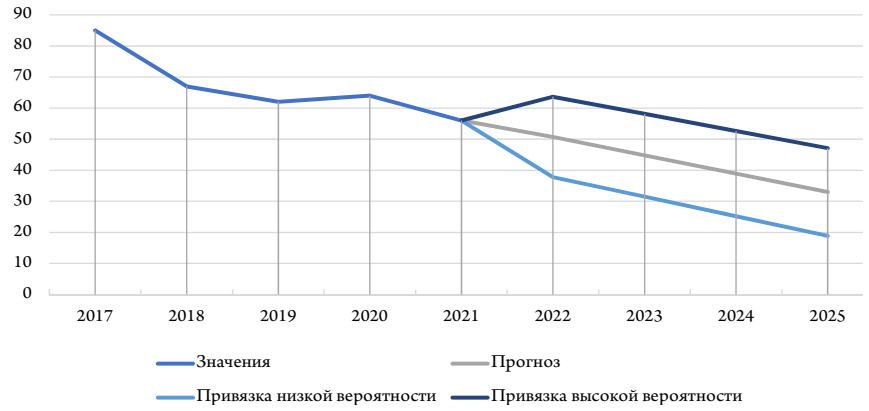

Рис. 3. Прогноз количества субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере сельского и лесного хозяйства в Маслянинском районе Новосибирской области до 2025 г., единиц
Fig. 3. Forecast of the number of small and medium businesses in agriculture and forestry in the Maslyanino District, Novosibirsk Region, through 2025, units

[11] Экономико-математические модели и их интерпретация на примере модели Брауна. URL: https://www.hse.ru/data/2011/01/11/1207980005/2010-03-18-Brown-article.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

[12] Рассчитано по: Информационно-аналитическая система СПАРК. URL: https://spark-interfax.ru/statistics/selskoe-lesnoe-rybnoe-hozjajstvo?culture=ru (дата обращения: 10.05.2022).

Результаты построения прогностической модели свидетельствуют об усложнении характера тренда на снижение численности субъектов малого и среднего предпринимательства. Оптимистичный вариант прогноза демонстрирует потенциальное снижение численности таких субъектов до 47 единиц к 2025 г. Реалистичный и пессимистичный варианты прогноза предполагают сокращение численности субъектов малого и среднего предпринимательства до 33 и 19 единиц соответственно. Полученные данные можно применять при планировании тактических и стратегических управленческих решений по поддержке развития малого и среднего бизнеса на территории муниципального образования, в т. ч. при участии крупного хозяйствующего субъекта.

Заключение

Разработан подход для оценки влияния вертикально-интегрированных структур на развитие сельских территорий. Совокупная оценка выраженности каждого из эффектов деятельности крупного предприятия на территории одного из муниципальных районов Новосибирской области имеет распределение от выраженного негативного до позитивного влияния с риском ухудшения. В качестве позитивного эффекта, с оговорками касательно значительной дифференциации уровня заработной платы относительно уровня квалификации, можно выделить обеспечение занятости населения территории присутствия (в т. ч. в сфере сельского хозяйства). На продуцирование социально-экономических эффектов оказывает влияние финансово-экономическое положение агрохолдинга, зависящее от высокорискованной заемной политики и от качества исполнения долговых обязательств перед заемщиками.

Особое внимание уделено влиянию вертикально-интегрированной структуры на состояние малого и среднего сельскохозяйственного бизнеса на территории присутствия. Несмотря на общие позитивные тенденции, наблюдаемые в Новосибирской области, на территории присутствия одновременно с расширением производственной деятельности агрохолдинга значительно сократилось число субъектов малого и среднего предпринимательства, сокращается число вновь регистрируемых юридических лиц. Прогностическая модель выраженности этого социально-экономического эффекта до 2025 г. указывает на сохранение отмечаемых тенденций. Получаемые данные могут применяться в управленческой практике органов исполнительной власти и местного самоуправления при планировании политики в области комплексного развития сельских территорий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ НШ-1129.2022.2.
Funding: The research was part of the Grant of the President of the Russian Federation for State Support of Leading Scientific Schools, No. НШ 1129.2022.2.

Литература / References

1. Холодова М. А., Усенко Л. Н., Криничная Е. П. Развитие процессов кооперационных и интеграционных взаимодействий в аграрном секторе экономики России. Рассвет: АзовПринт, 2020. 116 с. [Kholodova M. A., Usenko L. N., Krinichnaia E. P. *Development of the processes of cooperation and integration interactions in the agrarian sector of Russia's economy*. Rassvet: AzovPrint, 2020, 116. (In Russ.)] https://doi.org/10.34924/FRARC.2021.68.66.001
2. Калафатов Э. А. Негативное влияние агрохолдингов на социально-экономическое развитие сельских территорий России. *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 2. [Kalafatov E. A. The negative impact of agricultural holdings on the socio-economic development of rural Russia. *Moscow economic journal*, 2022, 7(2). (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_2_108
3. Фадеева О. П. «Дело было в Пенькове»: как агрохолдинги завоевывают сельские районы Сибири. *Крестьяноведение: Теория. История. Современность*, ред. А. М. Никулин, М. Г. Пугачева, Т. Шанина. М.: Дело, 2015. Вып. 10. С. 197–233. [Fadeeva O. P. "It was in Penkovo": how agroholdings conquer rural Siberia. *Krestianovedenie: Teoriia. Istoriia. Sovremennost*, eds. Nikulin A. M., Pugacheva M. G., Shanin T. Moscow: Delo, 2015, iss. 10, 197–233. (In Russ.)] EDN: XRTXQL
4. Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Худякова Ю. Парадоксы современного институционального развития крестьянских (фермерских) хозяйств. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2022. Т. 8. № 1. С. 51–101. [Andrianova E. V., Davydenko V. A., Khudyakova Yu. Paradoxes of modern institutional development of peasant (farmer) farms. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2022, 8(1): 51–101. (In Russ.)] https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-1-51-101
5. Васькин В. Ф., Кузьмицкая А. А., Коростелова О. Н. Сущность и место агрохолдингов и крестьянских (фермерских) хозяйств в развитии агробизнеса и сельских территорий. *Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии*. 2021. № 2. С. 65–75. [Vaskin V. F., Kuzmitskaya A. A., Korosteleva O. N. The nature and place of agricultural

holdings and peasant farms in the development of agribusiness and rural areas. *Vestnik Bryanskoj gosudarstvennoj selskokhozyajstvennoj akademii*, 2021, (2): 65–75. (In Russ.)] EDN: KNCOVT

6. Нефедова Т. Г. Пространственная дифференциация сельскохозяйственного производства в России в условиях природного и социального опустынивания. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2022. Т. 86. № 1. С. 69–81. [Nefedova T. G. Spatial differentiation of agricultural production in Russia in conditions of natural and social desertification. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2022, 86(1): 69–81. (In Russ.)] https://doi.org/10.31857/S2587556622010101
7. Монахов С. В. Институциональные аспекты развития агропромышленных формирований в современных условиях. *Актуальные вопросы современной экономики*. 2022. № 2. С. 173–176. [Monakhov S. V. Institutional aspects of the development of agroindustrial formations in modern conditions. *Topical issues of the modern economy*, 2022, (2): 173–176. (In Russ.)] https://doi.org/10.34755/IROK.2022.71.42.044
8. Акинин П. В., Акинина В. П., Алимова И. О. Современные тенденции и противоречия развития агрохолдингов России. *Финансовый бизнес*. 2022. № 3. С. 18–21. [Akinin P. V., Akinina V. P., Alimova I. O. Modern trends and contradictions in the development of agricultural holdings in Russia. *Financial Business*, 2022, (3): 18–21. (In Russ.)] EDN: BLFREQ
9. Петухова М. С., Рудой Е. В., Орлова Н. В. Оценка влияния инновационной активности в сельскохозяйственном производстве на уровень жизни сельского населения. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2022. № 2. С. 111–115. [Petukhova M. S., Rudoy E. V., Orlova N. V. Assessment of the impact of innovative activity in agricultural production on the standard of living of the rural population. *International agricultural journal*, 2022, (2): 111–115. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/25876740_2022_65_2_111
10. Адуков Р. Х., Адукова А. Н. Продовольственная безопасность России: необходимость усиления социальной ориентированности государственного управления. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2021. № 4. С. 90–99. [Adukov R. K., Adukova A. N. Food security in Russia: the need for strengthening the social orientation of public administration. *Economy, labor, management in agriculture*, 2021, (4): 90–99. (In Russ.)] https://doi.org/10.33938/214-90
11. Рудой Е. В., Петухова М. С., Рюмкин С. В., Труфляк Е. В., Курченко Н. Ю. Научно-обоснованный прогноз развития точного земледелия в России. Новосибирск: Золотой колос, 2021. 138 с. [Rudoi E. V., Petukhova M. S., Riumkin S. V., Trufliak E. V., Kurchenko N. Yu. *Science-based forecast of precision agriculture development in Russia*. Novosibirsk: Zolotoi kolos, 2021, 138. (In Russ.)]) EDN: BLJFAQ
12. Куралбаева Р. Е., Байбулекова Л. А., Сакибаева К. С. Агропромышленные инновации как основной аспект развития отечественного сельского хозяйства. *Статистика, учет и аудит*. 2019. № 3. С. 167–170. [Kuralbayeva R. E., Baibulekova L. A., Sakibaeva K. S. Agroindustrial innovations as the main aspect of development of domestic agriculture. *Statistika, uchet i audit*, 2019, (3): 167–170. (In Russ.)] EDN: RTLATI
13. Беликова И. П., Байчерова А. Р. Инновации и внедрение современных технологий в сельском хозяйстве России. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 2. № 12. С. 44–49. [Belikova I. P., Baycherova A. R. Innovation and implementation of modern technologies in agriculture in Russia. *Economics and management: problems, solutions*, 2020, 2(12): 44–49. (In Russ.)] https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2020.12.02.008
14. Слобожанин Д. М., Афанасьева Т. А., Кузьмина Е. С. Взаимосвязь цепочки ценности и эффективности конкурентных стратегий участников мясной отрасли региона. *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 3. [Slobozhanin D. M., Afanasieva T. A., Kuzmina E. S. The value chain interconnection and the efficiency of competitive strategies of the participants of the meat sector of the region. *Moscow economic journal*, 2022, 7(3). (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_3_188
15. Цивилева А. Е., Голубев С. С. Мультипликативный экономический и социальный эффект деятельности территорий опережающего социально-экономического развития Республики Саха (Якутия). *Уголь*. 2021. № 11. С. 33–37. [Tsivileva A. E., Golubev S. S. Multiplier economic and social effect of activities in territories of priority social and economic development in the republic of Sakha (Yakutia). *Ugol*, 2021, (11): 33–37. (In Russ.)] https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-11-33-37
16. Легчилина Е. Ю. Социально-экономические эффекты трансформации социально-трудовых отношений в условиях пенсионной реформы и цифровизации экономики. *Инновационная экономика и общество*. 2020. № 1. С. 34–39. [Legchilina E. Yu. Socio-economic effects of transformation of social-labor relations in the conditions of pension reform and digitalization of the economy. *Innovative Economy and Society*, 2020, (1): 34–39. (In Russ.)] EDN: FCRUSE
17. Феоктистова О. А., Власихин С. А. Социальный кодекс: опыт российских регионов и ожидаемый социально-экономический эффект. *Актуальные вопросы современной экономики*. 2018. № 6. С. 638–648. [Feoktistova O. A., Vlasikhin S. A. Social Code: experience of the Russian regions and the expected socio-economic effect. *Topical issues of the modern economy*, 2018, (6): 638–648. (In Russ.)]) EDN: GZODKL

оригинальная статья

Оценка цифровой зрелости процесса управления персоналом для организации цифрового перехода компании

Лапиков Андрей Владимирович
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
andreylapikov@gmail.com

Поступила в редакцию 23.08.2022. Принята после рецензирования 30.09.2022. Принята в печать 03.10.2022.

Аннотация: Для увеличения эффективности любой организации важно своевременно анализировать работоспособность внутренних бизнес-процессов, оценивать их зрелость для формирования траектории трансформационных изменений. Управление персоналом – один из ключевых процессов, влияющих на результат цифровой трансформации организации. Люди являются основным провайдером изменений, исполнителем и вдохновителем трансформации. Трансформация предполагает внедрение новых подходов в повышении компетенций, изменении организационных структур, новое наполнение идеологии корпоративной культуры для реализации цифровых изменений бизнеса. Готовность процесса *управления персоналом* к цифровой трансформации в организациях различных отраслей является актуальной темой в современных условиях и требует научного осмысления. Цель – определить состояние бизнес-процесса *управление персоналом* и выявить элементы, требующие развития для цифровой трансформации в организации. Методы: системный подход в области анализа функционирования бизнес-процессов организаций; методы оценки цифровой зрелости, на основе которых проинтерпретированы показатели зрелости процесса *управление персоналом* в организациях различной отраслевой направленности. Выявлены особенности в сфере цифровой трансформации функции управление персоналом в различных организациях: необходимость максимальной вовлеченности топ-менеджмента, важность развития цифровых компетенций сотрудников всех уровней, ориентация на создание цифровых услуг и продуктов, использование данных как единого источника для принятия решений, непрерывность процесса инноваций для устойчивости процесса трансформации.
Ключевые слова: цифровая экономика, компетенции, цифровизация, цифровая трансформация, зрелость, человеческие ресурсы, корпоративная культура, конгруэнтность, организационная культура, цифровой сотрудник

Цитирование: Лапиков А. В. Оценка цифровой зрелости процесса управления персоналом для организации цифрового перехода компании. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. Т. 7. № 4. С. 461–471. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-461-471

full article

Assessing the Digital Maturity of HR Management as Part of Digital Transition

Andrey V. Lapikov
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
andreylapikov@gmail.com

Received 23 Aug 2022. Accepted after peer review 30 Sep 2022. Accepted for publication 3 Oct 2022.

Abstract: Human resource management is a key process that affects digital transformation because any transformation is inspired, provided, and executed by personnel. The digital maturity of personnel management is a hot topic for all industries that requires scientific understanding. Digital business transformation relies on new approaches in competence development, new organizational structure, new corporate ideology, etc. A timely analysis of business processes is necessary to form a trajectory of transformations. The purpose of the study was to determine the state of human resource management as a business process and identify its elements that require development for prospective digital transformation. The author employed the systematic approach, as well as various methods of digital maturity assessment to interpret the maturity indicators of personnel management in various industries. The digital transformation of human resource management proved to require top management involvement, new digital competencies, digital services, and products, a single data source for decision-making, and a continuous chain of innovations.

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Keywords: Digital economy, competencies, digitalization, digital transformation, maturity, human resources, corporate culture, congruence, organizational culture, digital employee

Citation: Lapikov A. V. Assessing the Digital Maturity of HR Management as Part of Digital Transition. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 461–471. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-461-471

Введение

В условиях цифровой трансформации экономики необходима реорганизация организационных процессов и повышение цифровых компетенций персонала. По мнению Дж. С. Кейна, вопросы управления талантами, организационная структура и лидерство могут быть важнее, чем технологии для цифровой трансформации, которые являются лишь частью процесса[1].

К 2020 г. трансформация аналоговой экономики в цифровую является уже оформившимся процессом. Цифровая экономика, также называемая *новой* экономикой, относится к экономике, в которой цифровые информационные и компьютерные технологии повсеместно используются в экономической деятельности. Термин *цифровая экономика* стал активно упоминаться с начала 1990-х гг. в Японии и на Западе. Широкое распространение он получил благодаря работе D. Tapscott [1].

T. L. Mesenbourg выделил три основных компонента концепции цифровой экономики:

- инфраструктура электронного бизнеса (оборудование, программное обеспечение, телекоммуникации, сети, человеческий капитал и т. д.);
- электронный бизнес (как ведется бизнес, любой процесс, который организация осуществляет через сети, опосредованные компьютером);
- электронная коммерция (продажа через Интернет)[2].

Negroponte N. использовал метафору перехода от обработки атомов к обработке битов: «Проблема проста. Когда информация воплощена в атомах, возникает необходимость во всевозможных средствах промышленного производства и огромных корпорациях для ее доставки. Но внезапно, когда фокус смещается на биты, традиционные большие парни больше не нужны. Самостоятельная публикация в Интернете имеет смысл. Для бумажной копии это не так»[3].

Другими словами, цифровая экономика – это та часть экономических отношений, которая опосредуется Интернетом, сотовой связью, информационно-коммуникационными технологиями, когда использование компьютера, интернета, мобильных телефонов уже можно считать потреблением. Существует классический и расширенный подходы к данному определению [2; 3]. Согласно классическому подходу, цифровая экономика – это экономика, основанная на цифровых технологиях, при этом правильнее характеризовать исключительно область электронных товаров и услуг. Классические примеры – телемедицина, дистанционное обучение, продажа медиаконтента (кино, телепрограммы, книги и пр.). Расширенный подход рассматривает цифровую экономику как любое экономическое производство с использованием цифровых технологий.

В текущую эпоху технологических изменений для компаний и государственных организаций важно понять и сбалансировать процесс цифровой трансформации всех основных элементов управления. По мнению T. L. Mesenbourg[4], важнейшей частью ландшафта трансформации является человеческий капитал, а в рамках организации – система управления человеческими ресурсами (HR), которая, в свою очередь, согласно модели конгруэнтности, состоит из 4 взаимосвязанных элементов:

1. Организационная структура.
2. Корпоративная культура.
3. Модель компетенций.
4. Баланс между ответственностью и правом принятия решений (полномочиями) [4].

По мнению китайских исследователей, цифровая грамотность отдельного человека и населения страны в целом имеет огромное значение и является главным навыком XXI в. [5]. Для понимания, как трансформировать каждый из этих элементов в эпоху 4 промышленной революции, нужно определить цели трансформации, понять текущее состояние этих элементов и, на основе полученных данных, сформировать траекторию изменений.

Руководство компании должно задать себе вопросы:

- Готова ли компания к цифровой трансформации?
- На каком уровне (цифровой зрелости) находится компания?
- Какой сценарий цифровой трансформации выбрать?
- Как измерять успешность проекта цифровой трансформации на всех этапах?

[1] Kane G. C. Digital maturity, not digital transformation. *MIT Sloan Management Review*, 2017, (4). URL: https://sloanreview.mit.edu/article/digital-maturity-not-digital-transformation/ (accessed 10 Jul 2022).

[2] Mesenbourg T. L. Measuring the Digital Economy. *U.S. Bureau of the Census*. URL: https://www.bea.gov/sites/default/files/papers/defining-and-measuring-the-digital-economy.pdf (accessed 10 Jul 2022).

[3] Negroponte N. Bits and Atoms. *Wired magazine*, 2017. URL: https://web.media.mit.edu/~nicholas/Wired/WIRED3-01.html (accessed 15 Jul 2022); здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

[4] Mesenbourg T. L. Measuring…

Чаще всего под цифровой трансформацией понимают внедрение и использование в производственной и управленческой деятельности передовых цифровых технологий. Однако при данном подходе это определение не будет полным, поскольку множество компаний и организаций внедряют в технологические процессы цифровые решения, но это не оказывает преобразующее влияние на бизнес. Еще одно понимание цифровой трансформации характерно для тех организаций, которые используют цифровые технологии для ведения бизнеса новыми способами. Kane G. C.[5] трактует термин *цифровая трансформация* как внедрение бизнес-процессов и практик, призванных помочь организации эффективно конкурировать во все более цифровом мире. G. Westerman, D. Bonnet, A. McAfee определяют цифровую трансформацию как стратегический управляемый процесс преобразования бизнес-модели организации с применением цифровых технологий [6].

На наш взгляд, цифровая трансформация – это процесс:

- адаптации к изменяющейся реальности, а именно рост вычислительных мощностей, доступности технологий, постоянный рост скорости изменений окружающего мира и моделей потребления;
- изменения технологических и бизнес-процессов предприятия или организации таким образом, чтобы данные в цифровом виде стали основной и неотъемлемой частью успешного функционирования.

Цифровая трансформация тесно связана с таким понятием, как цифровая культура, поскольку технологические изменения, безусловно, влияют на персонал организации, в которых они осуществляются: на их поведение, ощущение себя в коллективе, отношение к трудовому процессу, нормам, стандартам деятельности, ценностям и другим культурным элементам среды. Цифровая культура – это набор принципов и компетенций, характеризующих преимущественное использование информационно-коммуникационных цифровых технологий для взаимодействия с обществом и решения задач в профессиональной деятельности[6].

Цифровая трансформация – это сложный, многоэтапный, разноуровневый процесс. По мнению G. C. Kane, «организация по мановению волшебной палочки мгновенно не становится трансформированной в цифровую»[7], и поэтому здесь применим термин *зрелость* как способность реагировать на окружающую среду надлежащим образом. Таким образом, цифровая зрелость – это способность организации быстро реагировать на развитие и меняющиеся тенденции цифровых технологий.

Соответственно, отправной точкой понимания уровня цифровизации компании является оценка уровня цифровой зрелости. Цифровая зрелость – это результат постепенного системного процесса, который разворачивается во всей организации. Кроме того, на начальном этапе цифровой трансформации компания может и не представлять того, какой она станет в итоге, потому что весь процесс занимает определенное время. При этом развитие технологий, конкурентов, потребителей и других участников рынка продолжается, а это значит, что процесс трансформации должен быть непрерывным, если компания хочет оставаться конкурентоспособной.

По данным исследования, проведенного консалтинговой компанией «KPMG» в 2018 г. среди руководителей производственных компаний, почти две трети из них утверждают, что «гибкость – это новая валюта бизнеса. Если мы будем слишком медленными, мы станем банкротами»[8]. Однако каждый третий согласен с тем, что его организация с трудом поспевает за технологическими инновациями. Почти 80 % компаний находятся в процессе цифровой трансформации, но 90 % из них сталкиваются с серьезными препятствиями на пути к успеху. Цифровая зрелость требует инвестиций в инструменты и человеческие ресурсы, которые могут наилучшим образом использовать новые технологии.

Методики оценки цифровой зрелости компании

Существует несколько методик выявления наиболее общих и приоритетных направлений оценки цифровой зрелости компании. Общая концепция всех методик – сбалансированная оценка компании по определенным ключевым разделам (доменам). Рекомендуемые разделы: стратегия и управление, бизнес-модель, технологии, бизнес-процессы, культура, работа с данными, партнерство и др. Оценка уровня цифровой зрелости компании определяет выбор направления трансформации.

Компания сама вправе определять разделы для оценки цифровой зрелости. Это зависит от сферы деятельности или отрасли. Каждый выбранный раздел наполняется списком взаимодополняющих элементов, которые образуют набор важнейших направлений цифрового преобразования (табл. 1[9]) оцениваемой организации.

На практике набор элементов (разделов) для преобразования будет отличаться от компании к компании. Компании продвигаются в направлении цифровой трансформации разными темпами и достигают разных

[5] Kane G. C. Digital maturity…

[6] Цифровая трансформация в России – 2020: обзор и рецепты успеха. *Аналитический отчет компании KMDA*. URL: https://drive.google.com/file/d/1xVK4lSanDZSCN6kGAHXikrGoKgpVlcwN/view (дата обращения: 12.07.2022).

[7] Kane G. C. Digital maturity…

[8] 2018 Global Manufacturing Outlook. CEOs of manufacturing companies around the world offer their views in a survey of digital transformation trends and the opportunities of Industry 4.0. 2018. URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2018/06/global-manufacturing-outlook.pdf (accessed 15 Jul 2022).

[9] Цифровая трансформация и зрелость. Практические инструменты. *TMForum*. URL: https://www.tmforum.org/digital-transformation-maturity/ (дата обращения: 15.07.2022).

уровней успеха. Лучшие компании постоянно анализируют состояние той или иной области своей деятельности, оценивают положение своих конкурентов и тем самым формируют непрерывный процесс трансформации, выбирая направление изменений.

Табл. 1. Примерный набор разделов (доменов) и элементов деятельности компании для оценки цифровой зрелости
Tab. 1. Domains and elements of corporative activities for assessing digital maturity

Разделы (домены)	Содержание (элементы) разделов
Клиенты	• Клиентский опыт • Точки касания с клиентом • Управления ценностью клиента • Знания о поведении потребителей
Стратегия	• Управление брендом • Управление экосистемой менеджмента • Финансы и инвестиции • Система инноваций
Технологии	• Наличие IT – стратегии • Управление аналитикой и данными • Интеграция цифровых каналов с IT инфраструктурой • Кибербезопасность • Инфраструктура компании
Процессы	• Ключевые бизнес-процессы и уровень их цифровизации • Управление интеграцией процессов • Уровень эффективности процессов
Персонал	• Восприятие цифровой стратегии • Организационная структура • Корпоративная культура • Люди и компетенции • Организация рабочего процесса и полномочия
Данные	• Сбор и управление данными • Аналитические системы • Принятие решений на основе данных

Существуют различные варианты методик оценки цифровой зрелости процессов в организации для определения действий компании по цифровизации:

1. Модель Беркли (The Berkeley Project Management Process Maturity Model) применяется для оценки зрелости проектов на базе опросников с вариантами ответов по всем фазам управления проектом. По усредненным оценкам делают выводы о зрелости предприятия [7].

2. Модели OPPM (Organizational Project Management Maturity Model) позволяют связать стратегию и организационное управление проектами. Построены по принципу оценки зрелости предприятия на начальном этапе, создания плана по внедрению улучшений, проведения организационных изменений, возвращения к этапу оценки зрелости и т. д. Используются для оценки зрелости проектов, программ, портфеля во взаимосвязи со стратегией развития[10].

3. Модели Гарольда Керцнера (Project Management Maturity Model, PMMM) представляют собой структурированную подборку элементов, описывающих свойства успешных процессов. Используются для оценки рисков сопротивления нововведений [8].

4. Методология CMMI (Capability maturity model) характеризуется одновременной оценкой зрелости проектов и процессов. Только уровень зрелости 4 характеризуется количественно измеряемыми параметрами управления. Уровни от нуля до 4 характеризуются различной степенью хаоса. Всего в модель входит 33 области для управления. Области – это различные виды деятельности стратегии управления: поставщики, управление требованиями, управление мониторингом, измерениями, валидация, верификация, фокус на процессах организации [9].

5. Модели Европейского фонда управления качеством (European foundation for quality management, EFQM) используются для внедрения тотального контроля качества процессов с целью повышения эффективности деятельности. Оценка зрелости тождественна процессам обеспечения целевых показателей качества процессов[11].

6. Модель «Пианино цифровизации» (Digitization Piano) разбивает цепочку создания стоимости (value chain) компании на 10 различных областей. Чтобы цифровая трансформация работала, нужно изменить каждую из этих 10 областей. Конечная цель компании – стать более гибкой, но могут быть и специфические цели, которые касаются некоторых сегментов рынка либо представляют собой ответ на какую-то отдельную угрозу, которая может быть купирована цифровизацией[12].

Во всех методиках важным (ключевым) разделом оценки цифровой зрелости компании является блок управления персоналом, внутри которого выделяют следующие направления оценки:

- организационная структура;
- корпоративная культура;
- люди и компетенции;
- организация рабочего процесса и полномочия.

[10] Стандарт Organizational Project Management Maturity Model. *Project Management Institute (PMI)*, 2013. URL: https://pmpractice.ru/knowledgebase/normative/projectstandarts/opm3/ (дата обращения: 12.07.2022).

[11] The EFQM Model. *European foundation for quality management*. URL: https://www.efqm.org/efqm-model/ (accessed 15 Jul 2022).

[12] Llewellyn R. Digitization piano plays business transformation music. *Global Center for Digital Business Transformation*. URL: https://robllewellyn.com/compose-business-transformation-music-on-digitization-piano/ (accessed 20 Jul 2022).

При этом, по мнению J. McConnell, «организационная культура компании непосредственно влияет на процесс цифровой трансформации»[13]. Сбалансированность этих направлений внутри организации является ключевой. Согласованность слов и жестов, непротиворечащих друг другу, в широком смысле – *конгруэнтность* или ее отсутствие в собственном поведении не всегда осознается индивидом, но практически всегда ощущается в поведении другого (сознательно или нет). Термин *конгруэнтность* введен К. Роджерсом в 1947 г. [10].

Модель конгруэнтности в бизнесе[14] была создана в 1980 г. Д. А. Надлером и М. Л. Тушманом [11] для того, чтобы предприниматели научились находить взаимосвязь и распознавать причины эффективности; побуждения, стимулы и взаимоотношения между элементами модели; понимать, почему некоторые компании процветают, а другие – нет. При помощи модели конгруэнтности можно выяснить, в чем причина проблем компании.

Ч. А. О'Рейли и М. Л. Тушман, уточняя модель конгруэнтности для бизнеса, утверждают, что способность организации быть гибкой лежит в основе динамических возможностей [12]. Гибкость требует от топ-менеджмента выполнения двух важнейших задач. Во-первых, они должны уметь точно чувствовать изменения в конкурентной среде, включая потенциальные изменения в технологии, конкуренции, клиентах и регулировании. Во-вторых, они должны уметь действовать в соответствии с этими возможностями и угрозами; уметь использовать их путем реконструкции материальных и нематериальных активов для решения новых задач [13].

Как динамическая способность, гибкость воплощает в себе сложный набор процедур, включая децентрализацию, дифференциацию, интеграцию, а также способность высшего руководства организовывать сложные компромиссы, которых требует одновременное стремление к поиску и эксплуатации. Развитие этих динамических способностей является центральной задачей высшего руководства. Цифровая трансформация – ситуация, которая требует комплексного подхода в оценке всех частей системы управления персоналом как ключевого элемента в трансформации компании наряду с технологиями [14].

Для всеобъемлющей оценки Ч. А. О'Рейли и М. Л. Тушман предлагают анализировать процесс управления персоналом по следующим пунктам в каждом блоке:

- *Рабочий процесс и право принятия решений.* Работа = процесс + ответственность + право принятия решений. Какие именно задания и работа являются ключевыми для организации, эффективность рабочего процесса, автоматизация процессов.
- *Организационная структура.* Эффективность организационной структуры; правила, политики, процедуры; план изменений структуры в течение жизненного цикла компании; реальная организационная структура и утвержденная; ответственный за трансформацию.
- *Корпоративная культура.* Ценности организации, артефакты, правила, лидерство, составляющие корпоративной культуры, алгоритм изменения корпоративной культуры.
- *Сотрудники.* Какой тип людей является наиболее важным для производительности; подход к выбору сотрудников; люди – двигатель изменений; причины сопротивления изменениям; создание безопасной среды; кривая изменений; теория потребностей; новые компетенции[15].

На наш взгляд, необходимо проанализировать компоненты модели конгруэнтности и оценить их с точки зрения наличия возможностей для цифровой трансформации, а далее при необходимости дополнить модель для последующего комплексного измерения уровня цифровой зрелости в части управления персоналом.

Анализ компонентов модели конгруэнтности

Рабочий процесс и право принятия решений. Необходимо определить, существует ли сквозная цифровизация процессов, повышающая эффективность общего взаимодействия. Рассмотрим блок с точки зрения сбалансированности ответственности возможностей цифровизации:

- *Бизнес-процессы* требуют ревизии оценки бизнес-процессов с точки зрения их роли: создающие стоимость (основные) и не создающие стоимость (вспомогательные); оценки методов определения эффективности процессов.
- *Право принятия решений* требует пересмотра оценки системы контроля исполнения; содержания матрицы RACI; содержания реальных, а не декларируемых прав сотрудников; системы оценки удовлетворенности сотрудников.
- *Эффективность* требует ревизии системы сбалансированных показателей бизнес-процессов для понимания слабых мест в них. Возможно добавление юнит-экономики как способа расчета эффективности отдельных элементов экономики; системы оценки ключевых факторов успеха процесса (КФУ).

[13] McConnell J. The company cultures that help (or hinder) digital transformation. *Harvard Business Review*, 2017. URL: https://store.hbr.org/product/harvard-business-review-january-february-2017/BR1701 (accessed 15 Jul 2022).

[14] Organizational framework. *ResearchGate*. URL: https://www.researchgate.net/figure/Organizational-framework-Nadler-and-Tushman-4_fig1_49769516 (accessed 15 Jul 2022).

[15] Belyh A. The Nadler-Tushman congruence model: aligning the drivers of high performance. URL: https://www.cleverism.com/nadler-tushman-congruence-model/ (accessed 15 Jul 2022).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-461-471

- *Автоматизация процессов* может быть улучшена добавлением сквозной автоматизация базовых процессов; реинжинирингом бизнес-процессов; налаживанием общего цифрового взаимодействия между бизнес-процессами в компании.

Организационная структура. Оценка того, насколько существующая структура способствует цифровой трансформации и есть ли в компании ответственное за процесс трансформации лицо. В блоке *организационная структура* компании необходимы структурные изменения организации для реализации задач цифрового перехода. *Бумажная и реальная структура* требует пересмотра правил, политики, процедур; организационной структуры на бумаге; организационной структуры как есть на самом деле. В элементе *эффективность* требуют ревизии система расчета эффективности организационной структуры подразделений и план изменений структуры в течение жизненного цикла компании. В части цифровизации элемента *ответственный за цифровую трансформацию* возможно создание подразделения, ответственного за цифровую трансформацию и введение должности руководителя цифровой трансформации (chief digital transformation officer, CDTO).

Корпоративная культура. Определяется соответствие организационной культуры возможностям цифровой трансформации. В элементе *культура* необходим пересмотр правил, политики, процедур; организационной структуры на бумаге; организационной структуры как есть на самом деле. Элемент *лидерство* может быть трансформирован добавлением модели лидерства топ-менеджмента в процессе трансформации. В элементе *трансформация культуры* может быть добавлен план трансформационной культуры; внедрен индекс цифровой культуры (Digital Culture Index, DCI). *Культура решения проблем* может быть улучшена путем создания единой digital-культуры и плана сквозного распространения цифровых компетенций в подразделениях компании.

Сотрудники. Развитие модели компетенций – обучение работников цифровым компетенциям и изменение в подходе к найму персонала для реализации задач цифрового перехода. Элемент *личностные компетенции* требует пересмотра общих требований к личностным компетенциям. *Профессиональные компетенции* могут быть трансформированы добавлением аудита сложных профессиональных задач с точки зрения цифровых требований; формированием требований к компетенциям по управлению цифровым развитием, навыкам управления и использования данных; требований. В *подходе к выбору сотрудников* могут быть добавлены требования к цифровым знаниям и умениям, использованию данных; внедрена культура, ориентированная на потребности потребителей в цифровых услугах и продуктах. *Новые компетенции* могут быть улучшены введением минимально необходимого уровня требований к знаниям и навыкам использования ИКТ, цифровой безопасности.

Результаты

Опираясь на описанный подход к определению цифровой зрелости организации, нами были проведены исследования готовности к цифровой трансформации в двух компаниях. Методики были адаптированы под анализируемые предприятия и расширены за счет новых, цифровых элементов в модели конгруэнтности [15]. Исследования в формате аудита проводились в компаниях из разных отраслей: фармацевтическая дистрибьюция в ноябре 2020 г. (Компания 1) и горно-металлургический комбинат в октябре 2021 г. (Компания 2).

Полученные в ходе аудита данные конкретной организации сравниваются с общеотраслевыми. Показатель отраслевого рейтинга цифровой зрелости также оценивается экспертами для каждого конкретного аудита и представляет собой кумулятивную оценку лучших практик в рассматриваемой отрасли на дату исследования.

Компанииия 1 – фармацевтический дистрибьютор, который является самостоятельным юридическим лицом в составе производственного фарм-холдинга. География работы – вся территория РФ, общая численность работников – 126 человек (на 01.11.2020). Первоначальная формулировка задачи акционером – выявление резервов для стратегического роста компании.

В ходе исследования был проведен аудит 480 организационно-нормативных документов, регламентирующих бизнес-процессы компании. Осуществлен письменный опрос (анкетирование) 82 сотрудников (65 % от общего числа). Для анкетирования выбирались руководители всех уровней и рядовые сотрудники всех подразделений. Если в подразделении было большое количество рядовых сотрудников, то анкетированию подвергалось 25 % кадрового состава. Аудиту подверглись следующие ключевые блоки деятельности предприятия:

- стратегия;
- бизнес-модель;
- IT-технологии;
- процессы;
- управление персоналом;
- работа с данными.

Для аудита было сформулировано 46 вопросов. На третьем этапе аудита проинтервьюировано 52 ключевых сотрудника по выборке отдела персонала: все руководители и часть рядовых сотрудников. В интервью задавалось 20–40 вопросов, направленных на уточнение сущности и деталей процессов, деятельности сотрудников, их полномочий и степени реальной и желаемой цифровизации.

Далее произведен расчет цифровой зрелости каждого из блоков и выставлена интегральная оценка, позволяющая определить степень отставания или опережения лучших отраслевых примеров. Сравнение с лучшими отраслевыми показателями позволяет компании определить свой потенциал роста в каждом отдельном элементе (табл. 2). По итогам исследования было выявлено, что компания

отстает от лучших примеров в отрасли по всем блокам. При этом отличался и уровень развития блоков внутри компании. Наименьший индекс получил блок *бизнес-модель и клиенты*, наибольший – *работа с данными*.

Табл. 2. Итоги оценки цифровой зрелости Компании 1 по 100-балльной шкале
Tab. 2. Assessment of the digital maturity: Company 1, 100-point scale

Исследуемые блоки	Уровень зрелости компании	Отраслевой уровень зрелости	Отставание / опережение
Стратегия	51	77	–26
Бизнес-модель и клиенты	45	76	–31
Технологии	47	61	–14
Бизнес-процессы	55	76	–21
Персонал (управление)	***54***	***84***	***–30***
Работа с данными	64	86	–22

Однако для целей исследования и принятия последующих решений важнее понимать величину разрыва между исследуемой компанией и лучшими примерами в отрасли. Здесь показатели другие: наименьший разрыв наблюдается в блоке *технологии*, наибольший – в блоках *бизнес-модель и клиенты* и персонал. Таким образом был очерчен рейтинг проблем по блокам и внутри самих блоков.

В блоке *управление персоналом* уровень показателя компании составляет 54 балла из 100 возможных. Лучшие отраслевые игроки демонстрируют показатель 84 балла. В чем причина такого значительного отставания? Детально анализируя элементы результатов анкетирования и интервьюирования по блоку *персонал*, были получены результаты, представленные в табл. 3.

Используя методики оценки цифровой зрелости, нами были установлены уровни развития основных блоков (доменов) компании. Выявление величины отставания (или опережения) от лидеров отрасли и соответствующих причин расчетным путем позволило точнее определить необходимость и смысл следующего этапа – плана действий по развитию цифровой зрелости организации.

Табл. 3. Оценка цифровой зрелости блока *управление персоналом* по 100-балльной шкале
Tab. 3. Digital maturity analysis of HR management, 100-point scale

Элементы блока	Уровень зрелости процесса в компании	Отраслевой уровень зрелости	Отставание / опережение	Комментарий
Восприятие цифровой стратегии. Субъективная оценка работником наличия цифровой стратегии в компании.	45	70	–25	Уровень восприятия цифровой стратегии сотрудниками компании ниже, чем у отраслевых лидеров.
Восприятие цифровых возможностей. Оценка уровня восприятия возможности цифровой трансформации в компании.	50	80	–30	Уровень восприятия цифровых возможностей сотрудниками компании ниже, чем у отраслевых лидеров.
Карьера. Субъективная оценка работником наличия элементов карьерной экосистемы в компании.	42	90	–48	Значительное отставание обусловлено отсутствием карьерной экосистемы в компании в сравнении с отраслевыми лидерами.
Лидерство и руководство. Оценка ролевой модели руководства в части инновационности и цифрового будущего.	59	80	–21	У лучших отраслевых примеров топ-менеджмент демонстрирует более высокие качества в части инновационности.
Цифровизация и корпоративная культура. Оценка способности компании к трансформации и использованию новых инструментов.	58	80	–22	Компания работает в консервативной отрасли, но отстает от лучших отраслевых примеров в части внедрения цифровизации в корпоративную культуру.
Цифровая организационная структура. Оценка организационной структуры компании с точки зрения digital.	54	90	–36	Компания отстает от отраслевых лидеров в части гибкости организационной структуры и принятии оперативных решений.
Создание среды обучения сотрудников. Оценка системы обучения цифровым знаниям.	56	80	–24	Компании необходимо выстраивать систему непрерывного обучения сотрудников и сокращать отставание от лидеров.

Элементы блока	Уровень зрелости процесса в компании	Отраслевой уровень зрелости	Отставание / опережение	Комментарий
Цифровые навыки. Оценка навыков сотрудников с точки зрения требований digital-эпохи.	68	90	–22	Уровень цифровых навыков сотрудников демонстрирует более низкий показатель, чем у отраслевых лидеров.
Мотивация. Оценка технологичности мотивационной системы компании.	58	100	–42	Достаточно высокий уровень отставания от отраслевых лидеров в части технологий управления персоналом, при этом 9 из 10 сотрудников относятся к компании с высоким уровнем доверия.
Общая оценка	**54**	**84**	**–30**	

Исследование цифровой зрелости компании в целом и бизнес-процесса *управление персоналом* в частности позволило выявить следующие факты:

1. У персонала достаточно высокий уровень корпоративного мышления в части необходимости цифровой трансформации, высокая вовлеченность в жизнь компании и заинтересованность в последовательном развитии фирмы.
2. Экономику компании определяет персонал и уровень его вовлеченности в бизнес-процессы компании, что позволяет избежать операционных потерь. Поэтому необходимо выстраивать такую экосистему, которая формирует долгосрочную устойчивость бизнеса.
3. Организация переросла существующую систему управления. Она сильно изменилась: увеличилось число сотрудников и объемы выпускаемой продукции или услуг, усложнились все процессы, но подходы к управлению остались прежними и должны быть трансформированы, чтобы соответствовать новому требуемому ритму работы. Развитие цифровых компетенций – требование времени для формирования конкурентных преимуществ компании.
4. Отсутствие системы ключевых показателей эффективности (КПЭ) не позволяет полностью оценить загруженность и качество работы сотрудников.

Все вышеперечисленное является почвой для скрытых конфликтов и незаинтересованности в улучшении своей работы, что может отразиться на выполнении финансовых показателей компании.

Низкий уровень восприятия сотрудниками цифровой трансформации в компании демонстрирует слабую работу руководства в части информирования сотрудников по этому вопросу либо об отсутствии стратегии как таковой. Цифровая трансформация требует инвестиций в обучение сотрудников в виде современного формата оценки компетенции и, безусловно, современной системы мотивации [16].

Обязательным условием является проведение ежегодной стратегической сессии и создание системы обучения, в том числе в онлайн-формате. Одним из новых направлений корпоративной культуры может стать формирование контрольной функции в Совете директоров. По результатам исследования цифровой зрелости было разработано более 100 мероприятий по реализации новой стратегии компании на 2021–2025 гг.

Также подчеркнем, что по итогам исследования Компании 1, блок *управление персоналом* оказался одним из наиболее отстающих от лидеров отрасли по уровню цифровой зрелости. Внутри блока наиболее критическими стали показатели цифровых навыков у сотрудников, восприятия цифровой стратегии и цифровых возможностей. Такое отставание от лучших отраслевых бенчмарков требует от менеджмента принятия стратегических решений в области обучения персонала и организационного развития, направленных на формирование устойчивого конкурентного преимущества.

Согласно исследованию «Цифровая трансформация в России – 2020»[16], похожие тенденции отмечены и в других российских компаниях – для топ-менеджмента РФ основными при принятии решений по цифровой трансформации являются проблемы кадров: нехватка специалистов, недостаточный уровень образования, низкая квалификация управленческого персонала.

Компания 2 – горно-металлургический комбинат в Республике Казахстан с общей численностью работников 400 человек (на 01.10.2021). Особенность предприятия в том, что оно было создано еще в СССР, в 1960-х гг. В 2010-х гг., пережив смену собственников, заново начало возрождаться. Первоначальная формулировка задачи – аудит стратегии формирования цифровой корпоративной культуры производственного предприятия [17].

[16] Цифровая трансформация в России …

Исследуемый блок оценивает, как компания развивает навыки, которые потребуются для поддержания усилий по улучшению результатов цепочки создания стоимости и операционных решений; насколько сотрудники хорошо разбираются в цифровых технологиях в различных подразделениях организации; каков тип организационной структуры компании; где в организации находятся различные аспекты цифрового подхода; эффективны ли они. Лучшие отраслевые компании глубже используют цифровые элементы в своих стратегиях, т. к. это радикально изменяет экономику предприятия и дает конкурентные преимущества в части отношений с клиентами, оценки рисков, расчета маржинальности и т. д. Внедрение цифровой стратегии в компании требует значительного пересмотра методов работы с ключевым ресурсом компании – людьми [18].

В ходе аудита стратегия была дополнена предложениями, представленными в табл. 4. В целом Компании 2 было рекомендовано идти по пути формирования *ценности ДНК компании* [19], определив четкий и понятный список ценностей и элементов, формирующих корпоративную культуру компании, в которой будут учтены потребности организации в инновационном развитии и необходимость развития сотрудников в парадигме новых требований [20].

Табл. 4. Предложения по дополнению стратегии по формированию корпоративной культуры Компании 2
Tab. 4. Recommendations for corporate culture development: Company 2

Текущее состояние	Рекомендовано
Стратегическая цель «Создание устойчивой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой к индустриализации и инновациям. Реализация через строительство современного горно-обогатительного комбината».	• реализовывать движение к инновационной и цифровой компании; где цифровизация – сквозная технология для всех функций; • уточнить стратегическую цель: «Реализация через строительство современного *цифрового* горно-обогатительного комбината».
Бизнес-модель компании заявлена как сервисная, предусматривающая вывод на аутсорсинг максимального количества процессов.	• дополнить бизнес-модель фактором *единый источник данных* и осуществлять управление процессами на основе данных со сквозной отчетностью для всех уровней управления.
Организационная структура компании строилась по традиционному принципу, цифровизация не была выделена в отдельный блок структуры.	• трансформировать организационную структуру для эффективного взаимодействия в период изменений; • сформировать отдельный блок, ответственный за цифровую трансформацию; • назначить руководителя созданного подразделения – CDTO.
В рамках обновления компании разработан *Кодекс команды*, в котором перечислены призывы к сотрудникам.	• дополнить *Кодекс команды* положением «Развивай свои цифровые компетенции»; • организовать соответствующий блок обучения.
Модель компетенций сотрудников на всех уровнях определена в классическом виде – по функциональному признаку. Никак не учтены требования к сквозным цифровым компетенциям.	• разделить модель компетенций на 4 уровня (рядовые сотрудники, эксперты, высший менеджмент, совет директоров) и на каждом уровне определить требования к цифровым компетенциям для соответствия стратегии построения инновационного производственного предприятия; • внедрить индекс цифровой культуры для измерения динамики изменений; • интегрировать в идеологию корпоративной культуры демонстрацию цифровых компетенций в рамках позиционного уровня.
В рамках аудита процессов взаимодействия и наличия полномочий для принятия решений было выявлено: стандартный подход в принятии решений по иерархической цепочке на основе данных «как сложилось», без поддержки инновационных инициатив сотрудников.	• изменить подход к культуре и процессам принятия решений на основе данных; • регламентировать бизнес-процесс инноваций, сделать их непрерывными.
Организация процесса управления персоналом – классическая: учет кадров и поддержание необходимого уровня профессионального обучения.	• дополнить функционал подразделения функцией управления талантами и карьерным ростом; • организовать обучение вновь требуемым компетенциям.
Программа лидерства компании – больше формальный лозунг, а не реальный стиль управления, подкрепленный действиями.	• обновить показатель лидерства в профиле компетенций руководителей; • разработать программу обучения руководителей лидерству и управлению процессами изменений в компании.

Заключение

На примере компаний из разных секторов экономики подтверждена практическая польза методик определения цифровой зрелости как инструмента для цифровой трансформации организации в целом и процесса управления человеческими ресурсами в частности[17].

В условиях цифровизации функция управления персоналом превращается в одну из самых критически важных и динамичных функций любой организации [21]. Основным препятствием на пути к цифровой трансформации являются не технологии, а поиск нужных человеческих возможностей, навыков и талантов, чтобы раскрыть силу технологии. В этой связи перед HR-специалистами встают следующие фундаментальные вопросы:

1. Как люди повышают ценность бизнеса в организации и как HR помогает максимизировать эту ценность?
2. Какова правильная операционная модель и организационная структура отдела кадров для обеспечения того, чтобы лидеры владели кадровой стратегией и ее реализацией?
3. Как должны быть структурированы HR-процессы и цифровые HR-практики?
4. Какая корпоративная культура, кадровая стратегия и возможности необходимы для достижения успеха?
5. Какие самые перспективные, инновационные цифровые IT-решения доступны для поддержки работы в области HR?
6. Как измерять динамику изменений в цифровых компетенциях и состоянии корпоративной культуры?

Организациям, как государственным [22; 23], так и коммерческим, необходимо оставаться конкурентоспособными и готовыми к будущему, уметь решать текущие экономические, технологические, политические, нормативные и социальные проблемы, использовать новые возможности для роста и оптимизировать возможности цифровизации. Сбалансированность в развитии блока *персонал* является ключевой для результатов цифровой трансформации в целом.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Tapscott D. *The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence*. N. Y.: McGraw-Hill, 1997, 288.
2. Елюбаева А. А., Сторожева Е. В. Различные подходы к определению «цифровая экономика». *Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения*: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 5 апреля 2018 г.) Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2018. С. 132–135. [Yelyubaeva A. A., Storozheva E. V. Various approaches to definition of "digital economy". *Science and innovation in the XXI century: current issues, discoveries and achievements*: Proc. VIII Internat. Sci.-Prac. Conf., Penza, 5 Apr 2018. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Guliaev G. Iu.), 2018, 132–135 (In Russ.)] EDN: YVDZDT
3. Головенчик Г. Г. Теоретические подходы к определению понятия «цифровая экономика». *Наука и инновации*. 2019. № 2. С. 40–45. [Golovenchik G. G. Theoretical approaches to the digital economy definition. *Science and Innovations*, 2019, (2): 40–45. (In Russ.)] https://doi.org/10.29235/1818-9857-2019-2-40-45
4. Nadler D. A., Tushman M. L. A congruence model for diagnosing organizational behavior. *Resource book in macro-organizational behavior*, ed. Miles R. H. Santa Monica: Goodyear, 1980, 30–49.
5. Хуатэн М., Чжаоли М., Дели Я., Хуалей В. Цифровая трансформация Китая. *Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики*. М.: Интеллектуальная литература, 2019. С. 53–56. [Huateng M., Zhaoli M., Deli Y., Hualei W. China's digital transformation. *The experience of transforming the Infrastructure of the national economy*. Moscow: Intellektualnaia literatura, 2019, 53–56. (In Russ.)]
6. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. *Leading digital: turning technology into business transformation*. Harvard Business Press, 2014, 292.
7. Kwak Y. H., Ibbs C. W. Berkeley Project Management Process Maturity Model: measuring the value of project management. *Engineering Management Society*: Proc. 2000 IEEE Internat. Conf., Albuquerque, 15 Aug 2000. https://doi.org/10.1109/EMS.2000.872466
8. Crawford J. K. *Project Management Maturity Model*. N. Y.: Auerbach Publications, 2nd ed., 2006, 235. https://doi.org/10.1201/9780849379468
9. Ахен Д. М., Клауз А., Тернер Р. CMMI: Комплексный подход к совершенствованию процессов. М.: МФК, 2005. 330 с. [Ahern D. M., Clouse A., Turner R. *CMMI distilled: a practical introduction to integrated process improvement*. Moscow: MFK, 2005, 330. (In Russ.)]

[17] Региональные рынки труда в новых экономических условиях. *Центр стратегических разработок*. 2022. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/346/427t0sggji8w6cuuw7263hy1mna08jlm.pdf (дата обращения: 12.07.2022).

10. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994. 480 с. [Rogers C. R. *On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy*. Moscow: Progress, 1994, 480. (In Russ.)]
11. Nadler D. A., Tushman M. L. A model for diagnosing organizational behavior. *Organizational Dynamics*, 1980, 9(2): 35–51. https://doi.org/10.1016/0090-2616(80)90039-X
12. Tushman M. L., O'Reilly C. A. *Winning through innovation: a practical guide to leading organizational change and renewal.* Harvard Business Press, 2006, 260.
13. Вайл П., Ворнер С. Л. Цифровая трансформация бизнеса: изменение бизнес-модели для организации нового поколения. М.: Альпина Паблишер, 2019. 258 с. [Weill P., Woerner S. L. *What's your digital business model? Six questions to help you build the next-generation enterprise*. Moscow: Alpina Pablisher, 2019, 258. (In Russ.)]
14. Кулагин В., Сухаревски А., Мефферт Ю. Digital @ Scale: настольная книга по цифровизации бизнеса. М.: Интеллектуальная литература, 2019. 293 с. [Kulagin V., Sukharevski A., Meffert J. *Digital @ scale: the playbook you need to transform your company*. Moscow: Intellektualnaia literatura, 2019, 293. (In Russ.)]
15. Коул Р., Скотчер Э. Блистательный Agile. Гибкое управление проектами с помощью Agile, Scrum и Kanban. СПб.: Питер, 2019. 170 с. [Cole R., Scotcher E. *Brilliant Agile project management: a practical guide to using Agile, Scrum and Kanban*. St. Petersburg: Piter, 2019, 170. (In Russ.)]
16. Мошелла Д. Путеводитель по цифровому будущему. Отрасли, организации и профессии. М.: Альпина Паблишер, 2020. 216 с. [Moschella D. *Seeing digital: a visual guide to the industries, organizations, and careers of the 2020s.* Moscow: Alpina Pablisher, 2020, 216. (In Russ.)]
17. Катценбах Д., Томас Д., Андерсон Г. Трансформация корпоративной культуры. Важные детали, без которых ничего не работает. М.: Альпина Паблишер, 2020. 176 с. [Katzenbach J., Thomas J., Anderson G. *The critical few: energize your company's culture by choosing what really matters*. Moscow: Alpina Pablisher, 2020, 176. (In Russ.)]
18. Салдана Т. Почему цифровая трансформация не дает результата. И что делать, чтобы все заработало. М.: Альпина Паблишер, 2020. 336 с. [Saldanha T. *Why digital transformations fail: the surprising disciplines of how to take off and stay ahead*. Moscow: Alpina Pablisher, 2020, 336. (In Russ.)]
19. Масааки И. Стратегический кайдзен. Как изменить ДНК компании и стать лидером отрасли. М.: Альпина Паблишер, 2022. 218 с. [Masaaki I. *Strategic KAIZEN: using flow, synchronization, and leveling assessment to measure and strengthen operational performance*. Moscow: Alpina Pablisher, 2022, 2018. (In Russ.)]
20. Кокинз Г. Управление результативностью. Как преодолеть разрыв между объявленной стратегией и реальными процессами. М.: Альпина Паблишер, 2015. 320 с. [Cokins G. *Performance management: finding the missing pieces to close the intelligence gap*. M.: Alpina Pablisher, 2015, 320. (In Russ.)]
21. Collis D. J., Montgomery C. A. , Campbell A., Goold M., Prahalad C. K., Lieberthal K. *Harvard Business Review on Corporate Strategy*. Harvard Business School Press, 1999, 260.
22. Сидорчук И. П., Охрименко А. А., Тулейко Е. В. Формирование компетенций государственных служащих в условиях цифровой экономики. *Веснік сувязі*. 2020. № 1. С. 52–55. [Sidorchuk I. P., Okhrimenko A. A., Tuleiko E. V. Developing competencies in civil servants in the digital economy. *Vesnik suviazi*, 2020, (1): 52–55. (In Russ.)] EDN: ZZDKED
23. Васильева Е. В., Пуляева В. Н., Юдина В. А. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации. *Бизнес-информатика*. 2018. № 4. С. 28–42. [Vasilieva E. V., Pulyaeva V. N., Yudina V. A. Digital competence development of state civil servants in the Russian Federation. *Business Informatics*, 2018, (4): 28–42. (In Russ.)] EDN: VUKPQL

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

оригинальная статья

Крупномасштабные транспортные проекты и экономический рост регионов

Пятаев Максим Викторович
Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0002-0844-7574
procedure@inbox.ru

Поступила в редакцию 01.06.2022. Принята после рецензирования 24.06.2022. Принята в печать 27.06.2022.

Аннотация: Рост интереса к инфраструктурным проектам основан на том, что их реализация приводит к развитию регионов, транспорта и экономики. Предмет – влияние крупномасштабных транспортных проектов на экономический рост. Цель – определить наличие связи между инвестициями в крупномасштабные транспортные проекты и последствиями их реализации. Методы: обобщение, классификация, сравнение, описание, методы математической статистики. Представлен обзор зарубежных и отечественных работ о крупномасштабных транспортных проектах. Существуют две полярные точки зрения на их эффективность. В основном крупномасштабные транспортные проекты подвергаются негативному освещению с точки зрения их коммерческой эффективности в традиционном представлении обоснования инвестиций, однако их необходимо анализировать и с точки зрения других аспектов, отвечающих региональным и национальным интересам. Для подтверждения гипотезы о зависимости между валовым региональным продуктом и основными фондами организаций транспорта в регионе проведен анализ взаимосвязи по регионам РФ. Отсутствие инфраструктуры является сдерживающим фактором для экономического роста регионов. Крупномасштабные инфраструктурные проекты необоснованно подвергаются критике, несмотря на то что они могут вносить вклад в экономическое развитие регионов за счет структурных изменений в экономике, прежде всего в развивающихся странах.
Ключевые слова: мегапроекты, крупномасштабные проекты, железнодорожные проекты, инфраструктурные проекты, оценка эффективности проектов, инфраструктурные инвестиции

Цитирование: Пятаев М. В. Крупномасштабные транспортные проекты и экономический рост регионов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 472–480. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-472-480

full article

Large-Scale Transport Projects and Regional Economic Growth

Maksim V. Pyataev
Siberian Transport University, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0002-0844-7574
procedure@inbox.ru

Received 1 Jun 2022. Accepted after peer review 24 Jun 2022. Accepted for publication 27 Jun 2022.

Abstract: Infrastructure projects contribute to the development of regional transport and economy. This article features the impact of large-scale transport projects on economic growth. The author determined the relationship between investments in major transport projects and the consequences of their implementation. The study relied on such methods as generalization, classification, comparison, description, and mathematical statistics. One and the same large-scale transport projects are admired as beneficial and criticized as inefficient. Traditional views on investment usually provide only negative coverage. Therefore, large-scale transport projects need to be analyzed from different perspectives that meet regional and national interests. The original hypothesis was the dependence between the gross regional product and the fixed assets of transport organizations in the regions. The comprehensive analysis of this relationship in various regions of the Russian Federation proved the dependence between these parameters. A poor infrastructure was a deterrent to the regional economic growth. The author believes that the critique of large-scale infrastructure projects is unfounded. In fact, they contribute to the regional economic development, primarily in developing countries that are undergoing structural economic changes.
Keywords: megaprojects, large-scale projects, railway projects, infrastructure projects, project efficiency assessment, infrastructure investments

© 2022. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Citation: Pyataev M. V. Large-Scale Transport Projects and Regional Economic Growth. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 472–480. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-472-480

Введение

Инвестиции в транспортную инфраструктуру выступают как средство борьбы с безработицей и рецессией, стимул роста для регионов с низкой экономической активностью. На первый взгляд связь между ростом ВВП и инвестициями в инфраструктуру очевидна. В краткосрочном периоде инвестиции увеличивают ВВП и уже на стадии реализации проекта создают новые рабочие места, в долгосрочном периоде проект влияет на остальные отрасли экономики и производительность посредством мультипликаторов [1]. С точки зрения государства подобный подход к снижению уровня безработицы и увеличению благосостояния населения является привлекательным инструментом управления.

Многие исследователи пытались оценить влияние уровня развития инфраструктуры на экономический рост. L. J. Jenks выделяет три основные причины влияния железных дорог на экономику США: железная дорога была точкой роста инноваций, которая консолидировала вокруг себя множество различных предприятий; способствовала росту промышленного и финансового сектора экономики, напрямую стимулируя развитие металлургической и лесной промышленности; вносила вклад в формирование национального дохода за счет оказания транспортных услуг [2]. Авторы приходят к выводу, что достоверного метода для определения уровня вклада инфраструктуры в экономический рост не существует. Позднее R. W. Fogel заключает, что значимость железных дорог в развитии экономики США была не столь высока, как принято считать [3].

D. Canning и M Fay провели анализ влияния транспортной инфраструктуры на экономику 96 стран. По мнению авторов, инвестиционные вложения в инфраструктуру по-разному влияют на развитые, развивающиеся и слаборазвитые страны. Используя функцию Коба-Дугласа, авторы рассчитали нормы прибыли, которые показали, что при вложении в строительство инфраструктурных объектов наибольшие значения достигаются в развивающихся странах. В слаборазвитых странах фиксируются умеренные нормы прибыли, в развитых – нормальные. В краткосрочном периоде увеличение объема производства незначительно, в то время как в долгосрочном периоде оно более существенно [4].

Оценки эффективности инвестиций в крупномасштабные транспортные проекты

Доминирующую роль в исследованиях, демонстрирующих эффективность крупномасштабных проектов, занимает анализ на макроуровне. Часто цитируются работы D. A. Aschauer, с помощью производственной функции Коба-Дугласа показавшего влияние инфраструктуры на экономический рост [5]. Этот подход используется в большом количестве работ с противоречивыми выводами, которые обобщены в метаанализе [1]. Сравнительные значения характера отдачи, рассчитанные посредством функции Коба-Дугласа на пространстве СНГ, представлены в достаточно большом диапазоне значений, что подвергает сомнению выводы этих исследований. Некоторые из полученных значений коэффициентов α или β далеки от реалий или даже отрицательны [6, с. 305]. Существуют и более ранние работы, доказывающие важность транспортной инфраструктуры для развития: теория размещения производственных сил И. фон Тюнена [7], теория центральных мест В. Кристаллера [8] и теория организации экономического пространства А. Лёша [9].

В работе P. Boothroyd и др. проведен метаанализ экс-пост воздействия мегапроектов не только на экономику, но и на такие социальные аспекты, как важность для коренного населения; занятость населения; использование земли или ресурсов; доходы; качество жизни или сплоченность общества; образование; муниципальное управление; демография; развитие бизнеса и предпринимательства; политическое развитие [10, p. 265]. Авторы подчеркивают, что проекты подобного масштаба не оцениваются по одному критерию. Критерии важности проекта разнородны и включают в себя количественно неизмеримые факторы. Также сделано важное заключение – результаты реализации уникальных проектов должны публиковаться в открытом доступе для их анализа с целью избежать ошибок в проектировании последующих мегапроектов.

В работе J. Oosterhaven и J. Elhorst сформулирована гипотеза о том, что реализация крупномасштабных транспортных проектов влечет за собой последствия – прямые и косвенные эффекты [11]. В связи с этим обозначены следующие методы оценки эффективности новых инфраструктурных проектов:

- *микроэкономический подход* рассматривает снижение транспортных затрат на перемещение товаров;
- *квазипроизводственная функция* учитывает влияние трудовых ресурсов, вложенного капитала в определенный период времени, накопленный капитал;
- *модели частичного равновесия* показывают экономические изменения прямо пропорционально общему потоку трафика, торговли региона;
- *региональная и макроэкономическая модели* рассчитывают влияние новой инфраструктуры на конкуренцию региона.

Чтобы учесть все последствия новых транспортных инфраструктурных проектов, модели должны быть межотраслевыми, но они не принимают во внимание международный экспорт и импорт. В связи с этим на примере транспортных проектов магнитной левитации предлагается использовать два класса моделей: взаимодействия землепользования и транспорта, пространственного вычислимого общего равновесия. Авторы приходят к заключению, что, «к сожалению, не существует простого решения проблемы оценки косвенных экономических воздействий»[1] [11, p. 17]. Результаты свидетельствуют о том, что эффективность проекта заключается не только в прямых, выраженных коммерческой эффективностью, но и в косвенных эффектах.

Большой интерес к инфраструктурным проектам с точки зрения научных исследований и практической реализации проявляет Китай. Инфраструктурные проекты, которые планируется реализовать на территории Китая, выступают в качестве объекта для экс-пост анализа и оценки их эффективности. В работе S. Demurger [12] с использованием модели Р. Барро [13] рассматривается развитие отдельных регионов со слаборазвитой инфраструктурой. Автор приходит к выводу, что государственные инвестиции в услуги по транспортировке, хранению и распределению грузовых потоков; телекоммуникаций в сельских районах влияют на рост экономики. Одновременно с этим Всемирный банк подсчитал, что «затраты, связанные с неиспользованными возможностями в результате отсутствия надлежащей транспортной инфраструктуры, составили в Китае примерно 1 процент ВНП»[2].

Министерство транспорта Новой Зеландии опубликовало отчет о влиянии транспортной инфраструктуры на экономическое развитие. Отмечается, что в развитых странах инвестиции не оказывают какого-либо значительного влияния на экономический рост, в то время как в странах, где присутствуют факторы, сдерживающие пропускную способность, дефицит инвестиций может привести к снижению темпов экономического роста[3].

Отечественные исследования крупномасштабных инфраструктурных проектов свидетельствуют о том, что инвестиции в такие проекты связаны с последующим экономическим ростом. Это подтверждается теоретическими исследованиями, моделированием и практикой реализации таких проектов [14, с. 79]. Большая часть научных публикаций указывает лишь положительные эффекты крупномасштабных инфраструктурных проектов. Критике подвергаются только проекты высокосортного движения и Байкало-Амурская магистраль (БАМ) в период неполного использования ее пропускных способностей. В настоящий момент критика сменилась утверждениями о первоочередной необходимости БАМ в экономике России.

Чаще всего в работах исследуется эффективность крупномасштабных проектов на этапе идеи, экс-пост анализ после их реализации практически не проводится. Априори считается, что инфраструктурные проекты вносят вклад в экономический рост. Достоверно проверенных и общепризнанных методик наподобие методик Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) [15], предназначенных для оценки коммерческой эффективности проектов, не существует. Ю. А. Щербанин приходит к заключению, что транспортные проекты необходимо оценивать по нескольким критериям: тарифы на перевозку; производительность труда в транспортной отрасли; вклад транспортной отрасли в ВВП; логистические издержки и их влияние на ВВП [16].

В советский период экономисты подчеркивали важность капиталовложений в инфраструктурные проекты, например в работе [17] определяется необходимость учета отраслевых и внеотраслевых эффектов, обнародовано более 38 различных параметров (критериев), по которым необходимо оценивать эффективность проектов железнодорожного транспорта. Все эти критерии (количественные и качественные) структурированы и обобщены в 11 групп, однако в исследовании не указан способ свертки этих разнородных критериев в одну функцию. Большая часть этих параметров оценки актуальна и в рыночных условиях функционирования экономики России, некоторые утратили значение ввиду технологического прогресса. Кроме того, критерии узкоспециализированы на железнодорожных параметрах, не представлены военно-стратегические критерии, которые должны учитываться, но, по всей видимости, не приведены авторами сознательно.

В противоположность рынку частного капитала в послереволюционной России выходит работа М. П. Белоусова «Рентабельность сооружения железных дорог с точки зрения общегосударственной экономики». В этой работе уже сделаны выводы, что методы оценки рентабельности абсурдны для железнодорожных проектов и решать вопрос сопоставлением доходов и расходов от деятельности новых линий железных дорог нельзя. «Так как линия строится для развития производительных сил народного хозяйства, то учет интересов этого хозяйства должен служить исходным принципом и всякое пренебрежение им приводит к искажению самого решения» [18, с. 10] Автор дает понять, что финансовые интересы транспорта должны быть учтены в общегосударственных интересах, более

[1] Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

[2] World Development Report 1994: Infrastructure for Development. N. Y.: Oxford University Press. P. 18. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5977 (accessed 5 May 2022).

[3] Contribution of transport to economic development: Economic development and transport project. Mar 2016. URL: https://www.transport.govt.nz/assets/Uploads/Report/edt-Contribution-of-transport-to-economic-development.pdf (accessed 27 Sep 2022).

того, приходит к коэффициенту «обобщественности», – чем он выше, тем выше рентабельность транспортного сооружения [18, с. 58].

В 1959 г. Т. С. Хачатуров предлагает учитывать увеличение вновь произведенного общественного продукта при строительстве новых железных дорог, т.к. рост продукции и национального дохода в регионах дислокации новых линий происходит не только за счет железной дороги, но и благодаря одновременным крупным капитальным вложениям в другие отрасли народного хозяйства. При этом автор поднимает вопрос, что доля экономического эффекта, приходящаяся на транспорт, неизвестна и эта проблема подлежит дальнейшему изучению [19].

На наш взгляд, современные исследования ненамного приблизились к уточнению этой доли. Вероятно, она будет рассчитана после полной цифровизации экономики, когда сведения об изменении в межотраслевых связях смогут поступать в цифровую модель экономики в режиме реального времени, т. е. даже незначительные изменения в структуре производства будут доступны и прозрачны. Это позволит корректировать инвестиционные стратегии с целью максимизации ВВП, фонда конечного потребления и других факторов.

Важным этапом экономической науки, в т. ч. с точки зрения оценки эффективности инвестиционных проектов, можно назвать появление и развитие оптимизационных межотраслевых моделей, которые позволяют создавать цифровой двойник экономики и имитационным путем определять последствия принимаемых решений. В отечественной практике используется три основных модели: RIM (динамическая отраслевая модель) [20]; CONTO (межотраслевая макроэкономическая модель) [21]; OMMM (Оптимизационная межотраслевая межрегиональная модель) [22].

Имитационные расчеты, проводимые с помощью этих моделей, показывают, что инвестиции в крупномасштабные транспортные проекты ведут к экономическому росту. Также с помощью этих моделей можно определить иррациональный объем инвестиций, т. к. в модели заложены факторы, сдерживающие экономический рост – наличие свободных трудовых ресурсов, производственные мощности и др. Однако эти модели не учитывают социальные, демографические, геополитические и другие факторы.

Чтобы наглядно продемонстрировать взаимосвязь фонда инфраструктуры и ВВП различных стран мира, Всемирный банк опубликовал график с выводами: «увеличение фондов инфраструктуры на 1 процент соответствует однопроцентному росту ВВП во всех странах»[4].

На рис.[5] наглядно представлена зависимость между основными фондами организаций транспорта и ВРП российских регионов. Как правило, чем больше основные фонды организаций транспорта региона РФ, тем выше ВРП, однако причинно-следственная связь неочевидна. График демонстрирует неравенство между регионами РФ, вероятнее всего вызванное отсталостью транспортной инфраструктуры или ее фактическим отсутствием в отдельных регионах.

Выделить публикации, которые однозначно обосновывают негативное воздействие на экономический рост, как правило, нельзя, поскольку даже в работах, освещающих негативные последствия от крупномасштабных проектов, представлены выгоды от инвестиций. Основная гипотеза исследователей, которые считают воздействие крупномасштабных проектов на экономическое развитие нейтральным – явных доказательств того, что экономический рост является следствием привлечения инвестиций в транспортную инфраструктуру, а не наоборот, не существует. Не исключено, что на данном этапе исследований не учтен некий фактор, обуславливающий одновременный экономический рост и инвестиции в транспортную инфраструктуру[6].

В работе C. Winston [23] ставятся под сомнения выводы D. A. Aschauer [5] о том, что соотношение выгод и затрат составляет 10:1 и такое соотношение «неправдоподобно»: инвестировав в 1985 г. 60 млрд долларов при соотношении 10:1 результат был бы 600 млрд долларов, а это фактически ВНП США 1960 г. Причина неправильных выводов объясняется в этой же статье со ссылкой на [24]: период роста и падения производительности и инвестиций совпадает с соответствующими периодами роста 1950–1960 гг. и падения 1970–1980 гг. в США, и выявленная исследователем сильная корреляция не учитывает этих трендов. Добавим, что во многом проблема неоправданного использования корреляционного анализа для такого масштаба проектов подробно раскрыта в [25].

P. Boothroyd и др. выделяют четыре негативных последствия от крупномасштабных проектов: локальные инфляционные изменения, вызванные колебанием численности населения в местах строительства крупномасштабного проекта; негативное воздействие на окружающую среду; социальные последствия (негативное воздействие на коренное население, которое проживает в соответствии

[4] World Development Report…

[5] Составлено по: Транспорт в России 2020. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ). 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5IMvVR6S/tr-Pril2020.xls (дата обращения: 05.05.2022); Валовой региональный продукт по субъектам РФ в 2016–2020 гг. *Сайт Федеральной службы государственной статистики.* URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP.xlsx (дата обращения: 07.05.2022). *Прим.*: Оси представлены в логарифмическом масштабе. Основные фонды организаций транспорта включают в себя: железнодорожный транспорт; автомобильный (автобусный) транспорт подчиняющийся расписанию; автомобильный грузовой транспорт; транспортирование по трубопроводам; морской транспорт; внутренний водный транспорт; воздушный транспорт. Линия тренда – степенная

[6] Contribution of transport…

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-472-480

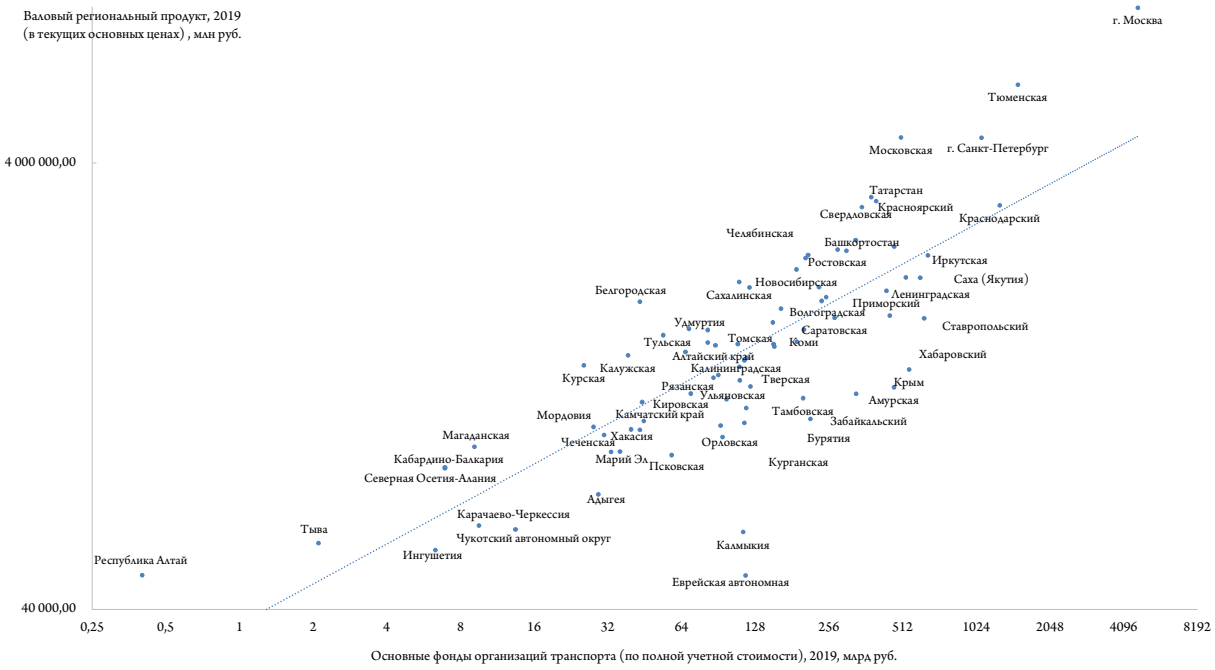

Рис. ВРП и основные фонды организаций транспорта регионов России
Fig. Gross regional product and fixed assets of transport organizations in the regions of the Russian Federation

со своими традициями и не желает масштабных технологических нововведений на территории их обитания, т.к. это может привести к деформации их общества); дополнительные налоговые обременения [10]. Такие последствия характерны для проектов, которые были реализованы на территории Канады, и, на наш взгляд, при анализе крупномасштабных транспортных проектов необходимо их учитывать. Стоит добавить, что последствия выражены не количественно, а в виде качественных характеристик, несмотря на то что они представлены как *затраты*.

Проект строительства тоннеля под Ла-Маншем используется в качестве примера неудачной оценки эффективности крупномасштабного проекта чаще всего. Например: «имеющиеся данные свидетельствуют о том, что непосредственная выгода от проекта туннеля под Ла-Маншем невелика ни для местной экономики, ни для национальных экономик» [26, p. 40] Британии и континентальной Европы. В этом же исследовании сделана важная оговорка – сами по себе инвестиции в транспортную инфраструктуру не приведут к экономическому росту, но скоординированная программа инвестиций и в другие отрасли будет ему способствовать. На наш взгляд, целью инвестирования в транспортные проекты является опосредованное привлечение инвестиций в другие отрасли. В частности, строительство новых железнодорожных линий в России ведет к инвестированию в различные добывающие и обрабатывающие отрасли.

Через десять лет после запуска тоннеля R. W. Vickerman проводит экс-пост анализ, подтвердивший предыдущие результаты – тоннель оказал незначительное влияние на рассматриваемые сектора экономики. Автор считает, что межконтинентальный трафик будет расти медленно из-за роста конвергенции цен. Примечательно, что эффекты от инвестиций и транспортные эффекты, которые могут оказывать влияние на развитие регионов, рассматриваются отдельно. Анализируется создание новых рабочих мест, доходы домашних хозяйств, мультипликаторы занятости и доходов. Транспортные эффекты исследуются с позиции генерации новых и перераспределения уже существующих транспортных потоков. Перераспределение рассматривается как негативное последствие, т.к. оно снижает доходность уже существующих транспортных связей. Прогнозируется два возможных сценария развития тоннеля в дальнейшем с указанием их вероятности [26]. К более скептическому заключению, связанному с перерасходом средств при строительстве тоннеля под Ла-Маншем, пришл R. Anguera, который сопоставил фактические затраты и выгоды и установил, что «в целом британская экономика была бы в лучшем положении, если бы тоннель никогда не был построен, поскольку общая стоимость ресурсов превышает полученную выгоду» [27, p. 314].

В статье [28] с помощью регрессионного анализа опровергается исследование A. H. Munnell и L. M. Cook [29]. Утверждается, что экономический рост не является следствием капитальных вложений, поскольку огромные капитальные вложения доступны государствам, в которых объемы производства уже находятся на высоком уровне. Одновременно с этим в работе A. H. Munnell и L. M. Cook не предоставлено никаких доказательств

наличия причинно-следственной связи между капитальными вложениями и экономическим ростом, хотя наличие связи не опровергается.

В исследовании [30] проводится анализ влияния таких комплексных инвестиционных планов, как высокоскоростные железнодорожные магистрали (ВСМ) на региональное развитие: «ВСМ может трансформировать региональную экономику, но эта трансформация не является автоматической или гарантированной и может принимать различные формы в разных обстоятельствах». В развивающихся регионах ВСМ оказывает более положительное влияние на экономический рост, чем в развитых.

На основе исследования проекта моста Большой Бельт спустя два года эксплуатации сделаны выводы, что мост «не проявил никаких положительных последствий», при этом не «наблюдалось какого-либо отрицательного эффекта» [31, p. 102]. Несмотря на это, при поддержке ЕС Дания инвестирует в следующий крупномасштабный транспортный проект – Фемарнбельтский тоннель, который должен сделать сообщение между Данией и Германией сухопутным в рамках проекта «Соединяющая Европа». Министерством транспорта Дании проведена экономическая оценка этого проекта по двум показателям: NPV и IRR[7]. Полученные значения оказываются положительными при условии, что в затратах не учтена грантовая поддержка от ЕС, т.е. показатели искусственно завышены с точки зрения применяемой ими же методологии. На наш взгляд, проекты подобного масштаба должны оцениваться не только с точки зрения выгоды коммерческого характера, но и социального, политического и стратегического [32].

При анализе проектируемых крупномасштабных транспортных проектов стоит учитывать опыт [33], который говорит о том, что трансграничные транспортные проекты не обязательно нивелируют межкультурные различия. В этом автор исследования видит негативную сторону таких проектов, поскольку одной из задач европейских транспортных проектов является осторожная взаимная интеграция. В исследовании приводятся примеры, когда научная интеграция не происходит, хотя она и должна стать одной из точек развития. Для России этот опыт будет полезен, поскольку РФ настороженно подходит к проектам с прямым выходом на Китай не через Забайкалье, а через Западную Сибирь (Кызыл – Курагино – Урумчи, Бийск – Горно-Алтайск – Урумчи).

Наибольший вклад в осторожную оценку экономической эффективности крупномасштабных транспортных проектов сделан под руководством Б. Фливбьорга [34; 35]. Автор проводит экс-пост анализ и приходит к важному заключению – при реализации практически всех крупномасштабных транспортных проектов фактическая стоимость выше сметной в среднем на 28 %. Выявлено, что оценки спроса (прогнозы) на пассажирские железнодорожные перевозки на этапе эксплуатации в двух третях проектов завышены более чем на две трети [34, p. 290]. Инвестиции в транспортную инфраструктуру оказывают влияние на развитие и рост экономики, только если существуют проблемы с пропускной способностью на определенных участках дорог; новая пропускная способность приведет к значительному снижению стоимости перевозки; инвестиции будут осуществляться не только в транспортную инфраструктуру, но и в другие объекты, которые будут работать на увеличение трафика. Авторы отмечают, что если бы ошибки оценки затрат были следствием технических причин, то количество ошибок по завышению затрат равнялось бы количеству ошибок по занижению затрат. Поскольку частота завышения затрат значительно выше, на основе агентской теории выдвигается концепция *стратегического искажения информации*.

Нестандартный экс-пост анализ капитальных вложений в инфраструктуру проведен в исследовании [36]. На основе оценки эффективности инвестиций с точки зрения доходности акций публичных компаний авторы делают вывод, что «компании, которые существенно увеличивают капитальные вложения, впоследствии получают отрицательную скорректированную на базовые показатели доходность в течение последующих пяти лет» [36]. Такой метод не подходит для непубличных компаний, которые, как правило, выступают агентом крупномасштабных инвестиций, и неприемлем для оценки эффективности проектов, которые несут в себе стратегическую значимость. Такие публичные компании, как Boing или Lockheed Martin Corporation используют для этого методики, разработанные корпорацией РЭНД. Кроме того, для любого инвестиционного проекта, в т.ч. некрупномасштабного, возврат вложенных средств происходит постепенно, т.е. пятилетний срок, указанный в этом исследовании, сопоставим с периодом окупаемости в терминах коммерческой эффективности проектов.

В исследовании P. Evans и G. Karras на основе данных 7 стран проведен анализ государственных вложений в производство. Не найдено значимых доказательств того, что государственный капитал оказывает воздействие на продуктивность [37, 1994]. К аналогичному заключению приходят D. Holtz-Eakin и A. E. Schwartz после эконометрического исследования на территории США в период 1971–1986 гг.: «повышение темпов инвестиций в инфраструктуру не оказало бы значительное влияние на ежегодный рост производительности» [38]. Не сами инвестиции в инфраструктуру, а именно темпы роста инвестиций не влияют на экономический рост, кроме того, мобильность средств производства является необходимым условием поддержания темпов экономического роста. Такую мобильность может обеспечить только хорошо развитая транспортная инфраструктура.

[7] Economic Assessment of a Fixed Link across the Fehmarn Belt, 2004. URL: https://www.trm.dk/media/gjlduzxb/english-summary-fehmarn-belt.pdf (accessed 5 May 2022).

В одной из последних публикаций на данную тему представлены результаты экс-пост анализа инвестиций в транспортную инфраструктуру и их влияние на региональное экономическое развитие, при этом учитывались инвестиции, направленные на улучшение транспортной доступности [39]. Применяется такой показатель, как потенциальная доступность регионов. Выявлено, что улучшение доступности оказывает слабое влияние на рост занятости в регионах, но корреляция положительная. При этом воздействие на рост регионального производства статистически незначимо, корреляция с производительностью в сельских районах отрицательна. Авторы приходят к заключению, что эконометрический подход не может использоваться для оценки воздействия инвестиций на региональное развитие и рекомендуют использовать методологии *затраты-выпуск* и прикладные модели общего равновесия.

В отечественной практике крупномасштабные транспортные проекты строительства высокоскоростных магистралей подвергаются критике от Министерства финансов РФ[8]. Аргументом выступает большой период окупаемости или даже его отсутствие в обозримом будущем. Критика вызвана завышенными оценками по пассажиропотоку и тарифами, заложенными в инвестиционный проект[9]. С позиции приоритетности критика обоснована, т. к. при нынешних ограниченных пропускных способностях Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей выбор в пользу последних будет приоритетнее, в т. ч. и с финансовой точки зрения.

Заключение

Противоречивость исследований, посвященных крупномасштабным инфраструктурным проектам, по нашему мнению, связана с ангажированностью (сознательной или бессознательной) авторов этих исследований или их источников финансирования. Проблема заключается в сложности верификации последствий (выгод и затрат) от реализации крупномасштабных проектов. Управление проектами подобного масштаба принято относить к экономической отрасли наук, несмотря на то что такие проекты необходимо исследовать с позиции различных критериев. «Решение о создании и развитии инфраструктуры находится исключительно в политической плоскости, так как имеет отложенный и сложный экономический эффект, не привлекающий бизнес для самостоятельной деятельности» [40, с. 36].

Учесть все критерии и определить затраты и выгоды с помощью каких-либо апробированных количественных методик, способных сделать свертку в один показатель наподобие NPV, не представляется возможным. Методики применяются фрагментарно, по одному из критериев и без учета других возможных негативных или позитивных последствий. В некоторых случаях рассмотрение других подцелей проекта происходит описательно, т. е. без свертки в один общий показатель.

На наш взгляд, наибольшего успеха достигли оптимизационные межотраслевые модели. Однако в настоящий момент они не отвечают современным требованиям цифровой экономики, поскольку данные для них поступают со значительной задержкой. Также они во многом не учитывают неэкономические аспекты крупномасштабного проекта. В отечественных исследованиях отсутствуют методики экс-пост анализа для аудита уже реализованных проектов. Методика корпорации РЭНД, в которой используется дерево целей сравнительной оценки эффективности крупномасштабных проектов на прединвестиционной стадии, не применяется при реализации проектов в режиме онлайн для корректирования возникающих негативных последствий [32].

Дискредитировавшая себя система золотовалютных резервов РФ могла бы быть заменена на крупномасштабные инфраструктурные проекты, которые не могут быть оценены лишь с точки зрения коммерческой окупаемости инвестиций в терминах традиционного инвестирования. Проекты подобного класса создают не только мультипликативные межотраслевые эффекты, но и удовлетворяют множеству различных национальных интересов. Способность отслеживать и прогнозировать такие эффекты во многом будет определять развитие экономики.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Holmgren J., Merkel A. Much ado about nothing? – A meta-analysis of the relationship between infrastructure and economic growth. *Research in Transportation Economics*, 2017, 63: 13–26. https://doi.org/10.1016/j.retrec.2017.05.001
2. Jenks L. J. Railroads as an economic force in American development. *The Journal of Economic History,* 1944, 4(1): 1–20. https://doi.org/10.1017/S002205070008400x

[8] Глава Минфина сомневается в рентабельности проекта ВСМ Москва–Казань. *Портал РБК.* URL: https://nn.rbc.ru/nn/freenews/5c2227a19a7947303373df4a (дата обращения: 05.05.2022).

[9] Греф призывает «с ювелирной точностью» просчитывать проекты, подобные ВС. *Сайт ОАО «РЖД»*. URL: https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=141771 (дата обращения: 05.05.2022).

3. Fogel R. W. A quantitative approach to the study of railroads in American economic growth: a report of some preliminary findings. *The Journal of Economic History*, 1962, 22(2): 163–197. https://doi.org/10.1017/S0022050700062719
4. Canning D., Fay M. *The effects of transportation networks on economic growth.* N.Y.: Columbia University: Department of Economics Discussion Paper, 1993, 47. https://doi.org/10.7916/D80K2H4N
5. Aschauer D. A. Is public expenditure productive? *Journal of Monetary Economics*, 1989, 23(2): 177–200. https://doi.org/10.1016/0304-3932(89)90047-0
6. Кирилюк И. Л. Модели производственных функций для российской экономики. *Компьютерные исследования и моделирование*. 2013. Т. 5. № 2. С. 293–312. [Kirilyuk I. L. Models of production functions for the Russian economy. *Computer Research and Modeling*, 2013, 5(2): 293–312 (In Russ).]
7. Von Thünen J. H. *Der Isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Berlin: Akademie-Verlag, 1990, 671.
8. Christaller W. *Die zentralen Orte in Süddeutschland.* Jena: Gustav Fischer, 1933, 331.
9. Lösch A. *Die räumliche Ordnung der Wirtschaft.* Jena: Gustav Fischer, 1940, 348.
10. Boothroyd P., Knight N., Eberle M., Kawaguchi J., Gagnon C. The need for retrospective impact assessment: the megaprojects example. *Impact Assessment,* 1995, 13(3): 253–271. https://doi.org/10.1080/07349165.1995.9726097
11. Oosterhaven J., Elhorst J. P. Indirect Economic Benefits of Transport Infrastructure Investments. *Across the border: building upon a quarter century of transport research in the Benelux*. Antwerp: De Boeck, 2003, 143–162.
12. Demurger S. Infrastructure development and economic growth: an explanation for regional disparities in China? *Journal of Comparative Economics*, 2001, 29(1): 95–117. https://doi.org/10.1006/jcec.2000.1693
13. Barro R. J. Government spending in a simple model of endogenous growth. *Journal of Political Economy*, 1990, 98(5-2): 103–125. https://doi.org/doi:10.1086/261726
14. Сериков П. Ю. Об инвестициях в инфраструктурные отрасли и ускорении экономического роста. *Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов*. 2017. Т. 7. № 6. С. 72–81. [Serikov P. Y. Regarding investments in infrastructure sectors and acceleration of economic growth. *Science & Technologies*: *Oil and Oil Products Pipeline Transportation*, 2017, 7(6): 72–81. (In Russ.)]
15. Behrens W., Hawranek P. M. *Manual for the preparation of industrial feasibility studies.* Vienna, 1991, 387.
16. Щербанин Ю. А. Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние. Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 3. С. 65–78. [Shcherbanin Yu. A. Transport and economic growth: interconnection and impact. *Journal of Eurasian Economic Integration*, 2011, (3): 65–78. (In Russ.)]
17. Нудельман Р. И. Проблемы планирования воспроизводства основных фондов транспорта. *Проблемы прогнозирования и оптимизации работы транспорта*., ред. Л. В. Конторович, В. Н. Лившиц. М.: Наука. 1982. С. 129–168. [Nudelman R. I. Problems of planning reproduction of fixed assets of transport. *Problems of forecasting and optimization of transport operation*, eds. Kontorovich L. V., Livshits V. N. Moscow: Nauka, 1982, 129–168. (In Russ.)]
18. Белоусов М. П. Рентабельность сооружения железных дорог с точки зрения общегосударственной экономики. М.: Транспечать НКПС, 1927. 60 с. [Belousov M. P. *Profitability of railway construction from the point of view of the national economy*. Moscow: Transpechat NKPS, 1927, 60. (In Russ.)]
19. Хачатуров Т. С. Экономика транспорта. М.: АН СССР, 1959. 587 с. [Khachaturov T. S. *Economy of transport*. Moscow: AN SSSR, 1959, 587. (In Russ.)]
20. Ивантер В. В., Михайлов В. В., Пехтерев Ф. С., Узяков М. Н., Замковой А. А., Широв А. А., Шестаков П. А., Попова Е. В., Лещев М. В. Использование метода межотраслевого баланса для научного обоснования стратегического развития железнодорожной системы России. М.: УП Принт, 2015. 208 с. [Ivanter V. V., Mikhailov V. V., Pekhterev F. S., Uziakov M. N., Zamkovoi A. A., Shirov A. A., Shestakov P. A., Popova E. V., Leshchev M. V. *Using the method of intersectoral balance for scientific substantiation of the strategic development of the Russian railway system*. Moscow: UP Print, 2015, 208. (In Russ.)]
21. Развитие методологии прогнозирования экономики России на базе межотраслевого и межрегионального комплекса: мат-лы семинара (Москва, 9 декабря 2014 г.), под ред. А. А. Замковой, П. А. Шестакова, О. В. Павловой. М: ИЭРТ, 2014. 115 с. [*Development of the methodology of forecasting the Russian economy on the basis of the intersectoral and interregional complex*: Proc. Seminar, Moscow, 9 Dec 2014, eds. Zamkova A. A., Shestakova P. A., Pavlova O. V. Moscow: Institute of Economics and Transport Development, 2014, 115. (In Russ.)]
22. *Экономические аспекты разработки транспортной стратегии России.* Мат-лы к обсуждению в ЦСРТ России (Москва, 10–11 ноября 2003 г.), ред. В. И. Суслов. Новосибирск: ИЭОПП, 2003. 60 с. [*Economic aspects of the development of the transport strategy of Russia*: Proc. Transport Strategy Center meeting, 10–11 Nov 2003, ed. Suslov V. I. Novosibirsk: IEOPP, 2003, 59. (In Russ.)] EDN: QQDINX
23. Winston C. Efficient transportation infrastructure policy. *Journal of Economic Perspectives*, 1991, 5(1): 113–127. https://doi.org/10.1257/JEP.5.1.113

24. Schultze C. L. The Federal Budget and the Nation's Economic Health. *Setting National Priorities: Policy for the Nineties*, ed. Aaron J. H.. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1990, 19–63.
25. Taleb N. N. *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. Random House, 2012, 544.
26. Vickerman R. W. The Channel Tunnel and regional development: a critique of an infra-structure-led growth project. *Project Appraisal,* 1987, 2(1): 31–40. https://doi.org/10.1080/02688867.1987.9726592
27. Anguera R. The Channel Tunnel – An Ex-post Economic Evaluation. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 2006, 40(4): 291–315. https://doi.org/10.1016/J.TRA.2005.08.009
28. Eisner R. Infrastructure and Regional Economic Performance: Comment. *New England Economic Review*, Sep / Oct 1991, 47–58.
29. Munnell A. H., Cook L. M. How does public infrastructure affect regional economic performance? *New England Economic Review*, 1990, 34: 11–33.
30. Vickerman R. W., Chen C. Can transport infrastructure change regions' economic fortunes? *Some evidence from Europe and China. Regional Studies*, 2016, 51(1): 144–160. https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1262017
31. Flyvbjerg B., Buzelius N., Rothengatter W. *Megaprojects and risk: an anatomy of ambition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 215. https://doi.org/10.1017/CBO9781107050891
32. Кибалов Е. Б., Бузулуцков В. Ф., Глущенко К. П., Пятаев М. В., Сизов А. Н., Шибикин Д. Д. Оценка общественной эффективности крупномасштабных железнодорожных проектов в ситуации неопределенности: неосистемный подход. Новосибирск: СГУПС, 2020. 154 с. [Kibalov E. B., Buzulutskov V. F., Glushchenko K. P., Piataev M. V., Sizov A. N., Shibikin D. D. *Evaluation of the public effectiveness of large-scale railway projects in a situation of uncertainty: a non-systemic approach*. Novosibirsk: STU, 2020, 155. (In Russ.)]
33. Koschatzky K. A river is a river-cross-border networking between Baden and Alsace. *European Planning Studies*, 2000, 8(4): 429–449. https://doi.org/10.1080/713666422
34. Flyvbjerg B., Skamris M. K., Buhl S. Underestimating costs in public works projects: error or lie? *Journal of the American Planning Association*, 2002, 68(3): 279–295. https://doi.org/10.1080/01944360208976269
35. Flyvbjerg B. What you should know about megaprojects and why: an overview. *Project Management Journal*, 2014, 45(2): 6–19. https://doi.org/10.1002/pmj.21409
36. Titman S., Wei K. C. J., Xie F. Capital investments and stock returns. *Journal of Financial and Quantitative Analysis*, 2004, 39(4), 677–700. https://doi.org/10.1017/S0022109000003173
37. Evans P., Karras G. Is Government Capital Productive? Evidence from a Panel of Seven Countries. *Journal of Macroeconomics,* 1994, 16(2), 271–279. https://doi.org/10.1016/0164-0704(94)90071-X
38. Holtz-Eakin D., Schwartz A. E. Infrastructure in a structural model of economic growth. *Regional Science and Urban Economics*, 1995, 25(2): 131–151. https://doi.org/10.1016/0166-0462(94)02080-Z
39. Rokicki B., Stępniak M. Major transport infrastructure investment and regional economic development – An accessibility-based approach. *Journal of Transport Geography*, 2018, 72: 36–49. https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2018.08.010
40. Якунин В. И. Роль инфраструктурных проектов в современной государственной политике. *Политическая наука.* 2017. № S. С. 15–40. [Yakunin V. I. The role of infrastructure projects in the modern public policy. *Political Science (RU)*, 2017, (S): 15–40. (In Russ.)]

оригинальная статья

Потенциал индустриального туризма в старопромышленном регионе

Апарина Наталья Федоровна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0003-2697-3196

Кавкаева Наталья Викторовна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0001-9566-1992
nkavkaeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.05.2022. Принята после рецензирования 14.09.2022. Принята в печать 19.09.2022.

Аннотация: Современный кризис в российской экономике, усугубляемый санкциями, обостряет вопрос о поиске отраслей, способных стать локомотивом регионального развития. Туристская отрасль рассматривается как альтернатива традиционным отраслям в старопромышленном регионе, создающая возможность ребрендинга территории и способствующая использованию потенциала индустриального региона для генерации потоков туристов. Каждый старопромышленный регион РФ имеет собственные стратегии развития туристской отрасли, связывая их цели с ребрендингом территории. Однако в стратегических документах развития отрасли часто игнорируются возможности использования ресурсного потенциала старопромышленных регионов для туризма. Представляется, что существенным потенциалом для развития туристской отрасли в подобных регионах обладает индустриальный туризм. Методология исследования основана на комплексном подходе к анализу туристских ресурсов территории. Возможности развития индустриального туризма в регионе рассмотрены на основе анализа потребительских предпочтений студентов. Потенциал индустриального туризма исследован на основе оценки студенческой молодежью привлекательности ресурсов индустриального туризма на территории. Определены возможные направления развития аттрактивности туристских ресурсов на основе кластерного подхода к формированию туристских маршрутов в сфере индустриального туризма в Кемеровской области – Кузбассе.

Ключевые слова: индустриальный туризм, промышленное наследие, виды туризма, потребители турпродукта, туристский кластер, ребрендинг территории

Цитирование: Апарина Н. Ф., Кавкаева Н. В. Потенциал индустриального туризма в старопромышленном регионе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 481–491. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-481-491

full article

Industrial Tourism Potential of an Old Industrial Region

Natalia F. Aparina
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0003-2697-3196

Natalia V. Kavkaeva
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0001-9566-1992
nkavkaeva@yandex.ru

Received 14 May 2022. Accepted after peer review 14 Sep 2022. Accepted for publication 19 Sep 2022.

Abstract: The current crisis in the domestic economy and the tightened international sanctions exacerbate the issue of finding industries that can boost regional development. Tourism is an alternative to traditional industries in an old industrial region. It can rebrand the territory and make an industrial region generate tourist flows. Each old industrial region of the Russian Federation has its own strategies for the development of the tourism industry. Usually, they aim at a total rebranding of their territory, thus rejecting their traditional industrial image. As a result, strategic documents often ignore the touristic potential of old industrial regions. However, industrial tourism can encourage the development of the tourism industry in such regions. The present article introduces some possibilities for the development of industrial tourism in the Kemerovo Region based on consumer preferences. The research methodology relied on an integrated approach to the local touristic resources and involved 160 students of the Kemerovo State University who were asked to assess the attractiveness of the local industrial tourism. The authors used the cluster approach to describe some potential directions for industrial tourism in the Kemerovo Region.

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Keywords: industrial tourism, industrial heritage, types of tourism, consumers of tourist products, tourist cluster, territorial rebranding

Citation: Aparina N. F., Kavkaeva N. V. Industrial Tourism Potential of an Old Industrial Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 481–491. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-481-491

Введение

Основные цели стратегических документов по трансформации отечественной туристской отрасли заключаются в комплексном развитии внутреннего и въездного туризма на основе формирования и продвижения конкурентоспособного и качественного туристского продукта. Современные политические и экономические вызовы создают существенные основания для распределения туристских потоков в пользу внутреннего туризма и ставят перед предприятиями туристской отрасли задачи срочной компенсации утраченных гражданами РФ возможностей удовлетворения рекреационных потребностей за счет выездного туризма предложением внутренних туристских ресурсов.

Но снижение платежеспособного спроса на фоне экономических санкций, инфляционные процессы, сложная международная политическая ситуация может отрицательным образом сказаться на перемещениях потребителей туристских услуг и внутри страны. Для современной туристской отрасли актуальной становится проблема развития туристского потенциала конкретных территорий, регионального туризма. Подход к развитию потенциала должен отличаться существенной степенью гибкости и комплексностью. На решение данной проблемы ориентирована Стратегия развития туризма в РФ[1], где в качестве одного из принципов формирования и развития туристского продукта определен региональный фактор: учет природного, культурного, этнического разнообразия регионов России.

Территории РФ отличаются многообразием туристско-рекреационных ресурсов. Различия природно-климатических условий, транспортной доступности территорий, наличие специфической туристской инфраструктуры туристских объектов делают возможным и необходимым применение гибкого подхода к определению приоритетных видов туризма на конкретной территории с учетом ее потенциала и особенностей социально-экономического развития. Требования гибкости при формировании туристского продукта основаны на базовых рекреационных потребностях туристов в восстановлении физических и духовных сил, смене обстановки. Поэтому многие туроператоры используют в своей политике работы с клиентами сочетание пассивного отдыха (пляжного) с активным (экскурсии). Однако сами способы рекреации могут обратиться в рутину, если туристская территория не обладает достаточным разнообразием туристских ресурсов и высоким потенциалом аттрактивности.

Применительно к туристскому продукту аттрактивность представляет собой его привлекательность, соответствие запросам потребителей, способность сформировать мотивацию в посещении, использовании. Аттрактивность как базовая характеристика туристского продукта делает необходимым тщательное изучение туристских ресурсов территории: оценки существующих потоков туристских продуктов и запасов туристских ресурсов, возможных для их вовлечения в туристский поток [1; 2].

В современной сложной экономической ситуации перед органами государственной власти, местного самоуправления и региональными туристскими предприятиями стоит сложная задача поиска возможностей удовлетворения рекреационных потребностей жителей территории и увеличения внешнего туристского потока за счет повышения аттрактивности туристских ресурсов. Решение этой задачи возможно на основе комплексного подхода к развитию туризма на территории.

Комплексность подхода к развитию туризма основана на том, что туристская индустрия использует не только собственно туристские объекты, но и включает в свой хозяйственный оборот предприятия других отраслей [3]. Этот фактор является актуальным при привлечении туристов на территорию, ее продвижении как туристской дестинации с многообразием туристских ресурсов. Комплексный подход заложен в Государственной программе Российской Федерации «Развитие туризма»[2] и Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. Он предопределяет стимулирование и развитие туристских дестинаций на региональном и межрегиональном уровнях с учетом особенностей туристских ресурсов и инфраструктуры конкретных регионов. Комплексность подхода, заложенная в стратегических документах развития туризма, делает возможным и необходимым формирование

[1] Об утверждении Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г. Распоряжение Правительства РФ № 2129-р от 20.09.2019. *СПС КонсультантПлюс.*

[2] Об утверждении государственной программы РФ «Развитие туризма». Постановление Правительства РФ № 2439 от 24.12.2021. *СПС КонсультантПлюс.*

туристских кластеров – пула туристских и смежных с туризмом хозяйствующих субъектов, связанных общей логистикой и совместно осуществляющих адаптацию, проектирование, производство, продвижение туристского продукта.

Комплексность и гибкость как базовые требования к разработке и продвижению регионального туристского продукта способствуют диверсификации региональной экономики, что отвечает стратегическим целям развития регионов и решению задач территориального маркетинга. Особенно актуально их применение в старопромышленных регионах, для которых характерна сохраняющаяся отраслевая специализация, монопрофильная зависимость, высокая концентрация промышленных предприятий и отраслей сопутствующей инфраструктуры [4; 5].

В старопромышленных регионах, одним из которых является Кемеровская область – Кузбасс, базовыми целями долгосрочных Государственных программ и Стратегий социально-экономического развития территорий являются сокращение ресурсной зависимости и нивелирование ее последствий. Органы государственной власти и местного самоуправления заняты поиском возможностей развития альтернативных отраслей, среди которых большие надежды возлагаются на туризм. Каждый старопромышленный регион РФ имеет собственные стратегии развития туристской отрасли. Однако следует отметить, что в стратегических документах зачастую игнорируются возможности использования ресурсного потенциала старопромышленных регионов для туризма. Представляется, что существенным потенциалом для развития туристской отрасли в подобных регионах обладает индустриальный туризм.

Индустриальный туризм – направление туризма, в рамках которого туристский продукт формируется как с использованием ресурсов функционирующих предприятий разных отраслей экономики, так и предприятий, относящихся к объектам индустриально-культурного наследия территории. Привлекательность данного направления для туристов связана с возможностями изучения современных технологий, производственных процессов, объектов современной промышленной архитектуры, приобретением новых представлений о том времени, к которому относится изучаемый объект [6]. Для предприятий, вовлекающих свои ресурсы в хозяйственный оборот индустриального туризма, расширяются возможности продвижения как самого предприятия, так и его продукции [7].

Возможности развития индустриального туризма связаны с несколькими факторами:

1. Индустриальные объекты становятся объектами культурно-исторического наследия. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, индустриальная эпоха уходит в прошлое, с другой – последние события открывают для России новые возможности для реиндустриализации; промышленный туризм может стать важной составляющей музеефицированной туристической индустрии. Крупные цеха и технические сооружения, прорывные изобретения и технологии, уникальная транспортная инфраструктура, антропогенный ландшафт и жилые кварталы промышленных городов, рабочих поселков формируют музейные кластеры: все, что когда-то поддерживало жизнь местных сообществ (шахты, рудники, плавильни, текстильные фабрики) становится индустриальным наследием и может приносить пользу экономике и обществу в условиях геоэкономического передела пространства.

Кроме того, объекты индустриального наследия являются частью городской среды: их технические особенности, старопромышленный дизайн привлекают любителей исследовать заброшенные здания и сооружения, использовать их для экстремальных занятий. На основе привлекательности объектов сформировались такие направления индустриального туризма, как урбанизм (любовь к индустриальным пейзажам), руфинг (использование крыш для созерцания видов, для экстремальных занятий), сталкерство (посещение заброшенных промышленных объектов и мест), диггерство (исследование подземных сооружений) и т. д. Подобные занятия стали составляющими молодежной субкультуры[3].

2. Многие действующие промышленные объекты обладают существенным потенциалом аттрактивности и интересны для посещения туристами. Посещение подобных объектов идентифицируется как промышленный туризм, который имеет многолетнюю историю [8, с. 21]. Еще в 1900 г. в Нидерландах туристы могли посетить сыроварню, во Франции – винодельню или шоколадную фабрику, в Греции и на Мальте – мастерскую по изготовлению кружев [9]. В Европе первые подобные экскурсии варьировались от посещения табачной фабрики до визита на скотобойню [10]. Шоколадная фабрика «Херши» принимала экскурсии в 1904–1970 гг., пока по соображениям санитарной безопасности, страхования и оптимизации процесса производства компании не пришлось построить цех-симулятор специально для туристов [11]. По данным на 1990 г., на территории Англии в сфере промышленного туризма было зарегистрировано 294 организации, в США – 438 [12]. Объемы услуг в сфере промышленного туризма неуклонно росли: например, в 2007 г. во Франции услуги промышленного туризма оказывали 1700 компаний[4]. По опыту стран Запада промышленные объекты как объекты промышленного наследия входят в список ЮНЕСКО.

[3] Индустриальный туризм: путешествие в остановившуюся эпоху. URL: https://vektor-tv.ru/light/industrialnyy-turizm-puteshestvie-v-ostanovivshuyusya-epokhu/ (дата обращения: 07.05.2022).

[4] Россия готова развивать промышленный туризм. URL: http://www.travel.ru/news/2009/12/09/175849.html (дата обращения: 05.05.2022).

3. Рост интереса к развитию индустриального / промышленного туризма наблюдается у предпринимателей[5] [13; 14]. Анализ научной литературы и Интернет-контента показывает, что индустриальный / промышленный туризм рассматривается предприятиями как потенциальный инструмент выхода из кризиса, связанного с пандемией, продвижения бренда предприятия, увеличения потока потребителей, роста инвестиционной привлекательности и т. д.

Индустриальный туризм в России

В современной России индустриальный туризм как направление, использующее объекты культурно-исторического наследия и экскурсии на действующие предприятия, имеет определенный задел и рассматривается в отдельных регионах как потенциально возможное направление развития туристского рынка. Тем не менее промышленный туризм не является приоритетным даже для старопромышленных регионов с богатым культурно-индустриальным наследием. По оценкам специалистов, на индустриальный туризм приходится около 1 % рынка туристских услуг[6].

Развитие индустриального туризма как сегмента туристского рынка осуществляется по нескольким направлениям. Первое из них связано с музеефикацией индустриально-культурного наследия крупных промышленных центров и рабочих поселков. «Демидовский Нижнетагильский завод» на Урале, поэтапно закрытый в 1960–1980-е гг., оценивается специалистами как идеальный пример музеефикации с полной сохранностью постройки и оборудования предприятия. Последующее создание на его базе завода-музея рассматривается как опорная точка создания многофункционального туристического центра [15, с. 7]. Проект включает идею восстановления узкоколейной железной дороги и маршрут по окружающим городам, на территории которых сохранились подлинные памятники промышленности XIX в., объекты религиозного, архитектурного, этнографического интереса, формирующие единый культурный ландшафт горнозаводского Урала XVIII–XIX вв. Разрабатывается маршрут вдоль р. Чусовой с руинизированными промышленными объектами и множеством уникальных природных памятников [15].

Второе направление индустриального туризма – создание и организация экскурсий в промышленные музеи. Данное направление является наиболее распространенным в России. Например, в Ханты-Мансийске в 2003 г. открыт первый и пока единственный в России государственный «Музей геологии, нефти и газа». В музее собрана коллекция уникального технологического оборудования, которое используется при разведке и извлечении из недр нефти и газа. Коллекции музея дают возможность посетителям оценить насколько наукоемкой отраслью является нефтегазоразведка. Это крупный научный и координационный центр: здесь проводятся мероприятия наподобие «Техноелки», есть коллекции отпечатков древней флоры и фауны, метеоритов и т. д., создана богатая образовательная программа для детей всех возрастов[7].

Самым современным на территории России считается интерактивный музей Тимано-Печорской нефтяной провинции на севере Республики Коми, в Усинске, финансируемый «ЛУКОЙЛ-Усинскнефтегаз». Здесь посетитель может оказаться внутри нефтяной шахты: в экспозиции музея создана реконструкция фрагмента шахты Ярегского месторождения с реальным скважным оборудованием и имитацией движения горячей нефти[8].

Третье направление индустриального / промышленного туризма – организация экскурсий на действующие предприятия. В литературе отмечают успехи в популяризации и развитии промышленного туризма на Урале. Лидируют старопромышленные районы Урала, объявившие промышленный туризм ключевым вектором развития туриндустрии: в 2018 г. в Екатеринбурге была представлена концепция Карты промышленного туризма Российской Федерации [16, с. 187].

Данное направление также развивается на предприятиях Магнитогорска, Челябинска, Первоуральска и других городов. В Магнитогорске разработан «Стальной маршрут» на действующее предприятие на базе ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат», включающий несколько экскурсий – историческую, детскую, зрелищную – в цех с «брызгами металла размером с салют». Все экскурсанты получают спецодежду, каски, страховку и проходят инструктаж[9]. На «Челябинском трубопрокатном заводе» проводятся экскурсии в цеха «Высота 239»; на «Первоуральском новотрубном заводе» разработан маршрут «Железный Озон 32».

Использование индустриальных ресурсов осуществляется в туристской отрасли и в других регионах. Например, в Хакасии, на угольном разрезе «Черногорский» проводятся экскурсии с посещением смотровой площадки

[5] Комраков А. Заводы и фабрики – туристам. *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/economics/2017-12-06/4_7130_china.html (дата обращения: 04.05.2022).

[6] Там же.

[7] Музей геологии, нефти и газа, 2019. URL: http://www.muzgeo.ru/ (дата обращения: 17.01.2020).

[8] Музей истории нефтегазовой промышленности Тимано-Печоры, 2019. URL: https://alvagroup.ru/projects/muzej-istorii-neftegazovoj-promyishlennosti-timano-pechoryi-ooo-lukojl-komi (дата обращения: 17.01.2020).

[9] ММК 2020: Сайт Магнитогорского Металлургического комбината: Экскурсия «Стальной маршрут». URL: https://mmk-tour.ru (дата обращения: 17.01.2020).

разреза и учебной угольной шахты. Эти экскурсии посещают преимущественно учащиеся специализированных учебных заведений города. Экскурсия на разрез осуществляется в комплексе с обзорной экскурсией по Черногорску, посещением музея истории города, памятника шахтерам, погибшим в результате взрыва в 1931 г. и мемориального комплекса памяти жертв политических репрессий [17, с. 113].

Существенный потенциал данное направление туризма имеет в пищевой промышленности. Например, в Москве и Московской области промышленные туры предлагают: Агрокомбинат «Московский», МПБК «Очаково», ПК «Балтика», булочно-кондитерский комбинат «Коломенское», кондитерские фабрики «Красный Октябрь», «Богатырь», «Рот Фронт» и др. Посещение объектов промышленного туризма зачастую совмещается с гастрономическими пристрастиями туристов. Например, хороший потенциал имеется у промышленного винного туризма. Наиболее посещаемые места: Абрау-Дюрсо (Новороссийск, Краснодарский край), Фанагория (Темрюк, Краснодарский край) и др.

Пользуются спросом экскурсии на предприятия народных промыслов: в д. Жостово и с. Федоскино на фабрики росписи, туры на фабрику детских игрушек «Елочка» в Клину. Отдельные локации промышленного туризма имеются в аэропорту «Домодедово», пожарной части в Сокольниках, косметической компании «Чистая Линия» в Долгопрудном, Курской АЭС и т. д.

Четвертое направление индустриального туризма связано с использованием промышленных объектов для различных форм экстремального туризма. В одном из общедоступных реестров, создаваемых сторонниками данного направления, насчитывается более 700 объектов, расположенных на территории Свердловской, Челябинской областей и Пермского края[10]. Следует отметить, что данное направление отличается высокой степенью риска и обладает аттрактивностью для определенных сегментов туристского рынка (молодежь, любители экстремальных развлечений). Поэтому в ряде городов России наблюдается тенденция организованного и безопасного использования данных объектов для привлечения туристов.

Например, так называемые *тихий руфинг* и *арт-руфинг* развиваются в Екатеринбурге: проводятся экскурсии на открытую смотровую площадку, расположенную на 52 этаже небоскреба «Высоцкий» на высоте 186 м. На крышах домов города создаются летние веранды, кафе, привлекающие как жителей города, так и гостей. Среди городов России по развитию организованного *тихого руфинга* выделяется Санкт-Петербург. Сегодня в городе есть экскурсоводы, которые согласовывают экскурсии с районными чиновниками, спасателями и жильцами домов[11].

Во Владивостоке проводятся организованные диггер-клубом экскурсии, в том числе для детей, с основательной подготовкой, соблюдением требований безопасности, онлайн-трансляциями. Сталкер-туры предлагают, например, в Ленинградской области, используя заброшенные объекты для проведения квестов.

Индустриальный туризм в Кемеровской области – Кузбассе

Разнообразие регионов России и особенности развития сферы туризма в каждом конкретном регионе требуют формирования и реализации региональных программ развития, учитывающих местную специфику туристских ресурсов. В соответствии с государственной программой Кемеровской области – Кузбасса «Туризм, молодежная политика и общественные отношения Кузбасса» на 2021–2024 гг. ключевыми направлениями внутреннего и въездного туризма являются как горнолыжный, спортивный, лечебно-оздоровительный, сельский, культурно-исторический, экологический и прочие виды туризма. Индустриальный туризм в данную программу не включен[12].

Следует учитывать, что в старопромышленном регионе с угольной специализацией индустриальный туризм сопровождается значительными технологическими рисками. Процесс угледобычи рискованный, а его воспроизведение сложно технически. Потому потенциал полной музеефикации производственного процесса угледобычи небольшой. В Кемеровской области отдельные экспозиции, имитирующие процесс угледобычи, имеются в специализированных музеях: музее угля при Институте угля и углехимии СО РАН, музее Красная Горка. Стоит отметить, что эти экспозиции ориентированы не на массовую аудиторию, а на узкие профессиональные группы [18; 19]. Угольные шахты и разрезы Кузбасса проводят нерегулярные экскурсии для школьников и студентов в целях профориентационной работы или производственной практики, в рамках профессиональных праздников, для почетных гостей и т. д.

Определенный прогресс в развитии индустриального туризма наметился в связи с принятием совместного решения о сотрудничестве в сфере развития промышленного туризма в Кемеровской области Правительством Кемеровской области и Агентством стратегических инициатив. Перспективы промышленного туризма в старопромышленном регионе связывают с тем, что в Кемеровской области находятся предприятия угольной, энергетической, химической и других отраслей и промышленный туризм может стать инструментом территориального маркетинга, способствовать ребрендингу региона, созданию образа территории с развитой

[10] Urban3p project. URL: http://urban3p.ru (дата обращения: 04.05.2022).

[11] Официальный сайт Piter Tours. URL: https://pitertours.ru/#popup-ex (дата обращения: 02.05.2022).

[12] Об утверждении государственной программы Кемеровской области – Кузбасса «Туризм, молодежная политика и общественные отношения Кузбасса» на 2021–2024 гг. URL: https://bulleten-kuzbass.ru/bulletin/291348 (дата обращения: 02.05.2022).

промышленностью, зеленой экономикой, бережливыми технологиями, социально-ответственным поведением бизнеса и т. д. Кроме этого, развитие промышленного туризма рассматривается в контексте популяризации рабочих специальностей, профессиональной ориентации студенческой и учащейся молодежи.

Результаты

Потенциал рынка туристских услуг оценивается через объем спроса на туристский продукт. Важным фактором развития индустриального туризма является генерирование туристского потока, емкость которого зависит от сформировавшихся и потенциальных предпочтений потребителей.

Для выявления возможностей развития индустриального сегмента туристского рынка Кемеровской области было проведено исследование туристских предпочтений активной и мобильной группы туристского рынка – студентов. Опрос проводился в 2021 г. в Кемеровском государственном университете (КемГУ) и Кузбасском государственном техническом университете (КузГТУ). В опросе приняли участие 160 студентов в возрасте 18–24 лет. Среди опрошенных 95 человек – студенты гуманитарных направлений подготовки (59 %) и 65 человек, обучающихся на инженерных направлениях подготовки (41 %).

Опрос показал, что привлекательность туризма как вида занятий для студентов очевидна: на вопрос *Увлекаетесь ли вы туризмом?* утвердительно ответили 73,8 % опрошенных (*да, увлекаюсь* – 30,6 %; *скорее да, чем нет* – 43,1 %). При этом потенциал внутреннего туризма для студенческой молодежи существенный: 83,5 % респондентов интересуется внутренним туризмом как возможным источником рекреации.

На рис. представлено распределение ответов о целях посещения студентами туристских объектов.

Данные опроса показывают, что целями посещения объектов туризма являются преимущественно рекреационные: пассивный пляжный отдых, активные занятия спортом, развлечения, оздоровление и т. д.; познавательные: знакомство с культурой территории, ее достопримечательностями.

Для определения перспектив развития индустриального (промышленного) туризма студентам был задан вопрос о предпочитаемых видах туризма (табл. 1).

Табл. 1. Ответы на вопрос *Какие виды туризма Вас интересуют больше всего?*

Tab. 1. Responses to *What types of tourism are you most interested in?*

Вид туризма	Количество	%
Развлекательный	49	30,6
Культурно-познавательный	38	23,8
Пляжный	36	22,5
Событийный	21	13,1
Научно-образовательный	17	10,6
Лечебно-оздоровительный	17	10,6
Экзотический	16	10,0
Спортивный	13	8,1
Шоп-туры	8	5,0
Сельский	7	4,4
Этнический	5	3,1
Индустриальный	5	3,1
Религиозный (паломнический)	3	1,9
Деловой	1	0,6

Результаты опроса показывают, что студенты отдают предпочтение развлекательному, культурно-познавательному, пляжному и событийному видам туризма. Молодежь как сегмент туристского рынка отличается повышенной эмоциональной активностью, физической подвижностью; для молодежного сегмента характерны динамическое изменение настроений, зрительная и интеллектуальная восприимчивость; чужда рутина [20, с. 211].

Индустриальный туризм как самостоятельное направление не входит в число приоритетных видов туризма. Вместе с тем на основании приоритетов студенческой молодежи, участвующей в опросе, можно сделать выводы о наличии потенциала развития данного сегмента путем повышения его аттрактивности, включения индустриальных объектов в сферу научно-образовательных интересов студентов, усиления событийного направления.

Предполагая, что индустриальный туризм не идентифицируется у молодежи как отдельный сегмент туристского рынка, в анкету были включены вопросы о конкретных направлениях данного вида туризма, которые могли бы позволить оценить возможности его развития (табл. 2).

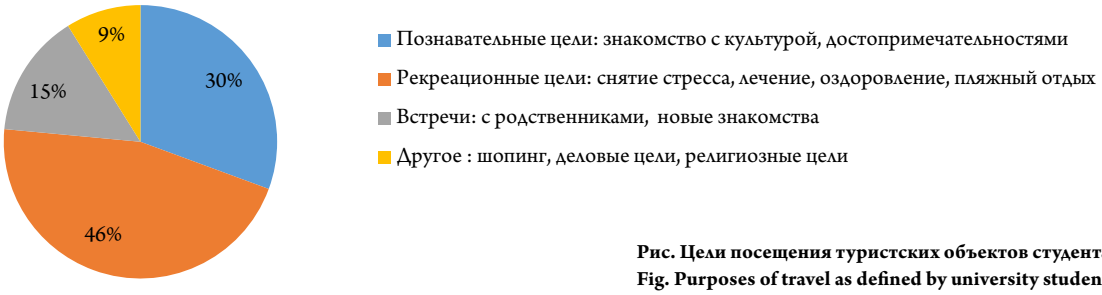

Рис. Цели посещения туристских объектов студентами, %

Fig. Purposes of travel as defined by university students, %

Табл. 2. Ответы на вопрос *Какое из направлений индустриального туризма может вызывать ваш активный интерес?*
Tab. 2. Responses to *Which of the directions of industrial tourism can arouse your interest?*

Вид индустриального / промышленного туризма	Количество	%
Урбанизм	90	56,3
Руфинг	52	32,5
Посещение заброшенных промышленных объектов (сталкерство)	48	30,0
Диггерство	33	20,6
Экскурсии на действующие промышленные предприятия	26	16,3
Использование объектов промышленных предприятий для активного / экстремального времяпровождения (инфильтрация)	15	9,4
Затрудняюсь ответить	16	10,0

Наибольший интерес у студентов вызывает такое направление, как урбанизм. Это исследование городских пейзажей, дизайна городского пространства, локаций, городской активности. Урбанизм рассматривается исследователями как относительно новое направление молодежной субкультуры, привлекающее творческих личностей и любителей активного отдыха в черте города. Представляется, что данное направление имеет потенциал для привлечения внешних туристов, которые активно изучают городскую среду новой для них территории. Для местных жителей она, как правило, является рутиной и оживление интереса к городским пейзажам возрастает при изменении облика города, связанного, например, со строительством новых объектов. Урбанизм является одним из наименее опасных видов индустриального туризма и может иметь организованный характер.

Опрос показал, что определенная часть студентов проявляет интерес к наиболее развлекательным, а поэтому экстремальным и опасным видам индустриального туризма: сталкерству, руфингу, диггерству. 9,4 % ответивших на вопрос проявляют интерес к т. н. инфильтрации – использованию объектов работающих промышленных предприятий для активного / экстремального времяпрепровождения. Так, на вопрос *Посещали ли вы недействующие (заброшенные) предприятия?* (табл. 3) утвердительно ответили 35 респондентов (22 % опрошенных). В основном посещения осуществляются по личной инициативе или по советам побывавших там друзей, знакомых, родственников, т. е. не являются организованными.

Представляется, что имеющийся интерес к промышленному туризму может быть удовлетворен за счет целенаправленного создания туристских объектов соответствующей направленности. В Кемеровской области данные виды индустриального туризма не получили распространения в виде организованных экскурсий, хотя в регионе имеется потенциал развития.

В последние несколько лет существенным образом вырос интерес к индустриальному туризму как в России в целом, так и в отдельных регионах. В Кузбассе Соглашение о развитии промышленного туризма, заключенное

Табл. 3. Распределение ответов на вопрос *Посещали ли вы действующие / недействующие промышленные предприятия?*
Tab. 3. Responses to *Have you ever visited active / closed industrial enterprises?*

Причины посещения	Посещение респондентами действующих промышленных объектов (n=62)		Посещение респондентами недействующих промышленных объектов (n=35)	
	Количество	%	Количество	%
Экскурсия, организованная туроператором / местными экскурсоводами	28	38,8	3	10,3
Совет друзей, знакомых, родственников	7	10,1	22	100,0
Экскурсия, организованная школой	40	61,5	5	14,3
Экскурсии, организованные туристскими организациями (клубы, кружки и т. д.)	15	23,1	5	14,3
Экскурсия, организованная вузом	18	27,0	–	–
Учебная / производственная практика	13	20,0	–	–
Экскурсия, организованная предприятием	11	16,9	–	–
Реклама (ТВ, СМИ, интернет, наружная реклама)	2	3,1	–	–
Личный интерес (желание)	5	7,7	21	60,0
Посетил / а случайно	10	15,4	10	28,6
Затрудняюсь ответить	3	4,6	5	14,3

между Агентством стратегических инициатив и губернатором Кемеровской области С. Цивилевым ориентировано на включение действующих промышленных предприятий в сферу туристских интересов.

Судя по опросу, интерес к экскурсиям на действующие промышленные предприятия продемонстрировали только 16,3 % опрошенных студентов. Промышленный туризм для студенческого сегмента туристского рынка является преимущественно организованным, но вынужденным занятием с низкой мотивацией самостоятельного посещения промышленных объектов. Развитие данного сегмента требует существенных инвестиций и создания аттракций, отвечающих специфическим психологическим, культурным, познавательным, рекреационным потребностям молодежи в рамках использования социально-санкционированных форм индустриального туризма. Представляется, что данные задачи в старопромышленном регионе могут быть решены с использованием кластерного подхода. Это обьясняется тем, что:

1. Индустриальный туризм в целом и его отдельные сегменты могут развиваться только комплексно, с привлечением предприятий как туристских, так и нетуристских отраслей. Многие объекты индустриального туризма являются объектами культурно-индустриального наследия, обладают спецификой, связанной с высоким риском их использования, поэтому требуют вовлечения промышленных предприятий, органов МЧС, учреждений культуры, организаций, занимающихся экскурсиями и т. д. Кроме того, ориентация студенческой молодежи на экстремальный сегмент индустриального туризма может рассматриваться как потенциальная возможность его развития в организованных формах.

2. Кластерный подход заложен в методических рекомендациях по организации промышленного туризма в регионах РФ, разработанной Агентством стратегических инициатив в виде единой концепции по взаимодействию субъектов организации промышленного туризма: органов исполнительной власти, предприятий, туристских организаций. В качестве субъектов рассматриваются также образовательные организации (профориентация для школьников и студентов); предприятия-партнеры (обмен знаниями); организации в сфере маркетинга и рекламы (презентация территориальных брендов и продукции) и т. д.

3. Кластерный подход основан на необходимости разнообразия экскурсионных маршрутов для туристов, которые посещают регион с рекреационными, деловыми, учебными, оздоровительными, спортивными, гостевыми и другими целями. Необходимо сформировать экскурсионные туристические продукты индустриальной направленности с встраиванием в них индустриально-культурной составляющей для внешнего туристского потока, удовлетворяющей культурные, познавательные потребности туристов, приезжающих в новый для них регион. Это требует развития информационной инфраструктуры, включения в качестве субъектов кластера организаций, занимающихся информационным сопровождением туристов, информационных туристских центров и т. д.

4. Расширение как внешнего, так и внутреннего туристского потока индустриального туризма требует повышения его аттрактивности. Аттрактивность является мотиватором посещения туристских объектов. Как показал опрос, студенческая молодежь Кузбасса, выросшая в индустриальном регионе, воспринимает промышленные ландшафты и предприятия как естественную среду обитания и поэтому не проявляет дополнительный интерес к индустриальным объектам. Посещение промышленных предприятий, как правило, осуществляется обязательной частью образовательной программы (практика, профориентация) или же факультативной внеклассной деятельностью (школьная экскурсия). Самостоятельной инициативы в посещении действующих промышленных предприятий студенты практически не проявляют.

На сформулированное в анкете предложение припомнить объекты индустриального туризма, которые студенты посещали, ответ дали только 20,6 % опрошенных. Из перечисленных респондентами объектов индустриального / промышленного туризма – угольные разрезы Кузбасса, Кемеровская ГРЭС, «Азот», медный рудник, мраморный карьер, Музей железнодорожной техники. Наиболее часто в качестве объекта посещения студенты упоминали музей Красная горка (13,5 % респондентов).

Интерес к посещению промышленных объектов может быть повышен за счет ориентации на впечатляющую, креативную составляющую экскурсий. Например, практика отечественных предприятий, привлекающих туристов, показывает, что кажущаяся скучной экскурсия на Челябинский трубопрокатный завод предполагает посещение нового производственного цеха, расположенного на высоте 239 м над уровнем моря. Экскурсия, как и цех, называется «Высота 239». Производство позиционируется как использующее принципиально новые акценты в культуре труда, а его местоположение представляет экскурсию как экстремальную. Производственные площадки посетили более 200 тыс. человек[13].

В организации промышленного туризма в регионах имеется опыт реализации кластерного подхода в развитии креативной составляющей туристского продукта, что представлено комплексом организаций, заинтересованных в совместном продвижении территории или решении отраслевых задач. Например, на предприятиях нефтегазового сектора с хорошим финансированием, промышленный туризм – способ достижения представительских целей, реабилитации индустрии. В Тюменской

[13] Официальный сайт Челябинского трубопрокатного завода. URL: https://chtpz.tmk-group.ru/excursion (дата обращения: 02.05.2022).

области разрабатывается маршрут «Черное золото Сибири», который будет включать в себя посещение музея нефти компании «НК Роснефть», кернохранилища, нефтегазового колледжа, полигона и международно-учебного тренировочного центра Тюменского индустриального университета, который оснащен уникальным оборудованием для имитации процессов бурения и эксплуатации скважин. Туристов знакомят с историей освоения тюменского севера, посвящают в нефтяники. У них имеется возможность потрогать нефть, обмазаться ею, облачиться в рабочую одежду нефтяников и попробовать «уху с нефтью»[14].

Табл. 4. Распределение ответов на вопрос *Какой объект индустриального туризма вы хотели бы посетить?*

Tab. 4. Responses to *Which object of industrial tourism would you like to visit?*

Объект индустриального туризма	Количество	%
Действующее предприятие с демонстрацией производственного процесса	72	37,5
Музей действующего предприятия	30	15,6
Музей города с демонстрацией производственных процессов промышленных предприятий (презентации, инсталляции)	22	11,5
Недействующее (заброшенное) предприятие	58	30,2
Затрудняюсь ответить	10	5,2

Опрос выявил у студентов их мотивацию в посещении объектов с высокой аттрактивной составляющей (табл. 4).

Наибольший интерес у студентов вызывают предприятия с демонстрацией производственных процессов и посещение недействующих (заброшенных) предприятий.

Инициативы со стороны губернатора Кемеровской области С. Цивилева и главы Агентства стратегических инициатив С. Чупшевой, подписавших в феврале 2021 г. соглашение о развитии промышленного туризма, способствуют изменению ситуации. Эти инициативы привели к развитию уже разработанных промышленными предприятиями экскурсионных маршрутов и созданию новых. Формируется реестр промпредприятий, проявивших интерес к индустриальному туризму. На сайте Агентства стратегических инициатив в каталог предприятий Кемеровской области, предлагающих экскурсии для заинтересованных лиц, включены 16 предприятий: «Кузбассразрезуголь», «СДС-Уголь», «Кокс», «Азот» в Кемерово; «СУЭК-Кузбасс» в Ленинск-Кузнецком; «Сибшахтосрой», «Кузнецкие ферросплавы», «Новокузнецкий ликеро-водочный завод» в г. Новокузнецк; аграрно-туристический комплекс «Усадьба Лобановых» в п. Первомайский; «Славянка», Междуреченский пивоваренный завод, «Томусинский ремонтно-механический завод», «Южный Кузбасс» в Междуреченске; Гурьевский хлебокомбинат в г. Гурьевск; «Деревенский молочный завод» в пгт. Промышленная, предприятия Прокопьевского МО[15].

Заключение

Развитие сегмента индустриального туризма требует повышения его аттрактивности. Несмотря на имеющийся потенциал и обозначенные Агентством стратегических инициатив задачи промышленного туризма, для студентов промышленный туризм является преимущественно организованным, но вынужденным занятием с низкой мотивацией самостоятельного посещения промышленных объектов.

Необходимо сформировать туристический продукт с встраиванием в него индустриальной составляющей региона и ее комбинаций с неиндустриальными направлениями, что, на наш взгляд, поможет обеспечить создание в Кемеровской области комплексного туристского продукта с дополнительными возможностями. Индустриальные объекты могут быть составляющими гастрономического, событийного, образовательного, спортивного, познавательного и прочих видов туризма, что предполагает реализацию комплексного подхода к формированию туристского продукта и использования кластерного подхода к формированию туристских маршрутов.

Потенциалом развития индустриального туризма в регионе обладает угольная, ликероводочная, металлодеревянная, молочная, пищевая отрасли промышленности, сельское хозяйство. Экскурсии, организуемые предприятиями региона, ориентируются на туристические группы (13 организаций), школьников (12 организаций), иностранные группы (10 организаций) и бизнес-группы (9 организаций), и студентов (4 организации).

Вместе с тем, в организации экскурсий не используется потенциал креативного туризма, неочевидна его аттрактивная составляющая, что снижает возможности привлечения туристских потоков и развития самостоятельной инициативы посещения объектов индустриального туризма. Информация на сайтах не позволяет сориентировать потенциальных туристов на то, какие именно туристские потребности могут быть удовлетворены, что снижает потенциал генерации туристских потоков. Поэтому развитие данного сегмента рынка требует большей информированности потенциальных туристов о существующих возможностях экскурсий, усиления аттрактивности туристских маршрутов, реализации комплексного подхода к формированию туристского продукта.

[14] Смолова К. В Тюменской области разрабатывается маршрут нефтяника «Черное золото Сибири». URL: https://www.tumen.kp.ru/daily/26764/3797185/ (дата обращения: 02.05.2022).

[15] Сайт PromTourism. URL: https://promtourism.ru/regions/kemerovskaya-oblast/ (дата обращения: 05.05.2022).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Кривошеева Т. М., Казакова С. А. Туристская аттрактивность вторичных туристских ресурсов. *Сервис в России и за рубежом*. 2013. № 7. С. 72–78. [Krivosheeva T. M., Kazakova S. A. The tourist attractioness secondary tourist resources. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2013, (7): 72–78. (In Russ.)] EDN: RAMRTJ
2. Красникова Т. С. Туристический потенциал территории и необходимость его развития. *Общество: политика, экономика, право.* 2015. № 6. С. 46–48. [Krasnikova T. S. Tourism potential of a territory and the need for its development. *Society: Politics, Economics, Law*, 2015, (6): 46–48. (In Russ.)] EDN: VCDSSH
3. Жолудева В. В., Мельниченко Н. Ф. Комплексный подход к формированию туристской политики региона. *Сервис в России и за рубежом*. 2016. Т. 10. № 8. С. 89–96. [Zholudeva V. V., Melnichenko N. F. The comprehensive approach to the forming regional tourism policy. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2016, 10(8): 89–96. (In Russ.)] EDN: XSMRWH
4. Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Центральные и периферийные территории старопромышленного региона в условиях трансформации экономического пространства. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология*. 2017. Т. 3. № 3-2. С. 58–70. [Dvoryadkina E. B., Kaibicheva E. I. Central and peripheral territories of the old industrial region under conditions of economic space transformation. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiia. Geologiia*, 2017, 3(3-2): 58–70. (In Russ.)] EDN: TAGOJB
5. Корешков М. В., Деревнина С. Е. Промышленный туризм: знакомство с производством. *Профессиональное образование и рынок труда.* 2015. № 9-10. С. 42–43. [Koreshkov M. V., Derevnina S. E. Industrial tourism: introduction to production. *Vocational education and labour market*, 2015, (9-10): 42–43. (In Russ.)] EDN: VVVTAR
6. Sorochan V. Definition of industrial tourism stages. *Global and National Problems of Economics*, 2014, (2): 60–61.
7. Медяник А. В., Тарабановская С. В. К вопросу о значении промышленного туризма в развитии региона. *Тенденции развития науки и образования*. 2016. № 18-3. С. 30–33. [Medyanik A. V., Tarabanovskaya S. V. The role of industrial tourism in the development of the region. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2016, (18-3): 30–33. (In Russ.)] https://doi.org/10.18411/lj2016-9-3-07
8. Власова Н. Ю., Голубчиков О. Ю., Курилова Е. В. Индустриальный туризм в продвижении старопромышленных регионов. Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 4. С. 19–31. [Vlasova N. Yu., Golubchikov O. Yu., Kurilova E. V. Industrial tourism in the old industrial regions promotion. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2017, (4): 19–31. (In Russ.)] https://doi.org/10.29141/2073-1019-2017-16-4-2
9. Stevens T. Work Watching: The Growth of Industry Tourism. *Leisure Management*, 1988, 8(12): 40–43.
10. MacCannell D. *The tourist: a new theory of the leisure class*. N. Y.: Schoken Books, 1976, 214.
11. Gelbert D. *Company museums, industry museums and industrial tours: a guidebook of sites in the United States that are open to the public*. Jefferson: McFarland, 1994, 320.
12. Swarbrooke J., Page S. J. *The development and management of visitor attractions*. L.: Routledge, 1995, 432. https://doi.org/10.4324/9780080494500
13. Никулина Ю. Н. Исследование востребованности и перспектив развития промышленного туризма в регионе: взгляд предприятий. *Креативная экономика*. 2017. Т. 11. № 8. С. 875–892. [Nikulina Yu. N. Study of demand and prospects of development of industrial tourism in the region: the view of enterprises. *Kreativnaya ekonomika*, 2017, 11(8): 875–892. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/ce.11.8.38204
14. Скляренко С. А., Панченко Т. М., Селиванов И. А., Головенко М. В. Перспективы развития промышленного туризма в России. *Российское предпринимательство*. 2011. Т. 12. № 10-1. С. 146–150. [Sklyarenko S. A., Panchenko T. M., Selivanov I. A., Golovenko M. V. Prospects for the development of industrial tourism in Russia. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, 12(10-1): 146–150. (In Russ.)] EDN: ONILHV
15. Запарий В. В. Индустриальное наследие России и Урала: выявление, изучение, использование. *Экономическая история*. 2010. № 3. С. 4–10. [Zapariy V. V. The industrial inheritance of Russia and Urale: discovering, studying, usage. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2010, (3): 4–10. (In Russ.)] EDN: NHTQYF
16. Курлаев А. Е. Индустриальный туризм как фактор валоризации промышленных ландшафтов и памятников Урала. *Сохранение и рациональное использование культурного наследия в сфере туризма*: мат-лы Междунар. науч.-

практ. конф. (Уфа, 16–17 ноября 2016 г.) Уфа: УГНТУ, 2016. С. 180–188. [Kurlaev A. E. Industrial tourism as a factor of valorization of industrial landscapes and monuments of the Urals. *Preservation and rational use of cultural heritage in the field of tourism*: Proc. Internat. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 16–17 Nov 2016. Ufa: USPTU, 2016, 180–188. (In Russ.)] EDN: YFINGD

17. Нерсисян Т. Р., Хортова М. В. Использование промышленного потенциала города для развития туризма. *Социально-экономические проблемы развития старопромышленных регионов*: сб. мат-лов Междунар. экономического форума (Кемерово, 20 мая 2014 г.), ред. Н. Н. Голофастова. Кемерово: КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева, 2014. С. 114. [Nersisian T. R., Khortova M. V. Using the industrial potential of the city for the development of tourism. *Socio-economic problems of the development of old industrial regions:* Proc. Internat. Economic forum, Kemerovo, 20 May 2014, ed. Golofastova N. N. Kemerovo: T. F. Gorbachev STU, 2014, 114. (In Russ.)] EDN: VIOYZH
18. Спицын С. Было бы интересно спуститься в забой. *Эксперт Сибирь*. 2014. № 46. [Spitsyn S. I'd like to go down to the mine. *Ekspert Sibir*, 2014, (46). (In Russ.)] URL: https://expert.ru/siberia/2014/46/byilo-byi-interesno-spustitsya-v-zaboj/
19. Апарина Н. Ф., Кавкаева Н. В. Перспективы развития индустриального туризма в старопромышленных регионах. *Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации*: сб. тезисов Всерос. науч. конф., посвященной 175-летию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. (Ханты-Мансийск, 8–9 октября 2020 г.) Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2020. С. 112–117. [Aparina N. F., Kavkaeva N. V. Prospects for the development of industrial tourism in old industrial regions. *Russia's industrial heritage: interdisciplinary research, conservation experience, renovation strategies*: Proc. All-Russ. Sci. Conf. dedicated to the 175th anniversary of the Russian Geographical Society and the 90th anniversary of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Hanty-Mansijsk, 8–9 Oct 2020. Hanty-Mansijsk: Iugorski format, 2020, 112–117. (In Russ.)] EDN: XLXJOP
20. Баканова А. А. Нетрадиционные виды молодежного туризма. *Царскосельские чтения*. 2012. Т. IV. № XVI. С. 149–152. [Bakanova A. A. Non-traditional types of youth tourism. *Tsarskoselskie chteniia*, 2012, IV(XVI): 149–152. (In Russ.)]

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

оригинальная статья

Региональные проблемы развития цифровой экономики

Бельчик Татьяна Алексеевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0001-5729-8475
t.a.belchik@mail.ru

Фролов Никита Евгеньевич
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово

Поступила в редакцию 15.09.2022. Принята после рецензирования 17.10.2022. Принята в печать 14.11.2022.

Аннотация: Статья посвящена анализу показателей, характеризующих развитие цифровой экономики. Процесс цифровизации требует грамотного управления, так как от этого зависит конкурентоспособность экономики страны на международном рынке и в значительной степени качество жизни людей. Цель – исследовать региональные аспекты развития цифровой экономики, выявление барьеров и способов их преодоления. Объект – Кемеровская область – Кузбасс, предмет – показатели развития цифровой экономики в Кемеровской области – Кузбассе. Исследование базируется на эмпирических данных, собранных методом свободного интервью с руководителями различных организаций Кузбасса и статистических данных Росстата, для обработки использован программный продукт SPSS Statistics. Выделены проблемы, которые характеризуют становление и развитие цифровой экономики в Кемеровской области – Кузбассе: отставание в развитии электронной коммерции населения и организаций, недостаток цифровых навыков населения, дефицит специалистов в сфере IT. Сырьевая зависимость и отток населения, особенно молодежи, рассматриваются как барьеры в развитии цифровой экономики. Развитие цифровых навыков населения всех поколений и работников всех отраслей определены как первоочередные цели для успешного решения задач, сформулированных в национальном проекте «Цифровая экономика». Отмечено отставание в использовании различных возможностей информационно-коммуникационных технологий, в том числе недостаточное понимание важности цифровой трансформации некоторых руководителей, участвующих в исследовании. Приведены в динамике показатели, характеризующие развитие цифровой экономики в разрезе Кемеровской области – Кузбасса, Сибирского федерального округа и Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые навыки, цифровая экономика, электронная коммерция, регион, Кузбасс, Кемеровская область

Цитирование: Бельчик Т. А., Фролов Н. Е. Региональные проблемы развития цифровой экономики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 492–500. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-492-500

full article

Regional Problems of Digital Economic Development

Tatyana A. Belchik
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0001-5729-8475
t.a.belchik@mail.ru

Nikita E. Frolov
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 15 Sep 2022. Accepted after peer review 17 Oct 2022. Accepted for publication 14 Nov 2022.

Abstract: The article introduces an analysis of the digital economic development in the Kemerovo Region. The study was based on statistical data obtained from The Russian Federal Statistics Service, as well as on the expert opinion of local managers. The e-commerce of the local population and organizations remains low. All social strata lack digital skills, and IT specialists are scarce. The local digital economy depends on raw materials and suffers from youth out-migration. The National Digital Economy Project presupposes developing digital skills in all age groups and industries. The authors believe that the local authorities fail to use many opportunities provided by information and communication technologies: even some of the interviewees seemed unable to comprehend the importance of digital transformation. The article presents the dynamic indicators that describe the development of the digital economy in the Kemerovo Region, the Siberian Federal District, and the Russian Federation.

Keywords: digitalization, digital skills, digital economy, e-commerce, region, Kuzbass, Kemerovo region

© 2022. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Citation: Belchik T. A., Frolov N. E. Regional Problems of Digital Economic Development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 492–500. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-492-500

Введение

В современном мире цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни человека. С 2004 г., когда был открыт графен, что повлекло за собой переход к шестому технологическому укладу, функционирование любой сферы деятельности человека сложно представить без компьютерных, электронных и других цифровых технологий. Интернет, информационные сети стали основным способом коммуникации и обмена информацией как в бизнесе, так и в сфере государственного управления, медицине, науке и т. д. Все процессы, которые протекают в фирме, начиная с получения заказов, организации документооборота, общения с клиентами и заканчивая управлением всей организацией, переходят в цифровой формат.

Различные цифровые технологии, например, Интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект преобразуют не только способы социального взаимодействия людей, но и экономические отношения и институты. Цифровизация – это один из глобальных трендов развития человечества, который оказывает влияние не на одну сферу жизни, а на все одновременно [1–3]. Поэтому внедрение цифровых технологий в жизнь человека – одна из особенностей настоящего времени. Процесс цифровизации требует грамотного управления, поскольку от этого зависит конкурентоспособность экономики страны на международном рынке и, в значительной степени, качество жизни людей, что определяет актуальность выбранной темы и необходимость ее изучения.

Процессы цифровизации способствуют развитию цифровой экономики. Сам термин *цифровая экономика* появился относительно недавно[1] [4–6]. В 1995 г. Д. Тапскотта рассматривал вопрос о том, как Интернет сможет изменить мир ведения бизнеса, приходит к выводу, что происходит снижение издержек фирмы, в частности транзакционных [7–9]. Транзакционные издержки связаны с затратами, которые сопровождают взаимоотношения экономических агентов. К ним относят: издержки, связанные с поиском информации; во время переговоров и заключения договоров; в процессе измерения какой-либо величины и др. [10]. Трансакционные издержки порождаются платностью, асимметрией, неполнотой информации [11].

В начале становления понятия *цифровая экономика* наравне с ним использовалось понятие *электронная экономика*. В концепции электронной экономики, а впоследствии и цифровой, выделяется 3 основных составляющих: инфраструктура бизнеса; электронный бизнес; электронная коммерция [12–14].

В настоящее время термин *цифровая экономика* трактуется вполне однозначно: это «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»[2]. Всемирный банк определил цифровую экономику в широком смысле как «систему экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий»[3]. Все перечисленное указывает на то, что использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является ключевым фактором в цифровой экономике.

Лидеры G20 определили цифровую экономику как «широкий диапазон видов экономической активности, к которым относится использование оцифрованной информации и знаний в качестве ключевого фактора производства, современных информационных сетей в качестве важной области деятельности, а также эффективное использование информационных и коммуникационных технологий в качестве важного фактора экономического роста и оптимизации экономической структуры»[4]. В определении еще раз подчеркивается важность цифровых данных; уточняется, что эффективное использование ИКТ является важным фактором экономического роста и оптимизации экономической структуры. Это очень важный момент, т. к. составляющей цифровой экономики является электронная коммерция – любые сделки, которые совершаются с помощью ИКТ. Поэтому использование ИКТ позволяет предприятиям экономически расти, т. к. многие процессы протекают в электронном формате.

[1] Глоссарий терминов и определений, используемых при анализе состояния и развития цифровой экономики, сост. Н. И. Пашинцева. М.: ИПРАН РАН, 2020. 40 с.

[2] О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017. *Администрация Президента России*. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 30.12.2021).

[3] Доклад о развитии цифровой экономики в России «Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации». *Всемирный банк*. 2018. С. 3. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30584/AUS0000158-RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y (дата обращения: 30.12.2021).

[4] G20. Программа по развитию и сотрудничеству в сфере цифровой экономики. *ЕЭК*. URL: https://clck.ru/Smz58 (дата обращения: 30.12.2021).

Консультанты *Boston Consulting Group* считают, что «цифровая экономика – это использование возможностей онлайн-коммуникаций и инновационных цифровых технологий всеми участниками экономической системы – от отдельных людей до крупных компаний и государств» [15]. Именно развитие ИКТ дало развитие индивидуальному предпринимательству и фрилансу.

Можно определить несколько характерных черт понятия цифровая экономика:

- использование цифровых технологий;
- внедрение во все сферы экономической жизни;
- наличие цифровой платформы для осуществления экономической деятельности;
- создание новых бизнес-моделей (телемедицина, интернет-банки и т. п);
- развитие взаимодействия производитель – потребитель.

Решение задач становления цифровой экономики связано с двумя основными факторами: обеспечением условий для создания новых технологий и встраиванием новых цифровых технологий в реальную экономическую деятельность.

Четвертая промышленная революция обязана своим появлением Интернету [16]. Для этого периода характерна не просто автоматизация производства, а создание полностью автономных производственных линий, где человек является наблюдателем. Произошло ускорение применения технологических инноваций. Информации стало настолько много, что в ней действительно стало возможно потеряться. Появились приборы, которые собирают большое количество информации, анализируют ее и используют для улучшения товаров или взаимодействия между потребителем и товаром. Ключевыми технологиями для этого периода стали большие данные, Интернет вещей, квантовые приборы, блокчейн, цифровые двойники [17; 18].

Четвертая промышленная революция характеризуется не только повышением производительности труда, но и повышением продуктивности, гибкости, кастомизации производства. К. Шваб определил три фактора индустрии 4.0: темпы развития; широта и глубина; системное воздействие [19].

Цифровая экономика – это инструмент, который позволит человечеству вступить в постиндустриальное информационное общество посредством прохождения четвертой промышленной революции. Для этого результата была поставлена задача «создания экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан»[5].

Достижение этой цели приведет к внедрению цифровых технологий и данных в цифровой форме в обыденную сферу деятельности бизнеса. Таким образом, бизнес будет не только использовать цифровые технологии, но и стремиться их развивать, т. к. использование совершенных цифровых технологий уже сейчас является конкурентным преимуществом. Поэтому, когда весь бизнес будет зависеть от цифровых данных и технологий, важность степени внедрения цифровых технологий во все процессы организации возрастет многократно.

Результаты

Реализуемый в РФ с 2019 г. национальный проект «Цифровая экономика» призван решить глобальные задачи – от создания современной IT-инфраструктуры до обучения цифровым навыкам граждан разных возрастов [20; 21]. 24 января 2022 г. в программу были добавлены еще три федеральных проекта[6], нацеленных на значительное развитие инфраструктуры телекоммуникационной связи, что позволит увеличить доступ к цифровым услугам и товарам[7]; создать возможности для формирования цифровых компетенций, востребованных на рынке труда[8]; развить цифровые сервисы, участвующие во взаимодействии граждан и бизнеса.

Реализация национальных проектов осуществляется регионами и их успешность во многом зависит от организации работы на местах и исходны условий до начала реализации проекта. Опыт показал, что различия между регионами по развитости инфраструктуры, опыту исполнителей и эффективности расходования бюджета проекта очень большие.

Чтобы определить исходные условия для Кузбасса, необходимо проанализировать динамику ВРП и изменения численности населения, т. к. процесс цифровизации в значительной степени зависит от экономической развитости региона. С 2018 г. ВРП в регионе имеет отрицательную динамику (2018 г. – 1266424,5 млн руб.; 2019 г. – 1110194,8; 2020 г. – 1038086,7[9]).

Другой негативной тенденцией является отток населения из региона (2019 г. численность населения составляла

[5] Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017. *СПС КонсультантПлюс.*

[6] В национальную программу «Цифровая экономика» включены три федеральных проекта. *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ*. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/41415/ (дата обращения: 24.05.2022).

[7] Страница федерального проекта «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи». *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ*. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1086/ (дата обращения: 24.05.2022).

[8] Страница федерального проекта «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли». *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ*. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1085/ (дата обращения: 24.05.2022).

[9] ВРП с 1998 г. по Кемеровской области. *Кемеровостат*. URL: https://kemerovostat.gks.ru/folder/38633 (дата обращения: 10.06.2022).

2674256 человек, 2020 г. – 2657854, 2021 г. – 2633446). В начале 2022 г. численность снизилась до 2604272 человек, что на 2,6 % меньше, чем в 2019 г. Выезжающие из региона в значительной части молодые люди: в 2020 г. 36 % всех выехавших – население в возрасте 15–29 лет. Доля молодежи 15–29 лет в общей численности населения Кузбасса постоянно сокращается и в 2021 г. она достигла 15,5 %[10]. Это одна из причин старения населения, помимо достаточно высокой смертности и низкой рождаемости. Совокупность этих факторов и тенденция к снижению доли молодежи в общей структуре населения могут отрицательно влиять на развитие цифровой экономики и являются проблемой региона.

Вместе с тем показатели, связанные с развитием цифровой экономики в регионе, постепенно растут. Удельный вес населения, использующего Интернет, в общей численности населения 15–74 лет вырос с 79 % в 2017 г. до 83 % в 2020 г. Хорошую динамику демонстрирует показатель количества абонентов мобильного доступа к широкополосному Интернету (рис. 1[11]).

Средний темп прироста по всем наблюдаемым объектам равен 9,4 %, в то время как аналогичный темп прироста абонентов фиксированного доступа равен 2,7 %. За весь период наблюдения происходит рост доли населения, использующего Интернет. При этом средние темпы прироста по РФ и СФО схожи и находятся на уровне 2,4 %. В Кемеровской области средний темп прироста равен 1,7 %.

Для развития цифровой экономики важно, чтобы развивалась электронная коммерция – одна из составляющих цифровой экономики. На рис. 2[12], показано, какая доля населения использует Интернет для заказа товаров и услуг.

Одной из важных отраслей является развитие цифрового государственного управления. Тренд на получение услуг от государства в электронном виде является важным показателем перехода общества в цифровую экономику. На рис. 3[13] показан удельный вес населения, получавшего государственные и муниципальные услуги в электронном формате.

Показатели, характеризующие цифровую экономику связанные с населением, растут. Количество людей, которые пользуются Интернетом, увеличивается, развивается электронная коммерция и цифровое государственное управление. Во многом этому способствует реализация национального проекта «Цифровая экономика». В Кемеровской области из выделенных 555,34 млн. руб. 94 % – это средства федерального бюджета, что указывает на высокую заинтересованность государства в развитии процессов цифровизации в российских регионах. В разрезе организаций по показателям, Кузбасс находится, в большинстве случаев, на уровне ниже, чем средний уровень СФО. По некоторым показателям регион имеет уровень выше, чем средний по СФО, например по удельному весу домашних хозяйств и организаций, которые используют широкополосный Интернет. Поэтому можно говорить о том, что Кемеровская область находится на уровне чуть ниже среднего по СФО. При этом уровни этих показателей растут, поэтому можно сделать вывод, что все больше предприятий начинают использовать компьютерную

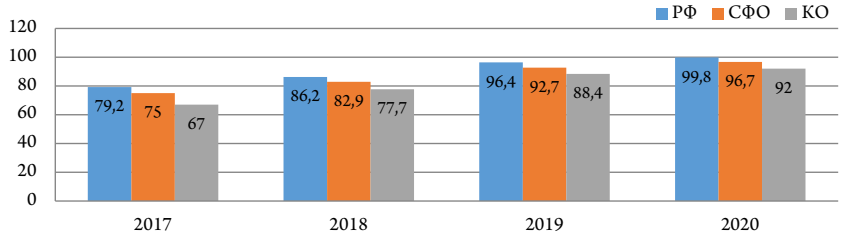

Рис. 1. Абоненты мобильного доступа к широкополосному Интернету на 100 человек населения
Fig. 1. Mobile access to broadband Internet: subscribers per 100 population

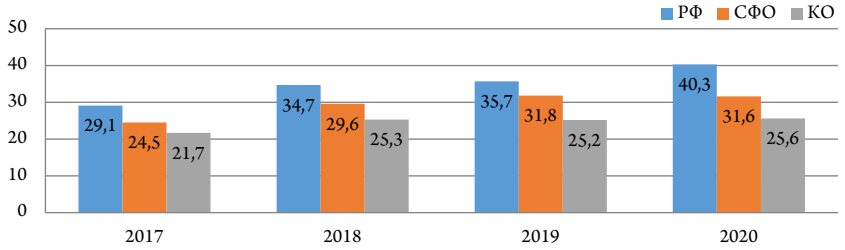

Рис. 2. Удельный вес населения, использующего Интернет для заказа товаров, услуг, в общей численности населения 15–74 лет, %
Fig. 2. Internet customers of goods and services: share in the total population aged 15–74 y.o., %

[10] Численность населения муниципальных образований Кемеровской области – Кузбасса на начало года. *Кемеровостат*. URL: https://clck.ru/r4k9d (дата обращения: 10.06.2022).

[11] Ежегодник. Связь, информационные и коммуникационные технологии за 2020 г. *Кемеровостат*. URL: https://kemerovostat.gks.ru/folder/38707; Статистический сборник «Индикаторы цифровой экономики 2018-2021 г.» *Высшая школа экономики*. URL: https://www.hse.ru/primarydata/iio (дата обращения: 30.12.2021).

[12] Статистический сборник…; Итоги выборочного наблюдения по вопросам использования населением ИКТ по Кемеровской области – Кузбассу 2017–2020 г. *Кемеровостат*. URL: https://kemerovostat.gks.ru/folder/38707 (дата обращения: 30.12.2021).

[13] Итоги выборочного наблюдения…

технику с выходом в Интернет, что необходимо для развития цифровой экономики.

На рис. 4[14] представлен индекс цифровизации регионов, который показывает, с какой скоростью бизнес адаптируется к цифровой трансформации.

Индекс цифровизации является агрегированным показателем, который рассчитывается на основе уровней использования различных технологий в организациях. В частности, использование широкополосного Интернета, облачных сервисов, RFID-технологий, ERP-систем и включенность в электронную торговлю. На рис. 5[15] представлены исходные показатели, формирующие индекс цифровизации по Кемеровской области, СФО и РФ.

Для того, чтобы оценить позицию Кузбасса в общей совокупности регионов страны, была проведена кластеризация субъектов РФ на основе индекса цифровизации. Выделено три кластера: в кластер 1 (К1) отнесены регионы с индексом цифровизации более 31, в кластер 2 (К2) – регионы с индексом цифровизации 26–30, регионы с индексом цифровизации менее 25 были определены в кластер 3 (К3). В табл.[16] отражены средние значения показателей цифровой экономики для каждого кластера.

Рост индекса цифровизации связан с ростом числа абонентов подключения к сети Интернет; количеством предприятий, использующих Интернет в работе; долей населения, пользующейся Интернетом для работы с электронной коммерцией и цифровым государственным управлением. В регионах с большей степенью цифровизации электронная коммерция и цифровое государственное управление развито сильнее, чем в менее цифровизованных. С увеличением доли населения и домашних хозяйств, использующих Интернет, индекс цифровизации не растет. Ситуация обратная: наибольший процент приходится на К3, где индексы цифровизации самые низкие. Наименьшее количество регионов относится к К1, наибольшее – к К2, в том числе Кемеровская область с индексом цифровизации 30.

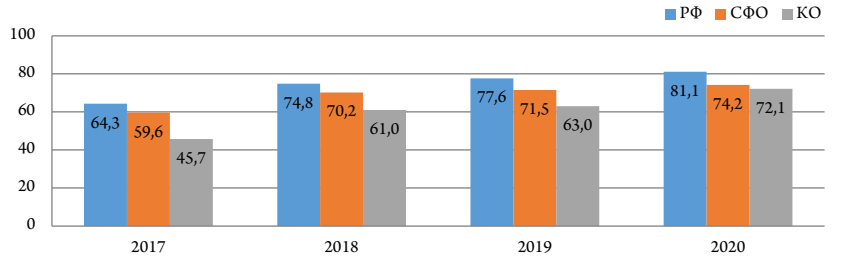

Рис. 3. Удельный вес населения в возрасте 15–72 лет, получавшего государственные и муниципальные услуги, %
Fig. 3. Internet customers of state and municipal online services: share in the total population aged 15–74 y.o., %

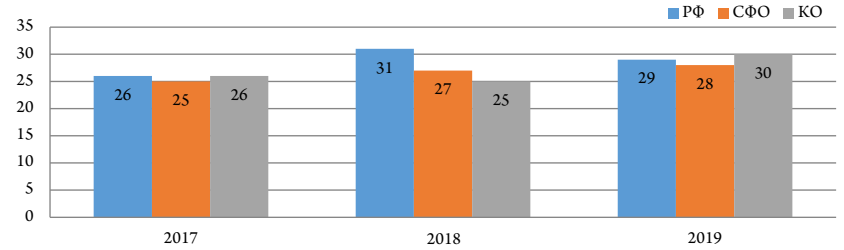

Рис. 4. Индекс цифровизации в России
Fig. 4. Digitalization index in Russia

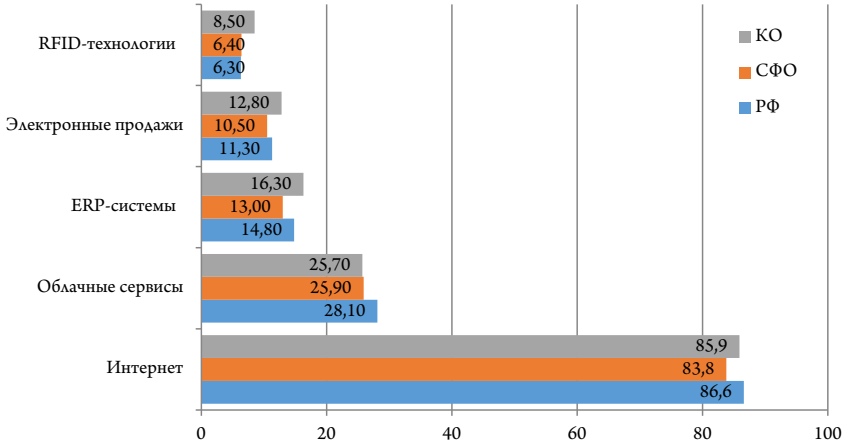

Рис. 5. Уровни использования цифровых технологий в Кемеровской области – Кузбассе, 2019
Fig. 5. Digital technologies in the Kemerovo region in 2019

[14] Статистический сборник…

[15] Там же.

[16] Рассчитано авторами с помощью SPSS Statistics по Статистический сборник…

Табл. Средние значения показателей для всех кластеров
Tab. Mean values of indicators for all clusters

Наименование показателя	К1	К2	К3
Абоненты фиксированного широкополосного доступа к Интернету на 100 человек, единиц	22,60	20,63	15,57
Абоненты мобильного широкополосного доступа к Интернету на 100 человек, единиц	102,87	90,69	81,14
Удельный вес домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету, в общем числе домашних хозяйств, %	76,73	74,14	79,43
Удельный вес населения, использующего Интернет, в общей численности населения 15–74 лет	88,53	87,47	90,43
Удельный вес населения, использующего Интернет для заказа товаров, услуг, в общей численности населения 15–74 лет	41,40	34,56	31,14
Удельный вес населения, использующего Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме	80,80	75,95	75,86
Удельный вес организаций, использующих широкополосный Интернет, в общем числе организаций	90,67	87,14	75,14
Численность в кластере, шт.	8	59	15

Проведен качественный и количественный анализ данных интервью с руководителями. В опросе участвовали 32 респондента, являющиеся руководителями из организаций разного рода деятельности со средним стажем работы 12 лет. Опрос проводился магистрантами Кемеровского государственного университета методом личного интервью по одному гайду в 2020 и в 2021 г..

Одним из первых задавался вопрос *Какие инновации были внедрены в вашей организации за последние 3 года?* Большинство респондентов ответили, что никаких инноваций не вводилось. До 2020 г. деятельность компаний не подвергалась таким внезапным внешним изменениям, как пандемия, заставившая менять производственный, коммуникационный и другие процессы. В 2021 г. на втором месте по популярности оказались ответы *современные способы коммуникации*, т. е. мессенджеры, которые позволяли сотрудникам взаимодействовать во время и после карантина. Самый распространенный ответ на вопрос в 2021 г. – *введение в рабочий процесс новых цифровых программ*, в частности, имеющих дистанционное взаимодействие.

При анализе ответа на вопрос *Как вы считаете, в вашей организации в связи с цифровизацией, какие изменения наиболее вероятные?*, выяснилось, что в 2021 г. ожидают совершенствования производственного процесса и создания новых видов продукции или услуг. Более 50 % не ожидают никаких изменений. В ходе анализа стало ясно, что некоторые респонденты не понимают в полной мере, что такое цифровизация и как она влияет на деятельность организации.

Следующий вопрос был призван выяснить мнение респондентов по поводу изменения уровня занятости в связи с развитием цифровых технологий. Почти 37 % опрошенных считают, что уровень занятости будет расти, потому что появятся новые профессии; благодаря дистанционным ИКТ будет больше возможностей для обучения и работы. Почти 32 % респондентов считают, что уровень занятости будет снижаться из-за того, что многие профессии станут не нужны – работу будут выполнять алгоритмы. Некоторые респонденты ответили, что изменение уровня занятости будет разным для различных сфер деятельности. Например, в сфере IT уровень занятости будет расти, а у простых рабочих профессий – снижаться. Несколько респондентов считают, что уровень занятости никак не изменится, но их доля наименьшая.

Для эффективной работы в условиях цифровой трансформации сотрудник должен владеть цифровыми навыками и иметь стремление их получать. Цифровые навыки позволяют грамотно, эффективно и правильно работать с устройствами, программами и другими ИКТ. В современных условиях соискатель должен обладать цифровыми навыками, чтобы соответствовать требованиям многих должностей. Производственные процессы часто включают в себя работу с цифровыми программами или данными. Поэтому в условиях цифровой трансформации без цифровых навыков работать невозможно.

Респондентам было предложено ответить на вопрос *Какие цифровые навыки будут необходимы каждому работнику?* Больше всего респондентов считают, что нужны навыки работы с различными программами и навыки кибербезопасности. Оценивая уровень компьютерной грамотности сотрудников, больше всего респондентов дали средние оценки. 42 % оценили уровень как высокий.

Заключение

Проанализировано более 40 показателей, которые характеризуют развитие цифровой экономики в Кузбассе и относятся к двум группам: показатели, характеризующие население по вопросам использования Интернета в разрезе способов подключения и причин использования; характеризующие организации и домашние хозяйства по вопросам использования Интернета и других цифровых технологий. Кемеровская область в большинстве случаев находится на уровне ниже среднего по СФО.

Анализ ответов на вопросы интервью показал, что не все понимают важность цифровой трансформации и могут адаптироваться к цифровым изменениям. Это оказывает негативное влияние на конкурентоспособность и финансовый результат организаций.

Выявлены некоторые проблемы, которые мешают развиваться цифровой экономике. Единственный показатель Кемеровской области, который стагнирует в своем развитии – удельный вес населения, которое использует Интернет для заказа товаров и услуг онлайн. Показатель отражает развитие электронной коммерции и настроение населения. Стагнация может быть вызвана тем, что организации, которые занимаются электронной коммерцией на территории региона, не создаются или создаются в малом количестве.

С другой стороны, само население не использует онлайн-торговлю. Это может происходить из-за недоверия населения по причине роста количества киберпреступлений или отсутствия навыков, возможностей заказывать товары и услуги онлайн. Для решения проблемы руководство не только региона, но и страны может разработать мероприятия по поддержке компаний, которые занимаются электронной коммерцией[17].

Цифровая экономика – прогрессивный тренд. Для ее развития нужны молодые люди, которые уезжают из региона. Поэтому сохранение молодежи в регионе и поддержка взрослого и старшего поколения при цифровом переходе – важная задача руководства региона [22].

Другой проблемой является то, что регион ориентирован на добычу сырья. В 2020 г. наибольший удельный вес в ВРП занимала добыча полезных ископаемых – 19 %[18]. Необходимо более активно заниматься диверсификацией экономики и использовать цифровые решения на новых производствах.

В исследовании аналитического центра «НАФИ» указано, что в 2020 г. только 27 % населения обладали высокой цифровой грамотностью и ключевыми компетенциями для цифровой экономики[19]. Цифровая грамотность – широкое понятие, включающее в себя компьютерную грамотность; умение пользоваться поисковыми системами, фильтровать информацию; проверять источники информации на подлинность; базовые знания кибербезопасности и т. п. Исследование показало, что людей, которые обладают высокой цифровой грамотностью, менее 30 %.

Можно предположить, что люди, обладающие низкой цифровой грамотностью, не смогут адаптироваться к цифровым изменениям. Многие потеряют работу не потому, что их заменят на роботов или искусственный интеллект, а из-за недостаточных компетенций для работы на компьютерах, сложных станках, в сложных программах. Руководству региона необходимо разработать меры по поддержке населения с низкой цифровой грамотностью, создать возможности для переквалификации и дополнительного образования кадров.

Например, центр дополнительного образования ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» осуществляет обучение по таким программам, как *Использование цифровых технологий для старта и развития собственного бизнеса* и *Цифровые технологии в предпринимательстве*[20]. Кроме того, стоит внедрить образовательные программы развития цифровой грамотности на всех уровнях образования, что позволит развивать цифровую грамотность еще с начальных классов школы. Повысится не только цифровая грамотность, но и снизится количество мошенничества в Интернете.

Дефицит IT-специалистов тормозит развитие цифровой экономики[21]. Руководству страны и региона необходимо внедрить множество образовательных программ по цифровым профессиям, желательно на уровне высшего и среднего профессионального образования. Уже сейчас с 16 лет, будучи студентом или закончив среднее профессиональное или высшее образование, можно записаться на курсы по получению цифровых профессий на платформе «Госуслуги». Однако работодатели зачастую не считают такие курсы важными. Поэтому необходимо выстроить обучение цифровым профессиям в кооперации государство – система образования.

Цифровая трансформация может быть серьезным вызовом для малого бизнеса, развитие которого является одним из стратегических ориентиров развития региона. Программы перехода к цифровой экономике и информационному обществу подразумевают внедрение современных технологий. В 2021 г. малый бизнес страдал от пандемии и многим пришлось придумывать новые способы работы, например организовывать доставку своих товаров и развивать электронную коммерцию [23].

Безопасность данных и информации всегда была острой проблемой. Сейчас, в эпоху информационного общества, информация и данные – один из самых главных ресурсов. Низкий уровень системы безопасности способствует росту числа киберпреступлений. С учетом электронного документооборота, цифровых документов, транзакций через онлайн-сервисы, утечка данных для физического и юридического лица может означать потерю всех денежных средств и, возможно, проблемы

[17] Минцифры предложило освободить на три года от налога на прибыль EdTech и E-commerce. *Интерфакс*. URL: https://www.interfax.ru/digital/830531 (дата обращения: 01.04.2022).

[18] Валовой региональный продукт. *Кемеровостат*. URL: https://kemerovostat.gks.ru/folder/38633 (дата обращения: 01.04.2022).

[19] Цифровая грамотность россиян: исследование 2020. *Аналитический центр НАФИ*. URL: https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/ (дата обращения: 30.12.2021).

[20] Образовательные программы. *Центр дополнительного образования ФГБОУ ВО «КемГУ»*. URL: http://addedu.kemsu.ru/ (дата обращения: 01.04.2022).

[21] В России катастрофический дефицит ИТ-специалистов. *CNEWS*. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-02-17_v_rossii_katastroficheskij (дата обращения: 01.04.2022).

с законом. Поэтому цифровизация экономики должна сопровождаться введением в эксплуатацию новых систем сохранности данных, которые будут разрабатываться, регулярно совершенствоваться и обновляться [24].

Важно понимать, что решение каждой проблемы – сложная задача, возможная лишь при комплексном подходе, т. к. все они связаны с большим количеством нововведений.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Т. А. Бельчик – проверка, написание замечаний, руководство, переписка. Н. Е. Фролов – концептуализация, проведение исследования, написание оригинального черновика, редактирование.

Contribution: T. A. Belchik – validation, writing (comments), supervision, correspondence. N. E. Frolov – conceptualization, investigation, writing (original draft), writing (editing).

Литература / References

1. Zenina O. N. Digitalization as a global trend (on the example of Moscow). *American Scientific Journal*, 2021, 1(49): 46–48. https://doi.org/10.31618/asj.2707-9864.2021.1.49.102
2. Султанова М. К., Юрьева А. А., Зоидов З. К. Цифровизация как новый тренд в экономике: вопросы теории и практики. *Новая научно-технологическая модель экономического роста России в рамках развития и расширения ЕАЭС*: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 февраля 2020 г.) М.: ИПР РАН, 2020. С. 117–146. [Sultanova M. K., Yurjeva A. A., Zoidov Z. K. Digitalization as a new trend in the economy: theory and practice. *New scientific and technological model of Russia's economic growth in the framework of the development and expansion of the EAEU*: Proc. Internat. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 27–28 Feb 2020. Moscow: IPR RAN, 2020, 117–146. (In Russ.)] EDN: LWBCIG
3. Знаменский Д. Ю. Тренд цифровизации и государственная политика Российской Федерации в сфере науки и технологий. *PolitBook*. 2022. № 1. С. 146–157. [Znamenskiy D. Yu. Digitalization trends and Russian policy at the sphere of science and technologies. *PolitBook*, 2022, (1): 146–157. (In Russ.)] EDN: NDGICA
4. Хашиева А. М. Анализ эволюции подходов к определению понятия и сущности цифровой экономики. *Теоретическая экономика*. 2020. № 7. С. 32–41. [Khashieva A. M. Analysis of evolution of approaches to defining the digital economy concept and essence. *Teoreticheskaia ekonomika*, 2020, (7): 32–41. (In Russ.)] EDN: HXPNLT
5. Зайцева И. В., Клюс А. А. О содержании термина «цифровая экономика». *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации*. 2018. № 3. С. 108–114. [Zaitseva I. V., Klyus A. A. The content of the term "digital economy". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta grazhdanskoi aviatsii*, 2018, (3): 108–114. (In Russ.)] EDN: YQKJXV
6. Хасаншин И. И. Цифровая экономика: понятие и термины. *Московский экономический журнал*. 2021. № 4. [Khasanshin I. I. Digital economy: concept and terms. *Moscow economic journal*, 2021, (4). (In Russ.)] EDN: ZCSDQV
7. Кещян С. Г., Скрипникова М. И. Термин «трансакционные издержки» в современном бизнесе: виды трансакций в цифровой экономике. *Экономическое развитие в XXI веке: тенденции, вызовы и перспективы:* сб. науч. трудов VI Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Горизонты России» (Казань, 31 мая 2018 г.) Казань: КНИТУ, 2018. С. 168–173. [Keshyan S. G., Skripnikova M. I. The term «transaction costs» in modern business: the types of transactions in the digital economy. *Economic development in the XXI century: trends, challenges and prospects*: Proc. VI Internat. Sci.-Prac. Conf. of students, postgraduates and young scientists "Horizons of Russia", Kazan, 31 May 2018. Kazan: KNRTU, 2018, 168–173. (In Russ.)] EDN: YSPRRZ
8. Пигорев Д. П. Трансакционные издержки в цифровой экономике. *Системное моделирование социально-экономических процессов*: труды 41 Междунар. науч. школы-семинара (Нижний Новгород, 30 сентября – 4 октября 2018 г.), ред. В. Г. Гребенникова, И. Н. Щепина. Воронеж: ВГУ, 2018. С. 282–286. [Pigorev D. P. Transaction costs in the digital economy. *System modeling of socio-economic processes*: Proc. 41 Internat. Sci. training seminar, Nizhniy Novgorod, 30 Sep – 4 Oct 2018, eds. Grebennikova V. G., Shchepina I. N.. Voronezh: VSU, 2018, 282–286. (In Russ.)] EDN: JXUKWD
9. Поляков В. Е. Институциональный анализ. Краснодар: КубГАУ, 2020. 154 с. [Poliakov V. E. *Institutional analysis.* Krasnodar: KubSAU, 2020, 154. (In Russ.)]
10. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта. М.: Рефл-бук, 1999. 403 с. [Tapskott D. *The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence*. Moscow: Refl-buk, 1997, 403. (In Russ.)]
11. Медушевская И. Е. Трансакционные издержки коммерческой организации. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки*. 2016. № 1. С. 29–36. [Medushevskaya I. E. Transaction costs of business organization. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Ekonomicheskie nauki*, 2016, (1): 29–36. (In Russ.)] EDN: XHULXF

12. Якутин Ю. В. Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»). *Менеджмент и бизнес-администрирование.* 2017. № 4. С. 27–52. [Yakutin Yu. V. The Russian economy: a strategy for digital transformation (constructive criticism of the government programme "digital economy of the Russian Federation"). *Management and Business Administration,* 2017, (4): 27–52. (In Russ.)] EDN: XHULXF
13. Шинко Ю. В. Электронная коммерция как основной показатель цифровизации экономики. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2021. Т. 21. № 3. С. 71–77. [Shinko Yu. V. Electronic commerce as a basic indicator of digitalization of economy. *Vestnik KRSU*, 2021, 21(3): 71–77. (In Russ.)] EDN: LUTFJC
14. Zenkina E. V. About current trends in global e-commerce. *Beneficium*, 2022, (1): 68–73. https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.1(42).68-73
15. Турко Л. В. Сущность феномена цифровой экономики, анализ определений понятия «цифровая экономика». *Российский экономический интернет-журнал*. 2019. № 2. [Turko L. V. The essence of the phenomenon of digital economy, overview definition of digital economy. *Russian economic online journal*, 2019, (2). (In Russ.)] EDN: WJPZSV
16. Тарасов Ф. А. Перспективы внедрения достижений четвертой промышленной революции в сфере промышленности. *Интерактивная наука*. 2021. № 5. С. 89–91. [Tarasov F. A. Prospects for the implementation of the achievements of the fourth industrial revolution. *Interactive science*, 2021, (5): 89–91. (In Russ.)] https://doi.org/10.21661/r-554129
17. Сырицкий А. Б., Потапов К. Г., Комшин А. С., Киселев М. И. Четвертая промышленная революция: цифровое производство и промышленный Интернет вещей. *Стандарты и качество*. 2018. № 6. С. 64–68. [Syritsky A. B., Potapov K. G., Komshin A. S., Kiselev M. I. The fourth industrial revolution: digital manufacturing and the industrial internet of things. *Standards and Quality*, 2018, (6): S. 64–68. (In Russ.)] EDN: UQDZDM
18. Болотханов Э. Б., Зармаев А. А. Прогнозы и вызовы четвертой промышленной революции. *Вестник научной мысли*. 2021. № 6. С. 522–525. [Bolotkhanov E. B., Zarmaev A. A. Forecasts and challenges of the fourth industrial revolution. *Bulletin of Scientific Thought*, 2021, (6): 522–525. (In Russ.)] https://doi.org/10.34983/DTIPB.2022.65.38.001
19. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2016. 230 с. [Schwab K. *The fourth industrial revolution*. M: E, 2016, 230. (In Russ.)]
20. Магомедов Р. М. Анализ реализации национального проекта «цифровая экономика» в России. *Самоуправление*. 2020. № 5. С. 306–310. [Magomedov R. M. Analysis of the implementation of the national project "digital economy" in Russia. *Samoupravlenie*, 2020, (5): 306–310. (In Russ.)] EDN: QGMCAF
21. Лебедева А. Р. Национальный проект "цифровая экономика": промежуточные результаты и дальнейшие перспективы. *Цифровая экономика: тенденции и перспективы развития в России и мире*: сб. мат-лов Всерос. конф. с международным участием (Нальчик, 23–24 апреля 2021 г.) Нальчик: КБГУ, 2021. С. 264–268. [Lebedeva A. R. National Digital Economy Project: interim results and future prospects. *Digital economy: trends and prospects of development in Russia and the world*: Proc. All-Russ. Conf. with international participation, Nalchik, 23–24 Apr 2021. Nalchik: KBSU, 2021, 264–268. (In Russ.)] EDN: TCWFNN
22. Бабанова М. Д., Левшов И. А., Галанина Т. В. Миграция молодежи из Кемеровской области. *Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая»* (Кемерово, 18–21 апреля 2017 г.) Кемерово: КузГТУ, 2017. [Babanova M. D. Migration of young people from the Kemerovo region. *Collection of materials of the IX All-Russian scientific-practical conference of young scientists with international participation "Young Russia"*, Kemerovo, 18–21 Apr 2017. Kemerovo: KuzSTU, 2017. (In Russ.)] EDN: ZQWBWX
23. Gasanov I. S. O. Development of tools for data monitoring of regional economic security. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 2020, 10(7A): 123–133. EDN: IRKAHP
24. Павлова И. В., Моисеев В. О. Цифровая экономика: проблемы и перспективы. *Вектор экономики*. 2019. № 11. [Pavlova I. V., Moiseev V. O. Digital economy: problems and prospects. *Vektor ekonomiki*, 2019, (11). (In Russ.)] EDN: YPMGQI

оригинальная статья

Промышленный туризм – новый тренд развития сибирских моногородов

Иванова Марина Владимировна
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (СИУ РАНХиГС), Россия, Новосибирск
ivanovamvlad@mail.ru

Матюнин Владимир Михайлович
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (СИУ РАНХиГС), Россия, Новосибирск

Поступила в редакцию 18.07.2022. Принята после рецензирования 14.09.2022. Принята в печать 19.09.2022.

Аннотация: В настоящее время наличие определенного туристско-рекреационного потенциала территорий не является обязательным и достаточным основанием для развития туристической деятельности. Во многих рекреационных территориях туристическая деятельность развивается хаотично, нет четко выработанной программы ее формирования, в том числе в отношении развития туристической инфраструктуры. Это особенно актуально для отдельных моногородов Сибирского федерального округа, где развитие туризма может способствовать диверсификации экономики. Выполнен комплексный анализ трудов отечественных и зарубежных ученых-экономистов по широкому кругу вопросов, касающихся социально-экономического развития, конкурентоспособности монопрофильных муниципальных образований, формирования промышленного туризма на базе крупных предприятий, повышения уровня диверсификации моногородов. Методы: общенаучные (сравнение, анализ и синтез, типология, индукция и деструкция, аналогия, сопоставление); общетеоретические (исторический, сравнительный, структурный, библиографический). При оценке количественных показателей: расчетный, экономико-статистический, анализ динамики и структуры исследуемых параметров. Выделена возможность развития промышленного туризма в качестве одного из вариантов преодоления кризисного сценария функционирования российских моногородов. Проанализирована возможность развития туризма в моногородах Сибирского федерального округа, во многих из которых вопросы социально-экономического состояния стоят достаточно остро. Отдельно рассмотрены моногорода Алтайского края, Кемеровской и Иркутской областей, Республики Хакасия. Показаны базовые положительные аспекты распространения промышленного туризма на территории моногородов; изучен туристско-рекреационный потенциал территорий; рассмотрен зарубежный опыт формирования промышленного туризма на базе крупных предприятий. Даны конструктивные рекомендации по формированию промышленного туризма в моногородах Сибирского федерального округа, которые могут быть транслированы на другие моногорода России.

Ключевые слова: промышленный туризм, моногород, градообразующее предприятие, туристическая деятельность, социально-экономическое развитие, промышленная градообразующая база, туристско-рекреационный потенциал, конкурентоспособность территории

Цитирование: Иванова М. В., Матюнин В. М. Промышленный туризм – новый тренд развития сибирских моногородов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 501–510. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-501-510

full article

Industrial Tourism as a New Trend in the Development of Siberian Single-Industry Towns

Marina V. Ivanova
Siberian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Novosibirsk
ivanovamvlad@mail.ru

Vladimir M. Matyunin
Siberian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Novosibirsk

Received 18 Jul 2022. Accepted after peer review 14 Sep 2022. Accepted for publication 19 Sep 2022.

Abstract: Most Russian regions possess a certain degree of tourist and recreational potential but fail to produce any kind of tourism industry, or it develops chaotically, with no regard to the tourist infrastructure. This is especially relevant for numerous single-industry cities and towns in the Siberian Federal District, where travel industry could diversify the local economy and improve the socio-economic status. The authors believe that industrial tourism can help Siberian single-

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

industry towns to overcome the crisis scenario. This research covered the regions of Altai, Kemerovo, Khakassia, and Irkutsk. The sampling relied on official tourist portals and independent sites where single-industry towns promote themselves as tourist and recreational places. The authors used scientific, theoretical, and quantitative methods to analyze the tourist potential of these territories and study the foreign experience of large enterprises in industrial tourism. The article contains a review of relevant scientific publications and introduces some recommendations on the development of industrial tourism in single-industry towns of the Siberian Federal District, which can be extrapolated to other single-industry urban settlements in Russia.
Keywords: industrial tourism, single-industry town, city-forming enterprise, tourism activity, socio-economic development, industrial city-forming base, tourist and recreational potential, competitiveness of the territory

Citation: Ivanova M. V., Matyunin V. M. Industrial Tourism as a New Trend in the Development of Siberian Single-Industry Towns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 501–510. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-501-510

Введение

Основой развития моногородов и повышения уровня их конкурентоспособности является совокупный потенциал территории. Он может носить разнообразный характер, но наличие тех или иных его видов, оценка и позиционирование возможным потребителям является непременным условием развития территории [1].

По данным на 01.01.2022, в перечень моногородов России включено 321 муниципальное образование, 52 из них расположены в Сибирском федеральном округе (СФО) с наибольшей концентрацией в Кемеровской области – Кузбасса – 24 моногорода[1]. Моногорода России значительно дифференцированы по ряду показателей: уровню социально-экономического развития, географическим и историко-культурным факторам, ресурсному и природному потенциалу, инвестиционной привлекательности, финансовому состоянию градообразующего предприятия, качеству городской среды и внутренних инфраструктурных аспектов, численности населения, туристической привлекательности и др. [2].

Географическое распространение моногородов в СФО обусловлено наличием на территории определенного ресурсного потенциала, сформировавшего основу для промышленной функции градообразующего предприятия. Социальная инфраструктура и экономические процессы моногорода возникали на базе действующего градообразующего предприятия с жесткой зависимостью процессов жизнеобеспечения города от его экономического состояния. Альтернативные отрасли, как правило, не развивались. Успешное градообразующее предприятие являлось гарантом стабильного функционирования моногорода [3].

Экономические сдвиги начала постсоветского периода способствовали отмене государственных плановых закупок продукции и контроля ценообразования, что негативно повлияло на деятельность большинства градообразующих предприятий, поставив их перед реалиями рыночной экономики. Их продукция оказалась неконкурентоспособной, и они были вынуждены прекратить или значительно сократить производственную деятельность, сформировав тренд депрессивного социально-экономического развития большинства российских моногородов [4].

Отличительными признаками функционирования моногородов стали: низкий уровень диверсификации экономики, слабо развитая транспортная сеть, истощение первичного ресурсного и целевого потенциала, низкий инвестиционный климат, социальная и экономическая незащищенность населения, износ объектов инженерной инфраструктуры.

В современной практике стратегического развития России приоритетным направлением преодоления кризиса моногородов выступает усиление уровня диверсификации экономики путем формирования конкурентного инвестиционно-привлекательного климата. Развитие сети малого бизнеса в моногородах должно способствовать снижению социально-экономической зависимости города от деятельности градообразующего предприятия, привлечению инвестиционного капитала, комплексному формированию инфраструктуры, снижению уровня безработицы, повышению качества жизни населения, возникновению новых источников налогообложения[2].

Важнейшим структурным элементом совокупного потенциала территорий монопрофильных образований является их уникальная градообразующая база, задающая общий вектор развития моногородов и определяющая уровень диверсификации экономики [5; 6].

Применение промышленной градообразующей базы моногородов можно рассматривать не только с позиции их прямой функциональной специализации, но и как базис формирования промышленного туризма – туристического направления, основанного на посещениях мероприятий на промышленных объектах, позволяющих посетителям понять процессы и секреты производства,

[1] Об утверждении перечня моногородов РФ. Распоряжение Правительства РФ № 1398-р от 29.07.2014. *СПС Гарант.*

[2] ВЭБ Банк развития. Поддержка моногородов России. URL: http://veb.ru/strategy/region/mono/#fond / (дата обращения: 06.08.2021).

относящиеся к прошлому, настоящему или будущему[3]. Таким образом, объект исследования – формирование туристического направления в монопрофильных муниципальных образованиях как основа диверсификации экономики моногородов.

Результаты

Изучению направлений повышения уровня диверсификации экономики моногородов посвящено значительное число научных исследований. В качестве ключевых можно выделить работы [7–14] и др. Особенности развития промышленного туризма представлены в трудах [15–21].

Зарубежный опыт развития промышленного туризма доказывает востребованность данного направления среди групп потенциальных потребителей. Например, популярный среди туристов портал *Европейский маршрут промышленного наследия* объединяет экскурсионные маршруты к объектам индустриального наследия в 11 странах Европы[4]. «Баварский Моторный Завод» в Германии принимает более 260 тыс. туристов в год, электростанцию ПЭС «Ля Ранс» во Франции ежегодно посещают около 300 тыс. туристов [22]. В Китайской Народной Республике развитие промышленного туризма входит в государственную приоритетную программу. Ежегодно объекты промышленного наследия Китая посещают около 200 млн туристов.

В качестве базовых направлений промышленного туризма Китая выбрано 20 крупнейших предприятий, основными видами деятельности которых являются: производство алкогольной продукции, лекарственных препаратов, изделий из шелка, фарфора и косметики, ожидаемые ежегодные доходы от проекта – $4,5 млрд[5].

Становление промышленного туризма в России можно отнести к началу 20 в. [23]. Его направленность в этот период носила характер бенчмаркинга, представляя собой процесс изучения и внедрения лучших практик других предприятий для совершенствования собственных результатов[6]. Промышленный туризм как самостоятельное туристическое направление не нашел широкого распространения на территории России, в большинстве своем носит спонтанный, не системный характер.

Частные мероприятия крупных промышленных компаний, в том числе градообразующих, по организации экскурсий на собственных производственных площадках направлены на получение экономической выгоды от потенциальной целевой аудитории, а не на развитие нового направления туризма в регионе.

При этом нельзя отрицать высокую заинтересованность в промышленном туризме среди россиян, которую можно ярко продемонстрировать на примере автомобилестроительного завода ПАО «АвтоВАЗ» в моногороде Тольятти, где проводится ежегодный день открытых дверей. За время проведения мероприятия завод посещают более 25 тыс. человек[7]. Также нашли распространение нерегулярные частные экскурсии малых групп на промышленные объекты.

Новый этап развития промышленного туризма в России стартовал в 2017 г., когда на базе агентства стратегических инициатив был учрежден Совет по развитию промышленного туризма в России, в качестве приоритетных задач которого, в том числе, заявлены: формирование альтернативного вектора развития моногородов, стимулирование распространения предпринимательских инициатив, повышение инвестиционной привлекательности территорий, презентация территориальных брендов и продукции, развитие внутреннего и въездного туризма регионов России[8].

В сентябре 2019 г. предложена стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 г., где промышленные предприятия обозначены в качестве точек притяжения для внутренних и въездных туристов. Создан единый информационный интернет-портал *Promtourism.ru*, где представлены методические рекомендации по организации промышленного туризма на предприятии, обеспечена коммуникация между ведущими промышленными предприятиями России и целевыми группами потребителей: туристическими организациями, бизнесом, инвесторами, средствами массовой информации и др.[9]

В качестве основных туристических площадок должны выступать крупные промышленные предприятия; государственные корпорации; представители малого и среднего предпринимательства, выпускающие уникальный продукт.

---

[3] Об утверждении государственной программы РФ «Развитие туризма». Постановление Правительства РФ № 2439 от 24.12.2021. *СПС Гарант.*

[4] ERIH's route system: your signpost to Europe's industrial heritage. *The European Root of Industrial Heritage*. URL: https://www.erih.net/about-erih/route-system/ (accessed 12 Aug 2018).

[5] В Китае будут создано 100 баз для промышленного туризма. *Деловой журнал про Китай*. URL: http://www.chinapro.ru/rubrics/1/16522/ (дата обращения: 20.05.2022).

[6] Промышленный туризм: итоги и перспективы развития. *Агентство стратегических инициатив*. URL: https://asi.ru/news/187350/ (дата обращения: 03.04.2022).

[7] Автоваз принял в Тольятти 25000 гостей. *Новости компании АвтоВАЗ*. URL: https://www.lada.ru/press-releases/115343.html (дата обращения: 27.02.2022).

[8] Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2019–2025 гг.)». Распоряжение Правительства РФ № 872-р от 05.05.2018. URL: http://static.government.ru/media/files/FoFftF1dhGs4GZzEBPQtLCFVtBl2hHQD.pdf (дата обращения: 06.08.2021).

[9] Промышленный туризм – инструмент развития и продвижения региональных брендов. *Promtourism*. URL: https://promtourism.ru/about/ (дата обращения: 03.04.2022).

Приоритетными отраслями для организации туристических маршрутов обозначены: пищевая промышленность, агропромышленный комплекс, легкая промышленность, машиностроительный комплекс, электронная и химическая промышленность, технопарки, промышленные и индустриальные парки, особые экономические зоны, предприятия IT-технологий, производства народных промыслов, военные ведомства, медицинская, транспортная отрасль. Считается, что промышленные площадки этих предприятий наиболее привлекательны для потенциальной целевой аудитории.

Отраслевая специализация 12 моногородов СФО соответствует направлениям, принятым в качестве приоритетных для развития промышленного туризма (Красный Яр, Линево, Яшкино, Новоалтайск, Тайга, Юрга, Алейск, Мариинск, Яровое, Заринск, Саянск, Усолье-Сибирское)[10].

Распространение промышленного туризма в моногородах может способствовать формированию мультипликативного эффекта, влияя на развитие смежных отраслей экономики:

- транспортно-логистической инфраструктуры, предприятий сферы обслуживания, торговых площадок, сферы питания, гостиничного бизнеса;
- продвижению положительного имиджа территории;
- снижению уровня безработицы;
- усилению социально-экономической стабильности монопрофильных образований.

Однако по данным на 01.01.2022, из 52 моногородов СФО на портале *Promtourism.ru* представлена информация только о 5 моногородах (11 промышленных предприятий, в том числе не являющихся градообразующими), расположеных в Кемеровской области (Первомайский, Новокузнецк, Междуреченск, Прокопьевск, Гурьевск, Ленинск-Кузнецкий).

Незначительная включенность промышленных предприятий в проект объясняется существующими барьерами развития промышленного туризма в моногородах, основными из которых являются:

- труднодоступность и удаленность объектов от крупных административных центров, следствие – высокая стоимость проезда к местам локации из других регионов, значительный уровень время-затрат;
- вынужденная неравная конкуренция с популярными туристическими направлениями за привлечение туристического потока;
- отсутствие единых общедоступных информационных платформ, позволяющих оценить состояние экономики моногорода, его функциональную специализацию, инвестиционный и туристский потенциал[11];
- небезопасность обзорных площадок градообразующих предприятий, особенно находящихся в состоянии длительной стагнации;
- засекреченность бизнес-процессов, статус закрытого административно-территориального образования;
- недостаточное видение со стороны руководителей градообразующих предприятий и органов государственной власти положительного эффекта от развития туристического направления в регионе;
- низкий уровень развития туристской инфраструктуры в некоторых моногородах [24].

Отсутствие туристской инфраструктуры снижает привлекательность моногородов для потенциальных инвесторов. При этом согласно данным портала *Индекс-городов*, значительное число моногородов обладают высоким качеством организации городского пространства относительно средних показателей по региону[12].

Оценены 6 пространств моногорода: жилье и прилегающие пространства; улично-дорожная сеть; общественно-деловая и социально-досуговая инфраструктура; общегородское пространство (вся территория в городских границах); улично-дорожная сеть. Оценка проводилась по 6 показателям: безопасность, комфортность, экология и здоровье, идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления.

Качество городской среды территорий проанализировано исходя из общего количества набранных баллов в каждой из категорий (60 баллов). Максимально возможное количество баллов – 360[13]. Оценка произведена только в отношении монопрофильных муниципальных образований, имеющих статус город (табл.[14]).

Индекс оценки качества общественно-деловой инфраструктуры и социально-досуговой инфраструктуры во всех рассмотренных моногородах ниже средней оценки, наименьшие значения индекса характерны для г. Тулун и Бородино, наименьшие значения индекса развития социально-досуговой инфраструктуры фиксируются в моногородах Тулун, Абаза, Алейск и Сорск.

Общий балл индекса качества городской среды в большинстве рассмотренных моногородов СФО выше средних показателей индекса по региону, только в 4 моногородах

[10] Государственная автоматизированная информационная система «Управление». URL: https://gasu.gov.ru/infopanel?id=11851 (дата обращения: 06.01.2022). Данные предоставлены специалистами ГАСУ по запросу авторов.

[11] VII Ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2019. *Национальное рейтинговое агентство*. URL: http://www.ranational.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2019.pdf (дата обращения: 03.02.2022).

[12] Индекс качества городской среды – методика. URL: https://xn----dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/#/methodology (дата обращения: 06.01.2022).

[13] Индекс качества городской среды не учитывает особенности функционирования моногородов, не оценивает состояние градообразующей отрасли, рынок труда, качество человеческого капитала, предпринимательский климат и др., поэтому не может выступать базовым инструментом оценки уровня конкурентоспособности моногорода. С помощью данного инструмента возможно рассмотреть только некоторые частные показатели, характеризующие конкурентные преимущества городской среды.

[14] Сост. по: Индекс качества городской среды. URL: https://xn----dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/#/ (дата обращения: 03.02.2022).

Табл. Качество городской среды моногородов Сибирского федерального округа
Tab. Quality of urban environment in single-industry towns of the Siberian Federal District

Моногород	А	Б	В	Д	Е	З	И	К	Л
Норильск	200	158	23	38	28	27	40	27	40
Северск	201	167	6	42	36	29	24	30	40
Железногорск	199	158	23	46	29	24	31	32	37
Шелехов	190	143	22	50	34	19	27	34	36
Сорск	180	165	5	44	36	20	20	20	36
Новоалтайск	180	160	12	33	31	30	24	26	36
Саянск	179	143	22	33	30	30	22	21	43
Таштагол	175	156	20	39	31	29	14	23	39
Юрга	176	156	20	25	34	26	24	29	38
Алейск	178	160	12	42	31	36	14	20	35
Топки	168	156	20	26	36	28	16	22	40
Осинники	180	156	20	39	35	26	15	30	35
Мыски	185	156	20	40	35	26	22	28	34
Новокузнецк	180	156	20	40	31	24	19	32	34
Яровое	174	160	12	36	30	19	19	33	37
Междуреченск	188	156	20	39	34	24	16	38	37
Зеленогорск	180	158	23	38	34	21	22	26	39
Саяногорск	164	165	5	34	30	22	19	25	34
Черногорск	167	165	5	41	30	20	18	22	36
Бородино	173	158	23	45	33	14	18	25	38
Калтан	160	156	20	40	20	22	19	26	33
Заринск	171	160	12	34	33	27	21	22	34
Салаир	164	156	20	29	28	30	12	24	41
Березовский	179	156	20	35	33	27	24	24	36
Железногорск-Илимски	160	143	22	30	38	19	18	21	34
Полысаево	179	156	20	42	30	30	13	25	39
Тайга	169	156	20	27	37	21	17	25	42
Усть-Илимск	156	143	22	33	26	16	16	31	34
Байкальск	157	143	22	23	38	30	15	16	35
Абаза	172	165	5	36	24	27	16	20	39
Гурьевск	161	156	20	27	27	24	18	25	40
Мариинск	164	156	20	21	26	24	28	27	38
Ленинск-Кузнецкий	157	156	20	23	27	24	16	33	34
Прокопьевск	157	156	20	27	29	21	15	29	36
Усолье-Сибирское	152	143	22	26	20	28	15	26	37
Анжеро-Судженск	146	156	20	22	30	17	10	29	38
Черемхово	147	143	22	24	30	17	17	21	38
Киселевск	143	156	20	25	29	20	13	22	34
Белово	169	156	20	29	27	20	27	30	36
Лесосибирск	159	158	23	21	30	17	29	27	35
Тулун	126	143	22	18	23	13	11	20	41

Прим.: А – Балл моногорода, Б – Средний балл по региону, В – Всего городов в регионе, Д – Жилье и прилегающие пространства, Е – Улично-дорожная сеть, З – Озелененные пространства, И – Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства, К – Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства, Л – Общегородское пространство.

(Тулун, Киселевск, Анжеро-Судженск, Саяногорск) значения данного индекса ниже среднерегиональных показателей. В большинстве моногородов уже сформирована социальная и бизнес-инфраструктурная база, которая может стать основой для развития туристской инфраструктуры в случае правильного позиционирования туристско-рекреационного потенциала моногорода.

Существенным ограничением в развитии туристского потенциала моногородов является слабая имиджевая политика и система продвижения территории. Отсутствие систематизированной информации на официальном сайте моногорода либо ссылок на внешние интернет-источники с туристической тематикой, сложившаяся система популяризации достопримечательностей создает ситуацию слабо привлекательного места.

Анализ сайтов большинства моногородов демонстрирует отсутствие какой-либо информации о туристической деятельности и явного продвижения моногорода в этом направлении. Официальные порталы ряда моногородов (Байкальск, Абаза, Сорск, Междуреченск, Прокопьевск, Яшкино и др.) не содержат информации о развитии туризма в регионе, при этом многие моногорода имеют объективные основания для их включения в программы по развитию туристского и рекреационного потенциала[15].

Презентации туристических направлений ряда моногородов присутствуют на сайте Ростуризма и других площадках, однако не отражена на информационных интернет-порталах муниципалитетов, что значительно затрудняет поиск туристических направлений для целевой аудитории и не позиционирует возможности туристского потенциала территории моногорода. Информация о туристском потенциале территории представлена на интернет порталах только 10 моногородов СФО (Шерегеш, Яшкино, Норильск, Яровое, Междуреченск, Саяногорск, Черногорск, Калтан, Абаза, Мариинск).

Еще одним барьером развития промышленного туризма в монопрофильных образованиях является определенная однотипность объектов промышленного наследия и относительная однообразность архитектурных решений многих российских моногородов. К металлургической отрасли в России относятся градообразующие предприятия 84 моногородов, к машиностроительной – 59, большинство моногородов СФО (18) относится к угольной промышленности[16]. К тому же моногорода совпадающих градообразующих отраслей, как правило, локализованы близко друг к другу. Возникает вопрос конкуренции среди моногородов со сходной градообразующей базой, идентификации объектов их индустриального наследия с позиции туриста.

В качестве примера можно отметить уникальность ситуации моногородов в Кемеровской области, где концентрация чрезвычайно высока (24) и требует более серьезного и детального подхода к развитию туристического потенциала. В качестве основного решения данного вопроса необходимо проведение региональной стратегической форсайт-сессии для формирования приоритетов и определения блоков моногородов, которые имеют значительный потенциал для роста туристического потока на федеральном и межрегиональном уровне, и тех, где поток будет формироваться за счет внутреннего потенциала региона. В такой ситуации одним из способов включения моногородов в туристическую повестку является использование уже сложившихся туристических потоков и маршрутов, например между Новосибирском, Томском и Томской писаницей (г. Яшкино). Туристический поток в данном направлении показывает стабильную динамику роста на протяжении многих лет и приближается к 200 тыс. туристов в год.

Дифференцированный подход к моногородам СФО при развитии туризма способен сформировать у стейкхолдеров (администраций, бизнеса, общества) понимание возможностей для развития не только промышленного, но и других видов туризма на территориях монопрофильных муниципальных образований [25].

В Республике Хакасия отдельного внимания заслуживают моногорода Саяногорск, Сорск и Абаза. Привлекательность рассматриваемых моногородов обусловлена следующими факторами:

- компактное расположение туристических объектов на территории (в моногороде и его окрестностях радиусом от 20 до 50 км);
- возможность развивать несколько видов туризма наряду с промышленным;
- транспортная доступность территории;
- сформированные и развивающиеся туристические потоки.

Несмотря на то, что территории обладают значительным потенциалом как природного, так и промышленного характера, развитие туристического направления в данных монопрофильных муниципальных образованиях не рассматривается местными органами государственной власти в качестве приоритетного.

Туристические агентства сибирских регионов предлагают туры в ряд моногородов Сибири, в т. ч. в Саяногорск с посещением местных достопримечательностей. На интернет-портале данного моногорода информация о достопримечательностях и видах туризма представлена достаточно полно, однако, по мнению авторов,

[15] Моногорода: туристские возможности, инвестиционные программы. *Федеральное агентство по туризму*. URL: https://tourism.gov.ru/contents/deyatelnost/programmy-i-proekty/turizm-v-monogorodakh/monogoroda-turistskie-vozmozhnosti-investitsionnye-programmy/ (дата обращения: 07.05.2022).

[16] Обзор Российских моногородов. Аналитический доклад ИКСИ. URL: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 07.08.2021).

требует другого, более доступного и содержательно наполненного способа подачи для потенциальных инвесторов и туристов.

Существенным минусом города Абазы является его удаленность от крупных транспортных узлов и региональной столицы, при том что в городе и его окрестностях есть предпосылки для развития многих видов туризма, а номерной фонд гостиниц и других средств размещения города дает возможность размещать достаточное количество туристов.

В Иркутской области уникальна ситуация моногорода Байкальск, который обладает мощным природным туристическим потенциалом, но его развитие сдерживается экологическим фактором рекультивации загрязненных земель градообразующим предприятием (Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат). Развитие туристско-рекреационного потенциала г. Байкальск позволило бы перенаправить часть туристического потока с о. Ольхон и п. Листвянка на юг Байкала, что могло бы сформировать перспективы для снижения туристической и антропогенной нагрузки на природные ландшафты региона. Наличие якорного арендатора «Гора Соболиная» и потенциальных резидентов в особо-экономической зоне Байкальска говорит о значительных перспективах роста и диверсификации экономики моногорода Байкальск. По экспертным оценкам, туристический поток в г. Байкальск составляет около 200–250 тыс. человек в год и есть дальнейшие перспективы его роста[17].

Одним из вариантов развития туризма в моногородах является возврат к развитию и созданию особых экономических зон туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ) с частичным привлечением федерального финансирования и контролем его целевого использования. При создании ОЭЗ ТРТ в моногородах необходимо учитывать несколько ключевых факторов: наличие туристического потенциала, увеличивающийся туристический поток, возможность привлечения инвесторов и резидентов, уже реализующиеся проекты в этой области, привлечение средств бюджета региона и муниципалитета и др.

Из рассматриваемых моногородов СФО ОЭЗ ТРТ уже создана, но нуждается в пересмотре условий функционирования и системы управления в г. Байкальск. ОЭЗ ТРТ могут быть реализованы в моногородах с высоким туристическим потенциалом, например, в г. Саяногорск, Абаза, Сорск, в некоторых моногородах Кемеровской области при условии проведения аудита возможностей моногорода и определении приоритетов развития.

Для реализации туристических и рекреационных проектов необходимо использовать такой способ финансирования, при котором ключевые организации, выполняющие системообразующий проект, инвестируют собственные финансовые средства, что позволит частично минимизировать риски, найти профессиональную организацию в данной области с определенным запасом финансовой прочности. В рамках конкурсных процедур следует более тщательно и взвешенно подходить к составлению документов для исключения возможного допуска недобросовестных исполнителей к выполнению системообразующих проектов с высоким уровнем капитальных вложений.

При реализации проектов в сфере туризма в моногородах стоит обратить отдельное внимание на земельный вопрос. Зачастую отводимые под деятельность ОЭЗ ТРТ земельные участки используются незначительно, процент их занятости резидентами составляет не более 10–15 % от плановых величин. Некоторые площадки непригодны для использования, например, для строительства инфраструктурных объектов из-за несоответствия существующим строительным нормам.

Региональные власти должны использовать возможность развития туристической деятельности в моногородах, принимать участие в финансируемых федеральных проектах, активно включаться в процесс создания ОЭЗ ТРТ в регионе. При этом необходимо просчитывать все возможные риски и последствия реализации или потери в случае провала проектов. Многие перспективные планы и проекты в рамках деятельности ОЭЗ ТРТ так и остались на бумаге из-за элементарных просчетов и отсутствия стратегического видения развития особых экономических зон туристско-рекреационного типа в регионе, а полномочия по их развитию были переданы на региональный уровень.

При формировании кадровой работы в туристической отрасли моногородов необходимо делать акцент на привлечение молодых специалистов, креативных специалистов по информационным технологиям. Это даст возможности для работы с существующим и будущим туристическим потоком в рамках перспективных проектов.

Например, можно рассмотреть привлечение студенческого корпуса для продвижения туристического потенциала моногородов во внешней среде путем разработки прикладных проектов, направленных на формирование каналов распределения информации, выбора методов продвижения, создания информационных интернет-площадок для позиционирования туризма в моногородах.

К тому же с целью преодоления существующих барьеров необходимо согласованное взаимодействие заинтересованных в этом участников в рамках государственно-частного партнерства. Основными стейкхолдерами в данном случае выступают:

1. Городские, региональные и федеральные органы государственной власти, главными интересами которых являются: появление дотационного, социально значимого проекта; повышение диверсификации

[17] Курорт вместо комбината. Как перестроят Байкальск и что из этого получится. *Аргументы и факты*. URL: https://aif.ru/society/ecology/kurort_vmesto_kombinata_kak_perestroyat_baykalsk_i_chto_iz_etogo_poluchitsya (дата обращения: 03.04.2022).

экономики моногорода; создание новых рабочих мест; продажа продуктов территории; создание качественной городской среды; формирование в общественном сознании положительного восприятия города; создание и продвижение бренда моногорода с учетом исторических аспектов его развития [26, с. 122–125].

2. Руководители градообразующих предприятий, которые в первую очередь заинтересованы в возможности позиционирования и продвижения производственной линии и конечной продукции перед потенциальными инвесторами и потребителями, появлении новых рынков сбыта, росте уровня доходов, льготах и преференциях от государства.
3. Туристические компании и представители бизнес-сообщества моногорода, в т. ч. внешние инвесторы, которые мотивированы возможностью представления новых туристических продуктов, извлечением прибыли, продвижением региональных туристических направлений, привлечением иностранных туристов.

Выделение земельных участков, развитие местных инициатив, включение предпринимательского сообщества в процесс формирования имиджа территории в среднесрочной и долгосрочной перспективе могут формировать существенные импульсы по увеличению туристического потока в моногорода. Проведение ежегодных форсайт-сессий для местных предпринимателей будет создавать предпосылки для поиска точек роста и развития туристического бизнеса и его обогащения за счет смежных продуктов и проектов.

Взаимодействие стейкхолдеров должно осуществляться в сотрудничестве с представителями культурного и историко-научного сообщества, что даст возможность разработать базу для комплексного инвестиционного плана развития промышленного туризма, создать уникальный, узнаваемый, конкурентоспособный имидж, основанный на потенциале территории моногорода. Например, с помощью создания туристических информационных центров (ТИЦ) на базе учреждений культуры и образования с возможностью ведения деятельности на цифровых платформах. Это позволит проводить систематическую информационную работу в данном проблемном поле, т. к. информация о моногородах с туристским потенциалом достаточно разрознена. Необходимым условием является также введение в структуру администрации моногорода должности специалиста по туризму и рекреационной деятельности, который отвечал бы за программные мероприятия на местах и понимал специфику работы данной отрасли.

Туристическим операторам и туристическим агентствам необходимо разрабатывать туристические маршруты с учетом моногородов как мест для посещения туристическими группами, что приведет к появлению дополнительного спроса и формированию мультипликативного эффекта в смежных отраслях и видах деятельности.

Важно наладить конструктивное локальное территориальное взаимодействие, когда несколько моногородов или моногород и крупный культурный или административный центр формируют один туристический маршрут. Также возможен синтез промышленного туризма и иных туристических направлений, основанных на потенциале территории, таких как событийный, культурно-познавательный, ностальгический, коммерческий, научный, исторический, экспедиционный, экстремальный, образовательный, паломнический и др., позволяющих сформировать конкурентоспособное туристическое пространство.

Заключение

Выполненный авторами анализ научных трудов показал, что формирование промышленного туризма в моно-профильных муниципальных образованиях является малоизученным направлением современной науки как в методологическом, так и практическом плане, поэтому требует дальнейшего изучения и научной дискуссии. Развитие промышленного туризма и иных видов туристской и рекреационной деятельности в моногородах является перспективным направлением социально-экономического развития территорий. Наличие детально проработанных проектов и программ в сфере туризма и правильное позиционирование туристической деятельности в моногородах с существующим туристическим потенциалом создаст благоприятные условия для привлечения инвесторов и приведет к увеличению туристического потока в обозримой перспективе, а в некоторых случаях создаст возможность перехода от сезонной к круглогодичной деятельности.

В сложившихся социально-экономических условиях развитие промышленного туризма в моногородах может способствовать распределению туристических потоков с традиционных направлений черноморского побережья, Краснодарского края, Кавказского региона, Крыма, Горного Алтая и др., что позволит снизить туристическую нагрузку в отдельно взятых территориях. Перераспределение части туристического потока в пользу моногородов будет способствовать повышению уровня диверсификации экономики моногородов и повышению уровня социально-экономического развития данных территорий.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. В. Иванова – концептуализация, методология, сбор информации, формальный анализ, проведение исследования, анализ и интерпретация результатов, редактирование, администрирование. В. М. Матюнин – сбор информации, анализ и интерпретация результатов.

Contribution: M. V. Ivanova – conceptualization, methodology, resources, formal analysis, investigation, interpretation of results, writing – review and editing.
V. M. Matyunin – resources, investigation and interpretation of results.

Литература / References

1. Князева И. В., Матовых Е. А. Оценка ресурсного потенциала города–спутника (на примере спутников г. Новосибирска). *Муниципалитет: экономика и управление*. 2012. № 2. С. 57–66. [Knyazeva I. V., Matovykh E. A. Evaluation of the resource potential of urban – fringe (by the example of Novosibirsk urban-fringes). *Municipality: Economics and Management*, 2012, (2): 57–66. (In Russ.)] EDN: PYOOAR
2. Ivanova M. V. Demographic contraction as an indicator of the problems of single-industry municipalities. *Population and Economics*, 2021, 5(2): 76–91. https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65661
3. Turgel I., Bazhenov O., Bozhko L. The evaluation methodology for the ecological and economic potential of the metallurgical cluster. *Environmental and Climate Technologies*, 2020, 24(1): 501–515. EDN: PHCGZG
4. Иванова М. В. Тенденции и особенности развития моногородов в России и повышение их конкурентоспособности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2018. № 1. С. 86–91. [Ivanova M. V. Tendencies and features of development of Russian monotowns and their competitive recovery. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2018, (1): 86–91. (In Russ.)] https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-86-91
5. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 382 с. [Kotler P., Asplund C., Rein I., Haider D. *Marketing places Europe: how to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions, and nations in Europe*. St. Petersburg: Stokgolmskaia shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2005, 956. (In Russ.)]
6. Комаров С. В. Оценка конкурентной позиции в контексте его инновационного развития. In: Комаров С. В., Мухаметшин А. Н. *Управление инновационным развитием социально-экономических систем*. Екатеринбург, 2010. С. 259–303. [Komarov S. V. Competitive position in the context of its innovative development. In: Komarov S. V., Mukhametshin A. N. *Management of innovative development of socio-economic systems*. Ekaterinburg, 2010, 259–303. (In Russ.)]
7. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Моногорода России: от аутсайдеров к лидерам экономического развития. *ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика*. 2017. № 5. С. 7–21. [Ivanov O. B., Buchwald E. M. Russian monotowns: from outsiders to leaders in economic development. *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika*, 2017, (5): 7–21. (In Russ.)] EDN: ZTINIL
8. Зубаревич Н. В. Трансформация рынков труда российских моногородов. *Вестник Московского Университета. Серия 5: География*. 2017. № 4. С. 38–44. [Zubarevich N. V. Transformation of labor markets in Russia's single-industry cities. *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografija*, 2017, (4): 38–44. (In Russ.)] EDN: ZGRVFP
9. Иванова О. П., Антонов Г. Д. Тосэр в моногородах. *ЭКО*. 2017. № 3. 120–133. [Ivanova O. P., Antonov G. D. Priority social and economic development areas in factory-based towns. *ECO*, 2017, (3): 120–133. (In Russ.)] EDN: YGJRJJ
10. Кузнецова Г. Ю. Географическое исследование монопрофильных поселений России. дис. … канд. геогр. наук. М., 2003. 285 с. [Kuznetsova G. Iu. *Geographical study of single-industry settlements in Russia*. Cand. Geogr. Sci. Diss. Moscow, 2003, 285. (In Russ.)]
11. Любовный В. Я. Монопрофильные города России: истоки, эволюция развития и регулирования. М.: Экон-Информ, 2018. 445 с. [Liubovnyi V. Ia. *Single-industry cities of Russia: origins, evolution of development and regulation*. Moscow: Ekon-Inform, 2018, 445. (In Russ.)]
12. Фомин М. В., Безвербный В. А., Шушпанова И. С., Микрюков Н. Ю., Лукашенко Е. А., Мирязов Т. Р. Моногорода Сибири и Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 1. С. 137–165. [Fomin M. V., Bezverbny V. A., Shushpanova I. S., Mikryukov N. Yu., Lukashenko E. A., Miriazov T. R. Single-industry towns of Siberia and the Russian Far East: potential and prospects of development. *Public Administration Issues*, 2020, (1): 137–165. (In Russ.)] EDN: GUINYW
13. Тургель И. Д. «Города компаний»: прошлое или будущее городского развития. *Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дезинтеграционных процессах*: мат-лы Междунар. науч. конф. в рамках VIII Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. (26 сентября – 01 октября 2017 г.) Пермь: ПГНИУ. С. 441–445. [Turgel I. D. Company towns: past or future of urban development. *Russia and its regions in multi-scale*

integration and disintegration processes: Proc. Internat. Sci. Conf., VIII Annual Scientific Assembly of Russian Geographers and Social Scientists, Perm, 26 Sep – 1 Oct 2017. Perm: PSU. 441–445. (In Russ.)] EDN: ZGGVQF

14. Крюкова Е. М. Основные факторы развития моногородов в России. *Ученые записки российского государственного социального университета*. 2014. Т. 1. № 4. 68–72. [Kryukova E. M. The main factors of the development of single-industry towns in Russia. *Scientific notes of Russian State Social University*, 2014, 1(4): 68–72. (In Russ.)] EDN: RJWZAE
15. Власова Н. Ю., Голубчиков О. Ю., Курилова Е. В. Индустриальный туризм в продвижении старопромышленных регионов. *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2017. № 4. С. 19–31. [Vlasova N. Yu., Golubchikov O. Yu., Kurilova Y. V. Industrial tourism in the old industrial regions promotion. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2017, (4): 19–31. (In Russ.)] https://doi.org/10.29141/2073-1019-2017-16-4-2
16. Чхотуа И. З., Власюк Л. И., Задорожная Г. В. Развитие промышленного туризма в регионах России: стратегический анализ. *Экономическое возрождение России*. 2021. № 4. 156–174. [Chkhotua I. Z., Vlasyuk L. I., Zadorozhnaya G. V. Strategic analysis of industrial tourism development in the regions of Russia: opportunities and threats. *Economic revival of Russia*, 2021, (4): 156–174. (In Russ.)] https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-4-70-156-174
17. Гененко О. Н., Посохова Н. В., Бовкунова Ю. В., Кущенко Е. С. Промышленный туризм как фактор повышения туристской привлекательности региона. *Инновации и инвестиции*. 2020. № 10. С. 207–210. [Genenko O. N., Posokhova N. V., Bovkunova Yu. V., Kushchenko E. S. Industrial tourism as a factor of increasing tourist attractiveness of the region. *Innovation and Investment*, 2020, (10): 207–210. (In Russ.)] EDN: VHAWUV
18. Никулина Ю. Н. Исследование востребованности и перспектив развития промышленного туризма в промышленности: взгляд предприятий. *Креативная экономика*. 2017. Т. 11. № 8. С. 875–892. [Nikulina Yu. N. Issledovanie vostrebovannosti i perspektiv razvitiya promyshlennogo turizma v regione: vzglyad predpriyatiy. *Kreativnaya ekonomika*, 2017, 11(8): 875–892. (In Russ.)]
19. Никулина Ю. Н. Промышленный туризм в мировой практике: особенности организации и тенденции развития. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2017. № 9. С. 40–44. [Nikulina Y. N. Industrial tourism in the world: features of the organization and trends of development. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2017, (9): 40–44. (In Russ.)] EDN: ZTUUTL
20. Солопов О. В., Солопова Н. Д. Индустриальный туризм как фактор развития культурно-туристского потенциала Тульской области. *Инновационная наука*. 2016. № 9. 371–375. [Solopov O. V., Solopova N. D. Industrial tourism as a factor in the development of the cultural and tourist potential of the Tula region. *Innovatsionnaia nauka*, 2016, (9) 371–375. (In Russ.)] EDN: WMWHNX
21. Танкиева Т. А., Пономарева М. В. Разработка подходов к организации индустриального туризма в старопромышленном регионе. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2020. № 1. [Tankieva T. A., Ponomareva M. V. Development of approaches to the organization of industrial tourism in the old industrial region. *Regional economics and management*, 2020, (1). (In Russ.)] EDN: SPZRIJ
22. Ćopić S., Đorđević J., Lukić T., Stojanović V., Đukičin S., Besermenji S., Stamenković I., Tumarić A. Transformation of industrial heritage an example of tourism industry development in the Ruhr area (Germany). *Geographica Pannonica*, 2014, 18(2): 43–50. https://doi.org/10.5937/GeoPan1402043C
23. Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Промышленный туризм в Беларуси: перспективный маркетинговый ход как сочетание мирового опыта и отечественных реалий. *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия*. 2019. № 2. С. 74–77. [Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. Industrial tourism in belarus: a perspective marketing stroke as a combination of world experience and domestic realities. *Proceedings of BSTU. 5 History. Philosophy. Philology*, 2019, (2): 74–77. (In Russ.)] EDN: HBBHQU
24. Иванова М. В. Основные направления государственной политики в области экономической поддержки моногородов. *Государственное и Муниципальное управление. Ученые записки*. 2019. № 3. С. 268–276. [Ivanova M. V. Main directions of state policy of economic support of monocities. *Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2019, (3): 268–276. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-3-268-276
25. Пономарева И. Ю., Танкиева Т. А., Пономарева М. В., Королев А. В. Туризм как направление устойчивого развития малых городов. *Сервис в России и за рубежом*. 2019. Т. 13. № 3. С. 137–151. [Ponomareva I. Yu., Tankieva T. A., Ponomareva M. V., Korolyev A. V. Tourism as a direction of sustainable development of the small towns. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2019, 13(3): 137–151. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10311
26. Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 130 с. [Vizgalov D. V. *City branding*. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda", 2011, 130. (In Russ.)]

оригинальная статья

Трансформация индустрии туризма как следствие пандемии и санкций

Шабанова Людмила Борисовна
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова, Россия, Казань
https://orcid.org/0000-0003-0487-009X

Кабиров Ильдар Сарварович
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова, Россия, Казань

Юсупова Гульнара Ринатовна
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова, Россия, Казань
https://orcid.org/0000-0002-0967-4744
y-gulnarin@mail.ru

Поступила в редакцию 18.08.2022. Принята после рецензирования 30.09.2022. Принята в печать 03.10.2022.

Аннотация: В процессе реформирования отечественной экономики усилилась непропорциональность в развитии территорий, муниципальных образований и регионов РФ: увеличилось количество депрессивных территорий с низкими темпами социально-экономического развития и качеством жизни населения. Несмотря на очевидное экономическое значение индустрии туризма, ее вклада в развитие мировой экономики и экономики конкретных государств, до сих пор не решены такие базовые проблемы, как определение общепризнанной трактовки сущности понятия *индустрия туризма* и разработка системы достоверного и прозрачного статистического учета результатов ее функционирования. Цель – обосновать гипотезу обеспечения устойчивого и сбалансированного развития индустрии туризма как динамично развивающегося многоотраслевого комплекса территорий и регионов. Новизна заключается в разработке механизма трансформации индустрии туризма как инструмента пропорционального экономического развития регионов и территорий РФ. Практическая значимость исходит из необходимости разработки стратегии устойчивого развития индустрии туризма в регионах РФ, основанной на ее государственном регулировании. Объект – основные направления трансформации индустрии туризма в реалиях сегодняшнего дня с учетом ограничений и закрытия границ, цифровизации и трансформации региональных туристских продуктов. Методы: экспертный, интегральный, рейтинговый и программно-целевой, контент-анализ, формальная логика. Результаты: определение основных направлений трансформации индустрии туризма и точек ее дальнейшего экономического роста на базе анализа и оценки развития индустрии туризма под влиянием макроэкономических факторов в разрезе муниципальных образований и регионов РФ, оценки состояния индустрии туризма в регионах РФ и ее влияния на их социально-экономическое развитие, анализ эффективности государственной политики в сфере туризма в постпандемийном периоде и в условиях тотальных санкций. Устойчивое развитие индустрии туризма может быть достигнуто путем увеличения количества поездок россиян внутри страны; обеспечения эффекта синергии, выраженного в возможности привлечения на каждый вложенный рубль бюджетных инвестиций 3–4 рублей из средств частных инвесторов; развития туристических макротерриторий путем формирования так называемых «магнитов» – наиболее привлекательных туристических точек; субсидирования поездок россиян; выделения субсидий на развитие туристской инфраструктуры; обеспечения грантовой поддержки различных инициатив, направленных на развитие индустрии туризма; улучшения кадрового потенциала в индустрии туризма; ускорения цифровизации всех объектов индустрии туризма. Последовательная реализация предлагаемых мероприятий позволит уже в ближайшей перспективе повысить конкурентоспособность индустрии туризма РФ на мировом рынке туристских услуг, усилить роль регионов, областей, округов, краев и городов в развитии экономического потенциала страны, обеспечить их пропорциональное развитие.

Ключевые слова: индустрия туризма, трансформация, пандемия, санкции, устойчивое развитие регионов и территорий, государственное регулирование

Цитирование: Шабанова Л. Б., Юсупова Г. Р., Кабиров И. С. Трансформация индустрии туризма как следствие пандемии и санкций. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 511–520. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-511-520

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

full article

Transformation of the Tourism Industry after COVID-19 Pandemic and Sanctions

Lyudmila B. Shabanova
Timiryasov Kazan Innovative University, Russia, Kazan
https://orcid.org/0000-0003-0487-009x

Ildar S. Kabirov
Timiryasov Kazan Innovative University, Russia, Kazan

Gulnara R. Yusupova
Timiryasov Kazan Innovative University, Russia, Kazan
https://orcid.org/0000-0002-0967-4744
y-gulnarin@mail.ru

Received 18 Aug 2022. Accepted after peer review 30 Sep 2022. Accepted for publication 3 Oct 2022.

Abstract: The recent reforms of the domestic economy have increased the financial gaps between different regions of the Russian Federation. More and more territories suffer from slow socio-economic development and poor life quality. A strong tourism industry may be an excellent solution if treated as a dynamic multi-industrial complex of territories. The authors used content analysis, formal logic, expert, integral, rating, and program-targeted methods to predict the transformation of the tourism industry and determine the points of its further economic growth. The assessment included the impact of macroeconomic factors, as well as the effect of the regional tourism on the local social and economic development. The article also features the effect of the COVID-19 pandemic, the current sanctions, the global digitalization, and various regional specifics on the local tourism. The research resulted in a mechanism that could turn the tourism industry into an instrument of regional economic development. However, the regional tourism industry needs a sustainable state-managed development strategy.
Keywords: tourism industry, transformation, pandemic, sanctions, sustainable development of regions and territories, state regulation

Citation: Shabanova L. B., Yusupova G. R., Kabirov I. S. Transformation of the Tourism Industry after COVID-19 Pandemic and Sanctions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 511–520. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-511-520

Введение

Всемирный совет по туризму и путешествиям (ВТТС) отмечает, что удельный вес вклада индустрии туризма в ВВП России накануне пандемии составлял 4,2 % (около 4926 млрд руб.), что почти в 2,5 раза меньше, чем вклад в ВВП мировой экономики (10,4 %)[1]. При этом следует помнить, что доля индустрии туризма в ВРП превышает среднероссийский показатель только в 5 субъектах – Краснодарский и Ставропольский края, Республика Крым, г. Москва и Московская область, в 58 субъектах приближается к этому уровню. Самый низкий уровень наблюдается в Республике Ингушетия, Ямало-Ненецком и Ненецком Автономных округах [1]. По прогнозу специалистов ВТТС, к 2024 г. доля индустрии туризма в ВВП России и количество рабочих мест в ней увеличится до 5,1 % (3,6 млн рабочих мест)[2].

Учитывая, что индикаторы развития туристской индустрии в основном совпадают с тенденциями изменений общеэкономических показателей страны, в частности с показателями объемов ВВП, государственная политика последних лет направлена на обеспечение приоритетного развития индустрии туризма в РФ и ее регионах [2; 3]. Возможности индустрии туризма как инструмента устойчивого и пропорционального развития регионов России предполагается реализовать в рамках нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства»[3] и «Стратегии развития туризма в России» до 2035 г.[4]

Несмотря на очевидное экономическое значение индустрии туризма, ее вклада в развитие мировой экономики и экономики конкретных государств, до сих пор не решены такие базовые проблемы, как определение

[1] Туриндустрия через призму драйверов и барьеров бизнеса. *Центр социально-экономических исследований,* 2020. URL: https://www.csr.ru/ru/publications/turindustriya-cherez-prizmu-drayverov-i-barerov-biznesa/ (дата обращения: 15.05.2022); Об утверждении Стратегии развития туризма в РФ на период до 2020 г. Распоряжение Правительства РФ № 941-р от 31.05.2014. URL: https://docs.cntd.ru/document/420200177 (дата обращения: 15.05.2022).

[2] Туриндустрия через призму драйверов и барьеров…

[3] Нацпроект «Туризм и индустрия гостеприимства». URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/turizm (дата обращения: 15.05.2022).

[4] Об утверждении Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г. Распоряжение Правительства РФ № 2129-р от 20.09.2019. URL: http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf (дата обращения: 15.05.2022).

общепризнанной трактовки понятия *индустрия туризма* и разработка системы достоверного и прозрачного статистического учета результатов ее функционирования. Подведем некоторые итоги дискуссии о сущности термина *индустрия туризма*. К числу самых ранних дефиниций *индустрии туризма* следует отнести трактовку, данную Конференцией ООН по торговле и развитию в 1971 г., согласно которой, индустрия туризма – это совокупность производственных и непроизводственных видов деятельности, направленных на создание товаров и услуг для путешествующих лиц [4].

Многие исследователи придерживаются отраслевого подхода к определению. М. А. Жукова считает, что «индустрия туризма – это специфическая отрасль национальной экономики, которая представляет совокупность организаций и предприятий национальной экономики, единой функциональной задачей которых является деятельность, направленная на удовлетворение разнообразных и постоянно растущих потребностей людей в различных видах отдыха, связанных с временным пребыванием вне обычной среды проживания» [5, с. 21].

Этой же точки зрения придерживается О. Т. Лойко: «туристская индустрия – отрасль экономики непроизводственной сферы, совокупность предприятий, учреждений и организаций, которые удовлетворяют потребности туристов в материальных и нематериальных услугах, обеспечивают производство и потребление туристского продукта» [6, с. 19]. По нашему мнению, основным аргументом справедливости отраслевого подхода к определению сущности этого понятия является только тот факт, что эта индустрия производит собственный продукт – тур.

В. А. Квартальнов утверждает, что туристскую индустрию нельзя считать отдельной отраслью, поскольку большая часть предприятий, относимых к индустрии туризма, занимается удовлетворением потребностей местного населения. Также в соответствии с Общероссийским классификатором «Отрасли народного хозяйства», туризм не являлся самостоятельной отраслью[5]. В трудах В. А. Квартальнова индустрия туризма рассматривается как экономическая система, состоящая из комплекса отраслей и подразделений, функции которых заключаются в удовлетворении разнообразного и усложняющегося спроса на различные виды отдыха и развлечений [7].

М. Б. Биржаков и соавторы, рассматривая индустрию туризма в качестве межотраслевого комплекса, определяют туристскую индустрию как «диверсифицированный межотраслевой комплекс, как взаимоувязанную систему предприятий и предпринимателей, предоставляющих туристам все необходимые для потребления в процессе туризма туристские услуги, работы и товары» [8].

В ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» сущность понятия *индустрия туризма* раскрывается через перечисление ее основных элементов: «туристская индустрия – совокупность гостиниц и иных средств размещения, средств транспорта, объектов санаторно-курортного лечения и отдыха, объектов общественного питания, объектов и средств развлечения, объектов познавательного, делового, лечебно-оздоровительного, физкультурно-спортивного и иного назначения, организаций, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность, операторов туристских информационных систем, а также организаций, предоставляющих услуги экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников»[6].

Почти все дефиниции сущности исследуемого понятия сводятся к перечислению отдельных видов деятельности, относимых к индустрии туризма. Уязвимость такого подхода заключается в том, что невозможно перечислить все элементы этого множества, неизбежно будут появляться новые элементы. По мере развития научно-технического прогресса происходит трансформация индустрии туризма.

В настоящее время обслуживанием туристов занимаются не только средства перемещения, размещения и развлечения туристов, но и банки, организации и учреждения культуры, здравоохранения, связи и др. Таким образом, в отличие от большинства отраслей экономики, индустрия туризма, имея свои производственные ресурсы (земля, персонал, капитал и т. д.), объединяет экономические субъекты различных отраслей и оказывает непосредственное влияние на экономическое развитие территорий, регионов и страны в целом.

Сформулируем авторское определение сущности исследуемого понятия. *Индустрия туризма* – это крупный самостоятельный многоотраслевой комплекс, являющийся частью народнохозяйственного комплекса территорий, муниципальных образований, регионов и государств, включающий меняющееся под влиянием научно-технического прогресса и геополитических факторов множество экономических субъектов различных организационно-правовых форм и видов собственности производственной и непроизводственной сферы деятельности, производящих туристские услуги и туры, востребованные как на внешнем, так и на внутреннем рынке. С нашей точки зрения, предложенная дефиниция сохранит свою актуальность даже с учетом постоянной трансформации в меняющейся макро- и микросреде.

Достижение цели исследования, направленной на обоснование гипотезы обеспечения устойчивого и сбалансированного развития индустрии туризма как динамично развивающегося многоотраслевого комплекса этих территорий и регионов, потребовало решения широкого

[5] Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2) (утв. приказом Госстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 12.02.2020). *СПС КонсультантПлюс*.

[6] Об основах туристской деятельности в РФ. ФЗ № 132-ФЗ от 24.11.1996 (ред. от 02.12.2019). *СПС КонсультантПлюс*.

круга задач. Для определения понятия *индустрия туризма* и основных направлений ее трансформации были использованы методы формальной логики и контент-анализа. Исследование состояния индустрии туризма в России и регионах, ее вклада в экономическое развитие этих субъектов потребовали использования рейтингового и интегрального методов. Для обоснования мер государственной стратегической политики по трансформации индустрии туризма как механизма пропорционального развития регионов и территорий РФ и их результативности был использован программно-целевой метод.

Результаты

Применение методов и методик позволило определить следующие основные направления трансформации отечественной индустрии туризма:

- ограничения, вызванные коронавирусной инфекцией COVID-19, санкции, введенные в связи со специальной военной операцией РФ на Украине привели к ограничению передвижения потоков людей и к большим потерям не только транспортных компаний, но и всей индустрии туризма;
- цифровизация, за темпами развития которой успевают не все предприятия индустрии туризма. Только 70 % туристских компаний предоставляют услуги онлайн, оставшиеся 30 % – только оффлайн;
- изменение рейтинга различных видов туризма и туристских продуктов. Классические виды туризма, пляжный, оздоровительный, познавательный, сохраняют свои приоритетные позиции. Однако изменение образа жизни людей требует освоения новых туристских ресурсов.

Проанализировано текущее положение отрасли в условиях распространения вирусной инфекции; выявлены тенденции, проблемы и перспективы функционирования российского туризма в посткоронавирусный период [9]; изучены колебания ликвидности и платежеспособности туристических агентств в условиях развития пандемии [10]; оценена результативность управления и планирования деятельности органов государственной власти [11].

Пандемия COVID-19 стала самым неожиданным и непредсказуемым явлением, повлиявшим на трансформацию всей мировой экономики и индустрии туризма в первую очередь [12; 13]. Уже в январе-августе 2020 г. количество международных туристических прибытий в мире сократилось на 70,0 %. За 2020 г. объем въездного туризма сократился на 72,7 %, выездного – на 74 %. 30 % российских туристов отказались от зарубежных поездок из-за закрытия границ, локдаунов. Несмотря на рост спроса на отечественные курорты, сократился объем внутреннего туристского потока: размер суммы платежей в мае 2020 г. уменьшился примерно на 90 %, в июне – на 80–90 %, в конце июля – на 66 %, в конце августа – на 54 %, в целом за 2020 г. – более чем на 30 % по сравнению с теми же периодами 2019 г. Наибольшие потери понес внутренний экскурсионный туризм – спрос упал на 50–60 %[7].

Наибольшей информативностью для оценки трансформации индустрии туризма обладают регулярные рейтинги: наиболее известный рейтинг, результаты которого публикуются раз в 2 года – *Индекс конкурентоспособности туризма и путешествий* от специалистов Всемирного экономического форума[8] и национальные рейтинги, проводимые ЦИК «Рейтинг»[9].

Индекс конкурентоспособности туризма и путешествий синтезирует влияние на развитие индустрии туризма 14 факторов: состояние природных, культурно-исторических и человеческих ресурсов, конкурентоспособности цен, международной открытости, безопасности и др. По результатам этого рейтинга, в 2019 г. РФ находилась на 39 месте в мире (в 2007 – на 99), в том числе на 33 месте по размерам доходов от туризма (почти в 20 раз ниже, чем у США), на 6 месте в мире по количеству выездных туристических поездок и на 7 месте по размерам расходов на международный туризм[10].

По данным Всемирной туристической организации (ВТООН), до 24 февраля 2022 г. РФ входила в первую десятку из 140 стран по количеству въездных туров[11]. Традиционно привлекательность РФ как туристического направления складывалась из следующих факторов: невысокие цены, богатство исторических и природных достопримечательностей. Рост туристического потока осуществлялся за счет туристов из Китая, Абхазии и Эстонии. В 2019 г. количество туристов из этих стран выросло в среднем на 14 %, однако введенные санкции остановили эти потоки. Сохраняется стабильная динамика роста потока туристов из Китая: среднегодовые темпы роста составляют почти 17 %, численность туристов из Китая достигла почти 23 % всего потока туристов из стран дальнего зарубежья[12].

[7] Анализ рынка туристических услуг России. Общие тенденции развития рынка в 2020 г. *Академия Бизнеса банка «Открытие»*. URL: https://academyopen.ru/journal/522 (дата обращения: 15.05.2022).

[8] Туриндустрия через призму драйверов…

[9] Национальный туристический рейтинг – 2020. *ЦИК «Рейтинг»*. URL: https://russia-rating.ru/info/18797.html (дата обращения: 17.05.2022).

[10] Туриндустрия через призму драйверов…

[11] Туризм (мировой рынок). *TAdviser. Государство. Бизнес. Технологии.* URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Туризм_(мировой_рынок) (дата обращения: 17.05.2022).

[12] Туризм в России. *TAdviser. Государство. Бизнес. Технологии.* URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Туризм_в_России (дата обращения: 17.05.2022).

Пандемия оказала значительное влияние на индустрию туризма, что выразилось в росте востребованности внутрироссийских направлений по сравнению с зарубежными. Также в связи с санкциями были разрушены тесные туристские связи РФ со странами бывшего СССР. До начала специальной операции на Украине на страны бывшего СССР приходилось 66 % всего потока туристов в Россию. В связи с этим, а также вследствие формирования нового образа жизни россиян в РФ сложилась устойчивая долгосрочная тенденция развития внутреннего туризма. Популярность приобретают побережье Черного моря, г. Москва, Санкт-Петербург, Урал, города «Золотого кольца» и о. Байкал[13].

По итогам *Национального туристического рейтинга* – 2020 в наиболее успешную группу рейтинга, *Золотую двадцатку*, вошли следующие регионы: Московская область; города федерального значения Москва и Санкт-Петербург; Краснодарский край; Республика Крым; Алтайский и Приморский край; Татарстан, Самарская, Новосибирская, Челябинская, Ростовская, Тюменская, Ленинградская области; Пермский край[14].

По мнению экспертов ЦИК «Рейтинг», на лидирующую позицию Московской области существенно повлияла пандемия, из-за которой люди приезжали в Подмосковье во время изоляции, что подтверждается высокой заполняемостью загородных отелей (74 % против 60,7 % в среднем по России). Москва заняла вторую строчку в рейтинге благодаря правительственным мерам (гостиницам были предоставлены гранты на общую сумму около 1,7 млрд руб. и было оплачено проживание в них медработников) и запуском интернет-проектов Комитетом по туризму Москвы: культурно-образовательный сайт *Discover Moscow*[15]; цифровая туристическая платформа *Russpass*[16]. Санкт-Петербург занял третье место в рейтинге, потеряв один пункт вследствие жестких ограничений в связи с пандемией. По сравнению с 2019 г. на прежних позициях в *рейтинге-2020* остались Краснодарский край и Республика Крым (загрузка отелей составила 90 %) [14; 15].

В Алтайском крае в связи с пандемией туристический поток снизился на 40 %[17]. В качестве меры по нивелированию этой отрицательной тенденции Управление Алтайского края по развитию туризма и курортной деятельности организовало сайт, предоставляющий полную информацию обо всех санаториях, расположенных в крае – *санаториialтая.ру*. В Приморском крае меры поддержки индустрии туризма выразились в снижении или полной отмене налогов и предоставлении субсидий. Большинство регионов продемонстрировали устойчивость своей индустрии гостеприимства в условиях пандемии.

Остальные регионы – Татарстан, Башкортостан и Свердловская область остались на прежних местах, а Самарская область улучшила свои позиции, переместившись с 20 на 14 место в рейтинге за счет развития культурно-познавательного, делового, медицинского и событийного туризма. Тюменская область поднялась в рейтинге на одну позицию и заняла 18 место после открытия термального сезона, используя горячие источники Западной Сибири. Пермский край занял последнюю строчку в рейтинге *золотой двадцатки*, несмотря на то, что власти активно занимались продвижением туристских ресурсов региона[18].

Во вторую, *серебряную* группу рейтинга вошло более 50 краев, областей, республик, автономных округов и городов федерального значения, в том числе Тверская, Сахалинская и другие области; Республика Карелия; Красноярский и Хабаровский края; Республика Дагестан; Чеченская Республика; Республика Саха (Якутия); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; город федерального значения Севастополь.

Лидером группы стала Тверская область за счет реализации проекта «Волжское море» и близости к Москве. Вторую позицию в рейтинге занял Сахалин благодаря уникальной природе, развитому горнолыжному курорту «Горный воздух», огромному потенциалу развития туристического кластера «Архипелаг Онекотан» на Северных Курилах. В этот кластер войдут еще 10 туристических проектов, которые будут реализованы к 2025 г.

Улучшила позиции Кемеровская область, заняв 26 место благодаря знаменитому горнолыжному курорту Шерегеш и чартерным рейсам. Карелия находится на 3 месте по количеству запросов в Интернете после Крыма и Краснодарского края. Однако неразвитая инфраструктура и недостаточное количество мест размещения пока затрудняют полноценное использование потенциала этого региона. Калужская область занимает 39 позицию, укрепить которую помогает статус Калуги в качестве Новогодней столицы России в 2021 г. по проекту Министерства культуры России, запущенному в 2012 г.

[13] Национальный туристический рейтинг – 2021. Спецпроекты. *ЦИК «Рейтинг»*. URL: https://russia-rating.ru/info/20156.html (дата обращения: 17.05.2022).

[14] Национальный туристический рейтинг – 2020. Спецпроекты. *ЦИК «Рейтинг»* URL: https://russia-rating.ru/info/18797.html (дата обращения: 17.05.2022).

[15] Культурно-образовательный сайт Discover Moscow. URL: https://discovermoscow.com/ (дата обращения: 17.05.2022).

[16] Цифровая туристическая платформа Russpass. URL: https://russpass.ru/ (дата обращения: 17.05.2022).

[17] Турпоток в Алтайском крае упал на 40 %. *Алтайская правда*. URL: https://www.ap22.ru/paper/Turpotok-v-Altayskom-krae-upal-na-40.html (дата обращения: 17.05.2022).

[18] Национальный туристический рейтинг – 2020 …

В *бронзовую*, самую проблемную группу рейтинга, вошли 16 краев, областей, республик, автономных округов, в т.ч. Республика Адыгея; Забайкальский край; Ямало-Ненецкий автономный округ. В этой группе регионов предстоит самая большая работа по развитию туристской индустрии. По мнению экспертов ЦИК «Рейтинг», Адыгея наиболее перспективна для развития экологического и активного туризма. Она поднялась в рейтинге на 5 пунктов и может претендовать на место в *серебряной* группе. Улучшили свои показатели Орловская область, Калмыкия и Тыва.

Анализ результатов *рейтинга конкурентоспособности* и *Национального туристического рейтинга – 2020* позволил оценить основные параметры качества отечественных туристических услуг и их влияние на развитие индустрии туризма. Оценка отечественной индустрии туризма по 5-балльной системе по важнейшим параметрам качества предоставляемых услуг до и в период пандемии в целом по России представлена в табл.[19]

Результаты исследования Центра социально-экономических исследований свидетельствуют, что несмотря на улучшение позиций России в рейтинге конкурентоспособности, потенциал индустрии туризма не используется в полной мере. К основным причинам, тормозящим развитие индустрии туризма, эксперты относят: несоответствие цены качеству и бедный ассортимент предоставляемых услуг, отсутствие дополнительного сервиса, низкую территориальную доступность туристских ресурсов и объектов показа. Недостаточная развитость системы транспортного сообщения затрудняет полноценное использование богатых природных ресурсов и уникальных культурно-исторических объектов на территории России и регионов [16–19].

Табл. Оценка основных параметров качества отечественных туристских услуг по 5-балльной шкале в период пандемии
Tab. Quality of domestic tourist services on a five-point scale during the pandemic

Параметры качества туристских услуг	Значение
Состояние культурных и исторических объектов	3,88
Богатство природных ресурсов	3,62
Развитие информационно-коммуникационных технологий	3,34
Состояние развлекательных объектов	3,30
Развитие сети гостиниц и средств размещения	3,16
Состояние системы безопасности	2,99
Развитие системы организации и предоставления услуг питания	2,98
Состояние и развитие системы транспортного сообщения	2,95

Благодаря анализу были обобщены меры государственной поддержки индустрии туризма в период пандемии [20]. К первоочередным и наиболее существенным мерам следует отнести следующие: отсрочка по взысканию налогов и взносов; освобождение от уплаты взносов в резервный фонд ассоциации «Турпомощь», взносов в фонды персональной ответственности; реструктуризация кредитов; предоставление субсидий на компенсацию и возмещение убытков, связанных с авиаперевозками, расходов авиакомпаний на вывоз туристов; продление лицензий и разрешений; беспроцентные кредиты на выплату зарплат; гранты на заработную плату, неотложные нужды, коммунальные платежи; мораторий на банкротство, налоговые санкции и проверки; налоговые каникулы.

Наиболее эффективными из всех мер, разработанных и примененных в период пандемии и постпандемийный период, стали: отсрочка обязательств по турам, которые были приобретены до закрытия границ и программа возвращения части средств на покупку внутрироссийских туров, получившая название *туристический кэшбэк*. Программа, разработанная Федеральным агентством по туризму, стала способом государственного субсидирования поездок по России. Суть ее в том, что туристы, оплатившие тур картой «Мир» могут получить кэшбэк 20 % от его стоимости. На реализацию этой программы Правительством РФ было выделено более 15 млрд руб.

Анализ позволил систематизировать риски, тормозящие развитие индустрии туризма до и в период пандемии: снижение денежного потока; удорожание заемных средств (кредитов, инвестиций); несоблюдение законодательства контрагентами; дефицит квалифицированных кадров; недостаточный уровень цифровизации всех контрагентов индустрии туризма.

Исследуем важнейшее направление трансформации индустрии туризма – цифровизацию. В индустрии туризма происходит масштабная цифровая трансформация, темпы которой ускорила пандемия [21]. Индустрия туризма находится на пороге перехода в принципиально новое состояние, в котором будут оцифрованы все основные виды деятельности. Процесс этого перехода принято называть цифровой трансформацией. Результатом станет внедрение в деятельность подавляющего большинства контрагентов индустрии туризма современных базовых информационных технологий, причем 2 компании из 5 внедрят продвинутые технологии.

По мнению экспертов, возрастет поток туристов, использующих формат онлайн-бронирования и покупок через Интернет. В ближайшей перспективе уровень цифровизации компаний индустрии туризма станет важнейшим параметром их конкурентоспособности. Сейчас средний уровень применения базовых информационных технологий в индустрии туризма характеризуется

[19] Сост. по: Туриндустрия через призму…

следующими показателями: 70 % компаний индустрии туризма имеют сайт; электронный документооборот – 54 %; прогрессивные системы учета (CRM, ERP) – 34 %; онлайн-продажи – 33 %; Чат-бот – 28 %; облачную инфраструктуру – 28 %. Продвинутые информационные технологии, позволяющие обрабатывать большие данные, управленческие технологии Agile / DevOps применяют только 7 % компаний. Наибольшим уровнем цифровизации отличаются туроператоры и средства размещения. 74 % имеют сайт для предоставления информационных услуг, каждый 2 туроператор (49 %) ведет онлайн-продажи. Недостаточный уровень применения интернет-технологий наблюдается в турагентствах и транспортных кампаниях. Наибольшим уровнем применения информационных технологий отличаются предприятия индустрии туризма в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Недостаточным – в Приволжском и Уральском федеральном округах[20].

Самым классическим направлением трансформации индустрии туризма является освоение новых видов туризма и разработка новых туристских продуктов. Как показало проведенное исследование, наиболее востребованными видами были и остаются выездной (так считают 61 % опрошенных туроператоров) и внутрироссийский туризм (по мнению 47 % туроператоров). 57 % опрошенных считают развитие внутреннего туризма наиболее перспективным направлением на ближайшую перспективу.

Эту точку зрения поддерживают только 30 % опрошенных турагентств. 74 % турагентств до недавнего времени ориентировали свою деятельность на развитие выездного туризма. В числе первых переориентировались на развитие внутреннего туризма туроператоры Приволжского и Уральского федеральных округов, а на развитие въездного туризма сохраняют ориентацию туроператоры Северо-Западного и Южного федеральных округов. Однако необходимо учитывать, что развитие внутреннего туризма требует благоустройства инфраструктуры.

Сохраняется приоритет географических направлений внутри России [22–27]. Предполагают осваивать новые туристские дестинации в ближайшей перспективе 87 % туроператоров и 54 % турагентов. Самыми приоритетными географическими направлениями остаются маршруты на черноморское побережье, в Санкт-Петербург, Москву и города «Золотого кольца». Наблюдается также стремление туроператоров продвигать турпродукты в своих регионах. Убедительным доказательством того, что туроператоры заинтересованы в развитии внутреннего туризма, является стремление многих из них осваивать Арктическую зону.

Кроме развития географических направлений большую актуальность приобретает расширение ассортимента предоставляемых услуг и видов туризма, включая разработку индивидуальных туров. В числе новых продуктов приоритетные позиции занимают эксклюзивные туры и стандартные пакетированные туры.

Из множества существующих видов туризма туроператоры в первую очередь планируют развивать наиболее популярные по сей день культурно-познавательный и пляжный виды туризма. Каждый четвертый туроператор продвигает детский, санаторно-курортный и оздоровительный туризм. Крупные туроператоры также ориентируются на развитие событийного и медицинского туризма, небольшие – на развитие детского, сельского и паломнического туризма. В сфере въездного туризма ставка делается на развитие экстремального зимнего, пляжного и гастрономического туризма. В целом стратегия развития туризма в РФ до 2035 г. ориентирована на развитие внутреннего и въездного туризма.

Заключение

Основной проблемой, усложняющей исследование туристской индустрии как многоотраслевого комплекса и получение достоверных результатов, является сложность расчета точных количественных показателей для оценки экономического вклада туристской индустрии в региональный или общий ВВП и другие важные макроэкономические показатели. Та же проблема существует и при определении вклада различных видов деятельности в конечные экономические показатели самой индустрии туризма. Сложности возникают с расчетами объема потоков туристов (выездных, въездных, внутренних), численности занятого населения в индустрии туризма и др. показателей.

Расхождения в значениях экономических показателей наблюдаются даже в данных таких солидных организаций, как Росстат, ВТООН, Всемирный банк (ВБ), Всемирный экономический форум (ВЭФ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Часто оценки экономических индикаторов, рассчитанные этими организациями, сильно отличаются друг от друга вследствие применения различных методологических подходов. До тех пор пока, действует несколько классификаторов различных видов экономической деятельности, ни в одном из которых индустрия туризма не выделена в отдельный комплекс, придется прибегать к методикам экспертных оценок и выборочных наблюдений.

Тем не менее, проведенное исследование позволило сделать определенные выводы и разработать некоторые рекомендации. Несмотря на реализацию нацпроекта и других стратегических программно-целевых документов, рассчитанных на период до 2030 г., необходима разработка научно-обоснованной тактики достижения

[20] Туриндустрия через призму…

цели устойчивого развития индустрии туризма в регионах РФ в условиях постпандемийного периода и введенных западными государствами санкций. Основными мероприятиями такой тактики должны стать:

- увеличение количества поездок россиян внутри страны и, как следствие, многократное увеличение количества рабочих мест в индустрии туризма и вклада в ВВП каждого региона и страны в целом;
- обеспечение эффекта синергии, который выразится в возможности привлечения на каждый вложенный руб. бюджетных инвестиций 3–4 руб. из средств частных инвесторов;
- развитие туристических макротерриторий путем формирования т. н. «магнитов» – наиболее привлекательных туристических точек. Такими «магнитами» могут стать «Большое золотое кольцо», «Большой Урал», «Большая Волга», «Байкал» и др.;
- субсидирование поездок россиян через кэшбэк, чартерные рейсы;
- выделение субсидий на развитие туристской инфраструктуры во всех регионах, областях, краях и автономных округах РФ; на компенсацию части процентной ставки по кредитам, выданным для строительства или реконструкции гостиниц;
- обеспечение грантовой поддержки различных инициатив, направленных на развитие индустрии туризма на разных уровнях в разных регионах;
- улучшение кадрового потенциала в индустрии туризма через создание системы повышения квалификации;
- ускорение цифровизации всех объектов индустрии туризма, усовершенствование нормативной базы и повышение эффективности системы продвижения отечественного турпродукта.

Реализация перечисленных мероприятий позволит уже в ближайшей перспективе повысить конкурентоспособность индустрии туризма РФ на мировом рынке туристских услуг, усилить роль регионов, областей, округов, краев и городов в развитии экономического потенциала страны, обеспечить их пропорциональное развитие. В ближайшее время предполагается продолжение исследований поляризации туристских ресурсов в разрезе регионов и территорий России с целью разработки механизма их использования как эффективного инструмента выравнивания пропорциональности в региональном развитии.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interest: The authors stated that there are no potential conflicts of interest regarding the research, authorship and/or publication of this article.

Критерии авторства: Л. Б. Шабанова – написание, оригинальный черновик. Г. Р. Юсупова – написание, просмотр и редактирование. И. С. Кабиров – концептуализация идеи.
Contribution: L. B. Shabanova – writing, original draft. G. R. Yusupova – writing, review & editing. I. S. Kabirov – conceptualization.

Литература/References

1. Закиров И. В., Саттарова Г. А. Региональные особенности развития туризма в России. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология*. 2018. Т. 4. № 2. С. 86–98. [Zakirov I. V., Sattarova G. A. Regional features of tourism development in Russia. *Uchjonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografija. Geologija*, 2018, 4(2): 86–98. (In Russ.)] EDN: YMRDNJ
2. Валеева Р. Р. Устойчивое развитие территорий: от основных понятий до факторов, на него влияющих. *Проблемы развития национальной экономики в условиях глобальных инновационных преобразований*: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Махачкала, 25–27 ноября 2020 г.), ред. Ж. Н. Казиева. Махачкала: ДГТУ, 2021. С. 103–109. [Valeeva R. R. Sustainable development of territories: from basic concepts to impact factors. *Problems of national economy development in the context of global innovative transformations*: Proc. All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Makhachkala, 25–27 Nov 2020, ed. Zh. N. Kazieva. Makhachkala: DSTU, 2021, 103–109. (In Russ.)] EDN: AUNHYP
3. Цыренжапова Б. Ц., Васюкова Л. К. Индустрия туризма в Российской Федерации: состояние, проблемы и перспективы развития. *Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия*: сб. науч. статей 3 Всерос. науч.-практ. конф., Т. 2. (Курск, 12–13 марта 2020 г.) Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 202–207. [Tsyrenzhapova B. Ts., Vasiukova L. K. Tourism industry in the Russian Federation: current state, problems, and prospects of development. *Structural transformations of the economy of territories: in search of social and economic balance*: Proc. 3rd All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Vol. 2, Kursk, 12–13 Mar 2020. Kursk: SWSU, 2020, 202–207. (In Russ.)] EDN: MPLKXA
4. Горгоц О. В. Понятийно-терминологические конструкции сферы регионального туризма. *Научное обозрение.* 2015. № 6. С. 188–193. [Gorgots O. V. Concept-terminological structures in the sphere of regional tourism. *Scientific review,* 2015, (6): 188–193. (In Russ.)] EDN: UBNEQF
5. Жукова М. А. Управление индустрией туризма в современных условиях: дисс. … д-ра эконом. наук. М., 2003. 354 с. [Zhukova M. A. *Management of the tourism industry in modern conditions*: Dr. Econom. Sci. Diss. Moscow, 2003, 354. (In Russ.)]

6. Лойко О. Т. Туризм и гостиничное хозяйство. Томск: ТПУ, 2007. 157 с. [Loiko O. T. *Tourism and hotel management*. Tomsk: TPU, 2007, 157. (In Russ.)]
7. Квартальнов В. А. Современные особенности туризма как научного познания и исследований. *Теория и практика физической культуры*. 2002. № 11. С. 2–8. [Kvartalnov V. A. Modern features of tourism as scientific knowledge and research. *Teoriia i praktika fizicheskoi kultury*, 2002, (11): 2–8. (In Russ.)]
8. Биржаков М. Б., Путрик Ю. С., Сорвина Т. А., Глушанок Т. М. Родовые и видовые признаки в системах классификации туризма. *Туризм и образование: исследования и проекты*: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 23–24 ноября 2017 г.) Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. С. 96–101. [Birzhakov M. B., Putrik Iu. S., Sorvina T. A., Glushanok T. M. Generic and specific features in tourism classification systems. *Tourism and education: research and projects*: Proc. II All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Petrozavodsk, 23–24 Nov 2017. Petrozavodsk: PetrSU, 2018, 96–101. (In Russ.)] EDN: VMRWYI
9. Рысаева М. А., Кабиров И. С. Перезапуск российского туризма – коллапс по имени COVID-19. *Вестник Национальной академии туризма*. 2020. № 3. С. 20–23. [Rysaeva M. A., Kabirov I. S. Restart of Russian tourism – collapse named COVID-19. *Vestnik of National Tourism Academy*, 2020, (3): 20–23. (In Russ.)] EDN: JRKSRA
10. Шабанова Л. Б., Юнусова Р. С. Анализ ликвидности и платежеспособности предприятий индустрии туризма. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 4. № 12. С. 35–46. [Shabanova L. B., Yunusova R. S. Analysis of liquidity and solvency of tourism industry enterprises. *Economics and management: problems, solutions*, 2021, 4(12): 35–46. (In Russ.)] https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.12.04.006
11. Юсупова Г. Р. Оценка эффективности планирования социально-экономического развития региона. *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 3-1. С. 390–392. [Yusupova G. R. Assessment of efficiency of planning of social and economic development of the region. *Economics and entrepreneurship*, 2016, (3-1): 390–392. (In Russ.)] EDN: VUEEAF
12. Шафранская Ч. Я., Абулханова Г. А., Халиуллин А. Р Экономическая поддержка бизнеса в России в период пандемии коронавирусной инфекции. *Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук: сб. науч. трудов, приуроченный к году науки и технологий*. Нальчик: КБГУ, 2021. С. 260–263. [Shafranskaya Ch. Ya., Abulkhanova G. A., Khaliullin A. R. Economic support of business in Russia during the coronavirus pandemic. *Topical issues of humanities and social sciences*: *Coll. of Sci. Papers dedicated to the Year of Science and Technology*. Nalchik: KBSU, 2021, 260–263. (In Russ.)] EDN: QBILZI
13. Валеева Р. Р. Устойчивое региональное развитие в условиях пандемии (на примере Приволжского федерального округа). *Цифровая экономика: тенденции и перспективы развития в России и мире:* сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Нальчик, 23–24 апреля 2021 г.) Нальчик: КБГУ, 2021. С. 84–91. [Valeeva R. R. Sustainable regional development during the pandemic in the Volga Federal District. *Digital economy: trends and prospects of development in Russia and the world*: Proc. All-Russ. Sci. Conf. with internat. participation, Nalchik, 23–24 Apr 2021. Nalchik: KBSU, 2021, 84–91. (In Russ.)] EDN: NUPDZW
14. Лазицкая Н. Ф., Ладан А. Э. Современное состояние гостиничного туризма в Крыму. *Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма*: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 5-летию основания кафедры туризма Крымского университета культуры, искусств и туризма (Форос, 22–23 мая 2020 г.) Форос: Ариал, 2020. С. 147–152. [Lazitskaya N. F., Ladan A. E. Current state of hotel tourism in Crimea. *Priority directions and problems of development of domestic and international tourism*: Proc. V Internat. Sci.-Prac. Conf. dedicated to the 5th anniversary of the Department of Tourism of the Crimean University of Culture, Arts, and Tourism, Foros, 22–23 May 2020. Foros: Arial, 2020. 147–152. (In Russ.)] EDN: TFAOAH
15. Антонова А. А. Направления развития Республики Крым как перспективного курортно-туристического региона. *Трансформация национальной социально-экономической системы России*: мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30 ноября 2018 г.) М.: РГУП, 2019. С. 101–106. [Antonova A. A. Directions of development of the Republic of Crimea as a promising resort and tourist region. *Transformation of the national socio-economic system of Russia*: Proc. I Internat. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 30 Nov 2018. Moscow: RSUJ, 2019. 101–106. (In Russ.)] EDN: KBSJEI
16. Меньшикова Т. Н. Пространственный анализ развития туризма в регионах Арктической зоны Российской Федерации на основе кластерного подхода. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки*. 2019. № 2. С. 94–100. [Menshikova T. N. Spatial analysis of tourism development in the Arctic regions of Russia on the basis of the cluster approach. *Bulletin of the Moscow Regional State University, Series: Natural Sciences*, 2019, (2): 94–100. (In Russ.)] https://doi.org/10.18384/2310-7189-2019-2-94-100
17. Кургузкин Е. П. Развитие инклюзивного туризма на Камчатке. *Экотуризм как драйвер межрегионального взаимодействия*: сб. мат-лов I Междунар. науч.-практ. конф. (Петропавловск-Камчатский, 09 декабря 2021 г.) М.: Русайнс, 2022. С. 66–72. [Kurguzkin E. P. Development of inclusive tourism in Kamchatka. *Ecotourism as a driver of interregional interaction*: Proc. I Internat. Sci.-Prac. Conf., Petropavlovsk-Kamchatsky, 9 Dec 2021. Moscow: Rusains, 2022. 66–72. (In Russ.)] EDN: YRCWTW

18. Тарчоков С. К. О мерах по повышению доступности транспортных услуг в целях развития внутреннего туризма в Российской Федерации. *Научный вестник МГИИТ*. 2018. № 3. С. 70–77. [Tarchokov S. K. On measures to increase the availability of transport services for the development of domestic tourism in the Russian Federation. *Scientific Bulletin MSIIT*, 2018, (3): 70–77. (In Russ.)] EDN: XVACYH
19. Новгородова Т. А. Активный туризм в Республике Саха (Якутия) и барьеры его развития. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Науки о Земле*. 2018. № 1. С. 18–22. [Novgorodova T. A. Active tourism in the Republic of Sakha (Yakutia) and barriers to its development. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Earth Sciences"*, 2018, (1): 18–22. (In Russ.)] EDN: YTFGZK
20. Абулханова Г. А. Механизм поддержки малого и среднего бизнеса на региональном уровне. *Развитие инновационной экономики: достижения и перспективы*: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 ноября 2019 г.) М.: Московский университет имени С. Ю. Витте, 2019. С. 10–20. [Abulkhanova G. A. Mechanism for supporting small and medium-sized businesses at the regional level. *Development of innovative economy: achievements and prospects*: Proc. VI Internat. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 21 Nov 2019. Moscow: Moskovskii universitet imeni S. Iu. Vitte, 2019, 10–20. (In Russ.)] EDN: XFKAHI
21. Шафранская Ч. Я., Абулханова Г. А. Цифровая экономика как возможности и угрозы современности. *Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике*: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 06 декабря 2018 г.) Казань: Познание, 2018. С. 262–267. [Shafranskaya Ch. Ja., Abulhanova G. A. Digital economy as opportunitiy and threats of modernity. *Vector of development of managerial approaches in the digital economy*: Proc. All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Kazan, 6 Dec 2018. Kazan: Poznanie, 2018, 262–267. (In Russ.)] EDN: RAQVDO
22. Закиров И. В., Ясакова Т. Е. Внутренний туризм в России: современное состояние и точки роста. *Проблемы и перспективы развития туризма в Российской Федерации*: сб. научн. трудов. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. С. 133–141. [Zakirov I. V., Yasakova T. E. Domestic tourism in Russia: the current state and points of growth. *Problems and prospects of tourism development in the Russian Federation*: Coll. of Sci. Papers. Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 2020, 133–141. (In Russ.)] EDN: DUNNCL
23. Стреленко Т. Г. Развитие туризма в Приморском крае. Ч. 1: Современное состояние туристской отрасли Приморского края. Владивосток: ВГУЭС, 2015. 316 с. [Strelenko T. G. *Tourism development in Primorsky Krai. Pt. 1: The current state of tourism industry in Primorsky Krai*. Vladivostok: VSUES, 2015, 316. (In Russ.)]
24. Анисимова А. В., Пасько О. В. Роль сельского туризма и агротуризма в социально- экономическом развитии регионов. *Зеленый туризм в России: современное состояние, проблемы и перспективы развития*: сб. статей по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16 октября 2020 г.) М.: РЭУ Плеханова, 2021. С. 149–155. [Anisimova A. V., Pasko O. V. The role of rural tourism and agrotourism in the socio-economic development of regions. *Green tourism in Russia: the current state, problems and prospects of development*: Proc. Internat. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 16 Oct 2020. Moscow: Plekhanov RUE, 2021, 149–155. (In Russ.)] EDN: HORQZP
25. Ляшок С. С., Назарова Л. Х. Современное состояние и перспективы развития зимних видов спортивного туризма в России. *Вестник Национальной академии туризма*. 2019. № 4. С. 19–22. [Lyashok S. S., Nazarova L. H. Current state and prospects for winter sports tourism development in Russia. *Vestnik of National Tourism Academy*, 2019, (4): 19–22. (In Russ.)] EDN: XRUBIL
26. Гордеева Е. В., Каменская Л. А., Ульчева К. Е. Оптимизация развития внутреннего и въездного туризма в России. *Роль учета, контроля и управления в системе обеспечения устойчивого развития государственного и коммерческого секторов экономики*: мат-лы I Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. (Симферополь, 29 апреля 2021 г.) Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2021. С. 540–542. [Gordeeva E. V., Kamenskaya L. A., Ulcheva K. E. Optimization of the development of domestic and inbound tourism in Russia. *The role of accounting, control, and management in the system of ensuring sustainable development of the state and commercial sectors of the economy:* Proc. I All-Russ. Sci.-Prac. Conf. of students, postgraduates and young scientists. Simferopol, 29 Apr 2021. Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 2021. 540–542. (In Russ.)]
27. Алексеева Е. В., Ахтямов А. Р., Зарипов Р. А. Экологический туризм как новая тенденция развития туризма в России. *Экономическая безопасность: современные вызовы и поиск эффективных решений:* мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. (Москва, 19 ноября 2020 г.) М.: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2020. С. 825–833. [Alekseeva E. V., Akhtyamov A. R., Zaripov R. A. Ecological tourism as a new trend of tourism development in Russia. *Economic security: modern challenges and the search for effective solutions*: Proc. All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 19 Nov 2020. Moscow: Moskovskii universitet imeni S. Iu. Vitte, 2020. 825–833. (In Russ.)] EDN: KYGVXD

оригинальная статья

Развитие финансового контроля рисков инвестиционных проектов в кластерах

Выжитович Александр Михайлович
Сибирский институт управления – Филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Новосибирск
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия, Новосибирск
Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0003-0139-1317
vam_70@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2022. Принята после рецензирования 12.10.2022. Принята в печать 17.10.2022.

Аннотация: Представлена актуальная проблема разработки подходов к выявлению рисков мультиагентных инвестиционных проектов в рамках применяемых организационных механизмов в системе их финансового контроля для принятия адекватных мер по управлению рисками. Цель – разработать подходы к выявлению финансовых рисков мультиагентных инвестиционных проектов с бюджетным софинансированием на мезоуровне для применения в системе государственного и корпоративного финансового контроля. Определены специфические финансовые риски, характерные для взаимодействующих организаций различных форм собственности. Рассмотрены методические аспекты оценки рисков в результате предоставления недостоверной (неполной) информации, возврата в бюджет государственных субсидий, использованных с нарушением, и других рисков. Выполнен анализ показателей кластеров Новосибирской области, выбранных на основе технологии формирования списка компаний при помощи программного продукта *Контур. Фокус*. Предложены методические подходы к контролю рисков финансирования кластерных проектов: ключевые параметры модели контроля, процедуры оценки достоверности исходных данных; методика диагностики по списку участников проекта, метод интегральной оценки эффективности системы кластерного контроля. Они могут быть включены в основу комплексного подхода к развитию методологии управления рисками финансирования совместных кластерных проектов на мезоуровне для применения в системе государственного и корпоративного контроля.
Ключевые слова: достоверность, контроль, кластер, кластерный проект, мультиагентный инвестиционный проект, риск

Цитирование: Выжитович А. М. Развитие финансового контроля рисков инвестиционных проектов в кластерах. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 521–528. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-521-528

full article

Financial Management of Risks: Multi-Agency Investment Projects

Alexandr M. Vyzhitovich
Siberian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Novosibirsk
Institute of Economics and Industrial Engineering Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk
Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0003-0139-1317
vam_70@mail.ru

Received 1 Aug 2022. Accepted after peer review 12 Oct 2022. Accepted for publication 17 Oct 2022.

Abstract: Effective risk management needs new approaches to risk analysis, especially in multi-agent investment projects. The article focuses on cluster projects currently active in the Novosibirsk Region, as well as on specific financial risks that occur between interacting organizations of various ownership forms. The author studied the assessment methodology for risks that develop as a result of unreliable or incomplete information, violation of state subsidies, their repayment, etc. The analysis of Novosibirsk clusters involved the *Kontur. Focus* software. The proposed methods included defining key parameters of the control model, procedures for input reliability check, a diagnostic methodology for project members, and integrating the effectiveness of the cluster control system. These approaches and methods can be included in a new integrated approach to the mesolevel risk management of multi-agent cluster projects as part of state and corporate control.
Keywords: reliability, control, cluster, cluster project, multi-agent investment project, risk

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Citation: Vyzhitovich A. M. Financial Management of Risks: Multi-Agency Investment Projects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 521–528. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-521-528

Введение

В современных научных исследованиях, связанных с мезоэкономикой [1–4], создаваемые мезоэкономические системы рассматриваются с точки зрения реализации различных проектов, в том числе в промышленных и инновационных парках, промышленных и инновационных кластерах, в виде региональных инвестиционных проектов на основе государственно-частного (ГЧП) и муниципально-частного (МЧП) партнерства на условиях конкурсов и др.

Основное внимание в данной работе уделено исследованию контроля рисков кластерных проектов Новосибирской области (НСО). Потребность в изучении рисков взаимосвязей участников кластерных проектов вызвана недостаточной активностью деятельности отдельных кластеров в Сибири, что представляет из себя проблему, требующую решения.

С позиции мезоэкономической системы отмечаются институциональные особенности мультиагентных инвестиционных проектов, которые не только создают правила поведения, но и влекут неопределенность результатов взаимодействия, допускают возможность различных рисков. Данные проекты связаны с мультиагентным (смешанным) финансированием, привлечением ресурсов государственного и корпоративного происхождения. Число агентских взаимоотношений существенно возрастает при бюджетном софинансировании. Результаты взаимодействия носят вероятностный характер в зависимости от различных факторов и сценариев взаимодействия.

В исследованиях используется агент-ориентированное моделирование для изучения кооперационных и конкурентных взаимодействий между участниками кластерного проекта [5]; когнитивное моделирование кластера как институциональной системы с представлением системы взаимосвязей показателей и факторов взвешенным ориентированным графом. Исследование графа позволяет оценить влияние институциональных факторов на обобщенный показатель эффективности деятельности кластера [6].

В. М. Безденежных и А. А. Индарбаев, изучая методические подходы к анализу факторов риска мезоуровня инвестиционных проектов госпрограмм, предложили схему анализа факторов риска инвестиционных проектов госпрограмм регионального уровня для принятия решений [2].

Э. К. Тхакушинов уделял особое внимание проблемам управления инвестиционными рисками в условиях общесистемной модернизации региональной экономики и представил методический подход к суммарной оценке инвестиционного риска региона на основе суммы рисковых составляющих отдельных проектов [7].

О. Д. Гайша разработала систему финансового контроля промышленных кластеров в РФ, подсистемами которой являются законодательно определенный государственный финансовый контроль и негосударственный финансовый контроль с выделением превентивного, текущего и последующего видов финансового контроля [8].

Е. П. Ардашева отметила особенности локальных неформальных мезоэкономических систем не столько с позиции выполнения функции защиты и самосохранения, сколько получения синергетических эффектов в силу объединения потенциалов различных, остающихся при этом самостоятельными, субъектов; распределения инновационных рисков между участниками (и, как правило, государством), но подробно механизмы контроля рисков не рассматривала. Кластерный проект как проект в мезоэкономической структуре (системе) характеризуется многообразием и сложностью взаимосвязей его участников, включая институциональные связи [1].

Анализ отечественной литературы [9–25] и нормативных документов показал отсутствие информации о вопросах контроля рисков финансирования кластерных проектов с позиции кластеров как мезосистемы. Проблемы и вопросы институциональных механизмов и методов контроля рисков кластерных проектов в системе государственного и корпоративного финансового контроля раскрыты недостаточно.

Условия для успешного функционирования кластеров описаны зарубежными учеными, которые выделяли конкуренцию, институциональные условия, региональную кластерную политику и другие факторы, влияющие на развитие кластеров [26–29]. Представлены различные подходы с позиции риск-менеджмента, однако вопросы финансового контроля рисков не рассматривались.

По данным годового отчета Контрольно-счетной палаты Новосибирской области за 2021 г.[1], выявленные нарушения и недочеты в работе государственных и муниципальных органов показывают, что реализация инвестиционных и инфраструктурных проектов, социальные и бюджетные результаты мер господдержки недостаточно эффективны.

По мнению автора, причиной нарушений может быть то, что риски не учитываются в полном объеме разработчиками проектов. Недостатки в выявлении рисков

[1] Годовой отчет о деятельности за 2021 г. *Контрольно-счетная палата Новосибирской области*. URL: https://ksp.nso.ru/sites/ksp.nso.ru/wodby_files/files/page_91/godovoy_otchet_za_2021_god.pdf (дата обращения: 29.07.2022).

и управлении ими могут проявляться и в деятельности государственных и муниципальных органов. Проблемной областью становится недостаточность проработки организационного и методического инструментария контроля рисков. Возникает потребность в трансформации системы контроля рисков финансирования кластерных проектов как механизма совершенствования институциональной среды кластеров и кластерной политики.

Методы и материалы

Информационную базу исследования составили законодательные и нормативные документы федерального уровня и Новосибирской области; данные сайтов, раскрывающих информацию публичных организаций с внутренними документами по вопросам внутреннего контроля и управления рисками; открытые данные об актах ревизий организаций различных форм собственности; классификаторы нарушений контрольно-счетных органов и Федерального казначейства; методики банков и компаний по управлению рисками; примеры чек-листов и тестовых таблиц по проверке системы управления рисками; стандарты и методические материалы по государственному (муниципальному) внешнему и внутреннему финансовому контролю. Использовались отчеты о деятельности контрольно-надзорных органов; данные Госкомстата; информационные материалы из программы *Контур. Фокус* с финансовыми данными и схемами взаимосвязей участников кластеров; открытые официальные данные инвестиционных порталов, институтов развития; отчеты о выполнении государственных и целевых программ; реестры инвестиционных проектов НСО; материалы карты кластерного развития России; программы развития кластеров НСО и документы по организации их деятельности; материалы Центра кластерного развития НСО; информационные и аналитические обзоры органов власти и институтов развития; материалы ежегодного Международного форума технологического развития «Технопром» г. Новосибирск; данные федеральной платформы «Инвестиционные проекты» и др.

На базе этой информации определены параметры для моделей контроля кластерных проектов. Предложен метод интегральной оценки эффективности системы управления рисками на основе формулы ее расчета с учетом вида контроля, его веса в контроле над рисками, уровня достоверности информации. В отношении эффективности внутреннего и внешнего контроля был применен метод балльных оценок.

Изучен опыт работы АО «ПФ "СКБ Контур"» и разработанных программных продуктов. Это позволило создать алгоритм применения специального сервиса по работе со списками компаний каждого кластера в программе *Контур. Фокус*. Электронные выборки, полученные путем экспорта данных, преобразованы в аналитические таблицы с комментариями.

Результаты

Проблемные аспекты контроля рисков в кластерах

В деловом обороте существует такой термин, как *мультиагентный инвестиционный проект*, однако в научных публикациях он не применяется. Исходя из этого, автором представлено собственное его понимание – проект мезоэкономической системы, реализуемый на определенной территории под влиянием многоуровневой контрольной среды с использованием нескольких способов финансирования, в который многообразными и сложными связями на основе принципа доверия вовлечено существенное число участников разного статуса, ведущих уникальную совместную деятельность на условиях долговременности сотрудничества с наличием специфических рисков.

Согласно определению риска в международном стандарте ISO 31000 «Менеджмент риска – Руководство, 2018»[2], риск кластерного проекта рассматривается как возможность отклонения результатов его деятельности от запланированных в условиях неопределенности.

Переформулирование желаемых результатов Концепции развития риск-ориентированного подхода[3] в проблемную плоскость показывает, что финансовый контроль требует доработки. В том числе это касается: нерационального использования ресурсов ввиду их недостаточной концентрации на объектах аудита и областях с высокими уровнями рисков; низкой доли охвата объектов аудита и областей, характеризующихся высокими уровнями рисков, контрольными и экспертно-аналитическими мероприятиями; недостаточной гибкости и медленной скорости реагирования на новые вызовы, изменения внешней среды, изменения в деятельности объектов аудита и областей рисков за счет мониторинга и переоценки рисков; сложности в развитии систем управления рисками объектов аудита и в областях рисков. Данная ситуация характерна и для региональных муниципальных контрольно-счетных органов.

Наличие сложных проблем в системе финансового контроля рисков мультиагентных инвестиционных проектов с бюджетным софинансированием, включающей федеральный, региональный, муниципальный и корпоративный уровни органов контроля, требует решения. Актуальной становится потребность в развитии данной системы с позиции реальной эффективности, а не декоративности (формального выполнения и подготовки нужных отчетов).

[2] Международный стандарт ISO 31000. Менеджмент риска – Руководство, 2018. URL: https://iso-management.com/wp-content/uploads/2019/03/ISO-31000-2018.pdf (дата обращения: 29.07.2022).

[3] Концепция риск-ориентированного подхода в Счетной палате РФ. М., 2021. С. 19. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/598/r9mdtge15kxeekxbtgrcajbkyper8n2h.pdf (дата обращения: 29.07.2022).

Параметры модели контроля и оценка эффективности системы контроля рисков кластерного проекта

В ходе исследования была разработана группа параметров, используемых для составления будущей модели системы контроля рисков финансирования кластерных проектов на основе сценарного подхода (табл. 1). С помощью нее считается возможным определить основные финансовые и нефинансовые риски.

Табл. 1 Параметры модели контроля
Tab. 1. Parameters of the control model

Параметр	Варианты детализации
Вид кластера	• промышленный • инновационный
Тип кластера	• вертикальный • горизонтальный
Отрасль	• может быть связан с несколькими отраслями
Связь с национальными проектами	• связан • не связан • не связан, но планируется
Включение в программы развития регионов	• включен • не включен • не включен, но планируется
Способы финансирования	• самофинансирование • выпуск акций • увеличение уставного капитала в неакционерных компаниях • кредитное финансирование • займы собственников компаний кластера • выпуск облигаций • лизинг • бюджетное финансирование через субсидии и иные меры • проектное финансирование • налоговые льготы, преференции • другие
Наличие связей с другими кластерами	• связан • не связан • не связан, но планируется
Наличие внешнеэкономической деятельности	• да • нет • нет, но планируется
Виды основных инвесторов	• квалифицированные • неквалифицированные
Основные собственники участников кластера / Основные инвесторы кластерного проекта	• государственные • региональные • муниципальные • корпоративные • физические лица • наличие статуса нерезидента
Этап жизни проекта	• стадия разработки проекта • предынвестиционный • инвестиционный • запуск • производство • закрытие проекта
Участие в налоговом мониторинге	• да • нет • планируется • документы на рассмотрении ФНС
Связь с ГЧП / МЧП	• ГЧП (1 проект) • ГЧП (более 1 проекта) • МЧП (1 проект) • МЧП (более 1 проекта) • нет

Используются показатели *оценка эффективности внутреннего контроля рисков* и *оценка эффективности внешнего контроля рисков*, которые оцениваются от 1 до 10. Индекс эффективности условно принимает значения от 0,1 до 1. С позиции важности экспертными методами им присваиваются веса – $Вес_1$ и $Вес_2$ от 0,1 до 0,5. Коэффициент достоверности информации $К_{ди}$ принимает значения от 0 до 1. Таким образом, формула интегрированного показателя (коэффициента) оценки эффективности системы контроля рисков кластерного проекта может иметь вид:

$$И_{эф} = О_{эф1} \times Вес_1 \times К_{ди1} + О_{эф2} \times Вес_2 \times К_{ди2}$$

где $О_{эф1}$ – оценка эффективности внутреннего контроля рисков; $Вес_1$ – вес показателя $О_{эф1}$ в общей оценке; $К_{ди1}$ – коэффициент достоверности информации для $О_{эф_1}$; $О_{эф2}$ – оценка эффективности внешнего контроля рисков; $Вес_2$ – вес показателя $О_{эф2}$ в общей оценке; $К_{ди2}$ – коэффициент достоверности информации для $О_{эф2}$.

Предложена шкала оценки эффективности системы контроля рисков кластерного проекта: 9–10 баллов – эффективный контроль, 5–8 баллов – недостаточно эффективный, 1–4 баллов – неэффективный, 0 баллов – система контроля рисков отсутствует.

Данную формулу можно применять в рамках внутреннего и внешнего финансового контроля для оценки эффективности системы управления рисками кластерного проекта путем встраивания в модель, представленную ранее в статье «Развитие системы контроля рисков финансирования совместных кластерных проектов» [30].

Современные информационные технологии в системе контроля рисков кластерных проектов

С позиции участия различных субъектов система контроля рисков кластерных проектов рассматривается как многоуровневая. Она включает такие взаимосвязанные элементы, как заинтересованные лица (стейкхолдеры),

механизмы финансирования, нормативные правила по способам финансирования и их контроля. Широкий круг задач в условиях ограниченности ресурсов создает потребность в совершенствовании организационного механизма контроля путем применения современных информационных технологий.

Исследование опыта работы АО «ПФ "СКБ Контур"» и разработанных программных продуктов позволило составить авторский подход применения специального сервиса по работе со списками компаний в программе *Контур. Фокус*. В табл. 2 рассмотрены показатели компании по финансовым результатам на 31.12.2020.

Наличие значительной доли убыточных компаний в каждом кластере свидетельствует о недостаточно эффективном управлении, в том числе за счет недостатков в системе внутреннего контроля и управления рисками. В табл. 3 представлена статистика по рейтингу финансового состояния компаний в каждом кластере.

В каждом кластере есть компании с неудовлетворительной рейтинговой оценкой финансового состояния, что может быть вызвано различными факторами. Уровень рисков можно оценить как высокий.

Анализ отрицательных финансовых индикаторов может быть выполнен на основе информации о негативной динамике объема консолидированного баланса группы по сравнению с предыдущим отчетным периодом; негативных трендов показателей оценки финансового состояния за 2019–2020 гг. по каждому участнику кластера из его финансовой оценки; данных о негативных событиях по статусу взаимоотношений с налоговыми органами и другими организациями. Сведения о некоторых негативных индикаторах представлены в табл. 4.

Во всех кластерах присутствуют такие отрицательные индикаторы, как просроченная налоговая задолженность, наличие решений налоговых органов о приостановках по расчетным счетам организации, признаки процедуры банкротства, факты выявления недостоверных отчетных и иных данных у налоговых органов. Другими отрицательными индикаторами являются показатели по судебным разбирательствам. Консолидированные данные по компаниям представлено в табл. 5.

Анализ показывает, что в каждом кластере у участников возникают ситуации невыполнения договорных обязательств.

Используемый методический подход способствует выявлению различных рисков инвестиционных проектов, в том числе:

- получения недостоверных данных, которые могут привести к возникновению конфликтов между организациями в проекте;
- налоговых рисков участников инвестиционных проектов;
- репутационных рисков участников проекта;
- неэффективной системы внутреннего контроля компаний;

Табл. 2. Число прибыльных и убыточных организаций в кластерах НСО согласно выручке и балансу на 31.12.2020, тыс. руб.
Tab. 2. Profitable and unprofitable organizations in the Novosibirsk Region clusters as of December 31, 2020, thousand rubles

Кластеры	Баланс	Выручка	Прибыльные компании	Убыточные компании
К1	13502253	14174063	22	5
К2	410002	534194	2	6
К3	18068120	20350424	41	11
К4	5579608	3501787	1	–
К5	29248381	36577193	174	68

Прим.: В связи с конфиденциальностью информации приведены условные названия кластеров.

Табл. 3. Рейтинговая оценка финансового состояния на 01.11.2021, число компаний
Tab. 3. Rating financial assessment as of November 1, 2021, number of companies

Итоговый рейтинг финансового состояния	К1	К2	К3	К4	К5
Отличные (AAA)	7	9	16	–	4
Очень хорошие (AA)	10	5	16	–	5
Хорошие (A)	4	3	13	1	2
Положительные (BBB)	4	3	16	–	5
Нормальные (BB)	5	9	16	–	2
Удовлетворительные (B)	7	1	7	–	4
Неудовлетворительные (CCC)	4	6	6	1	6
Плохие (CC)	1	6	6	1	–
Очень плохие (C)	2	2	6	2	5
Критические (D)	3	2	8	1	3

Табл. 4. Статистика отрицательных индикаторов в кластерах НСО
Tab. 4. Negative indicators in the Novosibirsk clusters

Кластеры	Отрицательные финансовые индикаторы	Налоговая задолженность	Решения налоговых органов о приостановках по расчетным счетам	Признаки процедуры банкротства	ФНС: сведения недостоверны
К1	3	2	3	–	3
К2	6	3	3	1	–
К3	10	1	2	–	5
К4	–	–	1	–	–
К5	52	13	12	3	7

- неэффективной кооперации юридических лиц;
- ухудшения финансового положения компании после возврата государственных субсидий при невыполнении целевых показателей.

Информационная технология, реализованная в рамках программного продукта *Контур. Фокус*, в условиях ограничений доступа к коммерческим данным расширяет возможности оперативной и мобильной проверки сведений, снижает операционные риски невыявления важной информации.

Расчет интегрированного показателя (коэффициента) оценки эффективности системы контроля рисков кластерного проекта на основе полученных данных о позитивных и негативных индикаторах из программного продукта *Контур. Фокус* может быть выполнен с применением табл. 6. Балльные оценки приведены условно как пример мнения экспертов.

Табл. 5. Статистика судебных разбирательств в кластерах НСО на 01.11.2021
Tab. 5. Court proceedings in the Novosibirsk clusters as of Nov 1, 2021

Кластеры	Исполнительные производства, тыс. руб.	Исполнительные производства, кол-во	Сумма судебных исков за 12 мес., где субъект выступает ответчиком, тыс. руб.	Ответчик, за 12 мес., кол-во	Сумма судебных исков за 12 мес., где субъект выступает истцом, за 12 мес., тыс. руб..	Истец, за 12 мес., кол-во
К1	1054	4	9390	77	20101	40
К2	1269	23	874	3	275	2
К3	259	1	337769	20	23121	25
К4	–	–	19 490	11	21640	11
К5	76820	66	183841	145	251139	188

Табл. 6. Балльная оценка эффективности системы контроля рисков кластерного проекта
Tab. 6. Effectiveness of the cluster project risk control system, points

Кластеры	$О_{эф1}$	$Вес_1$	$К_{ди1}$	$О_{эф2}$	$Вес_2$	$К_{ди2}$	$И_{эф}$	Оценка
К1	6	0,5	0,5	7	0,5	0,5	3,25	3
К2	5	0,5	1,0	8	0,5	1,0	6,50	2
К3	6	0,5	0,5	6	0,5	0,5	3,00	4
К4	5	0,5	1,0	9	0,5	1,0	7,00	1
К5	4	0,5	0,4	5	0,5	0,4	1,80	5

Сценарий выбран со следующими условиями: есть сведения о результатах работы внешних контролирующих органов по выявлению рисков и эффективному реагированию в кластерах в плане исправления недостатков, оценка по внутреннему контролю определена примерно на основе отрицательных индикаторов и условных экспертных суждений, веса распределены равномерно, информация о достоверности сведений использована из табл. 4.

Заполненная на основе условных данных таблица позволяет сравнить полученные интегральные значения ($И_{эф}$), определить влияние элементов формулы расчета и составить рейтинг по уровню эффективности системы контроля рисков кластерного проекта. Для рассмотренного примера максимальная оценка *эффективный контроль* не достигнута, что свидетельствует о недостатках различного масштаба и необходимости принятия мер по повышению эффективности управления рисками.

Заключение

Апробированный методический подход к контролю рисков финансирования совместных инвестиционных проектов, включающий систему ключевых параметров (целевых индикаторов) модели контроля, процедуры оценки достоверности исходных данных и методику диагностики по списку участников проекта, может быть включен в основу комплексного подхода к развитию методологии управления рисками в финансировании совместных кластерных проектов на мезоуровне для применения в системе государственного и корпоративного контроля. Подход предлагается использовать органам внешнего и внутреннего контроля для оценки текущей ситуации и определения необходимости разработки предложений по совершенствованию системы управления рисками в кластерах.

Использование принципа достоверности в формировании методических основ экспертизы в процессе контроля видов договоров и оценки их рисков является приоритетным в работе специализированной организации и предприятий кластера. Потребность в высокой скорости выдачи экспертных заключений без ущерба качеству финансового контроля рисков мультиагентного инвестиционного проекта создает мотивацию к активному использованию цифровых информационных технологий, позволяющих получать данные с ограниченным доступом. При оценке налоговых рисков кластерных и иных инвестиционных проектов возможно использование методологии налогового мониторинга.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках приоритетного направления 5.6.1.5 (проект 5.6.1.5. (0260-2021-0002) Интеграция и взаимодействие мезоэкономических систем и рынков в России и ее восточных регионов: методология, анализ, прогнозирование) плана НИР ИЭОПП СО РАН 2022 г.

Funding: The research was part of Priority Project No. 5.6.1.5. (0260-2021-0002): "Integration and interaction of mesoeconomic systems and markets in Russia and its eastern regions: methodology, analysis, and forecasting" at the Institute of Economics and Industrial Engineering in 2022.

Литература / References

1. Ардашева Е. П. Типология мезоэкономики. *Вестник технологического университета*. 2007. № 3-4. С. 218–229. [Ardasheva E. P. Typology of mesoeconomics. *Vestnik tekhnologicheskogo universiteta, 2007*, (3-4): 218–229. (In Russ.)] EDN: IJWAZF
2. Безденежных В. М., Индарбаев А. А. Методические подходы к анализу факторов риска мезоуровня инвестиционных проектов госпрограмм. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2020. № 3. С. 55–60. [Bezdenezhnykh V. M., Indarbaev A. A. Methodological approaches to the analysis of risk factors of mesolevel investment projects of state programs. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2020, (3): 55–60. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-3-55-60
3. Марков Л. С., Ягольницер М. А. Мезоэкономические системы: проблемы типологии. *Регион: Экономика и Социология*. 2008. № 1. С. 18–44. [Markov L. S., Yagolnitser M. A. Meso-economic systems: issues of typology. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2008, (1): 18–44. (In Russ.)] EDN: IXVYUN
4. Мезоэкономика: элементы новой парадигмы, ред. В. И. Маевский, С. Г. Кирдина-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2020. 123 с. [*Mesoeconomics: elements of a new paradigm*, eds. Maevsky V. I., Kirdina-Chandler S. G. Moscow: IE RAS, 2020, 123. (In Russ.)] EDN: RAKJZP
5. Бурук А. Ф., Котёлкин Д. Д., Марков Л. С. Кластерный проект: понятия, типология, подходы к моделированию. *Мир экономики и управления*. 2017. Т. 17. № 3. С. 132–142. [Buruk A. F., Kotelkin D. D., Markov L. S. Cluster project: concepts, typology and modeling approaches. *World of Economics and Management*, 2017, 17(3): 132–142. (In Russ.)] https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-132-142
6. Колобова Е. А., Колобов А. Д., Теплова И. Г., Ягольницер М. А. Когнитивная модель кластера как институциональной системы. *Креативная экономика*. 2017. Т. 11. № 10. С. 1039–1056. [Kolobova E. A., Kolobov A. D., Teplova I. G., Yagolnitser M. A. Cognitive model of cluster as an institutional system. *Kreativnaya ekonomika*, 2017, 11(10): 1039–1056. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/ce.11.10.38416
7. Тхакушинов Э. К. Система оценивания инвестиционного риска региональной структуры. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 12-3. С. 507–511. [Tkhakushinov E. K. System of estimation of investment risk of regional structure. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovanii*, 2015, (12-3): 507–511. (In Russ.)] EDN: VBUMKP
8. Гайша О. Д. Контроль эффективности финансирования кластера производителей нефтегазового и химического оборудования Воронежской области. *Вестник университета*. 2020. № 5. С. 169–177. [Gaisha O. D. Monitoring the effectiveness of financing a cluster of oil and gas and chemical equipment manufacturers of the Voronezh region. *Vestnik universiteta*, 2020, (5): 169–177. (In Russ.)] https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-5-169-177
9. Барикаев Е. Н. Управление предпринимательскими рисками в системе экономической безопасности. М.: ЮНИТИ, 2008. 94 с. [Barikaev E. N. *Management of entrepreneurial risks in the system of economic security.* Moscow: IUNITI, 2008, 94. (In Russ.)] EDN: QTHCSR
10. Веселовский М. Я., Погодина М. Е. Управление рисками в формирующихся инновационных территориальных кластерах. *Вопросы региональной экономики*. 2015. № 1. С. 147–153. [Veselovsky M. Y., Pogodina M. E. Risk management in an emerging regional innovation clusters. *Problems of regional economy,* 2015, (1): 147–153. (In Russ.)] EDN: TXJNEB
11. Костина Е. И. Управление финансовыми рисками в региональных кластерах. *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2014. № 3. [Kostina E. I. Financial risk management in regional clusters. *Management of economic systems: electronic scientific journal*, 2014, (3). (In Russ.)] EDN: SCPNZB
12. Кузнецов А. В. Краткий обзор многоагентных моделей. *Управление большими системами: сборник трудов*. 2018. № 71. С. 6–44. [Kuznetsov A. V. The short review of multi-agent models. *Large-Scale Systems Control*, 2018, (71): 6–44. (In Russ.)] EDN: TGAEJQ
13. Литвинова А. С. Особенности реализации кластерной политики в Российской Федерации. *Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право*: сб. науч. труд. конф. (Севастополь, 26–30 апреля 2017 г.) Симферополь: Ариал, 2017. С. 94–98. [Litvinova A. S. Features of cluster policy implementation in the Russian Federation. *Management in the context of global transformations: economics, politics, and law*: Proc. Sci. Conf., Sevastopol, 26–30 Apr 2017. Simferopol: Arial, 2017, 94–98. (In Russ.)] EDN: ZBRXXP

14. Марков Л. С. Теоретико-методологические основы кластерного подхода. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 299 с. [Markov L. S. *Theoretical and methodological foundations of the cluster approach*. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2015, 299. (In Russ.)] EDN: VDQSIX
15. Марков Л. С., Курмашев В. Б., Бурук А. Ф. Особенности мониторинга региональной кластерной политики. *Мир экономики и управления.* 2018. Т. 18. № 3. С. 91–103. [Markov L. S., Kurmashev V. B., Buruk A. F. Peculiarities of regional cluster policy monitoring. *World of Economics and Management*, 2018, 18(3): 91-103. (In Russ.)] https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-3-91-103
16. Марков Л. С., Курмашев В. Б., Низковский А. Ю. Федеральная и региональная кластерная политика России. *Мир экономики и управления*. 2017. Т. 17. № 4. С. 107–121. [Markov L. S., Kurmashev V. B., Nizkovskiy A. Yu. Russian cluster policy in the context of cooperation. *World of Economics and Management*, 2017, 17(4): 107–121. (In Russ.)] https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-4-107-121
17. Митрофанова И. В., Иванов Н. П., Митрофанова И. А., Жуков А. Н. Российские территориальные мегапроекты: риски реализации в условиях неопределенности. *Известия Волгоградского государственного технического университета.* 2016. № 16. С. 104–113. [Mitrofanova I. V., Ivanov N. P., Mitrofanova I. A., Zhukov A. N. Russian territorial megaprojects: risks of realization in the conditions of uncertainty. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2016, (16): 104–113. (In Russ.)] EDN: XQTTHP
18. Плотников В. А. Риски реализации кластерной политики. *Вопросы безопасности*. 2015. № 2. С. 8–24. [Plotnikov V. A. The risks of cluster policy. *Security Issues*, 2015, (2): 8–24. (In Russ.)] https://doi.org/10.7256/2409-7543.2015.2.15878
19. Степанов М. А. Риски кластерного развития территорий. *Вестник науки и образования Северо-Запада России.* 2015. Т. 1. № 3. С. 142–147. [Stepanov M. A. Risks of cluster development of territories. *Journal of Science and Education of North-West Russia*, 2015, 1(3): 142–147. (In Russ.)] EDN: VPIGBN
20. Стрельник М. М. Источники финансирования кластера и его участников. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 9-1. С. 155–165. [Strelnik M. M. Sources of cluster and its members financing. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2020, (9-1): 155–165. (In Russ.)] https://doi.org/10.17513/vaael.1316
21. Стрельник М. М., Тишков П. И. Управление рисками предприятия в условиях кластера. *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. [Strelnik M. M., Tishkov P. I. Enterprise risk treatment in the conditions of cluster. *Modern Problems of Science and Education*, 2014, (6). (In Russ.)] EDN: TGQIHN
22. Тиньгаев А. М. Совершенствование механизма финансирования инновационных кластеров региона. дис. … канд. экон. наук. Саранск, 2014. 194 с. [Tingaev A. M. *Improving the financing mechanism for innovative clusters in the region.* Cand. Econ. Sci. Diss. Saransk, 2014, 194. (In Russ.)]
23. Узбекова А. С., Плеханова А. Ф., Шибанов Н. А. Риски кластерных образований и их субъектов. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.* 2015. № 3. С. 70–76. [Uzbekova A. S., Plekhanova A. F., Shibanov N. A. The risks of clusters and their participants. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2015, (3): 70–76. (In Russ.)] EDN: UYZVRH
24. Ханнанова Р. Т. Оценка рисков и динамики развития отраслевых кластеров в процессе управления региональной экономикой. *Российское предпринимательство*. 2011. № 3-2. С. 165–169. [Hannanova R. T. Assessing risks and development dynamics of industrial clusters when managing regional economy. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, 2011, (3-2): 165–169 (In Russ.)] EDN: NEAEHV
25. Чернявская Ю. А. Модели финансирования кластерных проектов в современных условиях. *Экономика: вчера, сегодня, завтра.* 2017. Т. 7. № 7А. С. 134–142. [Chernyavskaya Yu. A. The model of financing of the cluster projects in modern conditions. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 2017, 7(7A): 134–142. (In Russ.)] EDN: YMWVWZ
26. Bergman E. M., Feser E. J. *Industrial and regional clusters: concepts and comparative applications*. WVU Research Repository, 2020.
27. Fritz O. M., Mahringer H., Valderrama M. T. A risk-oriented analysis of regional clusters. *Clusters and Regional Specialization: on geography, technology and networks*, ed. Steiner M. London: Pion, 1998, 181–191.
28. Andersson T., Schwaag-Serger S., Sörvik J., Hansson E. W. *The Cluster Policies Whitebook*. Malmö: International Organisation for Knowledge Economy and Enterprise Development, 2004, 252.
29. Barkley D. L., Henry M. S. *Advantages and disadvantages of targeting industry clusters*: Redrl research report 09-2001-01. Clemson: Regional Economic Development Laboratory, Clemson University, 2001. https://doi.org/10.22004/ag.econ.18792
30. Выжитович А. М., Комаров В. Ф. Развитие системы контроля рисков финансирования совместных кластерных проектов. *Интерэкспо ГЕО-Сибирь*. 2021. Т. 3. № 1. С. 162–170. [Vyzhitovich A. M., Komarov V. F. Development of the system of risk control of financing of joint cluster projects. *Interekspo GEO-Sibir,* 2021, 3(1): 162–170. (In Russ.)] https://doi.org/10.33764/2618-981X-2021-3-1-162-170

оригинальная статья

Оценка экономической эффективности работы нефтедобывающей компании в условиях перехода на режим с налогом на добавленный доход

Камдина Людмила Владимировна
Челябинский государственный университет,
Россия, Челябинск
https://orcid.org/0000-0003-2028-5763
kamdina_prof@mail.ru

Симченко Ольга Леонидовна
Ижевский государственный университет
им. М. Т. Калашникова, Россия, Ижевск

Поступила в редакцию 21.06.2022. Принята после рецензирования 25.07.2022. Принята в печать 19.09.2022.

Аннотация: Рассмотрен налоговый режим с налогом на дополнительный доход, основным принципом которого является вычет налога с финансового результата, а не с валовых показателей добычи, как в случае с налогом на добычу полезных ископаемых. Проанализирован принцип начисления налога для нефтедобывающей компании. Выявлены преимущества и недостатки нового фискального режима налога на дополнительный доход. Проведен расчет эффективности эксплуатации Архангельского месторождения при двух фискальных режимах, на основании которого сделан вывод, что переход на налог на дополнительный доход снизит налоговую нагрузку для компании. Предложена модель эффективной эксплуатации месторождений в условиях перехода, позволяющая управлять экономической эффективностью через рычаги воздействия на величину показателей (налогооблагаемая прибыль, чистая прибыль, капитальные вложения, чистый денежный поток, чистая приведенная стоимость). Проведен стресс-анализ различных факторов, влияющих на величину налога. Определена зависимость величины чистой приведенной стоимости от уровня добычи комплекса сценарных условий при двух фискальных режимах; от комплекса сценарных условий и удельных затрат на 1 скважину и 1 тонну нефти; от уровня добычи и удельных затрат на 1 скважину и 1 тонну нефти. Результаты показали, что с помощью предлагаемой модели можно управлять величиной различных показателей для достижения оптимальных значений чистой приведенной стоимости. Была выявлена целесообразность перехода на налог на финансовый результат по экономическим показателям: увеличение чистой приведенной стоимости, снижение налоговой нагрузки, сохранение рентабельной эксплуатации при увеличении затрат.

Ключевые слова: нефтегазовые компании, фискальный режим, эффективная эксплуатация месторождений, системы налогообложения, налоговая нагрузка, экономическая эффективность

Цитирование: Камдина Л. В., Симченко О. Л. Оценка экономической эффективности работы нефтедобывающей компании в условиях перехода на режим с налогом на добавленный доход. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 4. С. 529–535. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-529-535

full article

Economic Efficiency Assessment of Oil Producers during the Transition to Added Income Tax

Liudmila V. Kamdina
Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk
https://orcid.org/0000-0003-2028-5763
kamdina_prof@mail.ru

Olga L. Simchenko
Izhevsk State University named after M. T. Kalashnikov,
Russia, Izhevsk

Received 21 Jun 2022. Accepted after peer review 25 Jul 2022. Accepted for publication 19 Sep 2022.

Abstract: Additional income tax depends on the financial result, not on the gross production indicators, as is the case of the mineral extraction tax. The authors described the advantages and disadvantages of the new fiscal regime of additional income tax and calculated it for the oil producing company Udmurtneft JSC. They also assessed the operation efficiency for the Arkhangelsk oil field under two fiscal regimes and concluded that the transition could eventually reduce the tax burden for the company. The article introduces a new model for efficient mineral extraction during transition to the additional income tax regime. The model provides economic efficiency through such indicators as taxable profit, net profit, capital

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

investments, net cash flow, and new present value. A stress analysis revealed various factors that affect the tax value, i.e., the dependence of the new present value on the production level under two fiscal regimes, the management system complex, unit costs per 1 well and 1 ton of oil, the production level and specific costs for 1 well and 1 ton of oil, etc. The efficiency calculations and stress tests showed that the proposed model can be used to control the value of various indicators to achieve optimal new present values. Switching to profit-based tax was found feasible in terms of economic indicators: a higher new present value, a lower tax burden, and more profit, even with increasing costs.
Keywords: oil and gas companies, fiscal regime, efficient exploitation of fields, taxation systems, tax burden, economic efficiency

Citation: Kamdina L. V., Simchenko O. L. Economic Efficiency Assessment of Oil Producers during the Transition to Added Income Tax. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 529–535. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-529-535

Введение

Важнейшим источником доходов бюджета любого государства являются налоги. В РФ на долю налоговых поступлений приходится примерно 75–85 % от общей величины доходов государственного бюджета. Из них около 53 % приходится на долю нефтегазовых компаний[1]. По утверждению Ю. Г. Богаткиной, И. А. Пономаревой и Н. А. Еремина, минеральный сектор является базовым для стран, обладающих запасами углеводородного сырья, что играет важнейшую роль в формировании доходов государственного бюджета и государственного экономического развития. Это относится и к ведущим промышленно развитым странам, и к странам с развивающейся экономикой [1].

В 2021 г. доля нефтяных доходов в бюджете РФ составила 7,5 тыс. млрд руб., что составляет треть всех денежных поступлений. Основную долю в них занимает налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), который является существенной налоговой нагрузкой нефтегазовых компаний [2]. Кроме этого, с 2019 г. налоговая нагрузка на нефтегазовые компании, занимающиеся деятельностью по поиску и оценке месторождений углеводородного сырья, разведке, добыче (извлечению из недр) углеводородного сырья; транспортировке углеводородного сырья, добытого на участке недр; подготовке углеводородного сырья до качества, при котором такое сырье признается товаром в отношении налогоплательщика; хранению углеводородного сырья; созданию объектов утилизации (переработки) попутного газа и др.[2] возросла за счет налога на дополнительный доход (НДД) от добычи углеводородного сырья (нефть обезвоженная, обессоленная и стабилизированная; газовый конденсат, прошедший технологию промысловой подготовки; попутный газ; газ горючий природный, за исключением попутного газа). Данный налог был введен в целях стимулирования добычи, в том числе на новых месторождениях, за счет временного перераспределения фискальной нагрузки и перехода налогообложения от оборотного к основанному на финансовых результатах[3] [3].

Самым большим вызовом для мировой и российской экономики, бюджетов стран и предприятий топливно-энергетического комплекса стало одновременное падение объемов производства в нефтегазовой отрасли и стагнация цен на углеводороды, последовавшие вслед за беспрецедентными изоляционными мерами в связи с распространением коронавируса в мире [4; 5].

По мнению Е. Н. Горбуновой, действующий фискальный налоговый механизм в нефтяной отрасли постепенно привел к созданию системы огромного разнообразия как налоговых, так и таможенных льгот, что ставит под угрозу эффективность налоговой системы в целом [6]. За последние 20 лет налоговое законодательство РФ в нефтегазовой отрасли потерпело ряд значительных изменений. В 2019 г. вступил в силу новый закон о налоге на дополнительный доход. Ряд компаний, в том числе и Роснефть, решили экспериментально опробовать на себе новый налог[4]. Изменения в налоговом кодексе не только меняют коэффициенты для месторождений, которые перешли на НДД, но и убирает часть уже существующих льгот по НДПИ для месторождений, которые не перешли на новый режим [7–10]. Кроме того, отменяются практически все льготы по экспортной пошлине для нефти. Взамен нефтегазовым компаниям предлагается добровольно-принудительно перейти на НДД [11; 12].

Т. Б. Лейберт, Э. А. Халикова и Я. Р. Даутова считают, что в условиях введения нового режима налогообложения для нефтегазовых компаний становится актуальной оценка экономической эффективности применения

[1] Налоговая нагрузка в отраслях: операция «Балансировка». *VYGON.Consulting*. URL: https://vygon.consulting/upload/iblock/269/vygon_consulting_tax_rent.pdf (дата обращения: 09.06.2021).

[2] Налоговый кодекс РФ № 117-ФЗ (ч. 2) от 05.08.2000 (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.01.2021). Глава 25.4. *СПС КонсультантПлюс*

[3] Налоги в нефтедобыче: реформа 2020. *VYGON.Consulting*. URL: https://vygon.consulting/upload/iblock/0b6/vygon_consulting_tax_reform_2020.pdf (дата обращения: 11.06.2022).

[4] Рост налоговой нагрузки на бизнес и население в 2019–2020 гг. URL: https://ce-na.ru/articles/finansy/rost-nalogov/ (дата обращения: 09.06.2021).

предлагаемый законодателем новой модели налогообложения, основанной на изъятии части дохода нефтегазовой компании [13].

Изменения в налоговом законодательстве напрямую затрагивают одну из крупнейших компаний, входящих в структуру ПАО «НК "Роснефть"» – ОАО «Удмуртнефть». Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед компанией, является оценка эффективности эксплуатации месторождений в условиях перехода на новый фискальный режим НДД с целью снижения налоговой нагрузки и повышения финансовых результатов ее деятельности.

По утверждению И. Л. Филимоновой, А. А. Комаровой, С. В. Кожевиной, фискальная нагрузка нефтяных компаний складывается как из нефтегазовых налогов (экспортная пошлина, НДД, НДПИ), так и общеотраслевых (акцизы, налог на имущество, налог на прибыль и др.) [14; 15].

В исследовании рассматривается налоговый режим с НДД. В настоящее время именно этому налогу уделяется особое внимание в нефтегазовых компаниях из-за неопределенности и трудности при его исчислении. В соответствии с НК РФ, НДД от добычи углеводородного сырья является прямым налогом, который начисляется на сумму дополнительного дохода от добычи углеводородного сырья на каждом участке недр, который рассчитывается как положительная разница между полученными на этом участке недр доходами и расходами [16; 17]. В случае, если размер минимального налога по участку недр больше, чем сумма налога, то налогом на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья признается минимальный налог. В результате введения данного налога Министерство финансов РФ ожидает от нефтегазовой отрасли дополнительные доходы в размере 237 млрд рублей в год.[5]

В связи с актуальностью перехода с действующего фискального режима (ДФР) на новый фискальный режим (НФР), целью данного исследования является создание модели для расчета эффективности эксплуатации месторождений в условиях перехода на НДД. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1. Проанализировать действующий и новый фискальный режимы для месторождений ОАО «Удмуртнефть».
2. Оценить эффективность перехода на НФР.
3. Выполнить стресс-анализ чувствительности чистой приведенной стоимости (NPV) к различным показателям при НФР.
4. На основе проведенного анализа выделить критерии эффективности НФР.
5. Подготовить оптимальную схему эксплуатации месторождений для снижения налоговой нагрузки в условиях НФР.

Для оценки экономической эффективности перехода на НФР были использованы официальные данные крупнейшей нефтедобывающей компании – ОАО «Удмуртнефть», основанной в 1967 г. Производственная деятельность компании охватывает 14 муниципальных районов, расположенных на севере, юге и в центральной части Удмуртской Республики. Компания является флагманом ТЭК Удмуртской Республики, на долю которого приходится почти 60 % всей нефтедобычи региона, стабильно обеспечивающей ежегодный уровень добычи около 6 млн т нефти. На начало 2019 г. объем накопленной добычи предприятия превысил 300 млн т нефти. Компания является не только крупнейшим работодателем и инвестором Удмуртской Республики, но и одним из крупнейших налогоплательщиков региона. С 2006 г. компания работает под управлением ПАО «НК "Роснефть"» и китайской нефтехимической корпорации «Sinopec» и осуществляет производственную деятельность на 66 лицензионных участках. На балансе предприятия 34 месторождения, 30 из которых относятся к разрабатываемым, 4 – к разведываемым[6].

Результаты

Основную долю в структуре себестоимости товарной продукции ОАО «Удмуртнефть» (далее Компания) составляют НДПИ и НДД (около 63 %). Данный показатель свидетельствует о высокой налоговой нагрузке Компании. При ДФР, НДПИ зависит от показателя добычи нефти. Переход Компании на НФР позволит снизить объем налоговых отчислений на 23 % путем регулирования величины таких факторов, как эксплуатационные и капитальные затраты, уровень добычи, цена нефти[7]. Сравним два режима на примере Архангельского нефтяного месторождения (табл. 1). Месторождение находится на четвертой стадии разработки и имеет высокие показатели затрат.

До 2019 г. размер НДПИ составлял 7627 руб. за т. После отмены льготы по выработанности запасов нефти (Кв) в 2019 г. увеличивается налоговая нагрузка и величина налога возрастает. Если Компания переходит на режим НДД, то ставка по НДПИ снижается примерно на 50 % плюс НДД. Можно сделать вывод о том, что переход на НФР является более выгодным для Компании.

Рассмотрим принцип расчета НДД для определения зависимости его величины:

НДД = Налоговая база по НДД × 50 % (ставка).

Налоговая база по НДД = Расчетная выручка – Затраты + + Фактические расходы, подлежащие восстановлению.

[5] Мы полюбить тебя заставим – Добровольно-принудительный переход на НДД в нефтянке. *Обобщение*. URL: https://www.interfax.ru/business/727964 (дата обращения: 10.06.2022).

[6] О компании ОАО «Удмуртнефть». Официальный сайт. URL: https://udmurtneft.rosneft.ru/ (дата обращения: 10.06.2022).

[7] Методические указания ОАО «Удмуртнефть». Оценка экономической эффективности бизнес-проектов № ПЗ-03 М-007, версия 2.00. 2019. https://vostokoil.rosneft.ru/upload/site1/document_file/a_report_2020.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

Табл. 1. Сравнение двух режимов на примере Архангельского н / м, руб / т
Tab. 1. Comparative analysis of two regimes: the Arkhangelsk oil field

Система налогообложения	НДПИ, руб. / т	НДПИ (НДД), руб. / т	НДД, руб. / т
ДФР	7627	–	–
НФР	10916	5343	2732
Итого, руб. / т	**10916**	**8075**	

Расчетная выручка = Цена Urals × $Q_{н,гк}$ + Цена газа × × $Q_г$ + 0,95 × Цена ПНГ × $Q_{пнг}$ + Доход от сдачи имущества в аренду.

Затраты = (Opex + Capex) + Расчетные расходы на транспортировку + НДПИ, налог на имущество, прочие налоги + Расчетная вывозная таможенная пошлина + + Исторические убытки.

Где: $Q_н$, $Q_г$, $Q_{пнг}$ – количество добытых нефти, газового конденсата, газа и попутного нефтяного газа; доход от сдачи имущества в аренду – доход от сдачи имущества, используемого в деятельности по добыче нефти участка недр оператору, оказывающему пользователю недр услуги по добыче нефти; Opex, Capex – в соответствии с п. 5–6 ст. 333.47 НК РФ, п. 2–4 ст. 333.47 НК РФ; расчетные расходы на транспортировку – затраты на транспортировку нефти и ГК от месторождения до мировых рынков нефтяного сырья, а также расходы на перевалку, слив, налив, погрузку и т. п.; исторические убытки – неучтенные убытки предыдущих налоговых периодов после введения НДД индексируются для целей НДД по ставке 16,3 % ежегодно. Основным принципом данной системы налогообложения является вычет налога с финансового результата, а не с валовых показателей добычи, как в случае с НДПИ. Основными показателями, влияющими на величину НДД, являются операционные и капитальные затраты, цена на нефть и уровень добычи Компании[8]. В ходе проектной работы был проведен расчет эффективности эксплуатации Архангельского месторождения при двух фискальных режимах. Результаты расчета по основным показателям представлены в табл. 2.

Переход на новый фискальный режим делает эксплуатацию Архангельского месторождения рентабельной. Экономический эффект достигается за счет снижения налоговой нагрузки.

На основании результатов расчета основных технико-экономических показателей была разработана модель эффективной эксплуатации месторождений в условиях перехода на режим НДД. Модель позволяет управлять экономической эффективностью через рычаги воздействия на величину показателей [18; 19].

Для определения чувствительности к зависимым показателям был проведен ряд стресс-тестов. Первый стресс-тест проводился для определения зависимости величины NPV от уровня добычи комплекса сценарных условий при двух фискальных режимах [20; 21]. При базовой добыче 0,04 млн т / г. и цене нефти $45,3 / барр при режиме НДПИ эксплуатация месторождения является нерентабельной (NPV = –235 млн руб.). Эффективности можно достичь только при цене нефти $150 / барр, что является недостижимым. С переходом на режим НДД при тех же базовых значениях добычи и цены нефти эксплуатация месторождения рентабельна (NPV = 157 млн руб.). Проведя стресс-тест на зависимость эффективности от цены нефти, можно сделать вывод, что при увеличении цены нефти до $60 / барр (что является допустимым) эффективность возрастает в 2,5 раза. Исходя из этого, перевод на НФР целесообразен для Архангельского месторождения.

Табл. 2. Эффективность двух режимов эксплуатации Архангельского месторождения, 2021–2040, млн
Tab. 2. Efficiency of two regimes: the Arkhangelsk oil field in 2021–2040, mln

Технико-экономические показатели	ДФР	НФР
Добыча нефти, т	0,48	
Валовая выручка, руб.	10906,00	
НДПИ, руб.	7411,00	3594,00
НДД, руб.	–	1922,00
Операционные затраты, руб.	4125,00	3326,00
EBITDA, руб.	–778,00	1116,00
Налогооблагаемая прибыль, руб.	–1086,00	807,00
Чистая прибыль, руб.	–640,00	879,00
Капитальные вложения, руб.	234,00	–
Чистый денежный поток, руб.	–796,00	720,00
NPV, руб.	–181,00	199,00

Второй стресс-тест проводился для определения зависимости величины NPV от комплекса сценарных условий (СУ) и удельных затрат на 1 скважину и 1 т нефти [22]. С учетом того, что Архангельское месторождение находится на четвертой стадии разработки, величина затрат при его эксплуатации высока (удельные затраты на 1 т нефти = 7000 руб., удельные затраты на 1 скважину = = 0,255 млн руб.). При таких условиях эксплуатация месторождения в обоих режимах нерентабельна. Оптимизируя величину затрат на 40 %, получаем эффективную эксплуатацию месторождения при НФР (NPV = = 199 млн руб.), при ДФР она остается нерентабельной (NPV = –181 млн руб.). В данном случае рычагом воздействия является управление уровнем затрат [23; 24].

[8] Анализ применение режима НДД в 2019–2020 гг. и предложения по повышению его бюджетной эффективности. *СПС КонсультантПлюс.*

Так как месторождение находится на завершающей стадии разработки, в перспективе возможно увеличение затрат на его эксплуатацию. Переход на режим НДД позволит дополнительно увеличить уровень затрат на 40 % с возвратом их базовых значений и сохранением рентабельности при увеличении цены на нефть до $60 / барр.

Третий стресс-тест проводился для определения зависимости NPV от уровня добычи и удельных затрат на 1 скважину и 1 т нефти. При текущих уровнях затрат эксплуатация месторождения при ДФР является невозможной даже при увеличении или уменьшении уровня добычи (NPV = –181 млн руб.). В данном режиме можно вывести месторождение в рентабельную эксплуатацию только при снижении затрат на 25 %, но это недостижимо с учетом стадии разработки месторождения. Большей эффективности при переводе месторождения на НФР можно достичь путем увеличения уровня добычи на 40 %. Данный эффект позволит увеличить показатель удельных затрат на 15 % или провести мероприятия по дополнительной добыче (ГТМ, ЗБС).

На основании анализа результатов расчета эффективности и стресс-тестов, можно сделать вывод, что с помощью предлагаемой модели можно управлять величиной различных показателей для достижения оптимальных значений NPV. Новый фискальный режим НДД имеет как преимущества, так и недостатки. К основным преимуществам налогового режима можно отнести:

- ориентация на рентабельность добычи углеводородов, т. е. на результат финансовой деятельности Копании;
- снижение налоговой нагрузки до полной окупаемости проекта;
- повышение интереса Компаний к вложению инвестиций в новые месторождения за счет высвобождения дополнительных средств
- стимулирование инвестирования новых технологий нефтедобычи, что приведет к увеличению текущего коэффициента извлечения нефти (КИН);
- ввод в промышленный оборот низкорентабельных месторождений, так как налог напрямую принимает во внимание географические и горно-геологические условия добычи сырья.

Среди недостатков можно выделить следующие:

- сложность расчета налоговой базы;
- необходимость точного и корректного анализа чувствительности при различных макроэкономических условиях.

Заключение

В ходе работы был проведен анализ нового фискального режима нефтегазовой отрасли – НДД. На его основании была разработана модель для расчета эффективности эксплуатации месторождений. Модель позволяет определять оптимальные диапазоны значений добычи и затрат и на основании этого управлять эффективностью месторождений. По результатам расчетов была выявлена целесообразность перехода на НФР со следующими экономическими показателями:

- увеличение NPV на 380 млн руб.;
- снижение налоговой нагрузки на 1 895 млн руб.;
- сохранение рентабельной эксплуатации при увеличении затрат на 40 %.

Данная модель предлагается к использованию во всех ДО ПАО «НК "Роснефть"».

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Л. В. Камдина (65 %) – подготовка исследования, его проведение, формирование концепции статьи, анализ результатов, их интерпретация; подготовка, создание и презентация начальной версии исследования и редактирование.
О. Л. Симченко (35 %) – предоставление материалов, ресурсов; согласование всех вариантов исследования.
Contribution: L. V. Kamdina (65 %) – preparation, research, concept of the article, analysis of the results, interpretation; preparation, creation and presentation of the initial version of the study, editing.
O. L. Simchenko (35 %) – materials, resources; coordination of all research options.

Литература / References

1. Богаткина Ю. Г., Пономарева И. А., Еремин Н. А. Применение информационных технологий для экономической оценки нефтегазовых инвестиционных проектов. М.: МАКС Пресс, 2016. 148 с. [Bogatkina Yu. G., Ponomareva I. A., Eremin N. A. *Using the information technologies for economic evaluation of oil and gas investment projects.* Moscow: MAKS Press, 2016, 148. (In Russ.)] EDN: VJVGIJ
2. Горохова В. И., Писарева Ю. С., Костенко Н. А. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы РФ за 2019–2020 год. *Актуальные вопросы права, экономики и управления*: сб. ст. XXVII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 10 декабря 2020 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 42–46. [Gorokhova V. I., Pisareva Yu. S., Kostenko N. A. Execution of the federal budget and budgets of the budgetary system of the Russian Federation for 2019–2020. *Topical issues of law, economics and management*: Proc. XXVII Internat. Sci.-Pract. Conf., Penza, 10 Dec 2020. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2020, 42–46. (In Russ.)] EDN: FIGQAS

3. Абдулкадыров А. С., Ефимова Д. В. Налоговое стимулирование инновационного развития нефтегазового сектора экономики России. *Современные проблемы управления природными ресурсами и развитием социально-экономических систем*: мат-лы XII Междунар. науч. конф. (Москва, 7 апреля 2016 г.) М.: МУИВ, 2016. 31–41. [Abdulkadyrov A. S., Efimova D. V. Innovative tax incentives of oil and gas sector of Russian economy. *Problems of modern science and education*: Proc. XII Internat. Sci. Conf., Moscow, 7 Apr 2016. Moscow: MUIV, 2016, 31–41. (In Russ.)] EDN: WFUQLZ
4. Сафонова Т. Ю. Эволюция налогообложения в нефтегазовой отрасли. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т 10. № 11. С. 2757–2790. [Safonova T. Yu. Evolution of taxation in the oil and gas industry. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo,* 2020, 10(11): 2757–2790. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/epp.10.11.111163
5. Журавлев Я. А. Анализ опыта ряда зарубежных стран в сфере налогообложения добычи нефти и газа. *Актуальные вопросы современной науки*: сб. тр. науч. конф. (Новосибирск, 10 марта 2017 г.) Новосибирск: ЦРНС, 2017. С. 233–241. [Zhuravlev Y. A. Analysis of the foreign experience in the field of taxation of oil and gas production. *Topical issues of modern science*: Proc. Sci. Conf., Novosibirsk, 10 Mar 2017. Novosibirsk: TSRNS, 2017, 233–241. (In Russ.)] EDN: TNGWKI
6. Горбунова Е. Н. К вопросу о введении налога на дополнительный доход в нефтяной отрасли. *Налоги и финансы*. 2018. № 3. С. 13–19. [Gorbunova E. N. On the introduction of excess profit tax in the oil industry. *Nalogi i finansy,* 2018, (3): 13–19. (In Russ.)] EDN: YSGDJZ
7. Будаев Т. С. Оценка необходимости реформирования системы налогообложения нефтяной отрасли. *Инновационные механизмы решения проблем научного развития*: сб. ст. Междунар. науч.- практ. конф. (Стерлитамак, 4 июня 2017 г.) Стерлитамак: АМИ, 2017. С. 172–178. [Budaev T. S. Assessing the need to reform the oil industry taxation system. *Innovative mechanisms for solving the problems of scientific development*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Sterlitamak, 4 Jun 2017. Sterlitamak: AMI, 2017, 172–178. (In Russ.)] EDN: YPTMNL
8. Моисеева М. А., Войшвилло И. Е., Милоголов Н. С. Налогообложение нефти и газа: тенденции развития. *Государственный университет минфина России. Финансовый журнал*. 2012. № 1. С. 87–100. [Moiseeva M. A., Voishvillo I. E., Milogolov N. S. Taxation of oil and gas production: development trends. *Gosudarstvennyi universitet minfina Rossii. Financial magazine*, 2012, (1): 87–100. (In Russ.)] EDN: ONXPNL
9. Катышева Е. Г. Перспективы внедрения системы налогообложения на основе финансовых результатов в нефтедобывающей отрасли России. *Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития*. 2016. № 25. С. 94–101. [Katysheva E. G. Prospects for the introduction of a taxation system based on financial results in the oil industry in Russia. *Ekonomika i upravlenie: analiz tendentsii i perspektiv razvitiia*, 2016, (25): 94–101. (In Russ.)] EDN: VRHMMF
10. Смагина В. И. ТНК: основные источники сверхприбыли. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. № 12. С. 44–47. [Smagina V. I. Multinational corporation: basic sources of superprofit. *Vestnik tambovskogo universiteta. seriia: gumanitarnye nauki,* 2009, (12): 44–47. (In Russ.)] EDN: LADAPP
11. Баландина А. С. Сравнительный анализ налога на дополнительный доход, налога на финансовый результат и налога на добычу полезных ископаемых при разработке нефтегазовых месторождений. *Сибирская финансовая школа*. 2017. № 3. С. 46–49. [Balandina A. S. Comparative analysis of a tax on the additional income, tax on financial result and tax on mining when developing oil and gas fields. *Siberian Financial School*, 2017, (3): 46–49. (In Russ.)] EDN: ZBIYOR
12. Воронина Е. В., Гринкевич Л. С. Реформирование налогообложения нефтегазовой отрасли: концептуальные основы оценки конфликта финансовых интересов. *Сибирская финансовая школа.* 2018. № 1. С. 11–16. [Voronina E. V., Grinkevich L. S. Reforming of the taxation of oil and gas branch: conceptual bases of assessment of the conflict of financial interests. *Siberian Financial School*, 2018, (1): 11–16. (In Russ.)] EDN: YRUQTL
13. Лейберт Т. Б., Халикова Э. А., Даутова Я. Р. Оценка влияния смены налогового режима на эффективность инвестиционных активов в нефтегазовой компании. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2019. № 3. С. 64–71. [Lejbert T. B., Khalikova E. A., Dautova Ya. R. Assessing the impact of a tax regime change on the efficiency of investment assets in an oil and gas company. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal,* 2019, (3): 64–71. (In Russ.)] EDN: DPWEOB
14. Филимонова И. Л., Комарова А. А., Кожевина С. В. Налоговая система в НГК: стимул или демотиватор? *Нефтегазовая вертикаль*. 2020. № 19. С. 6–17. [Filimonova I. L., Komarova A. A., Kozhevina S. V. The tax system in the oil and gas complex: an incentive or a demotivator? *Neftegazovaia vertical*, 2020, (19): 6–17. (In Russ.)]
15. Скороходова О. Н. Расчет налоговой нагрузки на предприятие. *Мир науки и образования.* 2016. № 2. [Skorokhodova O. N. Calculation of tax burden on enterprises. *The World of science and education,* 2016, (2). (In Russ.)] EDN: WMCJJP
16. Гринкевич Л. С. Налоговый маневр в нефтегазовом секторе: какая система налогообложения добычи полезных ископаемых нужна России? *Сибирская финансовая школа*. 2017. № 4. С. 60–66. [Grinkevich L. S. Tax maneuver in the oil sector: what system of taxation in the mining does Russia need? *Siberian Financial School*, 2017, (4): 60–66. (In Russ.)] EDN: ZHNVZN

17. Кириченко О. С., Колядов Л. В., Кириченко Т. В. Налогообложение в нефтегазовом комплексе. М., 2016. 328 с. [Kirichenko O. S., Kolyadov L. V., Kirichenko T. V. *Taxation in the oil and gas complex*. Moscow, 2016, 328. (In Russ.)]
18. Гинзбург М. Ю., Краснова Л. Н., Садыкова Р. Р. Финансовый менеджмент на предприятиях нефтяной и газовой промышленности. М.: Инфра-М, 2012. 287 с. [Ginzburg M. Yu., Krasnova L. N., Sadykova R. R. *Financial management at the enterprises of the oil and gas industry*. Moscow: Infra-M, 2019, 287. (In Russ.)] EDN: QVGYVV
19. Шеремет А. Д. Анализ экономики промышленного предприятия. М.: Высшая школа, 2017. 300 с. [Sheremet A. D. *Analysis of the economics of an industrial enterprise*. Moscow: Vysshaia shkola, 2017, 300. (In Russ.)]
20. Басовский Л. Е. Финансовый менеджмент. М.: Инфра-М, 2021. 240 с. [Basovskii L. E. *Financial management*. Moscow: Infra-M, 2021, 240. (In Russ.)]
21. Станиславчик Е. Н. Финансовый менеджмент: управление денежными потоками. М.: Дело и сервис, 2015. 272 с. [Stanislavchik E. N. *Financial management: cash flow management.* Moscow: Delo i servis, 2015, 272. (In Russ.)] EDN: SZUYYD
22. Линник Ю. Н., Афанасьев В. Я., Линник В. Ю., Байкова О. В. Экономика отраслей нефтегазового комплекса. М.: ГУУ, 2012. 327 с. [Linnik Yu. N., Afanasev V. Ya., Linnik V. Yu., Baikova O. V. *Economics of branches of the oil and gas complex.* Moscow: SUU, 2009, 327. (In Russ.)]
23. Юшкова О. О. Международная практика взимания платежей при добыче полезных ископаемых на примере Канады, США, Великобритании и Норвегии. *Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации*: сб. ст. победителей VII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 25 апреля 2017 г.) М.: Наука и просвещение, 2017. С. 149–150. [Yushkova O. O. International practice of mining tax: Canada, the USA, Great Britain, and Norway. *Modern economy: current issues, achievements and innovations*: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 25 Apr 2017. Moscow: Nauka i prosveshchenie, 2017, 149–150. (In Russ.)] EDN: YLSBAP
24. Берзон Н. И., Николашина Н. Н., Тюгай Л. А. Финансовый менеджмент. М.: Академия, 2018. 336 с. [Berzon N. I., Nikolashina N. N., Tiugai L. A. *Financial management*. Moscow: Akademiia, 2018, 336. (In Russ.)]

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

оригинальная статья

Инвестиционная деятельность российских негосударственных пенсионных фондов: тенденции, возможности и перспективы

Сидоров Иван Юрьевич
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово

Калачева Елена Алексеевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-3344-9993
kalacheva-elena@mail.ru

Поступила в редакцию 13.07.2022. Принята после рецензирования 14.09.2022. Принята в печать 19.09.2022.

Аннотация: Негосударственные пенсионные фонды, оказывая гражданам услуги по добровольному пенсионному обеспечению и пенсионному страхованию, аккумулируют значительные объемы денежных средств. На эти финансовые институты ложится ответственность сохранить и приумножить средства своих клиентов, что побуждает их искать способы совершенствования своей инвестиционной стратегии. Цель – выявить тренды в инвестиционной деятельности негосударственных пенсионных фондов, определить возможности российских негосударственных пенсионных фондов по дальнейшему совершенствованию инвестиционной политики. Теоретические методы: анализ, синтез, классификация; эмпирические: сравнение, статистический и регрессионный анализ. Проведен сравнительный анализ инвестиционных портфелей российских и иностранных негосударственных пенсионных фондов, определено влияние структуры инвестиционного портфеля на его доходность. Определено, что для российских негосударственных пенсионных фондов в силу геополитической обстановки и ограничений в законодательстве наиболее приемлемой является стратегия устойчивого развития и экологического, социального и корпоративного управления (ESG).
Ключевые слова: негосударственный пенсионный фонд, пенсионная система, инвестиционный портфель, формирование инвестиционного портфеля, управление инвестиционным портфелем

Цитирование: Сидоров И. Ю., Калачева Е. А. Инвестиционная деятельность российских негосударственных пенсионных фондов: тенденции, возможности и перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2022. Т. 7. № 4. С. 536–548. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-536-548

full article

Investment Activity of Russian Non-State Pension Funds: Trends, Opportunities, and Prospects

Ivan Y. Sidorov
Kemerovo state university, Russia, Kemerovo

Elena A. Kalacheva
Kemerovo state university, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-3344-9993
kalacheva-elena@mail.ru

Received 13 Jul 2022. Accepted after peer review 14 Sep 2022. Accepted for publication 19 Sep 2022.

Abstract: Non-state pension insurance is currently a highly-relevant and rapidly developing form of financial services in the Russian Federation. More and more citizens choose to supplement their state pension with a voluntary pension insurance contract. Non-state pension funds have a great responsibility to preserve and increase the funds of their clients. As a result, they keep looking for new ways to improve their investment strategy. This article features the current trends in the investment policy of Russian non-state pension funds and their development. The research included the methods of statistical and regression analyses, as well as a comparative analysis of the investment portfolios of Russian and foreign non-state pension funds, which revealed the effect of the structure of the investment portfolio on its profitability. Based on the best international practices and the Russian legislation, the main directions of development of domestic non-state pension funds included diversification, sustainable development, asset management companies, etc.
Keywords: private pension fund, pension system, investment portfolio, formation of an investment portfolio, management of an investment portfolio

© 2022. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Citation: Sidorov I. Y., Kalacheva E. A. Investment Activity of Russian Non-State Pension Funds: Trends, Opportunities, and Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(4): 536–548. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-536-548

Введение

Государственное пенсионное обеспечение в РФ испытывает все больше проблем: дефицит бюджета Пенсионного фонда России (ПФР), высокая инфляция, низкая доходность пенсионных накоплений, рост демографической нагрузки [1]. Граждане начинают рассматривать дополнительные способы поддержания своего уровня жизни в нетрудоспособном возрасте, обращая внимание на негосударственные пенсионные фонды (НПФ), которые осуществляют два вида деятельности – негосударственное пенсионное обеспечение (НПО) и обязательное пенсионное страхование (ОПС). Совокупность средств, предназначенных для исполнения НПФ обязательств перед участниками по пенсионным договорам, составляют пенсионные резервы. Совокупность средств, предназначенных для исполнения обязательств перед застрахованными лицами в соответствии с договорами об ОПС – пенсионные накопления[1].

Анализ деятельности НПФ в РФ за 2019–2021 гг. (табл. 1[2]) свидетельствует о положительной динамике основных ключевых показателей. Снижение наблюдается в количестве застрахованных лиц, что объясняется введением Правительством РФ моратория на перечисление страховых взносов в накопительную часть пенсии. При этом объемы формируемых пенсионных резервов и пенсионных накоплений в НПФ оцениваются в 1,5 трлн руб. и 3,0 трлн руб. соответственно.

За счет размещения средств пенсионных резервов и инвестирования средств пенсионных накоплений НПФ обеспечивает генерацию ресурсов для исполнения своих обязательств и обеспечивает доходность операций. Чаще всего данную задачу выполняет управляющая компания, с которой у НПФ заключен соответствующий договор [3]. Чтобы ограничить доступ фондов к потенциально рискованным инвестиционным инструментам или сомнительным эмитентам, российское законодательство устанавливает не только требования к составу и структуре размещенных фондом средств, но и ограничения при размещении средств пенсионных резервов и инвестировании средств пенсионных накоплений[3] [4].

Несмотря на то, что перечень активов, разрешенных для использования при инвестировании средств пенсионных резервов и средств пенсионных накоплений, различается [5; 6], в последнее время в нормативных документах прослеживается сокращение разницы между правилами инвестирования пенсионных резервов и накоплений. Изменения производятся Центральным банком (ЦБ) поэтапно, чтобы НПФ могли подготовиться к ним, однако общий курс действий на ближайшее будущее представляется ясно – повышение защищенности интересов клиентов и снижение рисков. Список доступных объектов для инвестирования включает: государственные ценные бумаги РФ и субъектов РФ, облигации российских эмитентов, акции российских эмитентов, ценные бумаги международных финансовых организаций, паи индексных инвестиционных фондов, денежные средства в рублях и др. валютах, депозиты и др.[4]

Табл. 1. Основные показатели деятельности НПФ в РФ
Tab. 1. Key performance indicators of non-state pension funds in the Russian Federation

Показатели	2019	2020	2021	Темпы роста / снижения за период, %
Негосударственное пенсионное обеспечение				
Пенсионные резервы, млн руб.	1366446	1493012	1562660	1,14
Количество участников, человек	6186404	6176371	6205307	1,01
Количество действующих пенсионных договоров	2635764	2644506	2728189	1,04
Обязательное пенсионное страхование				
Пенсионные накопления, млн руб.	2853871	2973435	3038435	1,06
Количество застрахованных лиц, человек	37304039	37144030	36849340	98,80

[1] О негосударственных пенсионных фондах. ФЗ № 75-ФЗ от 07.05.1998. *СПС КонсультантПлюс.*

[2] Динамические ряды основных показателей деятельности негосударственных пенсионных фондов. URL: http://www.cbr.ru/statistics/RSCI/npf_stat/ (дата обращения: 12.06.2022).

[3] Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в РФ. ФЗ № 111-ФЗ от 24.07.2002. *СПС КонсультантПлюс.*

[4] О требованиях по формированию состава и структуры пенсионных резервов. Указание Банка России № 5343-У от 05.12.2019 (ред. от 13.08.2020). *СПС КонсультантПлюс.*

Следует отметить, что акции иностранных эмитентов недоступны для размещения средств пенсионных накоплений и пенсионных резервов. Эти и другие нормативные ограничения четко указывают на то, что приоритетом в инвестиционной деятельности является безопасность средств участников и застрахованных лиц [7; 8]. Естественно, что данные приоритеты оставляют следы на инвестиционном портфеле фондов и в конечном итоге влияют на финансовый результат деятельности НПФ в России [9].

Сравнительный анализ инвестиционной деятельности российских и зарубежных НПФ используется для оценки того, как состав и структура инвестиционных портфелей влияет на их доходность [10]. Информационную базу исследования составили статистические публикации Банка России, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Mercer и BlackRock, финансовая отчетность НПФ, действующих на российском рынке.

Результаты

Для определения трендов в инвестиционной политике российских НПФ проведен анализ состава и структуры их инвестиционных портфелей по размещению пенсионных резервов и пенсионных накоплений, результаты анализа сопоставлены с доходностью НПФ.

Рассматривая текущее состояние инвестиционных портфелей НПФ в РФ [11], нельзя опираться только на среднее значение долей соответствующих активов портфеле. Нужно определить, является ли распределение значений близким к нормальному. В противном случае среднее значение не будет являться репрезентативным, т. к. оно будет являться результатом усреднения поляризованных подходов к подбору инструментов в портфель.

В табл. 2[5] представлена структура инвестиционных портфелей по размещению пенсионных резервов российских НПФ на 31.12.2021 (из 41 НПФ, зарегистрированного на 31.12.2021, услуги по НПО оказывают 33 фонда).

Табл. 2. Структура инвестиционных портфелей по размещению пенсионных резервов НПФ России, %
Tab. 2. Investment portfolio structures: pension reserves of the non-state pension funds in Russia, %

Название НПФ	Государственные ценные бумаги	Облигации РФ	Акции РФ	Ценные бумаги субъектов РФ	Депозиты	Паи	Прочее
НПФ Сбербанка	48,40	35,30	8,20	3,10	2,60	–	2,40
ВТБ Пенсионный фонд	35,80	43,10	5,50	7,00	7,50	–	1,00
Волга-Капитал	18,80	59,60	4,10	2,60	6,60	1,60	6,80
Телеком-Союз	19,30	69,10	0,70	0,00	0,80	–	10,10
Открытие	34,30	51,30	2,90	0,00	1,30	3,10	7,40
Эволюция	24,60	60,50	5,90	0,10	0,70	7,20	0,40
Благосостояние	6,10	61,10	8,70	0,00	0,10	18,70	5,30
Атомгарант	1,90	60,70	0,00	2,00	16,30	–	19,10
Большой	9,30	76,50	0,80	6,00	0,10	–	7,40
Газфонд	22,32	48,52	0,19	0,00	0,82	26,50	1,66
Доверие	24,00	65,90	0,90	3,00	0,70	–	5,70
Достойное будущее	24,00	65,90	0,90	3,00	0,70	–	5,70
Национальный НПФ	18,20	65,10	5,00	5,60	3,90	–	2,30
Корабел	16,20	46,30	0,30	7,60	29,70	–	–
Первый промышленный альянс	30,20	56,30	3,50	6,80	3,00	–	–
Сургутнефтегаз	40,00	50,00	5,00	–	5,00	–	–
БУДУЩЕЕ	21,20	77,80	0,10	–	0,30	0,30	0,40
АКВИЛОН	31,90	60,10	–	1,60	0,20	–	6,30
Алмазная осень	40,90	40,30	–	3,20	1,00	–	7,30

[5] Пенсионные фонды и коллективные инвестиции. *ЦБ РФ*. URL: https://cbr.ru/statistics/RSCI/#a_41191 (дата обращения: 13.06.2022).

Название НПФ	Государственные ценные бумаги	Облигации РФ	Акции РФ	Ценные бумаги субъектов РФ	Депозиты	Паи	Прочее
Ингосстрах-Пенсия	21,10	61,50	9,10	7,90	–	–	0,50
Социум	34,00	56,70	5,70	–	3,60	–	–
Стройпром-Фонд	57,00	34,40	–	–	3,20	–	0,50
Альянс	17,00	81,00	–	1,00	–	–	–
Ростех	22,90	48,80	0,30	4,80	21,70	–	1,60
Транснефть	25,90	48,70	–	0,30	25,10	–	–
УГМК-Перспектива	21,90	71,50	0,70	–	0,40	5,40	0,20
Авиаполис	58,90	30,50	–	4,20	6,00	0,50	–
Профессиональный	41,50	19,70	24,00	–	6,30	–	9,00
Пенсионные решения	54,40	13,50	1,20	21,80	8,40	0,70	–
Ханты-Мансийский НПФ	8,60	58,00	–	1,50	7,70	19,30	4,90
АПК-Фонд	39,10	58,70	–	–	2,20	–	–
Гефест	34,30	53,90	1,00	10,40	0,20	–	0,10
Оборонно-промышленный фонд им. В. В. Ливанова	42,80	54,60	2,00	0,30	–	–	0,40

Наибольшую долю во всех портфелях занимают два актива: государственные ценные бумаги и облигации субъектов РФ. Соотношение между данными позициями также является наиболее неоднородным аспектом рассмотренных портфелей. Для других форм размещения значительные доли наблюдаются лишь в отдельных НПФ: «Атомгарант», «Корабел», «Ростех» и «Транснефть» имеют более 10 % средств в депозитах; «Пенсионные решения» и «Гефест» – более 10 % в ценных бумагах субъектов РФ; НПФ «Газфонд», «Благосостояние» и «Ханты-Мансийский НПФ» – более 10 % в паях.

В табл. 3 представлены средние значения по каждому классу активов, их минимальные и максимальные значения среди рассмотренных НПФ. НПФ в России не спешат выделять значительные доли активов на диверсификацию портфеля. Учитывая, что лимитом на особо рискованные активы является планка в 10 %, показатели использования активов наподобие акций выглядят несоразмерно малыми.

Нельзя говорить, что у НПФ в России нет интереса к более доходным активам. В 2019 г. ЦБ поступали просьбы о разрешении на использования структурных облигаций за рамками рискованных активов. НПФ хотели, чтобы ЦБ РФ приравнял данный актив, отличающийся большей потенциальной доходностью в сочетании с долей неопределенности, к обычным облигациям. Но мегарегулятор не одобрил данной инициативы, оценив этот шаг как слишком рискованный.

Табл. 3. Средние, минимальные и максимальные значения активов в структуре размещенных пенсионных резервов НПФ России, %
Tab. 3. Average, minimum, and maximum values of assets in the structure of pension reserves, %

Тип актива	Среднее	Минимум	Максимум
Государственные ценные бумаги	0,29	0,02	0,59
Облигации РФ	0,54	0,14	0,81
Акции РФ	0,03	–	0,24
Ценные бумаги субъектов РФ	0,03	–	0,22
Депозиты	0,05	–	0,30
Паи	0,03	–	0,26
Прочее	0,03	–	0,19

Под тенью политики ЦБ РФ НПФ в России опасаются приближать доли рисковых активов к их лимитам. Единственными неотъемлемыми способами размещения средств являются государственные ценные бумаги и облигации российских эмитентов. При этом значительно более высокую нижнюю планку имеют именно облигации. Каждый из рассмотренных активов в пиковом значении хоть раз преодолевал планку в 20 %, при чем по каждому из них данное значение было зафиксировано в разных НПФ.

Близким к нормальному распределению обладают государственные ценные бумаги и облигации. Это означает, что средние значения этих активов наиболее репрезентативны. Это происходит несмотря на то, что именно по этим активам значения имеют наибольший размах, постольку данные активы являются неотъемлемыми во всех портфелях НПФ в России и среди них не наблюдалось радикальных различий вплоть до 20 раз, как это происходит с другими позициями.

Чтобы оценить, существует ли значительная разница в подходах к инвестированию в активы у НПФ, все рассмотренные НПФ были разбиты на категории путем кластеризации методом средних. Так как в абсолютном значении единственными заметными группами являются НПФ либо с преобладанием государственных бумаг, либо перевесом в сторону облигаций, то кластеризация разделила НПФ на 2 группы. Для первой группы характерен перевес вложений в государственные ценные бумаги над вложениями в облигации; вложения в акции, ценные бумаги субъектов и депозиты выше среднего по стране. Во второй группе вложения в облигации перевешивают вложения в государственные ценные бумаги; вложения в акции, ценные бумаги субъектов и депозиты ниже среднего. Деление оказалось равномерным: в первую группу попало 16 НПФ, во вторую – 17.

Для чистоты сравнения представлено сопоставление уже стандартизированных данных, которое дает возможность оценить разницу между двумя предполагаемыми группами по всем пунктам портфеля. Структура размещенных пенсионных резервов в различных НПФ России не показывает большого разнообразия. Даже у двух выделенных групп различия невысоки.

Для подтверждения данного вывода проводился однофакторный дисперсионный анализ влияния принадлежности НПФ к одному из двух выделенных кластеров на доходность портфеля в рассматриваемом периоде. Так как P-значение = 0,12955, то можно утверждать, что влияние принадлежности к выделенным кластерам является статистически незначимым. Это говорит о том, что преобладание государственных ценных бумаг или облигаций не оказало значимого влияния на доходность портфеля в данном периоде. При этом НПФ с преобладанием облигаций в портфеле в большинстве случаев имели большую доходность. Все же следует сделать вывод, что структура портфелей по размещению пенсионных резервов НПФ в РФ является однородной.

Проведем схожий анализ для размещенных средств пенсионных накоплений российских НПФ и оценим текущие тренды в изменении долей активов в портфелях. Целью размещения пенсионных накоплений является сохранение средств застрахованных лиц в еще большей степени, чем в случае размещения пенсионных резервов. В случае с пенсионными накоплениями ограничений на выбор используемых инструментов и их допустимые доли становится еще больше.

В табл. 4[6] представлена структура инвестиционных портфелей по размещению пенсионных накоплений НПФ России на 31.12.2021 (из 41 НПФ, зарегистрированного на 31.12.2021, услуги по ОПС оказывают 24 фонда).

В НПФ России доминирующее положение в структуре портфелей занимают облигации. Интересным является тот факт, что для пенсионных накоплений категория прочих инвестиций является более диверсифицированной, нежели для пенсионных резервов. Объясняется это потребностью

Табл. 4. Структура инвестиционных портфелей по размещению пенсионных накоплений НПФ России, %
Tab. 4. Investment portfolio structure for pension savings of non-state pension funds, %

НПФ	Государственные ценные бумаги	Облигации РФ	Акции РФ	Ценные бумаги субъектов РФ	Депозиты	Прочее
НПФ Сбербанка	50,0	35,5	10,4	2,2	0,6	1,2
Газфонд	30,3	51,5	11,9	2,0	0,1	4,1
БУДУЩЕЕ	11,3	84,0	1,8	–	0,3	2,6
Открытие	38,0	41,6	3,7	4,2	9,0	3,6
Доверие	21,0	70,1	1,0	4,3	0,1	3,6
ВТБ Пенсионный фонд	30,3	48,1	6,9	5,1	7,0	2,5
Гефест	27,8	51,0	13,0	8,0	–	0,2
Оборонно-промышленный фонд им. В. В. Ливанова	33,4	61,1	2,7	1,6	–	1,1

[6] Пенсионные фонды…

НПФ	Государственные ценные бумаги	Облигации РФ	Акции РФ	Ценные бумаги субъектов РФ	Депозиты	Прочее
Первый промышленный альянс	23,9	61,6	5,4	8,1	1,0	0,1
БОЛЬШОЙ	9,0	83,8	1,1	1,8	–	4,4
Достойное БУДУЩЕЕ	21,0	70,1	1,0	4,3	0,1	3,6
НПФ Эволюция	28,1	66,1	1,4	0,2	0,2	4,0
АКВИЛОН	18,5	59,2	3,7	8,5	1,6	8,4
Телеком-Союз	19,3	69,1	0,7	–	0,8	10,1
УГМК-Перспектива	23,0	66,8	0,8	6,9	–	2,5
Социум	24,2	66,5	9,3	0,0	–	–
Волга-Капитал	19,4	70,1	3,4	0,7	–	6,4
Профессиональный	72,4	23,6	–	–	4,1	–
Сургутнефтегаз	40,0	50,0	5,0	–	5,0	–
Национальный НПФ	15,9	68,3	5,1	4,5	4,1	2,1
Ростех	23,2	67,9	–	8,8	0,1	–
Алмазная осень	36,0	55,9	–	2,7	–	5,1
Ханты-Мансийский НПФ	25,5	59,5	1,3	3,7	1,6	8,4
Альянс	31,0	59,0	–	10,0	–	–

повысить устойчивость инвестиционного портфеля за счет использования большего спектра инструментов. Однако далее на практике будет представлено, что колебания доходности для пенсионных накоплений оказались выше.

В табл. 5 представлены средние значения для каждого актива, их минимальные и максимальные значения в рассмотренной группе.

Сравнивая результаты табл. 2 и табл. 4, можно сделать несколько выводов. Средние значения для государственных ценных бумаг, акций, ценных бумаг субъектов РФ и прочих инвестиций аналогичны. Основные отличия проявляются по статьям облигаций, доля которых в пенсионных накоплениях выросла, и депозитов и паев, доля которых в портфеле уменьшилась.

Табл. 5. Средние, минимальные и максимальные значения активов в структуре размещенных пенсионных накоплений НПФ России, %
Tab. 5. Average, minimum, and maximum values of assets in the structure of pension savings, %

Активы	Среднее	Минимум	Максимум
Государственные ценные бумаги	0,280217	0,089600	0,723500
Облигации РФ	0,600117	0,235700	0,840400
Акции РФ	0,037313	–	0,129900
Депозиты	0,014896	–	0,089700
Ценные бумаги субъектов РФ	0,036475	–	0,100000
Прочее	0,030733	–	0,100800

Минимальный размер вложений в облигации и ценные бумаги государства вырос на 10 % и 6 % соответственно. Остальные активы остались опциональными. Максимальный размер вложений в акции, ценные бумаги субъектов РФ, депозиты и прочие инвестиции сократился вдвое, заняв положение на границе 10 %.

При размещении пенсионных накоплений НПФ еще меньше позволяют себе отклоняться от вложений в государственные ценные бумаги или облигации. Спектр допустимых для них инструментов сужается, а необходимость исполнить свои обязательства перед клиентами пенсионного возраста повышается.

В структуре пенсионных накоплений различных НПФ России наблюдается еще меньше различий. Оценить это можно, рассмотрев стандартные отклонения от средних значений для всех групп активов, пенсионных резервов и накоплений (табл. 6). В среднем стандартное отклонение среди пенсионных накоплений меньше отклонения по пенсионным резервам на 38 %.

Оценим, оказывало ли преобладание облигаций или ценных бумаг РФ влияние на доходность портфелей аналогично пенсионным резервам, используя кластеризацию методом средних по стандартизированным данным. Кластеризация выделила 2 группы НПФ.

Для портфелей 1 группы характерны высокие доли облигаций, ценных бумаг субъектов РФ и прочих инвестиций. Доля оставшихся активов ниже средней. Во 2 группе значительно выше средних доли государственных ценных бумаг, акций и депозитов. Доля ценных бумаг субъектов РФ выше среднего, а доля облигаций значительно ниже среднего.

Табл. 6. Стандартное отклонение пенсионных резервов и накоплений
Tab. 6. Standard deviation of pension reserves and savings

Актив	Пенсионные резервы	Пенсионные накопления
Государственные ценные бумаги	0,143273	0,132166
Облигации РФ	0,154408	0,139379
Акции РФ	0,047266	0,03939
Ценные бумаги субъектов РФ	0,044542	0,024874
Депозиты	0,075196	0,032526
Паи	0,063959	–
Прочее	0,042953	0,029457

Сравнивая деление НПФ по размещению пенсионных резервов и пенсионных накоплений, можно выделить следующие отличия: в случае с пенсионными резервами, 2 группа совмещала высокие доли акций, ценных бумаг субъектов РФ и депозитов, в то время как среди пенсионных накоплений доли акций и депозитов крайне выше среднего.

Распределение частот среди финансовых инструментов при размещении пенсионных накоплений аналогично распределению для пенсионных резервов. Нормальное распределение наблюдается по активам, имеющим наибольшие доли в портфеле. По этим же активам наблюдается самый большой размах значений. Распределение «необязательных» активов более хаотично. Частому появлению высоких значений доли в портфеле противопоставляется множество НПФ, предпочитающих применять лишь малые доли по тем же активам. Среднее значение по таким активам не столь репрезентативно, но это не является критически важным в масштабе всей инвестиционной стратегии НПФ.

Чтобы проверить, повторится ли ситуация пенсионных резервов, где проведенное деление не сыграло роли в определении доходности портфеля с пенсионными накоплениями, проведен дисперсионный анализ влияния принадлежности к выделенным группам на доходность фонда.

Не каждый НПФ, предоставляющий услуги по добровольному пенсионному страхованию, может заниматься размещением пенсионных накоплений [12]. Соответственно, число таких НПФ меньше, что уменьшает число организаций со схожими портфелями и финансовыми результатами. Разброс значений показателя доходности размещенных накоплений больше, чем для размещенных пенсионных резервов.

По результатам дисперсионного анализа влияния состава портфеля на доходность, модель показала P-значение = 0,00894, что указывает на статистическую значимость в отличие от модели пенсионных резервов. Это означает, что по итогам 2021 г. портфели НПФ с преобладанием сочетания государственных ценных бумаг и акций показали статистически значимое превосходство в доходности по сравнению с портфелями, в которых основную долю занимали облигации. Разница в средней доходности составила 1,5 %, разделив финансовый результат двух групп на 2,5 % и 4 % соответственно.

По итогам расчетов, можно сделать следующие выводы:

1. Доходность размещенных пенсионных накоплений в России колеблется сильнее, нежели доходность пенсионных резервов.
2. Отклонения от средних значений по типам активов для пенсионных резервов больше, чем для накоплений.
3. Среди НПФ России распространены два вида инвестиционного портфеля: с преобладанием государственных ценных бумаг и с преобладанием облигаций в качестве основного актива.
4. Преобладание того или иного актива в структуре портфеля не является статистически значимым при рассмотрении его влияния на доходность пенсионных резервов.
5. Преобладание того или иного актива в структуре портфеля является статистически значимым при рассмотрении его влияния на доходность пенсионных накоплений.
6. Сочетание высоких долей государственных ценных бумаг и акций показало большую доходность, нежели преобладание облигаций.

Данные расчеты являются справедливыми в условиях 2021 г. Чтобы оценить более широкий тренд в изменении состава инвестиционных портфелей НПФ и проанализировать влияние изменений доли конкретных активов на доходность, потребуется рассмотреть средние показатели доходности и доли финансовых инструментов российских НПФ за больший промежуток времени. Статистика, собранная на основе доступных данных в отчетах ЦБ о деятельности НПФ в РФ, представлена в табл. 7[7].

В 2017–2021 гг. можно наблюдать плавные изменения с четко выделенными направлениями. Данные сдвиги в структуре портфелей в большей степени отражают реакцию НПФ на изменения в законодательстве, постепенно подстраиваясь под требования ЦБ РФ. Изменения в инвестиционной политике происходили на уровне индивидуальных НПФ как реакция на текущие рыночные условия.

[7] Пенсионные фонды…

Табл. 7. Средние показатели структуры портфелей НПФ по пенсионным резервам, 2017–2021, %
Tab. 7. Average indicators of the portfolio structure of non-state pension funds by pension reserves in 2017–2021, %

Год	Квартал	Облигации	Государственные ценные бумаги	Акции	Паи ПИФ	Прочее	Доходность
2017	I	29,9	7,2	24,0	11,5	27,4	8,6
	II	34,6	7,0	22,5	16,1	19,8	
	III	36,0	7,8	21,6	16,5	18,1	
	IV	35,3	9,1	19,8	17,5	18,3	
2018	I	37,9	8,1	19,8	16,9	17,3	6,1
	II	36,8	11,1	18,3	18,4	15,4	
	III	38,2	14,3	16,4	18,1	13,0	
	IV	39,1	14,2	12,2	18,0	16,5	
2019	I	40,3	14,3	12,5	17,8	15,1	8,7
	II	40,8	14,8	12,6	17,4	14,4	
	III	42,6	15,4	11,6	17,0	13,4	
	IV	43,9	12,9	11,3	17,0	14,9	
2020	I	45,9	11,3	11,1	16,7	15,0	6,9
	II	47,0	11,4	10,8	16,1	14,7	
	III	47,0	12,1	10,8	15,6	14,5	
	IV	47,1	14,0	11,0	14,7	13,2	
2021	I	46,1	16,5	10,1	14,2	13,1	3,1
	II	47,8	16,7	9,9	13,8	11,8	4,1
	III	50,5	15,6	10,0	13,2	10,7	4,6

Табл. 8. Средние показатели структуры портфелей НПФ по пенсионным накоплениям, 2017–2021, %
Tab. 8. Average indicators of the portfolio structure of non-state pension funds by pension savings in 2017–2021, %

Год	Квартал	Облигации	Государственные ценные бумаги	Акции	Прочее	Доходность
2017	I	48,80	6,60	16,00	28,60	3,80
	II	50,90	9,70	17,80	21,60	3,80
	III	49,90	17,80	16,40	16,00	3,80
	IV	48,20	21,80	12,80	17,20	3,80
2018	I	45,70	18,80	12,00	23,50	0,10
	II	44,70	27,80	10,10	17,40	0,10
	III	44,30	35,10	9,20	11,40	0,10
	IV	46,80	35,70	7,40	10,10	0,10
2019	I	47,80	35,10	7,20	9,90	10,70
	II	51,60	33,30	7,40	7,70	10,70
	III	52,80	33,50	5,80	7,90	10,70
	IV	51,40	29,90	6,20	12,50	10,70
2020	I	51,80	29,90	5,40	12,90	7,20
	II	54,00	29,10	5,50	11,40	7,20
	III	53,90	29,50	5,50	11,10	7,20
	IV	52,90	30,90	6,20	10,00	7,20
2021	I	52,20	32,40	6,10	9,30	4,10
	II	51,40	32,70	6,00	9,90	5,00
	III	53,00	32,00	6,40	8,60	5,50

Для пенсионных резервов доля акций и прочих инвестиций (депозиты, денежные средства) уменьшалась. Доля государственных ценных бумаг и облигаций за данный период, напротив, выросла до текущего доминирующего положения во всех инвестиционных портфелях российских НПФ. Единственным типом активов, не показавшим отчетливой тенденции в данном периоде, были паи ПИФ.

По аналогии с пенсионными резервами, в табл. 8[8] представлены изменения в пенсионных накоплениях за тот же период.

Тенденции изменений в структуре пенсионных накоплений совпадают с тенденциями для пенсионных резервов. Можно отметить, что доля государственных ценных бумаг на протяжении всего периода была крайне высока, поэтому прирост был не столь большой. Доля облигаций, в начале периода почти равная для пенсионных накоплений и пенсионных резервов, к концу 2021 г. оказалась в 2 раза больше для пенсионных накоплений – 32 % и 15,6 % соответственно. Также стоит отметить сильные колебания доходности размещенных накоплений, верхние и нижние значения которых больше в размахе, чем у пенсионных резервов за тот же промежуток времени.

Рассмотрев доходность НПФ различных стран за прошедшие периоды, можно увидеть в какой степени доходность и ее изменения зависели от общей экономической ситуации и как на них повлиял подход НПФ к отбору активов. На основании ежегодных отчетов ОЭСР[9] составлена табл. 9, в которой представлена доходность НПФ различных стран.

[8] Пенсионные фонды…

[9] Investment results. *Government Pension Investment Fund*. URL: https://www.gpif.go.jp/en (дата обращения: 13.06.2022).

Табл. 9. Средняя доходность НПФ по странам, 2014–2020, %
Tab. 9. Average profitability of non-state pension funds by country in 2014–2020, %

Страна	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014
Мексика	9,3	10,2	–4,9	1,5	–0,4	–0,8	4,7
Исландия	7,6	11,6	1,8	5,3	–0,3	7,4	7,1
Дания	7,5	10,1	–1,3	3,9	5,9	0,8	16,6
Коста-Рика	7,1	11,8	3,6	3,7	6,4	12,3	2,3
Нидерланды	6,5	13,7	–3,1	4,5	7,2	0,6	15,1
Турция	6,1	7,4	–9,4	2,9	2,1	–5,9	5,6
Норвегия	6,0	8,1	–3,4	6,1	2,0	1,9	5,1
США	5,9	10,1	–6,7	7,5	2,0	–1,1	3,6
Израиль	5,8	10,8	–0,2	7,1	3,7	3,6	5,8
Литва	4,9	7,1	–6,0	0,3	2,6	4,6	7,5
Эстония	4,8	6,6	–5,5	–0,1	1,0	2,1	4,7
Финляндия	4,6	10,5	–2,6	6,7	4,0	5,3	6,2
Греция	4,5	9,4	–1,4	6,9	4,3	4,6	6,5
Португалия	4,1	7,4	–1,8	3,2	0,6	2,1	6,9
Италия	3,3	5,5	–2,8	2,0	2,0	1,7	5,7
Чили	2,7	11,9	–1,0	5,6	1,5	1,5	8,1
Словения	2,6	3,9	–1,9	2,2	6,9	2,4	6,7
Латвия	2,4	7,4	–6,7	0,8	–	1,6	4,9
Канада	1,9	6,7	0,7	5,7	4,0	5,1	7,8
Испания	1,9	7,7	–4,3	2,2	1,0	2,0	8,0
Австрия	1,3	9,2	–7,1	3,7	2,6	1,2	6,2
Венгрия	1,1	5,2	–4,3	4,7	4,8	3,7	9,6
Словакия	1,0	3,3	–2,0	0,4	2,5	0,8	3,9
Австралия	–0,2	4,6	5,6	7,3	1,9	6,4	8,9
Чехия	–1,2	–1,4	–1,6	–1,8	–1,2	0,9	1,2
Польша	–4,8	–2,2	–11,1	14,5	8,3	–6,1	–
Россия	–	4,9	–1,4	2,4	5,4	–2,0	–7,4

Как уже упоминалось на примере России, помимо инвестиционной стратегии конкретных фондов, действующих в допустимых законодательством их страны рамках, на доходность также будет влиять общее состояние мировой экономики.

Будет справедливо отметить, что в странах с большей свободой допустимых для использования активов, применяемые портфели НПФ будут разнообразнее, что делает среднее значение доходности множества различных НПФ и средние значения долей активов в структуре портфеля менее репрезентативными. Нельзя утверждать, что структура портфелей множества НПФ для всех приведенных стран так же однородна, как и в России в настоящее время. Однако в рамках данного исследования анализ и последующие выводы будут исходить из гипотезы о том, что распределение рассматриваемых доходностей и долей активов в составе инвестиционных портфелей различных стран подчиняются нормальному закону распределения и наибольшее число фондов в стране имеет показатели, приближенные к средним.

Принимая данные допущения, рассмотрим колебания доходности, общие для НПФ по странам мира. Основные падения в доходности произошли в 2015, 2018 и 2020 гг. Резкий рост доходности произошел в 2019 г.; 2016 и 2017 гг. оказались нейтральными. Основную часть рассматриваемого периода Россия попадала в рамки общей тенденции. Исключением стал 2015 г., в котором Россия показала результат, диаметрально противоположный остальному миру – значительный прирост в доходности. В 2014 г. доходность российских НПФ значительно отставала по сравнению с остальными НПФ по странам, но начиная с 2015 г. финансовые результаты фондов РФ встали в ряд с зарубежными аналогами.

В табл. 10 представлены средние, минимальные и максимальные значения показателя доходности среди НПФ всех рассмотренных стран за период 2014–2020 гг. и показатели НПФ в России для сравнения. Этот период в целом был тяжелым для российских НПФ, при этом в начале данного временного промежутка происходили значительные изменения в законодательной базе, регулирующей НПФ. В 2014 г. Россия имела самую низкую доходность среди представленных стран, однако в дальнейшем подобных ситуаций не наблюдалось.

Российские НПФ все еще отставали от средних значений по миру, но уже не замыкали рейтинг по доходности в роли аутсайдера. Российские фонды ни разу не возглавляли список наиболее доходных, но это и не являлось целью Центробанка, вносившего множественные

Табл. 10. Средние, минимальные и максимальные значения доходности за каждый год периода 2014–2020 среди всех стран, %
Tab. 10. Average, minimum, and maximum international profitability values per year in 2014–2020, %

Год	Средние значения доходности НПФ	Среднее значение доходности российских НПФ	Минимальные значения доходности НПФ	Максимальные значения доходности НПФ
2014	6,20	–7,40	–7,42	16,61
2015	2,11	–2,00	–6,09	12,32
2016	2,99	5,40	–1,22	8,28
2017	4,04	2,40	–1,77	14,48
2018	–2,92	–1,40	–11,07	5,56
2019	7,46	4,90	–2,22	13,71
2020	3,71	–	–4,83	9,27

изменения в порядок работы НПФ РФ. Приоритетом являлась сохранность средств клиентов. В определенной степени решения ЦБ РФ оказались успешными. Вероятность убыточности размещенных средств снизилась, потери средств стали менее ощутимыми. Половину рассматриваемого периода времени инвестиции НПФ оказались убыточными.

Чтобы подтвердить предположение, что выбор конкретных бумаг в отведенных долях активов сыграл большую роль, чем сами доли активов, был проведен регрессионный анализ статистических данных о распределении активов НПФ вышеуказанных стран за 2014–2020 гг.[10] В табл. 11. представлены результаты однофакторного анализа влияния каждого актива на доходность портфеля. Единственным значимым активом на основании P-значения стала группа денежных средств и депозитов, значимая на уровне 98 %. При этом исходя из значений R (коэффициент детерминации), вклад изменения данного показателя на изменение результирующего фактора слишком мал. При проведении многофакторного анализа существует проблема в виде мультиколлениарности переменных, что снизит точность модели. Результаты многофакторного анализа также представлены в табл. 11. Ожидаемо, модель показала низкий коэффициент детерминации и низкую или полностью отсутствующую значимость по всем активам.

Даже между портфелями с равными долями, выделенными под конкретные активы, существует разница в наполнении. Речь идет о выборе конкретных бумаг. Тут вступает в роль законодательство индивидуальных стран. А именно – возможность инвестировать в бумаги зарубежных стран. Каждое государство имеет разный подход к инвестициям за рубеж. По законодательству российские НПФ не могут инвестировать в иностранные ценные бумаги, за исключением небольшой доли в рамках инструментов коллективного инвестирования.

Будет ли изменение данного подхода правильным решением, зависит от внешнеполитической ситуации. Пенсионное обеспечение является социально чувствительной областью, в которой нельзя допускать риски в условиях нестабильной ситуации. В то же время Россия – развивающаяся страна, ее ценным бумагам свойственны большие риски и меньшая стабильность [13; 14]. Однако при изменении условий в лучшую сторону, состав инвестиционных портфелей НПФ России, имеющий в среднем схожесть с одними из самых доходных портфелей среди рассмотренных стран, может показать высокий финансовый результат [15].

Исследование изменений инвестиционных портфелей НПФ в разных странах в последние годы позволило выявить следующие тенденции [16]:

- использование альтернативных инструментов с фиксированной доходностью для размещения пенсионных средств в целях дальнейшей диверсификации инвестиций и связанные с использованием данных инструментов сдвиги в структуре портфелей;
- изменение географического направления инвестиций и предшествующие данным изменениям корректировки в законодательстве.

Табл. 11. Регрессионный анализ влияния изменения долей активов на доходность портфелей НПФ
Tab. 11. Regression analysis of the impact of changes in asset shares on the profitability of the portfolios of non-state pension funds

Акции	Векселя и облигации	Денежные средства и депозиты	Схемы коллективного инвестирования (когда просмотр состава невозможен)	Прочее
Однофакторный анализ				
P-Значение				
0,177738929	0,934756038	0,025299418	0,387799739	0,736472055
F				
1,938568702	0,006856533	5,759704106	0,776299974	0,116158576
Множественный R				
0,284571569	0,017651161	0,455504498	0,184617642	0,072472091
R-квадрат				
0,080980978	0,000311563	0,207484348	0,034083674	0,005252204
Многофакторный анализ				
P-Значение				
0,383054532	0,514723104	0,111817367	0	0

Прим.: Характеристики многофакторной модели: F – 1,601464953; Значимость F – 0,210241549; R-квадрат – 0,252141036; Множественный R – 0,502136471.

[10] Investment results...

Однако российским НПФ будет сложно перенять подобный опыт в связи с рядом различий в допустимых для НПФ возможностях в разных странах. Более 90 % акций, в которые инвестируют НПФ Европы, являются зарубежными. Данная стратегия прекрасно проявила себя в уменьшении рисков и повышении доходности размещения средств в акции, что привело к популяризации данного подхода среди НПФ в других странах мира. Однако в России инвестиции в акции зарубежных эмитентов запрещены, а допустимая доля акций в составе размещенных средств крайне ограничена по сравнению с европейскими странами.

Еще одним, возможно, наиболее универсальным трендом во всех сферах, связанных с инвестиционной деятельностью, является повестка устойчивого развития и экологического, социального и корпоративного управления (ESG). Инвесторы все чаще переключают внимание на подобные общие рыночные тенденции. Поскольку НПФ также являются распорядителями крупных сумм денежных средств, предназначенных для дальнейшего размещения, то они все чаще вливаются в данный тренд [17].

В данной работе совершенствование инвестиционной деятельности преимущественно рассматривалось лишь как увеличение финансовой отдачи или способность предотвратить потерю потенциальной покупательной способности размещенных средств, что является основными задачами любых пенсионных фондов. Однако развитие ESG-повестки представляет собой новый способ совершенствования инвестиций.

Спад на рынке, начавшийся с 2000-х гг., в том числе из-за пандемии, продемонстрировал, что НПФ необходимо повысить устойчивость своего портфеля и защитить его от убытков. Климатический риск и переход к нулевому углеродному балансу представляют собой одни из крупнейших будущих рыночных событий и тщательный ESG-анализ может помочь создать более надежные портфели. Предотвращение ущерба, связанного с изменением климата, поможет предотвратить экономический спад и повысить доходность рисковых активов. Перераспределение в пользу устойчивых рисков сохраняет ожидаемую доходность среднего пенсионного портфеля при небольшом снижении риска. Все чаще звучат мнения, что климатический риск является инвестиционным риском. Инвестиции, которые учитывают подверженность углеродным и климатическим рискам в структуре портфеля, могут помочь снизить риск, вызванный возможной переоценкой активов, ужесточением регулирования и изменением потребительских предпочтений.

Интерес к устойчивым инвестициям растет во всем мире. В некоторых случаях этот процесс ускорила пандемия COVID-19. Например, в июле 2020 г. правительство Южной Кореи объявило о «Новом зеленом курсе», сумма вложений в который составляет около $94,5 млрд и предназначена для инвестирования в течение следующих нескольких лет с целью помочь экономике страны оправиться от спада, связанного с COVID-19. В конечном итоге это может увеличить внимание к ESG-повестке и поможет продвигать ESG-тематическое инвестирование в долгосрочной перспективе.

В Латинской Америке несколько пенсионных фондов Чили, Колумбии и Перу присоединились к программам ответственного инвестирования. Ожидается, что вскоре правительства этих стран выпустят дополнительное руководство по инвестициям в этих зонах.

В Бразилии более 200 местных пенсионных планов (21 %) указывают, что у них есть политика ответственного инвестирования, еще 56 % отметили, что им может понадобится помощь в реализации такого плана или они намерены создать его в ближайший срок. В Мексике в 2022 г. вступают в силу новые правила, регулирующие ESG в рамках AFORES (группа компаний, авторизированная государством заниматься размещением пенсионных средств).

Устойчивое инвестирование стало растущей областью интереса для инвесторов и правительств стран Ближнего Востока, Африки и Азии. В Гонконге и на Тайване в рамках инвестиционных решений учитываются факторы ESG, а индийские взаимные фонды начали запускать ESG-ориентированные предложения. Южная Корея и Филиппины продемонстрировали это, инвестируя в зеленые облигации. В Японии ESG представляет интерес для корпоративных пенсий [18].

В отличие от других трендов, таких, как диверсификация в альтернативные финансовые инструменты и инвестиции за рубеж, повестка ESG более осуществима в РФ – российское законодательство не станет препятствием в данном вопросе.

Заключение

Деятельность НПФ имеет значение не только для клиентов этих финансовых институтов, но и для экономики государства в целом, т. к. аккумулируемые ими ресурсы представляют собой огромный инвестиционный потенциал. Было подтверждено, что значимую роль в доходности инвестиционных портфелей НПФ играют факторы помимо самой структуры портфеля. Было выявлено, что состав инвестиционных портфелей НПФ России в среднем имеет схожесть с одними из самых доходных портфелей иностранных НПФ.

Предполагая, что для повышения доходности российские НПФ могут ориентироваться на опыт зарубежных коллег, проведено исследование инвестиционных стратегий, которые в последнее время взяты на вооружение НПФ в различных странах. Определено, что иностранные НПФ ориентируются на диверсификацию используемых активов в нестандартные инструменты и расширение области инвестиций на иностранные рынки, что неприемлемо для российских НПФ в силу законодательных ограничений и геополитической ситуации. Наиболее перспективным направлением в инвестиционной политике отечественных НПФ является стратегия устойчивого развития и ESG.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. Ю. Сидоров – формальный анализ, проведение исследования. Е. А. Калачева – концептуализация, составление методологии.
Contribution: I. Y. Sidorov – formal analysis, investigation. E. A. Kalacheva – conceptualization, methodology.

Литература / References

1. Криулин В. А., Босердт Н. Ю., Халина В. А. Оценка уровня достаточности финансового обеспечения пенсионного фонда РФ. *Политика, экономика и инновации*. 2018. № 1. [Kriulin V. A., Boserdt N. Yu., Halina V. A. Evaluation of adequacy of financial security of the pension fund of the Russian Federation. *Politika, ekonomika i innovatsii*, 2018, (1). (In Russ.)] EDN: YUZBFF
2. Андросова Л. Д. Негосударственные пенсионные фонды в современной финансовой системе России. *Инновационная наука*. 2017. Т. 1. № 3. С. 120–125. [Androsova L. D. Non-state pension funds in the modern financial system of Russia. *Innovatsionnaia nauka*, 2017, 1(3): 120–125. (In Russ.)] EDN: YGFDGZ
3. Коньков К. А. Негосударственный пенсионный фонд как субъект инвестиционного правоотношения. М.: Проспект, 2018. 160 с. [Konkov K. A. *Non-state pension fund as a subject of investment legal relationship*. Moscow: Prospekt, 2018, 160. (In Russ.)] https://doi.org/10.31085/9785392278237-2018-160
4. Паплаускас Д. А. Инвестиционная деятельность пенсионных фондов Российской Федерации. *Молодой ученый*. 2019. № 52. С. 389–391. [Paplauskas D. A. Investment activity of pension funds of the Russian Federation. *Molodoi uchenyi*, 2019, (52): 389–391. (In Russ.)] EDN: MYORPN
5. Маматказин И. Р. Сравнительный анализ правовой природы и сущности пенсий по обязательному пенсионному страхованию и негосударственному пенсионному обеспечению. *Ex jure*. 2022. № 1. С. 116–130. [Mamatkazin I. R. Comparative analysis of the legal nature and essence of pensions for compulsory pension insurance and private pension provision. *Ex jure*, 2022, (1): 116–130. (In Russ.)] EDN: NCRQHS
6. Фатхлисламова Г. Ф. Сравнительный анализ развития накопительной компоненты пенсионной системы и негосударственного пенсионного страхования России. *Экономическое развитие России*. 2019. Т. 26. № 7. С. 65–75. [Fatkhlislamova G. F. Comparative analysis of the development of accumulative component of the pension system and non-governmental pension insurance of Russia. *Russian Economic Development*, 2019, 26(7): 65–75. (In Russ.)] EDN: TPVDSB
7. Полын Е. С. Инвестиционная деятельность негосударственных пенсионных фондов. *Новая наука: теоретический и практический взгляд*: междунар. науч. периодическое издание по итогам Междунар. науч.-прак. конф. (Ижевск, 04 апреля 2017 г.) Ижевск: Агентство международных исследований, 2017. С. 172–176. [Polyn E. S. Investment activity of non-state pension funds. *New science: theoretical and practical view*: Internat. Sci. Periodical based on the results of Internat. Sci.-Prac. Conf., Izhevsk, 4 Apr 2017. Izhevsk: Agentstvo mezhdunarodnykh issledovanii, 2017, 172–176. (In Russ.)] EDN: YKERSB
8. Юрьева И. А., Масюк Н. Н., Васюкова Л. К. Современные тенденции развития негосударственных пенсионных фондов в условиях реформирования пенсионной системы России. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 4. С. 290–293. [Iuryeva I. A., Masyuk N. N., Vasyukova L. K. Modern tendencies of development of non-governmental pension funds under the reforming of the pension system of Russia. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2017, 6(4): 290–293. (In Russ.)] EDN: YNDVME
9. Бончик В. М. *Негосударственные пенсионные фонды. Финансовая устойчивость и актуарные расчеты*. М.: Дашков и К, 2014. 208 с. [Bonchik V. M. *Non-state pension funds. Financial stability and actuarial calculations*. Moscow: Dashkov i K, 2018. 208. (In Russ.)] EDN: TYWNVF
10. Гордиенко М. С., Жадяева М. С., Алиев А. А. Анализ эффективности негосударственного пенсионного фонда. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 88 с. [Gordienko M. S., Zhadiaeva M. S., Aliyev A. A. *Analysis of the effectiveness of a non-state pension fund*. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2021, 88. (In Russ.)] EDN: LCVVEE
11. Мамий Е. А., Акопян Э. Г. Состояние и перспективы развития негосударственного пенсионного обеспечения в России. *Экономика устойчивого роста*. 2019. № 1. С. 38–48. [Mamiy E. A., Akopyan E. G. The situation and perspectives of the non-state pension provision in Russia. *Economics of sustainable development*, 2019, (1): 38–48. (In Russ.)] EDN: ZCNZFB
12. Ершова И. В., Петраков А. Ю. Инвестиционное право. М.: Проспект, 2021. 304 с. [Ershova I. V., Petrakov A. Iu. *Investment law*. Moscow: Prospekt, 2021. 304. (In Russ.)]
13. Кремповая Н. Л. Перспективы развития НПФ в России. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2016. № 4. С. 68–70. [Krempovaia N. L. Prospects for the development of non-state pension funds in Russia. *Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii*, 2016, (4): 68–70. (In Russ.)] EDN: VYDMVR

14. Исмагилова Т. В., Михайлов В. С., Шакиев В. А., Азнабаева Г. Х. Экономические проблемы и перспективы развития НПФ. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2015. № 1. С. 61–68. [Ismagilova T. V., Mikhailov V. S., Shakiev V. A., Aznabaeva G. H. Economic problems and prospects for the development of NPFs. *Innovatsionnaia ekonomika: perspektivy razvitiia i sovershenstvovaniia*, 2015, (1): 61–68. (In Russ.)] EDN: TTGUEV
15. Красильников Е. В. Перспективы развития негосударственных пенсионных фондов в России. *Вестник науки*. 2020. Т. 2. № 6. С. 94–97. [Krasilnikov E. V. Prospects for the development of non-state pension funds in Russia. *Vestnik nauki*, 2020, 2(6): 94–97. (In Russ.)] EDN: EAHZTX
16. Кравченко Е. В. Особенности функционирования зарубежных пенсионных систем в современных условиях. *Современные фундаментальные и прикладные исследования*. 2019. № 2. С. 48–51. [Kravchenko E. V. Features of functioning of foreign pension systems in modern conditions. *Modern fundamental and applied researches*, 2019, (2): 48–51. (In Russ.)] EDN: TOEYFE
17. Финогенова Ю. Ю., Нейман Р. А. Перспективы ESG-инвестирования пенсионных активов. *Аудиторские ведомости*. 2022. № 1. С. 73–81. [Finogenova Yu. Yu., Neumann R. A. Prospects for ESG investment of pension assets. Auditorskie vedomosti, 2022, (1): 73–81. (In Russ.)] EDN: RBWLDC
18. Чувычкина И. А. ESG-инвестирование: мировой и российский опыт. *Экономические и социальные проблемы России*. 2022. № 1. С. 95–110. [Chuvychkina I. A. ESG investing: global and Russian experience. *Ekonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii*, 2022, (1): 95–110. (In Russ.)] EDN: HPLNVN

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2022 том 7 № 4

Указатель статей, изданных за 2022 г. в журнале «Вестник КемГУ. Серия: политические, социологические и экономические науки»

	Стр.	№
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА		
Апарина Н. Ф., Кавкаева Н. В. Потенциал индустриального туризма в старопромышленном регионе	481	4
Батиевская В. Б., Соколовский М. В. Исследование производительности труда горняков на разрезах и шахтах Кемеровской области – Кузбасса	237	2
Бельчик Т. А., Фролов Н. Е. Региональные проблемы развития цифровой экономики	492	4
Иванова М. В., Матюнин В. М. Промышленный туризм – новый тренд развития сибирских моногородов	501	4
Котов Е. В. Перспективы неоиндустриализации экономики частично признанного государства	243	2
Подзорова Г. А., Артеменко А. И., Грязнова Н. Л., Комарчева О. С. Инновационный потенциал Кемеровской области – Кузбасса: состояние и перспективы развития	367	3
Рогова К. В. Современные представления о взаимосвязи деятельности малых и средних предприятий с региональным экономическим развитием	378	3
Сергиенко О. В. Экспресс-анализ рисков устойчивости развития сельского хозяйства: социо-эколого-экономический подход	89	1
Черкашин А. К., Мядзелец А. В. Статистическая оптимизация показателей региональной экономики в неоднородной изменчивой среде	255	2
Шабанова Л. Б., Юсупова Г. Р., Кабиров И. С. Трансформация индустрии туризма как следствие пандемии и санкций	511	4
Юдина В. А., Танина М. А., Бондаренко В. В. Региональные аспекты продвижения вузов на международном рынке	395	3
Юсупова Г. Р. Особенности демографической ситуации Республики Татарстан в разрезе экономики	266	2
Ященко А. В. Формализация механизма ценообразования на электроэнергию для прочих потребителей розничного рынка	125	1
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА		
Алагоз А. В. Интернет и социальные сети как каналы коммуникации политических партий с избирателями в Кемеровской области – Кузбассе (результаты анализа веб-сайтов и сетевого контента)	1	1
Глушакова О. В. О содержании Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. и возможности ее реализации	133	2
Дмитриева Н. В., Завьялова Е. А. Этические аспекты рекламы: проблемы восприятия, оценки и регулирования	403	4
Дудник Е. М. Эволюция структур насилия в спорте: от колониализма к капитализму с азиатским лицом	412	4
Зазулина М. Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы	275	3
Калашникова А. Л., Поселенова Е. Ю., Инешина С. В., Налегач Н. В., Рагимова Ф. С., Синегубова К. В. Семиотика корпоративной культуры студентов в опорном вузе Кузбасса	29	1
Квасова Ю. А., Леонтьева В. Л., Пулькина В. А. Академическая мобильность как инструмент международного коммуникативного взаимодействия вузов	40	1

	Стр.	№
Кисляков М. М., Востриков К. В. Эволюция регионального электорального процесса (на материале Кемеровской области – Кузбасса)	145	2
Михалева А. В. Этнический ресурс в конструировании региональной идентичности президентом Республики Татарстан в социальных сетях	425	4
Николаева К. С. Анализ нормативного обеспечения передачи государственных полномочий органам местного самоуправления по предоставлению жилья детям-сиротам	12	1
Пискунова А. Е. Угольный регион как дискурсивный конструкт: смыслы угля в медиаповседневности Кузбасса	285	3
Пьянкова Л. А. Междисциплинарный анализ научной категории *профессиональное определение*	75	1
Соколов А. В., Абрамовский И. С. Городские конфликты: стратегии борьбы акторов конфликта	20	1
Сухарькова М. П. Олимпийские волонтеры о волонтерстве	298	3
Цветкова И. В. Социальная проблема бездомных животных и способы ее решения (по результатам исследования в Тольятти)	60	1
Шор И. М. Государственно-частное партнерство в российской системе образования: преимущества, проблемы и направления развития	153	2
Шумкин Е. М. Институционализация правовой культуры	305	3
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ		
Каган Е. С., Медянцева С. Г., Рыжих К. Э. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации	315	3
Казакова М. И., Селиванова Т. В. Оценка эффективности обучения персонала в условиях цифровизации	435	4
Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Возможности использования доказательного подхода для анализа промышленной политики	323	3
Кемпкенс О. Х. Слухи и фальшивые новости – влияние достоверности информации на поведение человека в условиях пандемии коронавируса	162	2
Морозова Е. А., Кузнецова Т. А. Профессиональные предпочтения кузбасской молодежи	171	2
Пелых А. Ю. Детерминанты социально-управленческих трансформаций в адвокатских образованиях	180	2
Пустовойтенко С. И. Особенности сегментации региональных туристских потоков	187	2
Худякова Т. Л., Гасанова Р. Р., Степанова О. П., Токарь О. В., Арпентьева М. Р., Шпаковская Е. Ю. Технологии управления карьерным и профессиональным развитием руководителя организации	50	1
ФИНАНСЫ		
Выжитович А. М. Развитие финансового контроля рисков инвестиционных проектов в кластерах	521	4
Камдина Л. В., Симченко О. Л. Оценка экономической эффективности работы нефтедобывающей компании в условиях перехода на режим с налогом на добавленный доход	529	4
Сидоров И. Ю., Калачева Е. А. Инвестиционная деятельность российских негосударственных пенсионных фондов: тенденции, возможности и перспективы	536	4

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2022 том 7 № 4

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

	Стр.	№
Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Модель шеринга как определяющий фактор функционирования современного бизнеса	201	2
Герцик В. А. Трансформация роли потребителя в эволюции маркетинга	70	1
Гришко Н. В., Степанова Ю. Л. Управление деловым партнерством субъектов хозяйствования: системный и процессный подходы	212	2
Гребенкина С. А., Гребенкина И. А. Интеллектуальные транспортные системы в разрезе национальных интересов РФ: новые вызовы и угрозы	444	4
Кизиль Е. В., Нагаев Г. В., Усанов И. Г. Совершенствование методического обеспечения формирования и распределения финансовых ресурсов высшего образовательного учреждения в Российской Федерации	331	3
Козлова Д. С., Быков В. А., Якшилов И. Н. Разработка модели оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации на основе сценарного подхода	342	3
Кондратьев М. В. Социально-экономические эффекты от деятельности агрохолдингов на сельских территориях Новосибирской области: индикаторы и прогнозирование выраженности	451	4
Лапиков А. В. Оценка цифровой зрелости процесса управления персоналом для организации цифрового перехода компании	461	4
Меджидов З. У. Приватизация и концессия как перспективные формы взаимодействия государства и бизнеса: зарубежный и российский опыт	354	3
Пятаев М. В. Крупномасштабные транспортные проекты и экономический рост регионов	472	4
Сапожников П. А., Коложвари Ю. Б. Подход к оценке клиентов IT-компании в контексте повышения эффективности проектной деятельности	225	2
Цветцых А. В., Лячин В. И. Разработка финансовой стратегии предприятия агропромышленного комплекса: теоретические предпосылки и инструменты	98	1
Цыбовский В. Л. Диджитализация предпринимательской деятельности как стратегия перехода к модели smart-предприятия	106	1
Шпак Ю. О., Абрамов В. И. Управление инновационной активностью персонала при цифровой трансформации компаний малого и среднего бизнеса	115	1

Index of articles published in 2022 in the journal Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

	Page	Issue
FINANCE		
Kamdina L. V., Simchenko O. L. Economic Efficiency Assessment of Oil Producers during the Transition to Added Income Tax	529	4
Sidorov I. Y., Kalacheva E. A. Investment Activity of Russian Non-State Pension Funds: Trends, Opportunities, and Prospects	536	4
Vyzhitovich A. M. Financial Management of Risks: Multi-Agency Investment Projects	521	4
MANAGEMENT ECONOMICS: THEORY AND PRACTICE		
Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. Sharing Model as a Determinant Factor of Modern Business	201	2
Gertsik V. A. Transformation of Consumer's Role in Marketing Evolution	*70*	*1*
Grebenkina S. A., Grebenkina I. A. Intelligent Transportation Systems as Part of the National Interests of the Russian Federation	444	4
Grishko N. V., Stepanova J. L. Business Partnership Management of Business Entities: Systemic and Process Approaches	212	2
Kizil E. V., Nagaev G. V., Usanov I. G. Formation and Distribution of Financial Resources of a Higher Educational Institution in the Russian Federation: Improving the Methodological Support	332	3
Kondratyev M. V. Socio-Economic Effects of Agricultural Holdings in Rural Areas of Novosibirsk Region: Indicators and Projection of Their Expression	451	4
Kozlova D. S., Bykov V. A., Yakshilov I. N. Scenario Model for Assessing the Corporate Financial and Economic Performance	343	3
Lapikov A. V. Assessing the Digital Maturity of HR Management as Part of Digital Transition	461	4
Medzhidov Z. U. Privatization and Concession as Promising Forms of Interaction between the State and Business: Foreign and Russian Experience	354	3
Pyataev M. V. Large-Scale Transport Projects and Regional Economic Growth	472	4
Sapozhnikov P. A., Kolozhvari Y. B. Customer Evaluation in IT Business as a Way to Improve Project Activities	225	2
Shpak Yu. O., Abramov V. I. Management of Personnel Innovation Activity in the Digital Transformation of Small and Medium-Sized Businesses	115	1
Tsvettsykh A. V., Lyachin V. I. Financial Strategy of the Enterprise: Theoretical Prerequisites and Instruments	98	1
Tsybouski V. L. Digitalization of Entrepreneurial Activity as a Smart-Enterprises Model Transition Strategy	106	1
REGIONAL ECONOMY		
Aparina N. F., Kavkaeva N. V. Industrial Tourism Potential of an Old Industrial Region	481	4
Batievskaya V. B., Sokolovsky M. V. Labor Productivity of Miners at Open Pits and Mines of the Kemerovo Region	237	2
Belchik T. A., Frolov N. E. Regional Problems of Digital Economic Development	492	4
Cherkashin A. K., Myadzelets A. V. Statistical Optimization of Regional Economy Indices in a Heterogeneous Changeable Environment	255	2

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2022 том 7 № 4

	Page	Issue
Ivanova M. V., Matyunin V. M. Industrial Tourism as a New Trend in the Development of Siberian Single-Industry Towns	501	4
Kotov E. V. Prospects for Neo-Industrialization of a Partly-Recognized State's Economy	243	2
Podzorova G. A., Artemenko A. I., Gryaznova N. L., Komarcheva O. S. Innovative Potential of the Kemerovo Region: Current State and Development Prospects	368	3
Rogova K. V. Effect of Regional Economic Development on Small and Medium-Sized Enterprises: Modern Concept of the Dependency	378	3
Sergienko O. V. Rapid Analysis of Risk of Sustainable Agriculture Development: Socio-Ecological-Economic Approach	89	1
Shabanova L. B., Yusupova G. R., Kabirov I. S. Transformation of the Tourism Industry after COVID-19 Pandemic and Sanctions	511	4
Yashchenko A. V. Formalization of the Electricity Pricing Mechanism for Other Consumers of the Retail Market	125	1
Yudina V. A., Tanina M. A., Bondarenko V. V. Promoting Universities on the International Market: Regional Aspects	395	3
Yusupova G. R. Demographic Situation in the Republic of Tatarstan: Economic Context	266	2
SOCIETY: CULTURAL AND POLITICAL DEVELOPMENT		
Alagoz A. V. Internet and Social Networks as Channels of Communication between Political Parties and Voters in the Kemerovo Region: an Internet Content Analysis	1	1
Dmitrieva N. V., Zavyalova E. A. Ethical Aspects of Advertising: Perception, Evaluation, and Regulation	403	4
Dudnik E. M. The Evolution of Violence Structures in Sports: From Colonialism to Asian-Oriented Capitalism	412	4
Glushakova O. V. The Strategy of State Cultural Policy 2030 and Its Achievability	133	2
Kalashnikova A. L., Poselenova E. Yu., Ineshina S. V., Nalegach N. V., Ragimova F. S., Sinegubova K. V. Semiotics of Corporate Culture of Students in the Kuzbass Flagship University	30	1
Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. Evolution of the Regional Electoral Process in the Kemerovo Region	145	2
Kvasova Yu. A., Leontyeva V. L., Pulkina V. A. Academic Mobility as an Instrument of International Communicative Cooperation	40	1
Mikhaleva A. V. Ethnic Resource in the Construction of Regional Identity by the President of the Republic of Tatarstan in Social Networks	425	4
Nikolaeva K. S. State-Funded Housing for Orphaned Children: Normative Provision of Transfer of State Powers to Local Authorities	12	1
Piskunova A. E. Coal Region as a Discursive Construct: Meanings of Coal in the Kuzbass Media Routine	285	3
Pyankova L. A. Interdisciplinary Analysis of the Scientific Category of Professional Identity	75	1
Shor I. M. Public-Private Partnership in the Russian Education System: Advantages, Problems, and Directions of Development	153	2

	Page	Issue
Shumkin E. M. Institutionalization of Legal Culture	305	3
Sokolov A. V., Abramovsky I. S. Urban Conflict Actors and Their Strategies	20	1
Sukharkova M. P. Volunteers on Volunteering	298	3
Tsvetkova I. V. Homeless Animals in Togliatti: Social Problem and Solutions	60	1
Zazulina M. R. Integrating into the System: Local Self-Government in the Context of the New Federal Reform	275	3
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT		
Kagan E. S., Medyantseva S. G., Ryzhikh K. E. Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation: Performance Assessment	315	3
Kapoguzov E. A., Chupin R. I. Evidence-Based Approach in Industrial Policy Analysis	323	3
Kazakova M. I., Selivanova T. V. Evaluating the Effectiveness of Staff Training in a Digital Environment	435	4
Kempkens O. H. Rumours and Fake News – Effects of Message Credibility on Human Behaviour during the Corona Pandemic	162	2
Khudyakova T. L., Gasanova R. R., Stepanova O. P., Tokar O. V., Arpentieva M. R., Shpakovskaya E. Yu. CEO Career and Professional Management Technologies	51	1
Morozova E. A., Kuznetsova T. A. Career Choice of Youthful Population in the Kemerovo Region	171	2
Pelykh A. Yu. Social and Managerial Transformations in Advocacy Organizations	180	2
Pustovoytenko S. I. Segmentation of Regional Tourist Flows	187	2

Подписано к печати 28.11.2022.
Дата выхода в свет 07.12.2022.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 18,14 Уч.-изд. л. – 16.
Тираж 500 экз. Заказ _____
Цена свободная.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.